

**Государственное бюджетное учреждение культуры
Владимирской области
«Муромский историко-художественный музей»**

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – XI

МУЗЕЙ: КНИГА ОТЗЫВОВ

**Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной столетнему юбилею
Муромского историко-художественного музея**

Муром, 17-19 апреля 2019 г.

**Выкса
2019**

УДК 069+069.15
ББК 79.1
У 18

Редактор: Ю. М. Смирнов

Печатается по решению Ученого совета
ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

У18 Уваровские чтения – XI: Музей: книга отзывов: материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17-19 апреля 2019 г. / Муром. Историко-худож. музей; научн. редактор Ю. М. Смирнов. – Выкса: Издательство ИКСА, 2019. – 276 с.: 152 ил., 6 табл. – Библиогр.: 488 назв.
ISBN 978-5-6042525-3-6

УДК 069+069.15
ББК 79.1

ISBN 978-5-6042525-3-6

© ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Полякова (Москва) <i>Государственная система охраны культурного наследия: история и проблемы</i>	6
В. Г. Пуцко (Калуга) <i>Музейные традиции — часть национального культурного наследия</i>	11
А. А. Кириллов (Ростов) <i>Музеефикация «древности»: историческое воображение и отсутствующие нарративы</i>	16
О. В. Алексеева (Москва) <i>К истории основания Российского Исторического музея</i>	23
В. Г. Пуцко (Калуга) <i>Художественный музей в городе: желаемое и действительное</i>	27
Е. С. Халюкова (Дивногорск) <i>Комплектование художественного фонда в небольшом провинциальном городе: проблемы, решения, итоги</i>	30
Е. В. Николаева (Санкт-Петербург) <i>Музей: сокровищница шедевров. Художественная коллекция А. А. Коровина</i>	36
О. П. Балашова (Касимов) <i>Мемориальная коллекция князей Голицыных в Касимовском историко-культурном музее-заповеднике</i>	42
В. Л. Гуренко (Волгоград) <i>Образ музея в мировоззрении посетителей</i>	47
М. А. Барашев (Владимир) <i>Музейная архитектура Владимирской губернии начала XX века</i>	50
А. В. Солодовникова (Касимов) <i>Музей города, объединившего две культуры: итоги ста лет</i>	58
Н. В. Полонникова (Москва) <i>Выставка от идеи до воплощения: на примере выставочного проекта МГОМЗ «Валенки. От царских дворцов до модных подиумов»</i>	63
Т. Г. Сарачева (Москва) <i>Хранилище исторической памяти: книги отзывов музея «Покровский собор»</i>	68

Н. Ю. Лебедева (Вологда)

*Трансформация музейной экспозиции —
средство эффективности музейно-педагогической деятельности
на базе музея воинской славы структурного подразделения «Алые паруса»
МУДО «Дворец творчества детей и молодежи» города Вологды 76*

А. С. Андронов (Арзамас)

Музейная педагогика. Опыт музея Русского Патриаршества 79

В. В. Гончарей (Владимир)

*История первичной организации ДОСААФ во Владимирском
политехническом институте (по материалам музея истории ВлГУ).....86*

Т. С. Дарьина (Владимир)

Письма детей Уваровых из собрания Государственного архива Владимирской области ... 89

Т. О. Галкин (Владимир)

*Два письма к графине П. С. Уваровой
из фондов Государственного архива Владимирской области94*

Н. В. Молева (Нижний Новгород)

*Дионис и его фиас в коллекции терракот
из фондов Муромского историко-художественного музея 97*

С. В. Красулина (Владимир)

*Исследования и реставрация картин И. С. Куликова
из собрания Муромского историко-художественного музея104*

Л. И. Глущенко, Ю. М. Смирнов (Муром)

*К биографии художника русского авангарда Афроима Борисовича Волхонского
(по материалам архива МИХМ).....108*

Е. А. Васильченко (Муром)

«Иной за буквой видит жизнь...» (Дневник М. В. Мельникова из собрания МИХМ) ...124

А. С. Мохова (Муром)

Атрибуция оружия и доспехов Восточной Африки (из коллекции МИХМ) 130

О. А. Сухова (Муром)

«Собор Муромских святых»: истоки и формирование иконографии 135

Т. Б. Купряшина (Муром)

Адреса муромского музея158

С. В. Очеретина (Владимир)

*Итоги археологических раскопок 2018 года
в юго-восточной части исторического центра Мурома183*

В. Ю. Неупокоева (Муром)*Гончарные клейма древнего Мурома**(из коллекции Муромского историко-художественного музея).....188***А. И. Кузьмина (Выездное)***Развитие гончарного ремесла в Арзамасском крае в конце XIX — начале XX вв.**(на основе коллекции керамики Музейно-выставочного центра Арзамасского района).. 192***А. Г. Кравков (Москва)***К истории Муромского служилого города.**Список с разборной десяти муромцев 1649 г..... 196***В. Е. Ершов (Муром)***Территория и землевладение Муромского уезда**по состоянию на конце 20-х годов XVII века..... 209***А. М. Кучинов (Москва)***Муромские реликты в Шатурской и Гусь-Хрустальной истории.....214***О. А. Тилова (Екатеринбург)***Три поколения Осорьиных**в опубликованных документах конца XVI — первой половины XVII века 224***Н. В. Киприянова (Владимир)***Посадские жители г. Мурома (по материалам первой ревизии).....228***Г. А. Пудов (Санкт-Петербург)***О маркировке сундуков Муромского уезда Владимирской губернии**(XIX — первая половина XX века)..... 232***Е. С. Бутрин (Иваново)***Дело об ограблении муромского купца П. В. Цыбузгина**в контексте криминальной истории с. Иваново в середине XIX в.237***М. А. Виноградов (Москва)***Фотографии волостного старшины Ф. Е. Куликова как исторический источник 244***Г. В. Филимонова (Нижний Новгород)***Архивные фотографии Чудских храмов..... 248***А. Н. Журухин (Красная Горбатка)***Моленный дом крестьянина Александра Толузакова**в деревне Ивонино Тучковской волости Судогодского уезда Владимирской губернии .. 252***С. С. Михайлов (Москва)***Из истории ассирийской диаспоры в городе Муроме.....261***Н. Ю. Лебедева (Вологда)***«О родине думая свято» (заметки о моей семье).....269*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Особенностью сохранения культурного наследия в нашей стране, в отличие от других стран, является его государственная основа. Именно государство, его государственные структуры, законодательство об охране памятников — фундамент этого процесса. Такую систему охраны можно определить как государственную вертикаль (центральное и региональные учреждения), действующую в тесном контакте с общественными организациями и опирающуюся на общероссийское законодательство. Особенностью отечественной охраны культурного наследия является государственная форма собственности на памятники.

В 2018 году научная общественность отмечала столетний юбилей существования государственной системы охраны наследия. Накоплен значительный опыт этой «опеки», который позволяет сделать однозначный вывод: в настоящее время государство не в состоянии сохранять свое национальное достояние. Причин для этого достаточно — и слабо действующее законодательство в сфере охраны культурного наследия, и мизерность региональных бюджетов, не позволяющих достойно содержать уникальные объекты, и недостаток квалифицированных кадров. А главное — ныне действующая диктатура законов рынка, безоговорочно навязывающая свои условия «купли-продажи» культурных ценностей. Как следствие всего этого — застройка исторических городов и центров мегаполисов высотными доминантами, быстрая и дешевая «фантазийная реставрация», замена очень важных понятий: подлинные объекты все чаще заменяются на туристическом рынке яркими декорациями, новоделами, привлекательным для публики неким «историческим флером».

Государственная охрана культурного наследия — процесс сложный. В различные исторические периоды он имел свои особенности. Начиная с XIX века государство, осуществляя свои правовые функции, проводило практическую охрану памятников, их учет, финансировало реставрационные работы. Это проходило в контакте с обще-

ством — учеными, коллекционерами, краеведами. Однако далеко не всегда эти две силы — государство и общество — действовали согласованно. В XIX — начале XX века при достаточно высокой активности научных обществ в изучении памятников старины государственной системы охраны не существовало — наследием занимались различные ведомства. Единственным учреждением, координирующим эту сферу, была Императорская археологическая комиссия при Министерстве императорского двора (1859)¹.

В советскую эпоху мнение ученых, научных и общественных организаций нередко игнорировалось. Научные общества, которые ранее действовали довольно успешно, в 1923 году распоряжением НКВД были закрыты. Большое влияние на государственную охрану культурного наследия оказывали политические факторы (без этого контекста трудно себе представить многие периоды советской истории). На протяжении ряда десятилетий советской эпохи идеологические установки приводили к формированию утилитарно-нигилистического отношения к культурному наследию. Синодик разрушенных уникальных объектов конца 1920-х, 1930-х годов, «хрущевской оттепели», 1990-х годов очень велик.

Вместе с тем было бы неправильным оценивать государственную охрану культурного наследия только негативно. Были периоды, когда важнейшие задачи спасения и сохранения объектов культурного наследия решались государственными органами вполне успешно. Как уже отмечалось, в первые послереволюционные годы сформировалась государственная система охраны памятников искусства и старины. Централизация управления памятниками старины в те годы была необходима в силу сложившейся ситуации — в стране проводилась политика «военного коммунизма». В центре этой системы находился Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (Музейный отдел) в системе Наркомпроса РФ, созданный 28 мая 1918 мая. Во главе отдела сто-

яла Н. И. Троицкая. Музейный отдел плодотворно работал и при всех противоречиях этого периода успешно решал задачи обследования усадеб и вывоза в центр и губернские музеи культурных ценностей, выдачи охранных грамот и контроля за реализацией изданных декретов². Структура Музейного отдела (осень 1918 года) свидетельствует о широком круге проблем, которыми занимались сотрудники. Это были подотделы:

- национального музейного фонда (во главе И. Э. Грабарь);
- столичной охраны памятников (М. М. Хуссид);
- провинциальной охраны памятников (Т. Г. Трапезников);
- центральных музеев (П. П. Муратов);
- провинциальных музеев (Н. Г. Машковцев);
- монументальной регистрации (Н. Б. Бакланов);
- архитектурной и живописной регистрации (И. Е. Бондаренко);
- археологический (В. А. Городцов)³.

Принципиально важное место в этой «государственной вертикали» занимали региональные органы охраны памятников искусства и старины, подчинявшиеся непосредственно Музейному отделу Наркомпроса. К осени 1920 года в масштабе республики было образовано 64 губернских и уездных подотдела, несколько позже их стало 69⁴.

Декреты 1918 года, процесс реализации которых контролировал Музейный отдел, были важнейшими для охраны памятников искусства и старины. 19 сентября 1918 года был утвержден Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения». Этот декрет выполнялся неукоснительно, к его реализации была подключена ВЧК⁵.

Основополагающим документом в становлении государственной охраны памятников искусства и старины стал Декрет от 5 октября 1918 года «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Этот документ объявлял «первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых

памятников искусства и старины», то есть государство становилось обладателем информации обо всех культурных ценностях, в чьей бы собственности они не находились. Кроме того, государство устанавливало жесткий контроль за всеми памятниками старины (прежде всего, «вещевыми»). Владельцам коллекций выдавались охранные грамоты. Принятые на учет памятники нельзя было продавать, вывозить, а также перестраивать без особого разрешения Наркомпроса. Инструкция к этому декрету уточняла права собственников культурных ценностей. Владелец коллекции должен был составить инвентарную опись своей коллекции, которая передавалась в Наркомат просвещения. Владелец фактически становился хранителем своей коллекции.

Таким образом, этот декрет был, по сути, законом о национализации культурных ценностей. Не случайно буквально через месяц последовал декрет о национализации художественной галереи С. И. Щукина (от 5 ноября 1918 г.); 19 декабря этого же года государственной собственностью объявлены художественные собрания А. И. Морозова, И. С. Остроухова, В. А. Морозова. Передача этих коллекций государству была добровольным актом, но коллекционеры прекрасно поняли суть принятого декрета и чуть опередили практические шаги его реализации⁶.

Результатом первого этапа существования государственной охраны памятников искусства и старины стало спасение огромного объема культурных ценностей (усадебных, дворцовых), вывезенных из покинутых владельцами усадеб и дворцов. На их базе было создано большое количество музеев — музеев-усадеб, музеев-дворцов, музеев-монастырей. Бывшие частные собрания стали основой интереснейших художественных и историко-бытовых музеев. Но нельзя не отметить, что при всех достижениях этого периода государственная политика нового правительства по отношению к культурным ценностям была очень противоречивой. Памятники объявлялись достоянием народа, но ценные, а нередко и уникальные предметы вывозились в Европу на аукционы. Исследователи выделяют два пика «распродаж» культурных ценностей на государственном уровне: в 1920-е годы через Антикварный экспортный фонд (который возглавлял А. М. Горь-

кий) и конец 1920-х — начало 1930-х годов, когда проходили так называемые «сталинские распродажи» и вывоз культурных ценностей увеличился в десять раз. Причиной распродаж была объявлена индустриализация: страна строила тяжелую промышленность, для этого ей нужны были средства⁷.

Сформированная в 1918 году государственная системы охраны памятников искусства и старины в 1920-е годы постепенно начала разрушаться. После перехода к новой экономической политике в стране начался процесс децентрализации. Это коснулось и культуры. Многие памятники искусства и старины, поставленные на государственный учет в 1918 году, в 1920-е годы передавались на региональный бюджет, снимались с учета и фактически обрекались на разрушение. Региональный бюджет был мизерным, после двух войн страна находилась в разлухе, все местные средства тратились на восстановление экономики. На культуру денег не хватало. Проблема финансирования стала определяющей в сохранении уникальных объектов. В конце 1920-х годов началось «ранжирование» памятников на отдельные категории (всего их было четыре). Для каждой категории определялась и форма охраны. В последней, четвертой, категории памятники охранялись фрагментарно. Под разными предлогами памятники снимались с учета и лишались финансирования⁸.

Финансовые трудности в сфере культуры привели к резкому сокращению штатов в музеях и государственных учреждениях, в том числе Наркомпросе. Это коснулось и Музейного отдела. В 1925 году И. Э. Грабарь писал, что Музейный отдел вынужден был сократить свою деятельность на 75 %. В 1927 году в отделе осталось только девять человек (в 1919 году — 473). Резко сократилась и региональная сеть государственных учреждений. К маю 1923 года количество региональных органов сократилось до тридцати двух, штат их сократился до одной единицы. Немаловажную роль в сокращении деятельности Музейного отдела (юридически он не был закрыт, вместо него создана Музейная группа, преобразованная в 1933 году в Музейно-краеведческий отдел) сыграла и политическая ситуация. Политическая борьба сделала фигуру Л. Д. Троцкого одиозной, все его сторонники были сняты с высоких постов. Такая ситуация не могла не отразиться и на дея-

тельности Музейного отдела, возглавляемого его женой. В Наркомпросе началась перестановка кадров — на смену квалифицированным специалистам пришли представители новой партийной номенклатуры, чаще всего недоучившиеся студенты, то есть совершенно случайные люди в сфере охраны памятников.

Таким образом, к концу 1920-х годов на государственном уровне памятниками стало заниматься просто некому. Одной из причин многочисленных разрушений памятников искусства и старины было отсутствие финансирования, второй, очень существенной причиной, стало разрушение государственной системы охраны.

Робкой попыткой реанимации государственной системы охраны памятников искусства и старины явилось создание в 1932 году Межведомственного комитета по охране памятников революции и культуры при Президиуме ВЦИК РСФСР. В состав Комитета вошли представители ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, ЦГРМ, ГАИМК, ГИМа, Музея революции СССР. Во главе Комитета стоял А. С. Бубнов. Памятники союзного значения находились под «опекой» Управления по охране памятников Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР, созданного в 1936 году. В регионах непосредственными исполнителями, подчинявшимися музейно-краеведческому отделу Наркомпроса, были краевые и областные отделы народного образования. На местах должны действовать уполномоченные Комитета и осуществлять контроль за расходованием средств, надзор за эксплуатацией памятников.

Попытка реанимации государственной системы охраны памятников в 1930-е годы большого успеха не имела. Штат Музейно-краеведческого отдела был мизерным и сколько-нибудь значительной роли в деле охраны памятников он не играл. Деятельность региональных отделов народного образования ограничивалась отсутствием средств и острой кадровой проблемой.

Реформирование государственной системы охраны памятников произошло уже после Великой Отечественной войны, когда были созданы Министерство культуры СССР и Министерства культуры союзных республик. В ведение Министерства культуры СССР вошли созданный

в 1948 году Научно-методический совет по охране памятников и Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР). В систему Министерства культуры РСФСР были включены Управление музеями и охраной памятников и Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская (ГЦХРМ) им. И. Э. Грабаря. Реформы государственной охраны памятников продолжались и в последующие годы — в 1959 году начавшее эффективно работать Управление музеями и охраной памятников было преобразовано в отдел со значительно сокращенным штатом, вошедший в состав Главного управления культпросветработы. Уязвимым элементом в системе государственной охраны памятников оставалась проблема региональных органов охраны. В управлениях культуры предусматривалась должность инспектора по охране памятников, нередко совмещавшего эту работу с курированием региональных музеев, парков и зоопарков. Только в 44-х регионах из 73-х были созданы хозрасчетные производственные мастерские по охране и использованию памятников.

Итак, столетняя история существования государственной охраны культурного наследия дает нам как позитивный, так и негативный опыт. Всегда государственные органы охраны памятников испытывали острый недостаток средств и отсутствие квалифицированных кадров. Именно поэтому таким слабым звеном во всей государственной системе была деятельность региональных органов охраны. Не секрет, что эти проблемы актуальны и сегодня. В послевоенные годы попытки восстановить государственную систему охраны «разбивались» о продолжающиеся вплоть до сегодняшнего дня ведомственные и кадровые перестановки, что приводило и приводит к «ведомственной чехарде». Это никогда не шло на пользу дела.

Важно отметить, что роль общественной инициативы в советскую эпоху была очень незначительной. Единственной общественной организацией, которая могла как-то действительно влиять на сохранение объектов культурного наследия, было Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Вместе с тем, несмотря на острые неразрешимые проблемы, государственные учреждения, реставрационные ма-

стерские сохраняли, восстанавливали, музеефицировали уникальные объекты культурного наследия. Иногда, вопреки политике партии и правительства, профессионалы — архитекторы, музейные работники, реставраторы — сохраняли национальное достояние. Уместно вспомнить высказывание главного хранителя Исторического музея, эксперта А. В. Орешникова. В 1920-30-е годы в ответ на обвинение в его лояльности к советской власти он заметил: «Я переношу молча все невзгоды от власти большевиков только ради моей родины, ради спасения тех сокровищ, которые мне вверены. Молю Бога, чтобы он дал мне сил довести благополучно до конца немногих дней, которые остается жить, мои гражданские обязанности»⁹.

Экономическая и социокультурная ситуация в постсоветской России коренным образом изменила государственную систему охраны памятников. С распадом СССР были упразднены структуры по охране памятников, входившие в Министерство культуры СССР. В начале 2000-х годов центральным учреждением по охране памятников, сформированным в системе Министерства культуры РСФСР, стал Отдел (инспекция) охраны недвижимых памятников. Была также создана Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (Росохранкультура). В результате реформирования Министерства культуры РФ с 2011 года главным федеральным учреждением стал Департамент контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия. В регионах РФ действуют несколько моделей учреждений охраны памятников — комитеты, отделы охраны, главные управления.

Таким образом, ныне в сфере охраны культурного наследия все также доминируют принципы государственной охраны, что соответствует многолетним российским традициям. Современная же ситуация с различными формами собственности на объекты культурного наследия требует новых управленческих решений в этой сфере. Государство перестало быть гарантом сохранения наследия, назрела необходимость создания организаций неправительственного сектора сферы наследия¹⁰. Важнейшим доводом в пользу этого положения является заметное усиление общественной инициативы в сфере охраны наследия.

- ¹ Полякова М. А. Культурное наследие России. Сохранение и актуализация. — М., 2018. — С. 51-88.
- ² Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920 гг. — М., 1989. — С. 156-177.
- ³ Кузина Г. А. Государственная политика в области музейного дела в 1917-1941 гг. // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII-XX вв.). — М., 1991. — С. 108.
- ⁴ Жуков Ю. Н. Указ. соч. — С. 178-223.
- ⁵ Охрана культурного наследия России XVII-XX вв. — М., 2000. — Т. 1. — С. 391.
- ⁶ Там же. — С. 392, 394, 396.
- ⁷ Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. — 1991. — № 2, 3.
- ⁸ Еженедельник Наркомпроса. — 1928. — № 3.
- ⁹ Орешников А. В. Дневник. 1915-1933. — М., 2010. — Т. 2. — С. 330.
- ¹⁰ Публикации в периодических изданиях последних лет: «Московском наследии», журнале «Охраняется государством». Один из номеров «Охраняется государством» полностью посвящен зарубежному и отечественному опыту сохранению культурного наследия в условиях современной рыночной экономики (Охраняется государством. Экономика наследия. — 2018. — № 2).

В. Г. Пуцко (Калуга)

МУЗЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ – ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Существование музеев давно стало обыденным явлением, и о различных обстоятельствах, сопровождавших их возникновение, вспоминаем чаще всего в связи с юбилейными датами. Они занимают несколько неопределенное положение в общественной жизни. Крупные музеи воспринимаются как сокровищницы исторических материалов и художественных произведений, имеющие национальное или даже мировое значение. Местные музеи большей частью могут претендовать на роль просветительных учреждений с ярко выраженным краеведческим уклоном. Создается впечатление о двух мирах, параллельных и практически изолированных друг от друга. Задачи и реальные возможности у них оказываются разными. Разумеется, разным оказывается и научный уровень. Первые объединяют наиболее квалифицированные кадры, тогда как вторые чаще всего вынуждены отдавать предпочтение различным формам работы со зрителем. И если кто в пылу увлечения исследовательской работой забывает об этом, то ему неизменно напомнят, назвав его местным исследователем, дав понять, что речь идет о сфере их влияния.

Время и причины возникновения музеев оказываются весьма различными, как и характер их собраний. Основой для Сергиево-Посадского музея-заповедника послужила богатейшая ризница Троице-Сергиевой лавры¹. Долгую и сложную историю имеет комплектование картинной галереи Государственного Эрмитажа². А ведь это лишь одна из составляющих из числа самых крупных в мире музейных учреждений, располагающего также обширными археологическими коллекциями. Среди них особое место занимают восточные со своей спецификой³. Свообразным было возникновение и развитие таких учреждений, как Государственный Исторический музей и Государственная Третьяковская галерея в Москве, Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге. Все они имели ядро, затем в процессе эволюции существенно усложняли

структуру, нередко очень обогащались за счет ликвидируемых не столь значительных собраний в столице и провинции. Насколько положительным был этот процесс? С одной стороны укрупнение коллекций оказывалось удобным для исследователей, а с другой – многочисленные памятники отрывались от своей исторической среды, превращаясь в наполовину обезличенные «единицы хранения», коллекционный материал, утративший свою индивидуальность. Это относится, в частности, к русской деревянной скульптуре и, особенно, к предметам художественного ремесла. Произведения существуют, но их восприятие как исторического источника уже серьезно затруднено.

Собирательство, комплектование музейного собрания представляет один из труднейших видов работы, требующий одновременного проявления активности и осторожности. С одной стороны, те музеи, которые унаследовали или сумели получить каким-либо путем уже существовавшие коллекции, в течение определенного времени могут считать себя обеспеченными материалом для экспонирования и изучения; с другой, – не исключено присутствие сомнительных по происхождению и слабым по уровню исполнения работ. Особую категорию составляют копии, и среди них могут оказаться воспроизводящие не сохранившиеся произведения живописи, приобретающие в таком случае ценность первоисточника. Скажем, портрет с формальными признаками принадлежности кисти Д. Г. Левицкого, но с более жесткой и упрощенной манерой письма. Но, поскольку известно, кто именно представлен на портрете, он, в любом случае, остается примером иконографии. В скульптуре, часто в музеях представленной ограниченным количеством образцов, приходится довольствоваться даже гипсовыми копиями, особенно тонированными. И только благодаря им можно получить представление о недоступном оригинале работ автора эпохи Возрождения или русского мастера второй половины XVIII века.

Распознавание вещей традиционно относят к проявлению знаточества. Чтобы им владеть, нужны обширные знания материала и многолетняя практика работы, в значительной мере преемственность. Конечно, не исключены ошибки, и их происхождение может быть обусловлено самыми различными причинами. Например, когда-то оказалась неправильно прочтенной подпись автора, и на этой основе успел появиться целый ряд приписанных не тому лицу произведений. Хорошо, если подвернется случай, позволяющий все поставить на свое место. Так на протяжении столетия обстояло дело с определением авторства изваяния «Ночи» как работы французского скульптора Этьенна Коллэ (1761-1843), тогда как в действительности это произведение Жозефа Полле (1814-1870), у которого целая серия подобных фигур. Причиной ошибки явилось начертание первой буквы фамилии со слишком маленькой петлей.

Приведенные случаи относятся к произведениям, оказавшимся в музее в первые после-революционные годы из окрестных усадеб, еще не разгромленных окончательно. Комплектование музейной коллекции тогда проводилось по принципу: все из возможного. Определение материала, конечно, отражало уровень тогдашних знаний. Изредка посещавшие музей именитые искусствоведы могли обратить внимание лишь на отдельные экспонаты, художественная ценность которых была очевидной. Комплектование собрания целиком ложилось на плечи местных сотрудников, трудом которых в течение десятилетий последовательно и упорно вырабатывались традиции, позволявшие реализовать стремление отразить процесс развития явно не на первоклассном материале.

Собирание музеями художественных произведений роковым образом совпало с их перераспределением, целью которого явилось стремление сосредоточить самые выдающиеся работы в нескольких столичных и отдельных провинциальных хранилищах, интересы которых было кому представить в Государственном музейном фонде. Конечно, никого при этом не заботило, что разрушаются тщательно составленные бывшими владельцами коллекции, такие, как князя Д. С. Горчакова в усадьбе Барятино⁴.

Собрание так усердно распылили, что местонахождение некоторых произведений не уда-

ется установить по сей день. Реализовали свои интересы также Антикварный экспортный фонд и Мосторг. Изымали картины и портреты по мере надобности и позже, по различным причинам. Большие потери ощутили музеи затем в период оккупации. Конечно, были в довоенный, и в послевоенный период поступления, но они не шли ни в какое сравнение с ценностью утраченного. Так собирательство причудливо соединилось с расточительством. Это очень осложнило постижение культурного наследия.

С учетом сказанного можно понять, в каком контексте создавались музейные традиции. К счастью, первое поколение музейных работников советского периода было представлено в основном интеллигенцией. В музеи пришли работать художники, историки, археологи, этнографы, которые оказывались энтузиастами своего дела. Они стремились спасти все, что имело историческую ценность. Многие из них позже поплатились за то, что собирали образцы дворянского и купеческого портрета, иконы и церковную утварь. Работали в тяжелейших условиях. Но именно их трудом пополнялись музейные фонды. Большого при отсутствии специальной литературы и доступа к столичным библиотекам они не могли сделать. Здесь речь идет о провинциальной среде. Столичные же музейные хранилища приняли такое количество произведений, что в течение почти столетнего периода оказались не в состоянии разобрать и опубликовать даже те из них, которые могут занять видное место в истории русского искусства.

В предвоенные годы, по мере ослабления нигилизма по отношению к наследию прошлого, явно обнаруживается интерес к реалистической живописи, образцы которой все активнее включаются в музейную экспозицию, устраиваются выставки графики, русской и зарубежной. Затем приходит пора динамичного комплектования фонда отечественного искусства, вызванного острой необходимостью снизить результат военных потерь, в ряде случаев невозможных. В перечне авторов навсегда исчезли некоторые имена. Пропавшие работы не были найдены либо успели стать собственностью других музеев. Сторонники реституции пользуются ее принципом преимущественно по своему усмотрению. Музеи проводили закупки произведений, но для этого не всегда были сред-

ства и, как правило, их расходовали преимущественно для приобретения работ местных авторов.

Вполне естественно, что собирание музеем материала предполагает его последующее изучение. В идеале оно должно бы охватывать весь фонд произведений, но для реализации этого намерения нужно очень много времени вместе с реальной возможностью доступа к широкому кругу памятников, образующих культурный контекст. Такие условия могут существовать лишь в крупных столичных музеях и в исследовательских институтах академического типа. Сотрудники же «типового» музея обречены на бездействие, если они не мыслят себя без научного творчества, сопряженного с трудностями и риском. Дирекция может заявить, что музей не научное учреждение и основной является массовая работа. Все здесь зависит от благоусмотрения руководства. Хорошо, если оно понимает, что «немые» экспонаты приносят мало пользы, а извлечение из них нужной информации требует знаний и усилий. Крайне трудно бывает определить конечные результаты планируемой работы, равно как и объем времени, необходимый для ее выполнения. Бывает, что для поисков одной нужной справки затрачивается несколько дней. Поэтому утвержденные Министерством культуры России типовые отраслевые нормы труда на работы, выполняемые в музеях, слишком условные. Например, сбор материала и написание статьи явно не требуют одинакового времени, уже по той причине, что часть материала «добирается» в процессе работы над текстом.

В условиях музейной работы исключительно важную роль играют атрибуции произведений, предпочтительно в форме докладов или статей. Этот жанр наиболее трудный и вместе с тем весьма уязвимый, поскольку практически можно опровергнуть почти любой вывод, если он документально не подтвержден. А архивные данные о произведениях искусства, в отличие от Италии и Далмации, у нас оказываются исключительной редкостью. И выстраивание типологических рядов серьезно затруднено в значительной мере закрытостью музейных фондов, а также неопределенностью характеристик конкретных произведений. Поэтому в течение длительного времени исследователь вынужден «обламывать ногти» в ожидании каких-либо результатов, по причине упорного

молчания владельцев сравнительного материала. Еще большую трудность представляет получение снимков, стоимость которых порой определяется в фантастических цифрах, иногда превышающих пени самих оригиналов. Эта проза жизни способна отпугнуть любого романтически настроенного исследователя от занятий делом, в котором за минуты синтеза приходится расплачиваться годами анализа. И, тем не менее, находятся смельчаки, способные на такие жертвы.

Существует еще одна закономерность, воспринимаемая как парадокс: чем скромнее и неприемнее исследуемое произведение, тем больше оно требует усилий в его атрибуции. В ряде музеев представлены копии картины «Итальянки у фонтана» с фальшивой подписью К. П. Брюллова (с одним «л», притом, что одна фигура с двумя левыми ногами). Эти копии «тиражируются» и сегодня. У выдающегося мастера такой композиции нет, и кто именно является автором ее оригинала, определить затруднительно, даже в результате поиска среди работ русских и иностранных живописцев. Помочь может только случай.

Надо заметить, что на фоне столь безрадостной ситуации в течение десятилетий продолжают появляться многочисленные атрибуции, выполненные не в соответствии с существующими условиями, а скорее вопреки им. К сожалению, их авторы не всегда имеют возможность представить их в печати с необходимыми аргументами, поскольку доступные всем сборники находятся в определенных руках, и доступ в них серьезно затруднен. А провинциальные издания большей частью не в состоянии печатать столь специфический материал, скучный для широкого читателя. Тем не менее, работа не прекращается, и традиция проведения атрибуционных исследований продолжает жить.

Значительно реже встречаются новые концепции, обычно служащие завершением большой разноплановой работы, практически доступной лишь немногим из музейных работников. Их продвижение требует не меньших усилий, чем оформление изложения, поскольку потенциально угрожают ломкой устоявшихся представлений. Это болезненно ощущается даже на уровне расширения охвата материала выходящего за рамки хрестоматийного, привычного со школьных лет.

Но эволюция все же происходит, и задержать ее не в силах никакие авторитеты, позиция которых еще недавно казалась незыблемой. Примером может служить отношение к классическому наследию, еще сравнительно недавно воспринимавшемуся как тормоз на пути к прогрессу.

Неотъемлемой частью музейной традиции остается потребность в обзорных работах и путеводителях. Обзоры могут иметь различную форму, от схематичной до представляющей серию популярно оформленных очерков, как книга А. Д. Фатьянова об Иркутском художественном музее⁵. В любом случае обзор должен быть содержательным, информативным, и тогда он сохраняет свою востребованность даже по истечении времени, как это случилось с калужским изданием 1929 года, устаревшим, но не утратившим свою привлекательность⁶. Подобная литература с ее «экскурсиями» очень актуальна, и небольшие по объему брошюры обычно чаще пользуются спросом, чем увесистые тома, к сожалению, не часто выходящих из печати сборников. Многие работы в лучшем случае оседают в музейном архиве, но бывает и так, что исчезают бесследно. Новые поколения не всегда сознают, что пожелтевшие от времени страницы обязаны человеческой жизни. Нередко они могут служить предостережением от повторения уже проделанной работы с ее определенными результатами. Так, в архиве Калужского художественного музея оказалась рукопись большой статьи Н. М. Маслова «Калужская художественная керамика», датированная 1944 годом, которая была издана в 2001 году как не утратившая свою научную ценность⁷. В ней речь идет о развитии керамического производства в крае с XVII века, прослеживаемого с редкой обстоятельностью. Автор статьи был научным сотрудником музея, тем самым, который предотвратил вывоз фашистами в Германию уже упакованных нескольких ящиков с художественными произведениями⁸.

С течением времени исследованиями охватывается все большее количество произведений, принадлежащих широко известным, равно как и забытым авторам, тем, кто внес свой посильный вклад в развитие искусства. Наследие последних быстро забывается, когда уходят из жизни их современники, способные уточнить биографи-

ческие данные и определить персоналии портретированных. Временами эту работу стимулирует устройство персональных и тематических выставок, позволяющих представить на широкое обозрение экспонаты, обычно находящиеся в фондах. В какой-то мере это уже укорененный обычай. Еще лучше, если от таких выставок остаются следы в печати, пусть самые скромные: иначе из музейных отчетов окажется возможным уяснить только сроки проведения и количество экспонатов.

Формирование музейных коллекций, их хранение и экспонирование, а также изучение имеют в большинстве случаев устойчивую традицию, не пресекавшуюся даже в самые неблагоприятные периоды, когда на первое место выдвигалась работа в колхозе. Правда, о ней совершенно забывали, когда в конце года надо было составлять отчет. Однако при любых условиях оставалась актуальной просветительская деятельность, отвечавшая на запросы общества и времени. Готовили циклы лекций с самой разнообразной тематикой, устраивали передвижные выставки, преимущественно в сельской местности. В последнее время особое внимание уделяется различным формам работы с подрастающим поколением, занимательным и выявляющим творческие способности каждой отдельной личности.

К счастью, сегодня уже изжит взгляд на научную работу как ненужную в музее, но условия для ее проведения не везде оказываются идеальными. Да и самих сотрудников она порой отпугивает своей сложностью, требованием не щадить себя. Гораздо перспективнее представляется защита кандидатской диссертации на любую подходящую тему. Тем не менее, традиции проведения исследований в музейных стенах существуют и устойчиво осознаются как составляющая национального культурного наследия. Без них музеи давно превратились бы в разновидность складских помещений с «замороженными» экспонатами. Между тем, музеи живут своей размеренной жизнью, несмотря на все сложности и не всегда поддерживаемые связи. Объединяет общность интересов, общение на проводимых конференциях и взаимное уважение к коллегам, хорошо понимающих, что откапывать мертвое предпочтительнее, чем закапывать живое.

¹ Ризница Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2014. — Т. I-II.

² Левинсон-Лэосинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764-1917). — Л., 1986.

³ Банк А. В. Восточные собрания Эрмитажа. (Общая характеристика, основные линии исследования). — Л., 1960.

⁴ Зверева М. В. Художественное собрание князя Дмитрия Сергеевича Горчакова (1828-1907). Картинная галерея

и коллекция рисунков. — Калуга, 2004.

⁵ Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. — Иркутск, 1990.

⁶ Художественный отдел Калужского областного музея. — Калуга, 1929.

⁷ Маслов Н. М. Калужская художественная керамика // Родная старина. — Калуга, 2001. — С. 7-30.

⁸ Кончин Е. Картины, опаленные войной. — М., 2000. — С. 156-175.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ «ДРЕВНОСТИ»: ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ОТСУТСТВУЮЩИЕ НАРРАТИВЫ

*Люди хотят что-то увидеть. Приходят на Аркаим и говорят:
«Здесь ничего нет, ничего не видно, вы все выдумываете, сочиняете».
Из выступления Г. Б. Здановича¹
на VI конференции по авестийской астрологии,
Минск, 19 апреля 2010 г.*

*Новые музейные и выставочные практики соответствуют
меняющимся ожиданиям аудитории. Все большее количество зрителей
ищет сильных ощущений, мгновенных откровений,
грандиозных выставок скорее, чем серьезного и тщательного освоения
культурных знаний.
Гюйссен А. Бегство от амнезии: музей как массмедиа.*

Существует прямая зависимость между двумя факторами, которые влияют на интенсивность производительности «исторического воображения» — объем археологического материала и привязанный к нему нарративный цикл. Чем больше объем археологического материала (обширность площади изыскания, неоднородность артефактного ряда, множественность культурных наслоений) и меньше сопровождающих их нарративных источников — тем древнее, в глубь веков, стремится погрузить наблюдателя и исследователя его «историческое воображение». Историческое знание, сталкиваясь с ситуацией отсутствия, полного или частичного, о своем объекте исследования социальной памяти, стремится максимально быстро компенсировать этот пробел процедурой установления соответствия. Соответствия между конструируемой в процессе исследования исторической системой знания и объясняющей ее актуальностью «большого нарратива» или эмблематического литературного массива. Выявление ситуаций, сопровождающих археологические и краеведческие изыскания в условиях «отсутствующих нарративов» и попытки установить «древность факта» с «древностью текста», представляют огромный интерес с точки зрения рассмотрения механизма действия исторического воображения и его популяризованных ипостасей. В своей статье, позднее ставшей частью книги «Тропик дискурса»²,

«Исторический текст как литературный артефакт» Х. Уайт формулирует гипотезу о том, что философия языка может способствовать пониманию того, «что вымышлено в якобы реалистичных репрезентациях мира и что реалистично во всем явно вымышленном»³.

Феномен «работы» исторического воображения, привязанный к конкретной историко-археологической ситуации, представляет собой актуальный интерес и исследовательскую перспективу, так как выводит нас за рамки литературного вымысла и поэтического символизма, художественных образов и фантазий. Как отмечал американский историк Х. Уайт, в случае с историческим воображением исследователи имеют дело не с фрагментами реальности или ее объективированной проекцией, а с дискурсивными практиками, обеспечивающими эффект правдоподобия — воображение в работе историка вступает в действие на последней стадии его труда, когда становится необходимым обозначить логику рассуждений или составить нарратив, в которых и репрезентировать свои изыскания⁴.

В основе производства историческим воображением ключевых образов и символов, объяснительных метафор и правдоподобных метанимий находится необходимость выявления и актуализации такого сложного конструкта, как «историческое наследие». Именно его предъявление

и актуальная визуализация выступает важнейшим мотивом для исторического наследия, которое приобретает узнаваемый характер, ожидаемый статус «величия прошлого» и все другие соответствующие жанру аллегории характеристики «подлинности». Внутренняя историко-психологическая механика действия исторического воображения достаточно точно описана английским историком Д. Тошем, и строится она на череде операций, связанных с осознанием утраты, чувством ностальгии, ассоциацией с «историческим наследием» и моральной идеализацией прошлого: «Чувство утраты является частью впечатлений от посещения исторических памятников, ассоциирующихся с „наследием“. Проблема с ностальгией заключается в том, что это крайне односторонний взгляд на историю. Чтобы превратить прошлое в комфортабельное убежище, все его негативные черты следует удалить... В таких случаях, по выражению Рафаэля Сэмюэла, прошлое играет роль не столько истории, сколько аллегии: „Это свидетельство упадка манер и морали, зеркало наших недостатков, мера отсутствия... Через процесс избирательной амнезии прошлое превращается в исторический эквивалент мечты о первозданной чистоте или зачарованного пространства, ассоциируемого в памяти с детством”»⁵.

В рассматриваемом нами феномене «открытия» и музеефикации таких интересных и важных в исторической и культурной перспективе объектов, как «Аркаим — страна городов», «Чердынь Великая — сердце древней Пармы», «Донская Троя — древнейшая крепость в Европе», примечательна сама ситуация отсутствия базового исторического повествования и соответствующей ей нарративной среды (как пример — гомеровской «Илиады»), сопровождавшей настоящую малоазиатскую Трою. Последнее заставляет, по законам жанра, формировать описательные уровни и повествовательные инстанции исторического знания параллельно археологическим изысканиям и их локализации в литературном, мифологическом и масс-медийном пространстве.

Ярким примером конструирования «древности» в условиях «отсутствующего нарратива» может служить археологический комплекс «Аркаим — страна городов», исследования которого продолжают вызывать бурные и эмоциональные

дискуссии⁶ вот уже более четверти века не только в исторической, но и социально-политической, этнографической и религиоведческой среде⁷: «Мало какому археологическому памятнику досталось в наше время так много столь же широкой, сколь и сомнительной, славы, как Аркаиму. Обогастило ли это науку? Дало ли что-либо археологии? Есть ли пределы участия академической науки в политических играх? Вопросы остаются...»⁸. Все эти дискуссии и спорные ситуации оказались актуальными по нескольким причинам, а именно: в силу того, что сам историко-археологический комплекс и обстоятельства его открытия, социальной адаптации и постоянного «удревнения» оказались вписаны, как минимум, в две дискурсивные стратегии (эзотерическую и мифологическую), которые выходят за рамки исторического знания:

— «Аркаим» был легитимирован как «общественное» и «духовное явление» в позднее перестроечное и постперестроечное время, поэтому достаточно прочно оказался в нарративной зависимости от эзотерических, мистических и оккультных представлений, находящих свою реализацию в широком спектре весьма сомнительных практик астрологической концептуализации, «космоэнергетических исследований» и неоязыческих течений;

— «Аркаим» и сконструированный для него статус «самого древнего города на территории России», который стал рассматриваться как один из сюжетов для формирования в современной России национальной идеи на основе цивилизационной евразийской особенности, древности и автотонности. В рамках этой линии современные народы, населяющие Россию, и особенно славяне, получают возможность вести свою генеалогию «от самых древних представителей цивилизации, в том числе европейской цивилизации, от древних ариев»⁹;

— максимально быстро ключевым интерпретативным сюжетом для исторического объяснения феномена «Аркаима — страны городов» была избрана линия на связывание его с «арийской мифологией», «древним славянством», «арктической гипотезой» и вытекающими из этого социально-политическими и этнографическими спекуляциями: «Разделение на протоиндийцев и протоиранцев происходило не в Индии, а здесь

на Южном Урале. Каждый из них считал себя — „это я, а это они”. Они, соседи были в 30-50 км. А они в свою очередь называли себя ариями, для себя они были своими»¹⁰.

Примечателен для нас именно последний факт, так как благодаря этому «древность Аркаима» была надежно привязана к «древности» авестийского нарративного цикла и, таким образом, «Авеста», а затем и ведическая «Ригведа» замещали собой «отсутствующий нарратив» и снабжали историческое воображение так ему необходимым багажом социальной памяти: «По мнению многих специалистов, Аркаим и родственные ему памятники могли быть созданы древнейшими индоиранцами задолго до их разделения, переселений по евразийскому степному коридору и движения на юг в Иран и Индию. Некоторые ученые проводят параллели между круглыми укрепленными поселениями типа Аркаима и городом легендарного царя Йимы, воспроизводящим модель вселенной и описанным в „Авесте” — священной книге древних иранцев»¹¹.

Масштаб процедуры «удревнения» отвечает напрямую размерам мировоззренческих амбиций, а поэтика исторического воображения прибегает к самым сильным риторическим тропам — пафосу и аллегории при конструировании исследовательской гипотезы и ностальгических ожиданий обретения утраченного и вновь обретенного «исторического величия»: «Если по прошествии многих десятков лет, наконец, выяснится, что Аркаим действительно связан с историей ариев, саму историю Авесты и Ригведы перенесут на конец III — начало II тысячелетия до нашей эры. И это будет означать полный переворот в нашем представлении об индоевропейской и человеческой истории»¹². При реализации данной гипотезы Аркаим оказывается древнейшим городом в нашей стране, центром ранней государственности, но и еще родиной древнеиранского пророка Заратустры, городом-храмом и обсерваторией с «магическими кругами», уникальным образцом гармоничных взаимоотношений между «культурой и окружающей природной средой»... Действие исторического воображения находит свою корреляцию в отождествляемых с его ориентацией найденных нарративных авестийских аналогиях: «Страна городов» иной раз безапелляционно наде-

лась какой-то особой „духовностью”, а термин „арийцы” стал произвольно использоваться в расширительном смысле как синоним индоиранцев или даже индоевропейцев¹³.

По совершенно схожим жанровым законам, но с несколько меньшей «общественной» и «духовной» значимостью развивается процесс музеефикации донской «древности» в условиях «отсутствующего нарратива»: «У этой легенды не нашлось в древности своего Гомера. Ее историю воссоздают наши современники». В таких ярких и поэтических эпитетах получает свою устойчивую медийную локализацию один из самых эмблематичных, уникальных и претенциозных за последнее время сюжетов конструирования исторического прошлого на Юге России, в Ростовской области — «открытие» Донской Трои — Ливенцовского городища (крепости). «У нас на территории Ростова есть древние памятники, на которых великие открытия прошлого были обыденными занятиями. Один из них уже навечно вписан в биографию донской столицы как Ливенцовская крепость — **Донская Троя**. Здесь же поселения различных эпох — от бронзового века до античных времен, курганы, простор дельты — ансамбль, иллюстрирующий **тысячелетний период отечественной истории**»¹⁴. На примере феномена «открытия» Донской Трои мы можем наглядно наблюдать механизм работы исторического воображения в его различных социальных ипостасях — от ученого-историка и археолога до журналиста, культуролога, туристического гида и сетевого блогера. Всех объединяет поиск и обретение ключевой метафоры, которая придаст верификационный статус, ценностную характеристику и конвертационный потенциал их объекту внимания и интереса. Опираясь на позицию известного английского историка и философа Р. Дж. Коллингвуда, можно рассмотреть историческое воображение как результат действия внутреннего состояния воспринимающего субъекта, совокупность его конкретных мыслей в сознании, которое задает характер исторического знания в рамках установки **предпосылочности** как фундаментального принципа. Априорное и конструктивное воображение историка, считал Коллингвуд, способно обеспечить как необходимый выбор исходных источников, так их верификацию и критическую оценку,

а также интерполяцию из различных источников интегрирующих высказываний, прямо не содержащихся в них. Таким образом, возникает «картина прошлого» уже как историческая конструкция, подтвержденная имеющимися свидетельствами и претендующая на истину¹⁵.

Смелое проведение аналогии с классической малоазиатской Троей призвано реализовать эффект априорного утверждения и безусловной значимости малоизученного археологического памятника и выступает мощным средством аргументированного воздействия в масс-медийной среде. Это тот самый случай, хорошо описанный, современным английским исследователем Д. Топшем, когда важным компонентом в исторической реконструкции наряду с методологией, логикой (умом) и стилем научного исследования, на первое место выступает процесс воображения: «Помимо остроты интеллекта, историку необходимо и воображение... и чем дальше и чужеродней изучаемая культура, тем большие усилия воображения требуются, чтобы понять ее»¹⁶. Пример «открытия» «Донской Трои», удаленной от нас на три с лишним тысячелетия, отчетливо демонстрирует не только актуальное действие данной исследовательской и коммуникативной установки, но и возможные культурные, исторические и информационные деформации. Историческое воображение, погруженное в масс-медийное пространство и помноженное на журналистскую беллетристику, способно породить замечательные по своему пафосу и исторической (или квазиисторической) претензии описательные конструкции и метафорические построения. Пример с проектом «Донская Троя» уже прочно и надолго связан в массовом сознании с подобными явлениями, серьезно деформированными поп-сайнс сюжетами, облегченными поверхностным восприятием и масс-культурными интерпретациями. Приведем в качестве примера самые яркие эпитеты и характеристики: «Донская Троя — древнейшая крепость в Европе»; «Историческая значимость Ливенцовской крепости примерно такая же, как настоящей Трои»; «С Ливенцовским городищем связаны легенды о древнем городе Йимы — прародине всех иранских и большинства индийских народов»; «С Ливенцовским городищем связан широко известный миф о Фаэтоне»; «Название „Донская Троя” в отношении

Ливенцовки не выглядит журналистским штампом, поскольку специалисты предполагают существование „Пра-илиады”, общей для индоиранцев и греков»; «Древнейшая в Восточной Европе Ливенцовская крепость»; «На территории крепости находится курганный могильник — древнейшая погребальная конструкция, сопоставимая по значению и возрасту с египетскими пирамидами»; «Донская Троя — возможность стать легендарным местом Ростова и туристической Меккой, которая могла бы приносить немалые деньги».

Ливенцовское городище (крепость) — «Донская Троя» находится в черте г. Ростов-на-Дону и является интереснейшим местом в низовьях Дона; его приблизительная датировка XVIII-XV вв. до н. э. Археологический комплекс эпохи бронзы не имеет аналогов в степной зоне России и уникален как архитектурное и фортификационное сооружение. Археологический памятник был открыт во время работ Северо-Кавказской археологической экспедиции ГАИМК (под руководством академика А. А. Миллера) в 1926 г. С 1962 по 1970 гг. на территории древней крепости проводились раскопки археологической экспедицией Ростовского областного музея краеведения под руководством С. Н. Братченко. Последующие годы, с 1984 и 2006 гг., на территории Ливенцовского городища проводились эпизодические раскопки, не затрагивающие всю значительную часть археологического комплекса (8 га), в данный период работы вели сотрудники археологической лаборатории Ростовского госуниверситета, музея-заповедника «Танаис», Таганрогской археологической экспедиции и археологической экспедиции РРО ВОО «ВООПИиК»¹⁷. В настоящее время территория археологического комплекса законсервирована, и научно-исследовательская работа на его месте не ведется. «Ливенцовский ансамбль... выдающийся памятник — важнейшее звено в евроазиатской системе, **удревяющий историю не только Ростова, но и всего юга страны**»¹⁸.

С 2007-2008 гг. начинается проработка и социальная медийная адаптация проекта «Донская Троя», суть которого сводится к подготовке концепции развития экскурсионно-туристической зоны Ливенцовского археологического комплекса. Данный проект нашел свое место и прошел предварительное согласование с городской целевой

программой «Развитие туристических ресурсов в г. Ростове-на-Дону на 2008-2010 годы». Ливенцовский археологический комплекс носит многоплановый и сложносоставной характер, включающий исторические памятники различных эпох. Общий временной период предполагаемой датировки культурных слоев археологического комплекса составляет 3 тыс. до н. э. — XIV в. н. э. В соответствии с масштабом исторического памятника формируется широкая программа реконструкции и музеефикации проекта «Донская Троя», далее ее основные пункты приводятся в сокращенном виде¹⁹. Реализация экскурсионного проекта предусматривает создание на базе имеющихся археологических и геологических объектов разветвленной сети маршрутных траекторий посещения и музеефикации, при этом избранная стратегия музеефикации в своей сути повторяет основные стратегии, реализованные уже в Аркаиме:

1. Ливенцовская крепость (сохранились рвы, остатки стен и построек внутри крепости, которые выложены камнем).

2. Курганный могильник, состоящий из пяти насыпей; одна из немногих сохранившихся древних степных погребальных конструкций, **сравнимых по значению и возрасту с пирамидами древнего Египта**;

3. Две законсервированные надмогильные подкурганые конструкции из раскопанных курганов (IV в. до н. э.);

4. Обнажения участков культурного слоя многослойного поселения Ливенцовское I на склоне береговой террасы: от 1-го культурного слоя (энеолит — конец 4-3 тыс. до н. э.), до 5-го слоя, относящегося к эпохе поздней бронзы — XIII-XII вв. до н. э.;

5. Лапидарий;

6. Рекреационно-парковая зона;

7. Зона степного ландшафта;

8. Геологические обнажения участка древнего моря²⁰.

«Историческое прошлое обнаруживается историко-археологической, археологической и иной техникой, но оно одновременно и создается силой продуктивного воображения. Эллинистическая эпоха существовала, но она и была создана Дройзенем. Общественно-экономические формации существуют, но и созданы интеллектуальным воображением

Маркса»²¹. Слова и идеи отечественного философа Ю. Н. Солонина наглядно иллюстрируют механизм работы исторического воображения в академической среде, вовлекающего в свою орбиту не только историческое знание, но и сопутствующие ему технические, социальные и гуманитарные дисциплинарные исследования. Для наукообразного сопровождения реализации проекта «Донская Троя» 6 октября 2016 года в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) прошло примечательное и масштабное по составу задействованных структурных подразделений ЮФУ мероприятие — научно-практическая конференция «**Донская Троя: мультидисциплинарный подход в исследовании, сохранении и трансляции историко-культурного наследия**». Работа конференции была организована совместными усилиями четырех институтов и академий ЮФУ²², а также представителями Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Проект «Донская Троя» составил ключевой паттерн работы секций, круглых столов и отдельных пленарных выступлений, но в основной своей направленности тематика конференции вышла далеко за рамки заявленной проблематики и затронула, собственно, тему сохранения и трансляции исторического и культурного наследия в самых различных вариантах и контекстах — эстетическом, археологическом, культурном, урбанистическом и краеведческом. Конференция явилась попыткой не только привлечь инвестиционное внимание к интересному археологическому памятнику, но и сформировать новый медийный контент, более научно строгий и корректный, преодолевающий устоявшиеся стереотипы и квазиисторические конструкции.

Интересен и нагляден опыт музеефикации «древности» и построения историко-краеведческого комплекса в пермской Чердыни — «Чердынь Великая — сердце древней Пармы». В основе пермской стратегии лежит краеведческая специфика, ориентированная на конструирование этно-ландшафтного фестиваля²³ «Зов Пармы» (до 2010 г. называлось «Сердце Пармы»), который сегодня может похвастаться уровнем организации, численностью и географией участников²⁴. Примечательно, что, несмотря на фольклорный и туристический характер данного культурного

мероприятия, в своей сути оно имеет очень глубокую историческую ретроспективную установку, ориентированную на актуализацию культурного наследия²⁵, которое ассоциируется с легендарной «Биармией», топонимическим и символическим конструктом из скандинавских саг. Содержательная линия музеефикации пермской Чердыни включена в более широкую стратегию формирования туристического бренда всего Пермского края, куда входят такие узнаваемые культурные эмблемы, как «имя Пермь и все, что с этим связано — Пера маа, пермский геологический период, пермский звериный стиль, пермская деревянная структура, Строгановы и уральское и пермское солеварение, поход Ермака, горнозаводская цивилизация, Пермь литературная, в определенном смысле творчество Иванова»²⁶. В основе смыслового содержания и идейного ориентира данного культурного мероприятия лежит художественный текст романа А. В. Иванова²⁷ «Сердце Пармы»²⁸, который изначально, собственно, и задает конструкцию, а за тем и ежегодную реконструкцию в рамках проведения фестиваля, историко-географическую ткань и сюжетную организацию. Таким образом, в случае с пермской Чердынью мы сталкиваемся с двойной литературной детерминацией историко-культурной практики музеефикации: художественной романической и эпической легендарной, ориентированной на скандинавские саги и древние летописные сюжеты.

Степень и интенсивность литературализация пермской Чердыни увеличивается по мере насыщения социальной памяти и культурной традиции легендаризированными текстами, посвященными краеведческой тематике. Интересная и наглядная каталогизация легендаризированного массива проведена в работе пермского географа и краеведа П. С. Ширинкина «Туристские легенды Пермского края»²⁹, которая по авторскому замыслу должна совмещать в себе исторический материал, географические и этнографические сведения, туристический фольклор и легенды Прикамья. Благодаря своей усиленной литерарности, акцент в процессе музеефикации пермской Чердыни смещается, по всей видимости, из области чистого исторического воображения в сферу конструирования комплексной региональной культурной традиции, которая бы имела возможность приобрести

статус символического маркера всего Пермского края: «Причем идея Биармии не столько исторической, сколько культурной. Вот вам и туристские потоки, и культурное взаимодействие. А историки — пусть продолжают спорить, ради Бога. Никто здесь и не пытается убится. Вообще у пермских историков принято считать, что тот, кто говорит о Биармии, а еще и пытается о ней писать — писатель-фантаст. Я же не особенно в научном плане об этом говорю, я повторяю, что речь идет о культурно-туристическом проекте»³⁰.

Массив текстов и обилие сюжетов, связанных с практикой музеефикации «древности», — «Аркаим — страна городов», «Чердынь Великая — сердце древней Пармы» «Донская Троя — древнейшая крепость в Европе», — в условиях «отсутствующего нарратива» позволяет в полной мере корректно применить к ее изучению метод нарративного анализа Х. Уайта³¹. Пользуясь им, можно подробно и последовательно анатомировать создаваемые историческим и краеведческим воображением текстуальные порядки, формирующие пространство «культурно-исторической традиции» и социальной памяти, в результате мы получим очень интересную конструкцию. Аллегория и пафос — вот, пожалуй, те два центральных тропа, применение которых активно задействовано в процессе музеефикации «древности» в условиях «отсутствующего нарратива».

Сюжетика (объяснение посредством построения сюжета) будет определяться тропами **пафоса и аллегии** — «истоки древней индоевропейской цивилизации», «современники Трои и египетских пирамид», «древняя цивилизация, не уступающая городам крито-микенской культуры», «прародина современных религий»; **формальным аргументом** (объяснение посредством построения доказательства) будет выступать исторический **традиционализм и историческая ностальгия** как пространство, в котором происходит актуализация социальной памяти и ее ассоциативное наполнение сюжетами и повествовательными структурами, литературно оформленными; **идеологической импликацией** (объяснение посредством идеологического подтекста) будет выступать историко-культурное и социально-политическое **евразийство, идея «срединного моста»** между Западом и Востоком, выступающее альтернативным сце-

нарием для развития современного общества и преодоления проблем, порожденных современной глобальной цивилизацией. И, конечно же, **типом префигурации**, который делает эти все исторические построения завершенными и социально репрезентативными, будет **метафора**, объяснительной природе которой так много внимания уделял сам Х. Уайт и его критики. Таким образом,

риторика мотивов и поэтика процесса музеефикации «древности» в условиях «отсутствующего нарратива» становится намного прозрачней, а цели ее понятными: там, где мы сталкиваемся с ситуацией «отсутствующего нарратива», он активно конструируется в рамках многообразных сюжетных линий исторически ориентированным воображением.

¹ Зданович Геннадий Борисович (Челябинск). Доктор исторических наук, ведущий археолог Челябинского государственного университета, первооткрыватель поселения Аркаим протогородской цивилизации Южного Урала. См.: Профессия археолога в системе современного мировоззрения // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://globaastraby/doklady/>.

² White H. *Topics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. — London, 1978.

³ White H. *The Historical Text as Literary Artifact* // *Clio* 3. — № 3 (1974).

⁴ Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* — Екатеринбург, 2002.

⁵ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000. — С. 22-27; Samuel R. *Island Stories: Unravelling Britain*. — Verso, 1998. — P. 337-338.

⁶ Трансляция полемики 3 апреля 2009 г. на Первом канале в ток-шоу «ГордонКихот», где ведущий программы А. Гордон артикулировал сомнения и претензии о научности статуса некоторых выводов создателю историко-культурного заповедника «Аркаим» профессору Г. Б. Здановичу; суть претензий — широкое распространение «мифа о колыбели мировой цивилизации». См: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=WRYbw88W4pg>.

⁷ Систематизированный анализ дискуссионных проблем представлен в статье Е. В. Куприяновой «Заповедник „Аркаим“ и проблемы популяризации археологии на Южном Урале» // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. — Челябинск, 2014. — № 12 (341). — Вып. 60. — С. 22-29.

⁸ Шнирельман В. Аркаим, археология, национализм... Анатомия одной сенсации // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.skeptik.net/history/arkaim.htm>.

⁹ Примечателен в этой связи широкий информационный и политический резонанс визита в 2005 г. в Аркаим президента РФ В. В. Путина.

¹⁰ Из выступления Г. Б. Здановича на VI конференции по авестийской астрологии, Минск, 19 апреля 2010 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: (<https://www.liveinternet.ru/users/batick/post139896780/>).

¹¹ Там же.

¹² Интервью профессора Г. Б. Здановича корреспонденту агентства новостей «Доступ» от 7 апреля 2009 г. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dostup1.ru/interview/interview_4708.html.

¹³ Шнирельман В. Указ. соч.

¹⁴ Чеснок В. Ф. Зачем городу Ростову Донская Троя?

(о Ливенцовской крепости) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rslovar.com/content/%D0%B7-%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BC-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83>.

¹⁵ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. — М., 1980. — С. 231-232.

¹⁶ Тош Д. Указ. соч. — С. 147.

¹⁷ Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

¹⁸ Чеснок В. Ф. Указ. соч. — С. 147.

¹⁹ Волошина Л. Ф., Ларенок П. А., Ларенок В. А. Музеефикация и экскурсионно-туристическое использование Ливенцовского археологического комплекса (проект «Донская Троя») // *Музеефикация территорий как средство воспроизводства исторической памяти*. — Ростов н/Д., 2013. — С. 25-32.

²⁰ Там же.

²¹ Солонин Ю. Н. *Воображение и познание в исторических науках* // *Виртуальное пространство культуры*. — СПб., 2000. — С. 90.

²² Институт философии и социально-политических наук ЮФУ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, Институт истории и международных отношений ЮФУ, Академия архитектуры и искусств ЮФУ.

²³ Подлесных А. С. Фестиваль как способ продвижения территории // *Актуальные вопросы современной науки*. — 2013. — № 1.

²⁴ Подобная практика организации этно-ландшафтных фестивалей присутствует и в Аркаиме — фестиваль «Пламя Аркаима».

²⁵ «Нельзя быть пермяком и ни разу не увидеть Чердынь», — Павел Сергеевич Ширинкин, автор книги «Туристские легенды Пермского края» — интервью // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://echoperm.ru/interview/299/137629/>.

²⁶ Там же.

²⁷ Чердынь — княгиня гор: Роман-легенда. — Пермь, 2003. Под названием «Сердце Пармы» переиздано в 2003 г. издательством «Пальмира» и — в авторской редакции — в 2005, 2007 и 2008 гг. издательством «Азбука».

²⁸ Иванов А. В. *Сердце Пармы*. — СПб., 2010.

²⁹ Ширинкин, П. С. *Книга легенд. Туристские легенды Пермского края*. — Пермь, 2013.

³⁰ «Нельзя быть пермяком...»

³¹ Уайт Х. (White H.). Указанные сочинения.

О. В. Алексеева (Москва)

К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Генеральная цель создания Исторического музея в Москве — его миссия как научно-исследовательского и образовательного центра — была определена Алексеем Сергеевичем Уваровым (1824-1884). Именно этой задаче была подчинена его дальновидная новаторская деятельность председателя Ученой комиссии при организации музея, ставшего главным историческим музеем России. Как безусловный лидер, он понимал важность созидания научного учреждения командой ученых: «Но для того, чтобы дать Музею возможность выполнить эту трудную задачу с желаемым Уставом, необходимо привлечь к участию в нем тех лучших научных сил, которые в настоящее время известны своими заслугами по исследованию и изучению нашей отечественной старины»¹.

Масштаб деятельности А. С. Уварова по организации Исторического музея связан с его личностью, сформированной под влиянием многих факторов: рождение в семье государственного сановника С. С. Уварова, «представителя поколения просвещенной бюрократии»², среди многих ответственных обязанностей которого — деятельность на посту президента Академии наук и должность министра народного просвещения Российской империи, итогом идейных поисков которого стала философская формула государственного устройства России, выраженная триадой «православие — самодержавие — народность», внесенная в фамильный герб. А. С. Уваров рос в окружении людей, имена которых составляют цвет российской культуры, получил прекрасное домашнее образование³, обучался на словесном отделении философского факультета Санкт-Петербургского университета, на курсах в университетах Берлина и Гейдельберга, защитил магистерскую диссертацию в 1845 г.

В 1847 г. А. С. Уваров приступил к службе в Министерстве иностранных дел. Его давний друг Николай Федорович Круже отмечал: «По своему имени и общественному положению, по своему блестящему воспитанию, серьезному и солидному образованию, по своему значительному состоянию, гр. Уваров имел возможность

и право претендовать на высокое положение в государстве. И он, несомненно, приобрел бы такое положение, если бы захотел примириться со многим и многими». Но Уваров «предпочел удалиться в мирную, спокойную и свободную область науки, которой отдавал все свои досуги, свои значительные средства»⁴.

Научная работа, которой посвятил свою жизнь А. С. Уваров, проявилась в его многогранной деятельности по развитию научных обществ, получивших широкое распространение в России. Вместе с отцом он был в числе основателей Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества (1846), (позднее Императорское русское археологическое общество), с 1862 г. А. С. Уваров — член Московского общества любителей художеств, с 1863 по 1876 — его председатель⁵.

В 1864 г. А. С. Уваров организовал Московское археологическое общество (МАО, с 1881 — Императорское), ставшее обществом-гигантом; возглавляя его до своей кончины, принял за основу метод взаимодействия многочисленных членов МАО с широкими кругами заинтересованной общественности в виде съездов, названных археологическими. Уваров акцентировал деятельность МАО на изучении русских древностей, охране и реставрации памятников, придав понятию «памятник» научное обоснование, наполнив его содержание смыслом⁶. МАО стало центром изучения археологии — важнейшей науки о древностях; археологический памятник в определении Уварова, это, прежде всего, — исторический источник и связанные с ним исторические явления и процессы: «В число археологических памятников отечественной истории входят: 1) местности сражений; 2) местности, прославленные подвигами или пребыванием знаменитых исторических лиц... 4) здания церковного зодчества, а именно: монастыри, церкви, часовни, отдельные церковные памятники, пещерские церкви, пещеры; 5) здания гражданского зодчества: дворцы, частные здания, крепостные стены, ворота, мосты; 6) места, известные по какому-нибудь историческому или народному преданию»⁷.

Колоссальную работоспособность А. С. Уварова как ученого отмечал В. Е. Румянцов: «Я не знаю ни одного из всех разнообразных отделов археологической науки, где бы нельзя было встретить имени графа А. С. Уварова. В областях древностей первобытных, курганных, языческих, христианских первых веков, византийских, русских, в области памятников быта, зодчества, каменного и деревянного, иконографии и других изобразительных искусств и художеств, — везде является наш ученый и неутомимый изыскатель, то открывающий новые, доселе неизвестные памятники, то объясняющий уже открытые и разгадывающий их значение и смысл»⁸.

Глубочайшие знания Уварова в области материальной культуры, истории письменности и христианских древностей сделали возможным создание в частном Порецком музее родового имени Уваровых специального зала — «Русский музей», являвшего все свидетельства национальной культуры и быта трех исторических периодов Руси: Киевского, Суздальского и Московского. Идея о создании в России исторического музея многократно высказывалась А. С. Уваровым в стенах Порецкого музея, воодушевляя всех его посещавших монументальностью грандиозного замысла. Николай Ильич Чепелевский, частый гость Порецкой усадьбы, известен как первый, донесший государю императору эту мысль и ставший членом комиссии по организации музея в Москве (формально именовавшегося, как Музей его императорского высочества государя наследника цесаревича).

Известно, что история российского исторического музея в Москве с первого этапа — строительства для него здания — сопровождалась значительными трудностями. Назначенная комиссия, возглавляемая А. А. Зеленым, состояла из членов, среди которых были не вполне понимавшие назначение этого учреждения. Н. И. Чепелевский в письме А. С. Уварову писал: «Затем спросите... все это хорошо и логично, но, дом — „здание“, где будет помещаться музей, деньги, на которые он будет строиться, — что сделано с этими вопросами? К сожалению, я должен ответить на это немного: пока все эти вопросы составляют область горячих прений... к решению их приложены живые руки и сред-

ства, [имеется] полная уверенность окончить это дело до мая 1873 года, но сказать подробно, как и что [делается] я не решаюсь по причине Вам известных»⁹. А. С. Уваров, не только известный ученый, но и многоопытный крупный хозяйственник, свое мнение о мерах, необходимых для завершения строительства здания, много лет стоящего недостроенным в центре Москвы, выражает в следующем: «Опыт этих четырех лет указал на необходимость некоторых изменений в Уставе музея и в особенности, на недостатки в составе и организации управления музея, препятствующих успешной деятельности управления в видах осуществления главной задачи, положенной в основу самого учреждения музея». Действительно, заботы о хозяйственной стороне дела — сооружение здания (в котором предусматривались по плану торговые помещения)¹⁰, отодвинули на второй план научное назначение музея. Далее Уваров отмечает: «Для придания управлению Музея большей жизненности, единства действий и твердого направления его деятельности, в смысле, отвечающем существенной задаче учреждения Музея, необходимо, сократив численный состав управления, образовать его из лиц, которые своим трудом и учеными занятиями могли и желали бы способствовать высокой цели этого ученого учреждения»¹¹.

В письме из министерства финансов от 16 мая 1881 г., адресованном А. С. Уварову: «Милостивый государь, граф Алексей Сергеевич! Из письма Вашего Сиятельства... я ознакомился с Положением Исторического музея в Москве и с теми мерами, которые, по Вашему мнению, необходимо принять. По докладу [моему] содержание письма Вашего Его Величеству, Государь Император повелеть соизволит:

а) возложить на министерство финансов приведение в исполнение тех мер по окончательному устройству Музея, которые будут признаны нужными и

б) командировать немедленно в Москву Техническую комиссию для исследования и принятия постройки. Кроме того, Его Величество полагает необходимым пригласить лицо, которое бы приняло на себя составление нового проекта Устава Музея и главное направление деятельности этого учреждения.

Мысль Государя останавливается на том, чтобы пригласить Вас и потому я спешу обратиться к Вам с покорнейшею просьбою: не откажите уведомить меня, могу ли я доложить Его Величеству о поручении Вам составления проекта Музея и о принятии последнего в Ваше ведение в тех пределах, которые будут определены проектом Устава»¹².

Готовность отдать свои силы делу создания российского Исторического музея содержится в ответе А. С. Уварова, несмотря на загруженность уже имеющимися обязанностями: «С чувством благоговейной признательности приемлю такой знак милостивого доверия Государя Императора. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство повергнуть перед его Величеством мою Верноподданническую готовность посвятить все мои силы на исполнение Высочайшей воли для осуществления такого *ученого учреждения, которое должно составить памятник для пользы и славы нашего Отечества*»¹³.

Русский философ-космист Н. Ф. Федоров дал определение музею — «учреждение памяти». А. С. Уваров, фактически в русле деятельности МАО, видит назначение и смысл исторического музея как учреждения охраны памятников, миссия которого должна заключаться в выявлении (тезаврировании) предметов, определенных как «памятник», во всестороннем их изучении и составлении каталогов этих памятников. Важность предполагаемых целей подводит Уварова к мысли, что «по ученому характеру деятельности, возложенной на хранителей, желательнее уравнивать их положение с положением ординарных профессоров университета и по службе их должны считаться на правах министерства народного просвещения»¹⁴.

А. С. Уваров считал исторический музей научно-образовательным учреждением, «который должен состоять из собраний только таких памятников, находимых в России, которые могут действительно способствовать достижению известного научного вывода, разъясняющего исторический факт, или определяющего степень художественного развития в данное время или вообще указывающего на быт русского народа в известную эпоху, ввиду обширной такой программы, обнимающей памятники в России с древнейших времен до новейших»¹⁵.

Став фактически основателем государственного исторического музея по своему замыслу, А. С. Уваров понимал необходимость обеспечения жизни этого учреждения как научного кадрами и пишет о необходимости принять меры для подготовки молодых людей, могущих впоследствии приступить к должности хранителей музея: «Обеспечив музей на первое время содействием ученых знатоков нашей старины, Управление Музея должно озаботиться, чтобы начатое ими дело не осталось без продолжателей и заблаговременно принять меры к подготовке молодых людей, могущим в последствии со знанием и опытностью [заступить] постепенно первоначальных деятелей. Это... вторая задача, которая должна быть поставлена управлению Музея... Для исполнения этой задачи при Музее следует учредить высшие курсы археологических наук... на эти курсы могли бы поступать молодые люди, окончившие университетское образование со степенью кандидата историко-филологических факультетов, желающие посвятить себя дальнейшему изучению отечественной истории и археологии. Этот специальный курс — двухлетний... должен объять изучение: *археологии*, в применении к русским памятникам, *палеографии*, славянской и русской, с указанием на палеографию греческой и латинской, насколько необходимы они для изучения славянской; *нумизматики с сфрагистикой*, истории древнерусского искусства и зодчества и проч.»¹⁶ (подчеркнуто в рукописном тексте. — О. А.).

Клубок вопросов, связанных с завершением строительства здания для музея и его устройство, решает А. С. Уваров, взвалив на себя бремя всевозможных разногласий, а порой амбиций и интриг отдельных лиц, ограниченных собственными представлениями о назначении создаваемого учреждения. Ученый выполнил порученное ему дело, открыв в 1883 г. десять залов российского Исторического музея. «Последним трудом гр. Уварова... было устройство нового Исторического Музея в Москве, порученного руководству его испытанных опытности и знания. Это был поистине подвиг»¹⁷.

Стратегическое предназначение Исторического музея было выражено в миссии и подчиненном ей Уставе; говоря современным языком, А. С. Уваров с целью выполнения задачи создания музея

как научно-исследовательского центра являлся руководителем высшего звена — отвечал за определение главной цели (миссии) и общей стратегии

организации, таким образом, бесспорно, является основоположником главного Исторического музея России.

¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 317. — Л. 52об.

² Акульшин П. В. Власть, общество и провинция в России в первой половине XIX в. XIX век в истории России // Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация. Тр. ГИМ. — М., 2007. — Вып. 163. — С. 145.

³ Стрижова Н. Б. Граф Алексей Сергеевич Уваров. — М., 2008.

⁴ Памяти графа А. С. Уварова 29 декабря 1884 г. Речь Н. Ф. фон Крузе // Незабвенной памяти Алексея Сергеевича Уварова: речи, прочитанные в соединенном заседании ученых обществ. — М., 1885. — С. 66.

⁵ Сотрудниками по комитету общества были Л. П. Панин, Д. П. Боткин, братья П. М. и С. М. Третьяковы, К. Л. Солдатенков, художники А. К. Саврасов, В. Е. Маковский и др. Современники отмечали высокий уровень организации выставок в период председательства А. С. Уварова, в том числе выставки портретов выдающихся деятелей, где публика впервые познакомилась с портретами Д. Г. Левицкого, О. А. Кипренского, В. Л. Боровиковского, В. А. Тропинина, Э. Виже-Лебрен, А. Рослена, И. Б. Лампи и др. В 1866 Уваров издал первый художественный сборник общества. «Общество ценило его заботы: оно видело в графе того редкого деятеля, который трудится во имя света, познания, истины... На первом, после его смерти годичном собрании Общества Любителей, бывшем 10 марта 1885 г. Председатель Дмитрий Петрович Боткин произнес проникнутую речь, посвященную памяти усопшего, и предложил украсить одну из зал Общества портретом покойного. Портрет этот, исполненный известным художником Рачковым, украшая приемную залу, служит живым напоминанием о самом деятеле и том светлом минувшем в жизни учреждения, которое связано с трудами и заботами покойного во имя искусства». См.: Некрасов Н. В. Граф Алексей

Сергеевич Уваров как художественный деятель // Древности. Отд. оттиск. — Т. XXIII. — В. 1. — С. 10.

⁶ Высокую оценку деятельности МАО в истории становления системы охраны памятников в России дал А. Л. Баталов: «Впервые была предложена целостная организационная система, комплексно охватывающая все стороны существования памятника в современной жизни... Систематизация памятников вводила новые понятия: памятник архитектуры, памятник письменности, памятник живописи... МАО впервые предлагало установить категории ценности памятников... отсутствие в законе и известных указах критериев... делало контроль над судьбой памятников весьма относительным». См.: Баталов А. Л. К вопросу о становлении системы охраны памятников и реставрации в России в XIX — нач. XX вв. // Святыни и культура. — М., 1992. — С. 151-152.

⁷ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 666. — Л. 38об.

⁸ Незабвенной памяти Алексея Сергеевича Уварова: речи, прочитанные в соединенном заседании ученых обществ. — М., 1885.

⁹ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 317. — Л. 18.

¹⁰ «Как показал опыт существования музея, критика проекта была вполне обоснованной, так как „выявились крупные пороки здания: отсутствие помещений для научных отделов, недостаток фондовых отделов“; плохая разработка системы отопления и вентиляции и прочее, в связи с чем даже встал вопрос о переустройстве помещений». См.: Очерки истории музейного дела в России. — М., 1960. — С. 252.

¹¹ ОПИ ГИМ. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 317.

¹² Там же. — Л. 41-42.

¹³ Там же. — Л. 43.

¹⁴ Там же. — Л. 45.

¹⁵ Там же. — Л. 44.

¹⁶ Там же. — Л. 53

¹⁷ Памяти графа А. С. Уварова 29 декабря 1884 г. Речь Н. Ф. фон Крузе. — С. 68.

В. Г. Пуцко (Калуга)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ В ГОРОДЕ: ЖЕЛАЕМОЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Никто не станет отрицать важность миссии художественного музея на современном этапе. Предполагалась она и прежде, при любом государственном строе и при различном экономическом положении в стране, не исключая и «голодные годы». И музейные работники, надо признать, честно выполняли свой профессиональный долг, несмотря на не лучшие условия и нищенскую зарплату, о чем говорить не полагалось. Высокие принципы всегда были на первом месте, и, может быть, только по этой причине существуют сегодня те музеи, которым давно суждено исчезнуть. Речь идет о провинциальных музейных учреждениях, рожденных в муках, преимущественно в послереволюционные годы, переживших испытания военных лет и всегда не терявших веру в светлое будущее, неизбежно удалявшееся вместе с горизонтом. Сейчас в это будущее верят уже далеко не все.

Судьба каждого музея определена интеллектуальным уровнем и имущественным положением его «родителей»; многое зависело от того, какая коллекция художественных произведений оказалась в основе, и как она обогащалась на протяжении последующего времени, периода передела музейной собственности. Среди таких благополучных музеев обязательно будут названы Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева, Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачева, Пермская государственная художественная галерея. В основе первого из них собрание А. П. Боголюбова, второго — собрание В. П. Сукачева, а основу Пермской галереи составила коллекция Пермского Общества любителей живописи, валяния и зодчества. Все эти музеи интенсивно пополнялись после революции, в том числе через Государственный музейный фонд. А Калужский художественный музей, возникший в 1918 г. на основе завещанной городу коллекции врача Н. И. Васильева, напротив, не столько приобрел, сколько потерял. Картинная галерея и коллекция рисунков князя Д. С. Горчакова в усадьбе Барятино при их поступлении в Калужский музей

были сильно обескровлены в результате изъятия в московские музеи и перераспределения в те провинциальные, которые пользовались особым покровительством представителей Государственного музейного фонда. Этот «тришкин кафтан» навсегда разрушил исторически сложившиеся собрания. Затем прошелся по музеям Антикварный экспортный фонд, немилосердно выдергивающий самые ценные экспонаты. Довершила разрушительное действие оккупация в годы войны, после чего пришлось прибегать к закупкам, чтобы привести музей в более-менее пристойный вид. Такие различные судьбы у провинциальных музеев.

Нет музея, который не был бы заинтересован в представлении в своем собрании произведений именитых мастеров, пусть и не самых значительных. Но для этого существовали неодинаковые возможности. Одним такие работы достались как бы по наследству, другим — повезло их перехватить у менее расторопных, а третьи, лишенные средств для закупки, в лучшем случае могли показывать копии прославленных оригиналов. Так возникла своеобразная «ступенчатость» в просветительской миссии. Однако и при наличии денег приобретение подлинников оказывалось рискованным делом, поскольку рынок буквально наводнен подделками. Относительно безопасным было приобретение у семей художников, если там оставалось еще что-то ценное. В провинциальных музеях обычно количественно преобладают произведения русского искусства XIX-XX вв. вместе с творчеством местных художников. Иногда встречаются разделы древнерусской иконописи и западноевропейского искусства, как правило, составленные из случайно подобранных образцов.

В советский период экспонирование икон не приветствовалось по идеологическим соображениям как противостоящее антирелигиозной пропаганде, а в новейшее время почему-то некоторые лица полагают, что эти иконы непременно надо передать в действующие храмы. Это преимущественно те, кто рассматривает музей как оптовый склад с даровым товаром. Разумеется, один-два

десяток икон не могут украсить несколько церквей, а их отсутствие в музейной экспозиции, даже если это поздние списки, вычеркивает из истории важнейший этап ее духовной культуры. В Греции, — испокон веков православной стране, — подобный вопрос даже не возникает, и существуют государственные, епархиальные, монастырские и частные музеи, где представлены иконы. И никто свое исключительное право на них не предъявляет.

В любом художественном музее являются актуальными реставрация и атрибуция произведений. Свои реставраторы есть далеко не во всех музеях, и поэтому существует необходимость обращаться в центральные учреждения. Атрибуцией теоретически должны заниматься почти все научные сотрудники, хотя на практике дело обстоит иначе. Для атрибуционной работы необходимы сравнительный материал и хорошо укомплектованная специальная литература библиотека. Это то, чего фактически на месте нет, а на командировки в столицы отсутствуют время и средства. В итоге работа затягивается на многие годы, и вместо определяемого авторства на этикетках остается стереотипное «н. худ.», хотя мог бы обозначиться хотя бы круг, к которому принадлежал автор произведения. В самой работе тоже есть риск, и почти любая атрибуция справедливо или несправедливо может быть оспорена, особенно если проведена без привлечения новейших технических средств. Критики всегда найдутся в изобилии. Существенную помощь могут оказать коллеги из столичных музеев, и образцовым примером такого сотрудничества являются превосходные каталоги Челябинского областного государственного музея искусств. Здесь играет роль проявление доброй воли. Правда, случается и иное. В музейном архиве Калуги оказалось ответное письмо известного искусствоведа Б. Р. Виппера, который на запрос заявляет, что картина не представляет интереса, но кто-то из местных сотрудников может заняться ее изучением. Говоря иными словами, «смотри не выше сапога».

Отношения столичных и провинциальных искусствоведов редко складывались удачно. Первые были убеждены, что им свойственен особый дар, тогда как их провинциальные собратья способны лишь для черной работы. Конечно, концепционные и обобщающие работы могут писать только они,

равно как и делать научные открытия. «Вы можете в наш журнал присылать лишь короткие заметки о неизвестных в науке вещах, а дальнейшее их изучение — дело нашего института», — говорила известная исследовательница древнерусского искусства в 1970-е гг. «Зачем вам мучиться над атрибуцией выдающихся произведений? Приглашайте столичного специалиста, который все определит и опубликует», — этот совет прозвучал совсем недавно, адресованный пишущему эти строки, посвятившему ровно половину столетия изучению истории искусства. Корпоративность превратилась в огромный неподвижный камень, лежащий на пути каждого, кто намерен посвятить себя изучению духовной культуры. И в провинции их большинство. С появившейся возможностью проводить научные конференции и печатать сборники статей, их голос стал слышнее. Для утверждения собственной исключительности остается только не замечать их усилия, игнорировать публикации, не допускать к изучению материала. К сожалению, это продолжается.

Никто не отрицает необходимость научных экспедиций, ставящих своей задачей изучение искусства отдельных регионов. Но позволительно ли при этом усомниться, что значительно больше могут сделать в этом направлении сотрудники местного художественного музея? Увы, им приходится выполнять другую работу, в частности, проводить неизмеримо большое количество выставок, перечень которых невозможно запомнить, для достижения показаний, требуемых сверху. Там, в тиши рабочего кабинета, кто-то определяет эти нормы, как и заработную плату в десятки раз заниженную по сравнению с собственной, установленной неизвестно за какие заслуги. Все это имеет непосредственное отношение к той основе, на которой строится просветительская работа музея. Когда-то она велась с использованием репродукций известных произведений, хранящихся в столичных музеях. Набитая оскомина на этих «картинках» сегодня серьезно затрудняет восприятие широким зрителем графического искусства, не усматривающим между ними существенного различия.

Поразительно, что в дореволюционный период, при жестких сословных ограничениях, приветствовалась частная инициатива в изучении быта, исторических и церковных древностей. Об этом

свидетельствует существующая литература. Декларированная свобода не замедлила обнаружить организованную монополию на открытия, и здесь примером может служить стремление И. Э. Грабаря никого не допустить к изданию раскрытых реставраторами произведений. Об этом подробно писал А. И. Анисимов в Прагу Н. П. Кондакову. Парализована была научная работа замечательных специалистов. Выжившие надолго притихли. Новое поколение уже училось в основном чему-нибудь и как-нибудь, и поэтому с нескрываемой завистью смотрело на свою смену, приходившую в музей и нарушавшую привычное спокойствие. Ломать этот «лед» приходилось с большими усилиями, при деятельном сопротивлении администрации и хранителей, при редком одобрении со стороны столичных специалистов. Среди последних, однако, были люди, с симпатией относившиеся к молодежи. Один из них — В. Н. Лазарев, ценивший искренность и увлеченность исследователей. Со временем в провинции осела значительная часть здоровых научных сил, не сумевших сделать карьеру в столице. Но ее судьба нередко оказывалась трагической, особенно в тех случаях, когда она не вела себя тихо и не занималась изучением конкретного материала. а стремилась опрокинуть существующие положения с применением новой методики.

Сравнительно недавно произошла «веерная» смена директоров ряда крупных музеев,

преимущественно опытных и пользовавшихся большой поддержкой коллектива. Не помогли никакие ходатайства и протесты. Это тоже сказалось на атмосфере в музеях: были нарушены установившиеся традиции. Все, здесь упомянутое, имеет непосредственное отношение к миссии художественного музея, потому что основную роль в ней играют не столько «спущенные с потолка» директивы, сколько живые люди с их повседневным и кропотливым трудом. Эти люди массу своего рабочего времени тратят на паспортизацию произведений, на чтение лекций, на проведение экскурсий, на организацию выставок, столь усложненную существующим законодательством. Эти люди не считают себя героями, и очень немногие из них удостоиваются наград. Но на это целиком уходит человеческая жизнь. Посетитель музея об этом не имеет никакого представления и часто предъявляет необоснованные претензии, которые порой достигают высоких инстанций и нарушают рабочий ритм, благодаря очередным нововведениям. Потом происходит возвращение к прежнему порядку, и в этом проявляется своеобразная цикличность, как и в начислении заработной платы.

Говорить собственно о миссии художественного музея в обществе как будто излишне. Она определена расписанием, практикой и традицией отечественного искусства.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФОНДА В НЕБОЛЬШОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ, ИТОГИ

Дивногорский художественный музей — небольшое учреждение, имеющее в штате четырнадцать человек и расположенное в муниципальном образовании город Дивногорск с численностью жителей 33 тысячи человек. На данный момент в городе расположено два музея: художественный и городской, имеющий широкое краеведческое направление комплектования фондов. Город Дивногорск — молодой, связанный с «Великой стройкой» Красноярской ГЭС. Как рабочий поселок строителей Дивногорск получил свое имя в 1957 году, статус города — в 1963 году¹.

Создание музея, как и любого учреждения, требует не только энтузиазма, энергии, но и специальных знаний, опыта. Если с силами и желанием у родоначальников музея все было отлично, то недостаток профессиональных знаний в области фондовой работы спустя годы оказался заметен. Идеологами создания музея выступили начальник отдела культуры, молодежной политики и спорта г. Дивногорска Василий Михайлович Обыденко и художник, искусствовед Татьяна Александровна Рылова, занявшая должность директора нового музея. Найти профессионалов в штат было очень сложно, поэтому зачастую остальные должности на первых порах занимали люди, не обладающие нужными знаниями и навыками. Первые поступления в фонды музея, самые важные и ценные, в настоящий момент не имеют ни одного документа, кроме того, что они вписаны в Книги поступлений.

Еще до официального открытия музея, в 1997 году, произошло первое пополнение коллекции из пары сотен предметов, поступивших из РОСИЗО. Это были произведения ряда российских художников второй половины XX века. Среди них работы преимущественно сибирских художников. При отборе работ учитывалась концептуальная направленность формирования фондов Дивногорского художественного музея — сохранение и популяризация творчества сибирских

художников, тематическая и временная связь произведений с историей города и региона.

В том числе тогда поступили полотна Всеволода Михайловича Петрова-Маслакова, Федора Васильевича Савостьянова, Александра Васильевича Пантелеева, Юрия Александровича Мержирова и др. Некоторые из них представители Ленинградской школы живописи, другие учились и жили на Урале, третьи — коренные сибиряки. Через фонды РОСИЗО в музейное собрание попали произведения Андрея Геннадьевича Поздеева, Юрия Дмитриевича Деева, Степана Егоровича Орлова, Бориса Яковлевича Рязова и многих других красноярских авторов. Сначала их работы были отобраны с всероссийских выставок в фонды РОСИЗО, а уже оттуда вновь вернулись на родную землю в фонды Дивногорского музея. Вот такой сложный путь и большое путешествие по стране иногда приходится проделывать произведениям искусства, чтобы в итоге оказаться всего в сорока километрах от места создания.

Первые поступления из РОСИЗО помогли создать музей. Как всем нам известно, музей — это, прежде всего, фонды. Согласно БСЭ: «Музеи — научные, научно-просветительные учреждения, осуществляющие комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников естественной истории, материальной и духовной культуры — первоисточников знаний о развитии природы и человеческого общества. Музеи сосредотачивают в своих фондах главным образом предметы вещественные и изобразительные»². Соответственно, если нечего хранить, то нечего изучать и популяризировать. Начало фондовой коллекции — ее фундамент, нам с ним очень повезло. Качественный состав первых поступлений очень высок и неоспорим. Сейчас эти произведения являются нашими лучшими предметами искусства.

Благодаря качественному и разностороннему отбору предметов еще с первых поступлений сфор-

мировалось четыре коллекции: живопись, графика, скульптура, декоративно-прикладное искусство. С началом компьютеризации в 2004-2005 годах создано официальное коллекционное деление, заведены инвентарные книги. Продолжилось пополнение фондового собрания. Если проанализировать скопленные за 20 лет работы музея 4843 предмета, то можно понять, что работа по отбору произведений не до конца систематизирована и часто вызывает вопросы, вынуждает идти на компромиссы. Могу предположить, что с некоторыми из данных проблем сталкиваются не только в художественных, но и в музеях других типов.

Невозможность отказать автору по морально-этическим и психологическим причинам. Данная проблема комплектования фондов явно характерна для небольших музеев, где собственник или автор лично включены в культурную среду города и конкретного учреждения. При наличии личных взаимосвязей и зависимости в будущих делах, отказать в принятии в фонды предметов в корректной форме становится очень сложно.

Необходимость пополнения фондов, увеличение числа предметов, то есть погоня за «показателями». К сожалению, подобная проблема характерна не только для фондов. Сейчас от музеев требуют все больше увеличивать число посетителей, число мероприятий и количество музейных предметов. Каждый год фонды должны пополняться. Как это сделать без финансирования? Приходится во многих ситуациях снижать планку.

Из первых двух проблем вытекает третья: необходимость постоянного баланса между увеличением фондов, невозможностью отказать автору и низкими художественными качествами работы, которые не имеют музейного значения.

Отсутствуют четкие, выверенные критерии. Теоретически кажется возможным вывести не только концепцию комплектования фондового собрания, но и перечислить

четкие критерии, которым должны соответствовать произведения изобразительного искусства. Однако на практике оказывается, что фондово-закупочная комиссия в каждом отдельном случае руководствуется самыми разными критериями. Невозможно заключить произведение искусства в четкие рамки. Можно определить лишь некоторые пункты: наличие профессионального образования у художника, участие автора в выставках, наличие званий, представленность творчества автора в других музейных собраниях. Впрочем, и здесь возникает много спорных вопросов, таких, как обязательность образования или выставок.

Таким образом, члены фондово-закупочной комиссии при обсуждении руководствуются примерными критериями, зависимы от личности автора и обстоятельств дарения. В каждом отдельном случае члены ФЗК опираются на собственные морально-этические нормы, профессиональные знания и навыки. Эксперты оценивают произведения по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании материалов.

Возвращаясь к конкретным фондам Дивногорского художественного музея, приходится признать, что далеко не все произведения выполнены на одном высоком профессиональном уровне. Часть работ, составляющих фонд, стоит

ближе к народному, нежели профессиональному творчеству. Например, работы Валентины Петровны Барановой, самобытного мастера-прикладника из г. Зеленогорска. Один из ее циклов глиняных игрушек «Ярмарка» в количестве 239 предметов был куплен у автора музеем в 2004 году. Предметы куплены по 100 рублей за штуку. Творчество Валентины Барановой не профессионально, вызывают большие сомнения его художественные качества и возможности обеспечения сохранности. С другой стороны, практика показала, что данные небольшие

Ил. 1. В. П. Баранова. «Лоток с надписью «хлеб» с котом-продавцом». Обожженная глина, роспись гуашью. ДХМ. 1999

предметы очень хорошо дополняют выставки художников-любителей, используются в экспозициях. Работы В. П. Барановой нельзя сопоставить с профессиональными работами, стилизованными предметами русской утвари Зинаиды Алексеевны Когчагиной, выполненными в технике молочного обжига. Однако и тот, и другой предметы ценны, определены профессионалами как важные для фондового собрания, включены в основной фонд и на данный момент имеют одинаковое значение с юридической точки зрения.

Основное фондовое собрание Дивногорского художественного музея насчитывает 3772 предмета. С момента открытия музея прошел 21 год, нехитрые математические подсчеты дают результат — поступления в фонд составляют почти 180 предметов в год. Почти все из них — это дарения. Произведения, приобретенные в музей благодаря покупке, составляют не более 15 % общего числа музейных предметов. Для муниципального художественного музея 180 единиц хранения в год — это очень большая цифра. Каковы же пути и способы столь крупных пополнений?

Самые объемные дарения сформировали три авторских коллекции: Е. Шепелевича, Г. Мусина и Е. Белоусова.

Гордость музея — коллекция произведений Евгения Александровича Шепелевича (1927-1993). Его называют «летописцем» строительства КГЭС и города Дивногорска³. В произведениях художника отражены этапы строительства гидроэлектростанции — от сброса первого камня в Енисей, строительства котлована до выстраивания опор линии электропередачи; совсем юный Дивногорск, простые рабочие-строители, которые своим трудом возвели главное достояние нашего города. В целом коллекция работ Евгения Александровича в наших фондах — кладезь

Ил. 2. З. А. Корчагина «Петушок», керамика, молочение. ДХМ. 2012

художественно осмысленных исторических сюжетов. Практически для каждого этапа строительства ГЭС можно найти графический лист, в той или иной форме рассказывающий зрителю о сложных перипетиях «великой стройки».

Евгений Александрович скончался в 1993 году, оставив огромное творческое наследие. Его дочери Татьяна и Наталья стали хранительницами наследства. Особенно стоит отметить огромную работу по сохранению памяти об отце, сделанную Натальей Евгеньевной Лариной. Она очень бережно относится к творчеству отца и не продает его работы в частные руки, постепенно передавая эти последние

осколки прошлого в музей. Так, крупные поступления в коллекцию произошли в 1998, 2002, 2007 и 2012 годах. Общее количество работ Е. А. Шепелевича в фондах музея на сегодняшний день составляет более 1500 предметов. В честь двадцатилетия музея в 2018 году Наталья Евгеньевна подарила коллекцию из 174 портретов. Портреты выполнены графитным карандашом, углем, тушью, фломастерами и ручкой. В них отражены образы самых разных людей, встреченных художником в начале творческого пути: воспитанники детского дома, работники колхозов, строители КГЭС. Человеческие лица в портретах очень живые, в них чувствуются не только внешние черты, но и эмоции, индивидуальность характера.

Значительно меньше работ в основной фондовой коллекции принадлежит авторству Гумара Гайсановича Мусина (1943-2014)⁴ — 130 единиц. Автор сам производил дарение работ в первое десятилетие существования музея. Крупные поступления его работ произошли в последние годы, когда художник по состоянию здоровья уже отошел от творчества. Мастерскую ему пришлось освободить, работы были перевезены домой и в му-

зей. В одном из кабинетов музея, в мастерской художника-экспозиционера, для Гумара Гайсановича оборудовали рабочее место, чтобы сгладить тяжелое время болезни. Писал в то время художник уже мало, почти все имеющиеся произведения передал в фондовое собрание. Среди работ Гумара Гайсановича живописные и графические пейзажи, жанровые картины, в том числе на тему быта народов Севера, а также наброски, портреты художников, друзей и родных.

С 2006 по 2009 годы и в 2011 году художественному музею дарил свои произведения дивногорский дизайнер, декоратор Евгений Георгиевич Белоусов (1946). В музейных фондах он представлен в качестве живописца и графика. Художник-экспериментатор с ярко выраженной творческой индивидуальностью, контрастно отличающийся от других. Он интересен для изучения как в области техник и приемов, так и с точки зрения тематики и философии работ. Музей хранит более 600 его работ, не считая предметов, принятых в научно-вспомогательный фонд. В 2018 году Евгений Георгиевич отказался от мастерской, оставшиеся в собственности работы (25 предметов) передал в музейное собрание.

Крупные дарения от художников или наследников за 21 год существования музея составили большую часть его фондов. Другой же путь формирования коллекции — дарение предметов искусства авторами после персональных или сборных выставок. В этом случае самый удачный для нас опыт — юбилейный 2018 год и юбилейная 20-я «Дивногорская палитра», уникальная по составу. После выставки авторы и собственники поздравили учреждение подарками — картинами, скульптурами, предметами декоративно-прикладного искусства и графическими листами. Собственно, дарение хотя бы одной работы было одним из условий участия в выставочном проекте.

Кафедра художественной керамики Сибирского госу-

дарственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского приняла участие в выставке почти полным педагогическим составом. После выставки в музее оставили свои произведения члены Союза художников России, профессора Елена Анатольевна Краснова, Иван Николаевич Кротов, Ирина Геннадьевна Окрух, Александр Яковлевич Мигас, доцент кафедры Вероника Валерьевна Резинкина. К ним присоединились профессора, педагоги кафедр живописи, графики, скульптуры и народной художественной культуры: Сергей Петрович Горбатко, Светлана Михайловна Гинтер, Виталий Николаевич Гудвилл, Владимир Иванович Переятевец, Надежда Алексеевна Стрижнева, Максим Николаевич Руднев, Евгения Николаевна Дружинина.

В целом педагоги Института искусств принимали самое активное участие в пополнении фондов Дивногорского художественного музея в 2018 году. Их вклад особенно ценен для коллекции декоративно-прикладного искусства, которая не пополнялась новыми предметами с 2015 года.

Внесли свою лепту и свободные художники Красноярска, Дивногорска, Абакана и Улан-Удэ. Светлана Эдуардовна Шинкаренко оставила в музейных фондах керамический сосуд «Дракон», напоминающий кувшину, но с тремя тонкими высокими горлами, имитирующими трехглавого дракона. Выразительности предмету придает болотно-зеленая глазурь и крупный размер, удачное

сочетание классической техники и переосмысленной формы традиционного русского сосуда. Василий Яковлевич Сивцев щедро предложил в музейную коллекцию трогательную небольшую круглую скульптуру «Аня», отлитую из бронзы. В ней автор воплотил идеализированный образ маленькой девочки в платье с широкой юбкой и двумя пышными хвостами.

Красноярский график Иван Николаевич Шаповаленко поздравил музей с юбилеем работой «Шестикрылый Серафим» на христианскую

Ил. 3. С. Э. Шинкаренко. Сосуд «Дракон». Керамика, глазурь. ДХМ

тему с соблюдением иконографического образа. Четкие плавные линии, крупные понятные формы, пульсация белого на черном используются в графических работах из серии «Гэсэр» художника из Улан-Удэ, члена правления Бурятского регионального отделения Союза художников России Евгением Анатольевичем Болсобоевым. Он и абаканская художница Надежда Яковлевна Кобыльцова оказались на дивногорской земле благодаря посредничеству «Арт-галереи Романовых». Приобретение трех работ Е. Болсобоева в наши фонды расширяет территориальный охват представленных художников. Евгений Анатольевич много работал как скульптор, в последние годы занялся графикой и в основном обратил все свои силы к переосмыслению бурятского традиционного искусства и национального эпоса с центральным героем Гэсэр⁵. Его образы базируются на коренных основах бурятской культуры, накопленном опыте поколений.

После «Дивногорской палитры» 2018 года основной музейный фонд пополнился на 46 предметов. Состоявшиеся профессиональные художники, имеющие вес в культуре Дивногорска и Красноярска, далеко не всегда идут навстречу музею, не хотят дарить свои работы, что совершенно объяснимо. Для любого художника его работа — это доход, он этим живет не только в переносном, но и самом прямом смысле. Молодые художники, еще

Ил. 4. Г. Д. Лейзаренко. Виктор, 2004 г., картон, масло, 73x71 см. ДХМ

не сделавшие себе имя, легче расстаются с работами. Например, молодой Красноярский автор Антон Анатольевич Тхоренко после проведения персональной выставки передал на постоянное хранение в музей 11 предметов, из них пять приняты в основной фонд.

Весной 2019 года фонды Дивногорского художественного музея вновь пополнились благодаря наследникам. В январе ушел из жизни Гертруд Давыдович Лейзаренко (1934-2019) — красноярский художник и педагог. Дочь художника, Лариса Гертрудовна, оставила для семейной коллекции только несколько работ из наследия отца, все остальные живописные произведения предпочла передать в музейные собрания г. Красноярска, а также в дивногорский музей. В итоге в фонды были приняты 20 предметов.

Опыт работы с фондами в небольшом муниципальном художественном музее показывает, что даже при отсутствии финансирования и возможности закупать музейные предметы, можно работать с теми, кто готов расставаться с предметами искусства безвозмездно. Следует чаще обращать внимания на наследников недавно ушедших художников, им хочется распорядиться творческим наследием достойно, сохранить память. Также легче работать с начинающими художниками, оказывая им помощь и поддержку в экспонировании произведений с условием передачи одной-двух работ в фонды. Состоявшиеся мастера предпочитают участвовать в крупных выставочных проектах, одним из условий участия в которых может являться, в том числе, передача произведений в фонды музея.

После решения проблемы с пополнением фондового собрания возникает следующий вопрос: с научной инвентаризацией и атрибуцией поступивших предметов.

Инструкция по учету и хранению музейных ценностей предписывает нам систематизировать предметы в соответствии с классификацией основного фонда по отдельным группам, в зависимости от состава собрания⁶. Предметы систематизируются по типам источников, коллекциям, видам материала, видам искусства, технике, назначению. Такое разделение облегчает их изучение и регистрацию в инвентарных книгах, создание надлежащих условий хранения. Именно разни-

ца в условиях хранения обуславливает, например, отнесение акварельных рисунков или картин, выполненных гуашью, темперой, акрилом на бумаге к графике вне зависимости от их живописных качеств. С другой стороны, предметы, выполненные в одной технике, могут быть отнесены к разным коллекциям в зависимости от характеристик. Керамика, например, может быть отнесена как к декоративно-прикладному искусству, так и к скульптуре.

Очень часто много вопросов вызывает атрибуция предметов, особенно из ранних поступлений. Нашему музейному собранию только 21 год, но первые поступления далеко не все имеют полноценную атрибуцию. Музейные предметы не датированы, не имеют размеров, иногда не известны имена авторов или изготовителей, неверно записаны названия. Часть вопросов можно легко снять при очередной сверке наличия музейных предметов, другие требуют изучения и сопоставления фактов, документов.

Дивногорский художественный музей в 2019 году, вероятно, завершит свою деятельность как отдельное юридическое лицо и объединится с городским музеем. Существование муниципального музея с узконаправленным комплектованием фондов оказалось непростой задачей. Возможности ее осуществления обусловлены историческими и территориальными фактами. В Дивногорск приезжали художники на «великую стройку» — это первое поколение мастеров. В здании Старого Скита в советское время располагались мастерские Художественного фонда,

потом их оставили на муниципальном обеспечении, сейчас там работают и молодые художники. Близость к краевому центру позволяет много работать с красноярскими свободными художниками, педагогами Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского и Красноярского художественного училища им. В. И. Сурикова. Только эти факторы позволяют пополнять фондовое собрание и успешно организовывать выставки. Становится очевидным, что художественный музей как отдельная структура в маленьком городе все же слишком не рентабельна и не выдерживает испытаний временем. Вероятно, слияние его с городским музеем имеет под собой основания.

Проблемы комплектования фондов в небольшом музее связаны в основном с полным отсутствием финансирования на покупку произведений искусства. Бюджетные средства выделяются исключительно на содержание здания и выплату заработной платы сотрудникам, обеспечение же комплектования ложится на плечи работников музея, в нашем случае на главного хранителя и заведующей экспозиционно-выставочным отделом. Решение проблемы комплектования — постоянная личная связь с художниками и их возможными наследниками, организация персональных выставок и коллективных выставочных проектов с обязательным условием передачи в дар произведений. Возможно, подобные методы могут показаться слишком грубыми, меркантильными, но необходимо помнить, что пополнение фондов — это, прежде всего, сохранение нашего культурного наследия.

¹ Созидатели: Участники строительства Красноярской ГЭС и города Дивногорска 1955-1972 гг. — Красноярск, 2011.

² Большая советская энциклопедия. — М., 1953. — Т. 28. — С. 493.

³ Родной край: История и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). — Набережные Челны, 2018.

⁴ Художники земли Красноярской: каталог. — Красноярск,

2007. — С. 157, 315.

⁵ Сайт художника Евгения Болсобоева // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bolsoboev.ru/>.

⁶ Об утверждении Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР: Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 N 290 // КонсультантПлюс // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

МУЗЕЙ: СОКРОВИЩНИЦА ШЕДЕВРОВ. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ А. А. КОРОВИНА

В 2018 году Русский музей отметил свое 120-летие со дня открытия. Решение об основании первого в стране государственного музея отечественного изобразительного искусства было принято императором Александром III. Но его неожиданная кончина помешала воплотить в жизнь эту идею. Позднее, в 1895 году, Николай II подписал указ «Об учреждении особого установления под названием „Русского Музея Императора Александра III”» и выкупил в казну одно из красивейших зданий Санкт-Петербурга — Михайловский дворец — для размещения нового музея. 7 (19) марта 1898 года состоялось торжественное открытие музея. Основой собрания служили предметы и произведения искусства, переданные из музея Академии художеств, Эрмитажа, Гатчинского дворца.

Общеизвестно, что в основу коллекций многих музеев были положены частные собрания. Не является исключением и Русский музей. В числе первых поступлений было 100 картин, принадлежавших ранее личной коллекции императора Александра III из царскосельского Александровского дворца. Александр III и императрица Мария Федоровна, как и многие представители дома Романовых, были коллекционерами, и к 1894 году их собрание насчитывало около 900 полотен, среди которых 580 принадлежало художникам русской школы, а 320 являлось произведениями западноевропейских мастеров.

Также пополняли фонды Русского музея произведения из других частных собраний, например, крупная коллекция портретной живописи князя А. Б. Лобанова-Ростовского, рисунки и акварели русских художников (464 произведения) преподнесены ко дню открытия Русского музея княгиней М. К. Тенишевой. Дарителями произведений из собственных коллекции были В. Н. Аргутинский-Долгоруков, М. П. Боткин, Е. Е. Рейтерн, И. Ф. Тюменев, О. Э. Браз. Древлехранилище Русского музея пополнилось иконами и предметами прикладного искусства

из коллекций М. П. Погодина, Н. П. Лихачева, Н. П. Кондакова.

Рубеж XIX-XX веков в России — время наивысшего подъема художественной жизни во всех ее проявлениях. Множество целенаправленно собранных частных коллекций или просто предметов, приобретенных владельцами для украшения интерьеров, находилось во дворцах и особняках великих князей, дворян, купцов. Революционные события прервали традиции собирательства, многие представители элиты общества были вынуждены покинуть страну, оставляя ценности в квартирах и особняках. Деятельность Государственного музейного фонда и национализация частной собственности способствовала тому, что в состав музейных собраний вошли личные коллекции. Таким образом, в Русский музей попали коллекции, ранее принадлежавшие Е. Г. Шварцу, С. Н. Казнакову, И. Д. Орлову, Н. Д. Ермакову и др. Более 25 000 работ музей приобрел у Е. Е. Рейтерна; коллекцию Л. М. Жемчужникова, насчитывающую 4722 рисунков, передала Е. М. Терещенко; 2100 произведений поступило от Е. Н. Тевяшова, от А. П. Боткиной поступила коллекция С. С. Боткина, в составе которой рисунки, эскизы А. А. Иванова, живопись.

Начиная с 1990-х годов изменения, произошедшие в обществе, сделали актуальными вопросы частного коллекционирования. Стали создаваться новые личные коллекции, появилась возможность доступа к закрытым архивным материалам, музеи посвятили коллекционерам и их собраниям выставки и научные конференции. На протяжении прошедших двадцати пяти лет можно наблюдать устойчивый интерес к данной теме, который имеет тенденцию к увеличению. В Русском музее прошли выставки «Иконы из собрания академика Н. П. Кондакова» (1994), «Иконы из коллекции графа С. Г. Строганова» (1996), «Дар Русскому музею. Живопись Б. Анисфельда и дарителей-художников Е. П. Антиповой и В. К. Тетерина» (1999), «Коллекция петербургских собирателей братьев Ржевских — дар

Русскому музею» (2001) и др., которые в дальнейшем продолжили открывать имена дореволюционных коллекционеров и были посвящены М. К. Тенишевой (2008), М. П. и С. С. Боткиным (2011), В. А. Кокореву (2014).

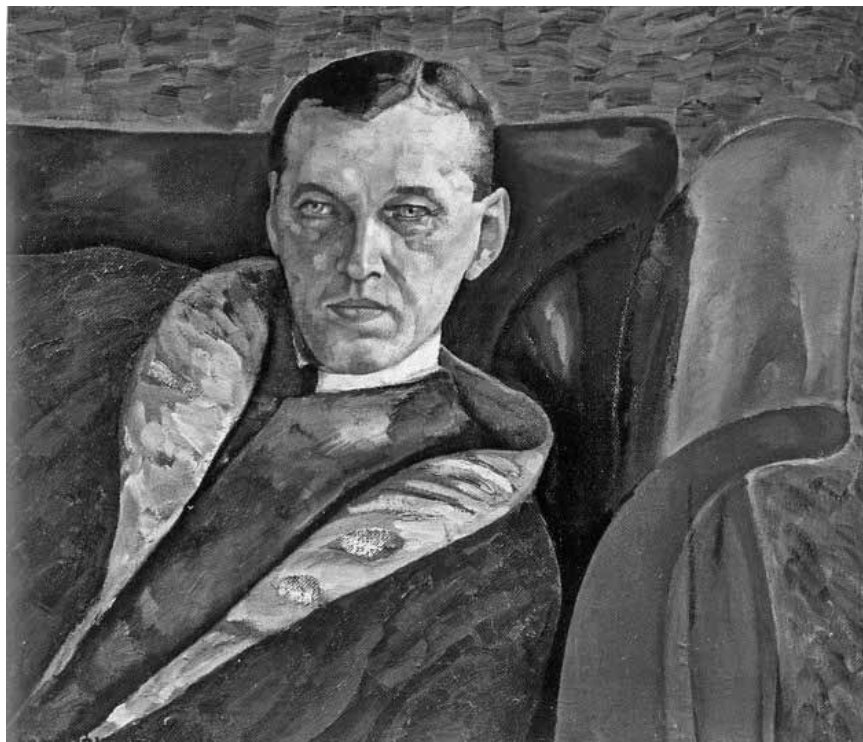
Однако до сих пор деятельность некоторых коллекционеров остается неизученной. Примером тому служит персона Александра Александровича Коровина (1870-1922) — потомственного петербургского купца, поставщика мануфактурных товаров императорского двора, знатока искусства, художника-любителя, коллекция которого к 1917 году, включая его собственные работы, составила более 450 произведений живописи и графики. Собрание не сохранило целостности, и в послереволюционные годы частично было распродано по музеям страны, но основная часть его принадлежит Русскому музею.

Купеческий род Коровиных известен в Петербурге с 1838 года, когда дед Александра, Федор Иванович, открыл на «Садовой улице по Александровской линии Апраксина рынка»¹ свою мануфактурную фирму, которая спустя некоторое время, благодаря высокому качеству товаров, приобрела широкую популярность. «Ковры, мебельные материи и прочие мануфактурные товары, находящиеся на складах фирмы, в виду их

высокого достоинства, вскоре получили возможность быть поставляемыми даже к Высочайшим Дворам. И действительно, в 1881 году Государь Император, снисходя к особым заслугам и полезной деятельности Ф. И. Коровина, Всемилостивейше соизволил удостоить его Высокого звания Поставщика Двора Его Императорского Величества, каковое звание переходило впоследствии правопреемникам»².

Большая любовь к искусству, обнаружившаяся в Александре еще в детстве, вызвала необходимость в занятиях живописью и рисованием, и после окончания Коммерческого училища он стал брать уроки, которые не только открыли ему новый взгляд на мир, но породили страсть к собирательству и положили начало собственной коллекции. Мы не знаем, какой именно картиной произошло его искушение к приобретательству, но известно, что «на первых порах, вкус молодого собирателя был ограничен популярными именами Клеверов, Айвазовских и пр., но, начиная приблизительно с 1904 года, взгляды его на живопись начинают серьезно углубляться»³.

Будучи коммерсантом и владея фирмой, являющейся одним из крупных русских импортеров, он поддерживал тесные отношения с иностранными предпринимателями, и обладая безоши-

Ил. 1. Б. Д. Григорьев. Портрет А. А. Коровина. 1916. Х., м. 63Х72. Русский музей

бочностью взгляда, на протяжении всей жизни развивал художественный вкус и творческое воображение при отборе тканей для оформления интерьеров, что позволяло чутко улавливать конъюнктуру рынка, было залогом процветания его бизнеса, и, став успешным и востребованным, он переносит приобретенные знания на составление собственной коллекции.

Коровин, со свойственной ему любознательностью, вырастает в художественный мир Петербурга, постигает тайны живописи, открывающиеся ему в наблюдении за процессом работы и в живом общении с художниками В. И. Денисовым и Б. Д. Григорьевым.

В этот период «коллекцию Коровина можно охарактеризовать, как обширное собрание произведений новейшего русского искусства, где почти каждый выдающийся художник этой эпохи представлен, по крайней мере, одной вещью»⁴. Работы некоторых художников заметно преобладают количественно, что явно выдает предпочтения коллекционера. Это А. Ф. Афанасьев (102 работы, картины «Дьяк сказал: „Дурачье!“» и «У приказных ворот»), а также 100 иллюстраций к сказке П. Ершова «Конек-Горбунок», наклеенные на 62 листа картона), В. И. Денисов (16), Б. Д. Григорьев (11), К. А. Коровин (13), А. Н. Бенуа (12), Л. С. Бакст (7). В коллекции также множество набросков, этюдов, рисунков, открывающие неизвестные стороны художественных поисков этих мастеров. Любимым художником Александра Коровина был К. А. Сомов, творчество которого представлено 23 работами, здесь же находятся и три скульптурных произведения — «Мыслитель» С. Т. Коненкова, «Юноша» и «Садовник» А. Т. Матвеева.

Работы, вошедшие в коллекцию, Коровин получал как в дар, так и приобретал в «Художественном бюро Н. Е. Добычиной», а также через знакомых и друзей, о чем свидетельствует письмо П. В. Кузнецова: «Владимир Константинович Станюкович известил меня, что Вы желаете приобрести мою работу. Я со своей стороны был бы доволен, чтобы мои работы были в Вашей галерее. Я назначаю цены весьма недорогие: за „Степь с лошадами“ 300 руб. и за „Гарем“ 400 руб., и если Вы приобретаете обе, то уступаю за 550 руб. Если Вы возьмете что-либо, то пере-

дайте деньги жене Станюковича Евгении Николаевне и получите картину»⁵.

Благодаря этой переписке обе работы оказались в коллекции.

В центре Петербурга, на Николаевской, 76 (ныне ул. Марата), в собственном доме, Александр Александрович и разместил свою удивительную коллекцию. «Расположенная в жилых комнатах, картинная галерея не носит скучного характера музейного собрания; наоборот — висящие на всех стенах холсты дополняют стильную художественную обстановку, и в то же время зачастую это настоящие музейные вещи»⁶. Такое размещение коллекции наглядно подтверждало характерную для рубежа XIX-XX веков мотивацию коллекционирования, обусловленную философской парадигмой эпохи. Коллекции этого времени гармонично вписывались в интерьер помещений, становясь неотъемлемой частью повседневной жизни их владельцев, создавая особое, утонченное существование.

Собрание включало также обширную коллекцию русского фарфора — преимущественно мелкую пластику, мебель из карельской березы в белой гостиной была выполнена по рисункам Льва Бакста, а интерьер говорил не только о материальном достатке и высоком положении хозяина, но и о вкусе столичного эстета.

Многогранное и разнообразное по жанрам и технике исполнения собрание Коровина, примерно пятую часть живописных работ которого составляли пейзажи, являлось также и отражением состояния художественного рынка рубежа XIX-XX веков, когда «на смену „хоровым“ — большого размера многофигурным композициям пришли небольшие, как правило, работы пейзажно-жанрового характера»⁷. Именно такие работы и составляли основу коллекции, картины же исторической тематики были представлены в незначительном количестве (С. В. Иванов «В Приказе московских времен»), а батального жанра отсутствовали.

Наличие работ И. Е. Репина в коллекции, а это, главным образом, рисунки и эскизы — вариант картины «Иоанн Грозный убивает сына», этюд «Запорожца», а также этюды для картины «Кафе» и «Бурлаки» — говорят о глубоком понимании Коровиным того места в русском искусстве, которое занимал великий мастер, чье творчество

являлось связующим звеном между уже ушедшим в историю богатейшим достижением эпохи и современным, развивающимся в инновационном духе периодом. Другие крупные художники этого времени, например, В. И. Суриков и Н. Н. Ге, предоставлены одной-двумя работами.

Стержнем, на котором держится вся коллекция, являются работы художников объединения «Мир искусства», где центральное место занимает Константин Сомов. «Нам кажется вполне правильным, что собиратель сделал некое эстетическое ударение на этом художнике, который наиболее ярко раскрыл в своем искусстве основные лозунги художников его группы и объединил общие с ними достоинства и недостатки»⁸. Художественный мир Сомова с его утонченностью, «ретроспективной мечтательностью», устремленностью к романтике прошлого был близок А. Коровину, и преобладание его произведений в коллекции неслучайно, поскольку обоих объединяла любовь к ушедшей эпохе, предметам старины и, в частности, фарфору, а Константин Андреевич был пристрастен этой технике и по его эскизам на Императорском фарфоровом заводе выполнены многие известные композиции.

Из двенадцати работ А. Н. Бенуа, представленных в коллекции Коровина, три носят название «Версаль». Увлечение художника Версалем началось в Париже после изучения исторического материала — мемуаров герцога Луи де Сен-Симона, служившего при дворе французского короля Людовика XIV и описывающего быт своего времени. Но в основу акварелей А. Бенуа легли не галантные празднества эпохи «Короля-Солнца», а его размышления о бренности человеческой жизни, неотвратимости конца на фоне каменного величия грандиозного архитектурного ансамбля Версальского дворца. И, если версальские гуаши были исполнены в серовато-зеленоватой гамме, то «восхитительная „Итальянская комедия“ показывает нам, каким сильным живописцем, мастером светописи и колорита может быть А. Бенуа. Изумительно передана борьба трепещущего света плоскостей и огней иллюминации с окружающим мраком, и вся композиция проникнута необычно жизненностью»⁹.

Произведения «Петербург» и «В ротах. Зима в городе» М. В. Добужинского раскрывают нам

образ города начала XX века с его доходными домами, глухими стенами, брандмауэрами, фигурами нищих. Четырьмя работами представлена А. П. Остроумова-Лебедева, среди которых «Амстердам. Рынок железа», «Петербург. Ростральная колонна», «Венеция» и «Вилла д'Эсте».

О близком А. А. Коровину символическом мирозерцании говорят пополнившие его коллекцию «Вечерний праздник» и «Мадонна» Н. Д. Милиоти, полный смутных видений, недосказанности, загадочности «Балет» С. Ю. Судейкина, работы П. С. Уткина и П. В. Кузнецова. Мифическое восприятие жизни поддерживали работы Николая Сапунова — «Портрет неизвестной» и «Карусель». Входящий в состав «Голубой розы», он изобразил символ объединения на обложке каталога одноименной выставки 1907 года и был одной из самых ярких фигур среди художников этой группы. Изначально мотив карусели заинтересовал его как представление о русском празднике, веселье, гулянье, в дальнейшем он «вырастает в образ некой обобщающей силы — в символ вечного кружения жизни, шумной, красивой, казалось бы, веселой и беззаботной, но по сути таящей в себе чувство трагической предопределенности Судьбы. Сапуновская „Карусель“ принадлежит к числу эпохальных явлений русской живописи символизма и предавангарда»¹⁰.

Для коллекции Коровин сумел отобрать произведения, способные останавливать внимание и завораживать причудливой декоративностью. Картины, изображающие ткани, натюрморты с драпировкой, орнаменты одежды нередко встречаются в его коллекции. Среди них «Натюрморт. Драгоценные ткани» А. Ф. Гауша, «Натюрморт с декоративной подушкой и цветами» В. И. Денисова, «Кафе» К. С. Петрова-Водкина, «Семья купца в XVII веке» А. П. Рябушкина, «Карнавал» К. А. Сомова, «Натюрморт (Фарфоровые фигурки и розы)» С. Ю. Судейкина. Декоративное начало в работах его коллекции часто преобладает над повествовательным, как, например, в гуаши Л. С. Бакста «Ливень», в которой развевающиеся ткани одежды убегающей от дождя девушки заполняют почти всю плоскость листа. Жемчужиной коллекции, бесспорно, можно считать еще одну работу этого художника — картину «Ужин», запечатлевшей жену А. Н. Бенуа.

Особое место в коллекции занимали эскизы декораций к театральным спектаклям, среди которых произведения Л. С. Бакста, Б. И. Анисфельда, Е. Е. Лансере, К. А. Коровина, создавших в своих работах удивительный и фантастический мир, а также иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина «Медный всадник» (А. Н. Бенуа), «Сказка о царе Салтане» (И. Я. Билибина), «Золотой петушок» (С. В. Малютина). «Вообще театр в эпоху символизма оказался на магистральной линии развития живописи. В напряженной ситуации переходного времени в среде художественной интеллигенции складывалось особое театральное ощущение мира. Происходящее казалось спектаклем, в который помимо их воли вовлечены все, а режиссером этого Спектакля-Жизни виделась многим Судьба, Рок»¹¹. Таким образом, собрание коллекции стало ключом от волшебной двери в мир прекрасного, поиском гармонии и красоты в окружающей действительности. Хранившаяся в квартире Коровина, она являлась вдохновенной декорацией к вымышленному спектаклю, единственным героем которого был сам владелец.

Борис Григорьев, с которым Александр Коровин был дружен, хорошо представлен в его коллекции и рисунками — «Грифы», «Козлы», «В экипаже», «В парижском кафе», и живописными произведениями, среди которых лиричная работа «Мать», где автор изобразил жену, кормящую сына, и грандиозный, эксцентрический портрет В. Э. Мейерхольда, имеющий насыщенную цветовую гамму, внесший в коллекцию эмоциональность и выразительность.

В коллекцию ворвались и крестьянки в ярких красочных нарядах: «Две девки», «Пляшущая баба», «Верка» Ф. А. Малявина, ошеломляющие необычайно мощной стихией, буйством красок, красотой и удалью русской природы. Также были приобретены работы Н. К. Рериха, среди которых эскиз картины «Сходятся старцы», переносивший нас в самую отдаленную эпоху истории русской земли и представляющий носителей опыта и мудрости, собравшихся под ветвями заповедного дерева для обсуждения насущных дел и принятия важных решений, и картины «Славяне на Днепре», «Небесный бой» и «Иноземные гости» — «прекрасные образцы богатой, насыщенной яркими красками палитры Рериха, все

более и более осознававшего себя, с годами, как колориста и композитора»¹².

Наличие всех этих произведений в собрании подтверждает мысль о том, что Александр Коровин обладал исключительным чувством восприятия цвета и красочных сочетаний, что придавало его коллекции живость, пронзительность и темперамент.

Открытость прозрениям, свежим чувствам и мыслям позволяло ему приобретать произведения тех художников, чье творчество еще не было широко известно. Разумеется, коллекционер мог легко ошибиться — собрать вещи, которые не выдержали бы испытание временем, однако он полностью доверялся своей интуиции и умел распознать подлинный талант. Так в собрании Коровина появляются произведения участников художественного объединения «Бубновый валет»: «Натюрморт с парчой» и «Натюрморт с лошадиным черепом» И. И. Машкова, «Беление холста» и тетраптих «Сбор плодов» Н. С. Гончаровой, несколько вещей М. Ф. Ларионова и Д. Д. Бурлюка, а также работы представителей неоакадемизма — «Скрипач» А. Е. Яковлева и «Обезьяны» В. И. Шухаева.

«Портрет Надежды Крэт» Н. И. Альтмана и «Портрет танцовщицы Е. Б. Анненковой» Ю. П. Анненкова попадают в коллекцию уже в последние годы ее составления и несут в себе заряд искусства авангарда, которое также вызывало интерес Александра Коровина, что характеризует его как человека современного, эволюционирующего, стремящегося к новому.

Такое разнообразие индивидуальностей и направлений в рамках одной художественной коллекции вовсе не отрицает ее внутреннего единства и характеризует не только личный вкус коллекционера, но и стиль эпохи.

Творческая энергия, разнообразие образов, тем, сюжетов, идей, заложенные в окружавших его произведениях искусства, явились мощной питательной средой, дали сильный толчок к пробуждению собственного художественного мышления и раскрыли его творческий потенциал. Работ Александра Коровина сохранилось мало, из них «На покое» (1911), «Летний пейзаж с садами» (1910-е) находятся в Русском музее, «Интерьер» в Омском областном музее изобразительных ис-

кустств им. М. А. Врубеля.

Александр Коровин был не просто собирателем, а «соучастником» художников, интуитивно проникая в существо художественного произведения. Точкой отсчета в его разностороннем собрании, наравне с эстетикой, всегда были утонченность, изысканность, подчеркнутая эли-

тарность. Этот удивительный человек обладал тонким чутьем к появлению новаторских течений в искусстве, неподдельным художественным вкусом, что породило исключительную способность видения вечного и духовно-ценного в собираемых им работах.

¹ Юбилейный альбом Поставщиков Двора Его Императорского Величества и Великокняжеских дворов. В память трехсотлетия царствования Дома Романовых 1613-1913 гг. — СПб., 1913. — С. 5.

² Там же.

³ Воинов В. В. Ушедшие. А. А. Коровин // Среди коллекционеров. — 1922. — № 11-12. — С. 55.

⁴ О коллекции А. А. Коровина // ВА ГРМ. — Ф. ГРМ (I). — Оп. КПХО. — Ед. хр. 84. — С. 40.

⁵ Письмо П. В. Кузнецова, адресованное А. А. Коровину [до 1916] // ОР ГРМ. — Ф. 27. — Ед. хр. 100. — С. 18.

⁶ Кондаков С. Н. Художественное собрание А. А. Корови-

на // Столица и усадьба. — 1917. — № 80. — С. 5.

⁷ Лапшин В. П. Художественный рынок в России конца XIX — начала XX века // Вопросы искусствознания. — Вып. VIII (1/1996). — М., 1996. — С. 577.

⁸ Воинов В. В. Собрание А. А. Коровина // Аполлон. — 1917. — № 2-3. — С. 7.

⁹ Там же. — С. 12.

¹⁰ Гофман И. Стихии Николая Сапунова // Наше наследие. — 2004. — № 71. — С. 46.

¹¹ Там же. — С. 42.

¹² Воинов В. В. Собрание А. А. Коровина. — С. 13.

МЕМОРИАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ В КАСИМОВСКОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ

В 2019 году Касимовскому историко-культурному музею-заповеднику исполняется 100 лет. Музей был основан в 1919 г. и сначала представлял собой «хранилище древностей», которое возникло в первые годы после Октябрьской революции. Если учесть, что революционные перемены начались в Касимовском уезде позднее, только в 1918 г., то, соответственно, и создание музея сдвинулось на это время, чему послужила национализация, которая коснулась не только заводов и фабрик, но и бывших купеческих и дворянских имений.

Во время революционных волнений, происходивших в крестьянской среде по Касимовскому уезду в 1918 г., участились поджоги и грабежи усадеб, оставленных бывшими хозяевами. Большая часть домашней утвари этих усадеб была вынесена, продана, уничтожена. 28 мая 1918 г. создан Всероссийский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Отделом образования по охране памятников культуры и искусства было принято решение «все не смытое волной революции и иных выступлений и представляющие научный и художественный интерес собрать по уезду и привезти в город». Тогда и встал вопрос о создании в городе музея. Пер-

выми поступлениями стали предметы, привезенные из бывших усадеб. Так как самой богатой усадьбой, сохранившейся на тот момент, являлась усадьба князей Голицыных, то все внимание УОНО было обращено именно к ней. Имение располагалось в с. Дубровке, ранее относившемуся к Касимовскому уезду, в настоящее время это Шиловский район Рязанской области.

Имение принадлежало княжескому роду, которое хранило богатое наследие последних его представителей (Ил. 1). На тот момент в имении уцелели произведения живописи, скульптуры, рисунки, репродукции картин, гравюры, архив документов, мебель. Культурные ценности были вывезены в Касимов. Затем ценные экспонаты и документы были выбраны и распределены в Рязанский губернский историко-художественный музей, Московский музей «Истра» (сейчас это «Новый Иерусалим»), Московский областной отдел архитектуры (представителем его являлся известный художник и архитектор Игорь Эммануилович Грабарь), а также во Владимирский музей. Часть коллекции поступила в Касимовский краеведческий музей¹. Таким образом, коллекция была поделена и разошлась по разным музеям.

В настоящий момент особый интерес вызывает история коллекции как единого целого и ее путь в музейном сообществе.

Мемориальная коллекция князей Голицыных, которая пополнялась на протяжении нескольких лет, занимает ведущее место в музейном собрании Касимовского историко-культурного музея-заповедника. Она насчитывает триста семьдесят один музейный предмет. В первую очередь в музей поступили фарфоровая посуда, вазы, рисунки, наброски карандашом и тушью, в числе которых эскизы художников Александра Андреевича Иванова, акварель Елены Петровны Судковской, Алексея Ивановича Стрелковского, Павла Кавалевского, гравюры, рисунки сепией.

Самое массовое поступление произошло в 1921 г. Это, в частности, и мебель. В отчете о деятельности

Ил. 1. Комната в имении Голицыных, с. Дубровка. XIX в. КИКМЗ ККМ ОФ-2406

Музейного подотдела Касимовского УОНО за октябрь 1921 г. имеется упоминание двух предметов мебели: это «бюро в стиле Жакоб» и «бюро Маркетри, отделанный бронзой». Некоторые предметы мебели представляют собой уникальные произведения декоративно-прикладного искусства, украшенные художественной резьбой. Лучшие экспонаты представлены в только что открытой экспозиции музея, где на сегодняшний день занимают почетное место (Ил. 2), а первой выставкой в музее стала выставка рисунков-репродукций художника Александра Андреевича Иванова.

Ил. 2. Зал «Дворянские усадьбы» в Касимовском историко-культурном музее-заповеднике

Особое внимание заслуживает коллекция гравюр и литографий XVIII-XIX вв. Здесь встречаются имена известных гравюров: Ивана Зубова, Алексея Павловича Колпашникова, Евграфа Петровича Чемесова, Николая Яковлевича Колпакова, Христиана-Альберта Вортмана. Интересна коллекция живописи XIX в., в которой есть работы известных художников, таких, как Григорий Федорович Ярцев (1858-1918), Андрей Францевич Беллоли (1820-1881), Алексей Васильевич Тыранов (1808-1859), а также портретный ряд семейной династии Голицыных, графические рисунки известных авторов: Николая Семеновича Самокиша (1860-1944), Алексея Ивановича Стрелковского (1819-1904), Теодора Горшельда (1829-1971).

В коллекцию входит литература из семейной библиотеки. Это художественная литература, книги по мировой истории и истории права на русском, английском и немецком языках. Издания датируются XVIII-XIX вв.

Отдельно можно выделить фонд фотоисточников и картографии: фотографии комнат, выполненные в 1867 г.,

а также планы и чертежи усадебного места и реконструкции княжеского дома архитектора Николая Павловича Садовникова.

К сожалению, на сегодняшний день усадебное место не сохранилось, а также очень мало информации о владельцах усадьбы, однако, используя документы по истории города и уезда, которые хранятся в фондах Касимовского историко-культурного музея-заповедника, можно выделить важные факты из истории усадьбы.

Первые упоминания о бывших хозяевах с. Дубровки встречаются в четвертом томе «Историко-статистического описания церквей и монастырей Рязанской епархии» от 1891 г.,² где упоминается Федор Алексеевич Голицын (1732-1782). Здесь имеется описание событий, связанных с переделом земель Николаевской церкви, которые датируются 1763 г. С 1794 по 1796 гг. Ф. А. Голицын являлся предводителем дворянства Касимовского уезда³. Там же упоминается племянник Федора Алексеевича — Сергей Иванович Голицын, благодаря которому после того, как в 1783 г. сгорела Николаевская церковь, была построена каменная⁴ (Ил. 3).

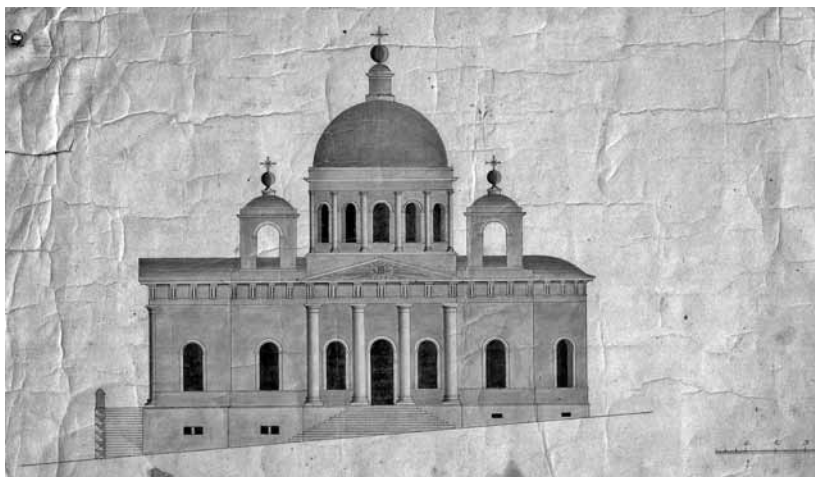
На территории имения находилась еще и деревянная приусадебная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенная и освященная в 1790 г. В 1809 г. к ней были пристроены

Ил. 3. Дубровская церковь. План 1886 г. Архитектор Н. П. Садовников. КИМЗ ККМ ОФ-2589

Сергеевский и Федоровский приделы. В 1850 г. церковь значилась как домовая. В 1881 г. из-за ветхости службы в ней были прекращены⁵ (Ил. 4).

К сожалению, обе церкви — Николаевская и домовая Рождества Пресвятой Богородицы — уничтожены в годы советской власти, и в настоящее время один из единичных

Ил. 4. Приусадебная церковь. С. Дубровка. Общий вид. КИКМЗ ККМ ОФ-2597

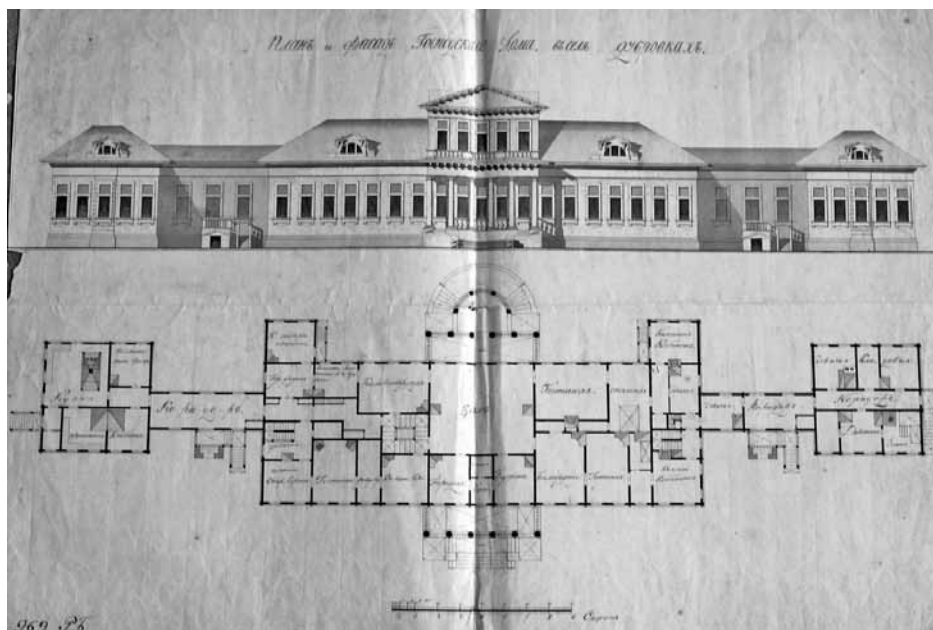
источников, подтверждающих архитектурный облик храмов, хранится в фондах Касимовского музея-заповедника. Еще при жизни Сергея Ивановича Голицына в усадьбу был приглашен архитектор Николай Петрович Садовников, который по заказу выполнил чертежи реконструкции дома, хозяйственных построек и храмов.

Согласно плану, дом был двухэтажным с подвальными помещениями, разделен на три основные части. В центральной части располагались комнаты княгини Мавры Ивановны Приклонской (ур. Булгакова) — тещи Сергея Ивановича, комнаты дочерей — княжен Прасковьи Сергеевны, Варвары Сергеевны, Натальи Сергеевны, а также проходная, рисовальная комната, зал, чулан, передняя, гостиная,

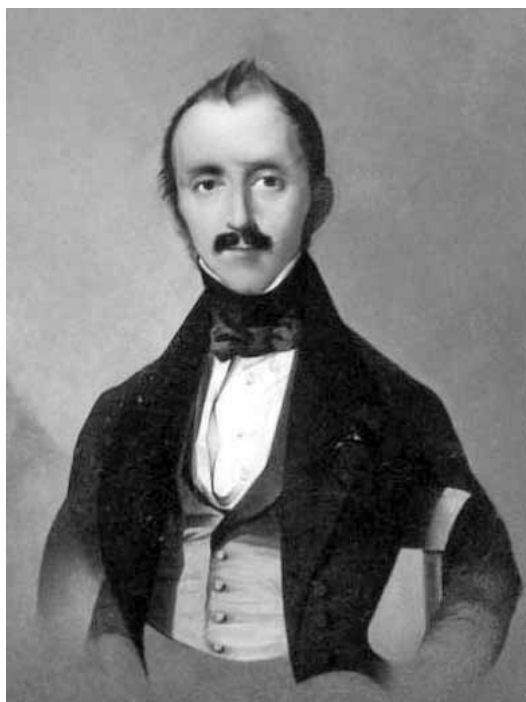
буфет, спальная, кабинеты князя и княгини, три девичьи комнаты. В левой части дома — кухня, комната Якова Григорьевича, приспешная (для дворовых людей), хлебная. В правой — кладовая, баня, девичья, диванная (Ил. 5).

Реконструкцией дворовых построек занимались уже другие владельцы дома.

Дубровская волость Касимовского уезда в конце XIX в. включала в себя следующие селения: Дубровку, д. Акулову и Полтавку, Верхнее наследничье, Нижнее наследничье, Павловку, Сергеевку, Косой посёлок. Помимо князей Голицыных Дубровкой владели еще дворяне Мухановы. В фондах музея сохранилась копия 1824 г. купчей на имение в с. Дубровках, в которой упоминается, что в 1823 г. июля

Ил. 5. План дома в имении с. Дубровка. КИКМЗ ККМ ОФ-2590

Ил. 6. Василий Сергеевич Голицын

месяца Муханов Николай Ильич продал флигель-адъютанту его императорского величества лейб-гвардии гусарского полка штаб-ротмистру князю Василию Сергеевичу Голицыну и наследникам его. Также в документе имеется перечисление крестьян и дворовых людей, которые достались с имением по купчей 250 000 рублей⁶. Уже в 1887 г. владельцами всех крестьянских общин выступают Голицыны, а именно: сын Сергея Ивановича Василий Сергеевич (1794-1836), кроме д. Косой поселок, населенной государственными крестьянами)⁷ (Ил. 6).

Ил. 7. Николай Сергеевич Голицын

Согласно «Сборнику статистических сведений по Рязанской губернии» от 1887 г. в с. Дубровке имелась земская (мужская) и частная (женская) школы. Женская школа содержалась за счет кн. Голицыных. Также имелась земская почтовая станция, водяная мельница, кузница⁸.

В фондах музея встречаются копии документов, принадлежавших разным членам княжеской династии по разным родовым линиям. Имеется послужной список князя Николая Сергеевича Голицына (1809-1892) (Ил.7). Еще одна интерес-

Ил. 8. Город Касимов. Фото. Кон. XIX в.

ная личность из рода Голицыных по ветке Алексеевичей — это Николай, младший сын Сергея Ивановича, яркая фигура в истории. Деятельность Николая Сергеевича была связана с развитием военно-теоретического образования и военной науки в России. Он автор многих трудов, редактор газеты «Русский инвалид»⁹.

Большое участие в общественной жизни и развитии Касимова принял другой член княжеской семьи — Василий Павлович Голицын (1821-1901), третий сын Павла Васильевича и внук Василия Сергеевича. Василий Павлович являлся почетным гражданином города Касимова, был гласным заседаний Касимовского земского собрания (1896)¹⁰, избирался в состав почетных мировых судей по Касимовскому уезду на 1873-1897-1899 гг.¹¹ (Ил. 8), принимал участие в открытии среднего технического училища в городе (1896), ходатайствовал у министра финансов по вопросу

открытия училища, являлся членом попечительского совета касимовской женской прогимназии¹². В 1901 г. князь Василий Павлович Голицын умер от неизлечимой болезни, о чем сообщает его супруга княгиня Екатерина Никитична¹³.

Следующее упоминание о Голицыных имеется в «Списке фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений по Касимовскому уезду и городу с поименованием владельцев их, подлежащих обложению земским сбором в 1913г. и 1914 г.»¹⁴. Это Павел Павлович (1856-1914), второй сын Павла Васильевича Голицына. При с. Дубровка Павел Павлович владел водяной мельницей, Аделинским № 26 винокуренным заводом. Существует предположение, что безымянный хутор был назван в честь супруги Василия Сергеевича Голицына Аглаиды (Аделаиды) Павловны Строгоновой¹⁴. В документах позднего периода по Касимовскому уезду фамилия Голицыных не упоминается.

¹ Отчет о деятельности музея за 1953 г. Касимов. 1954 г. // КИКМЗ ККМ ОФ-3909/30.

² Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. — Рязань, 1891. — Т. IV. — С. 181.

³ Потапов В. П., Горбунов Б. В. Касимовская земля. История одного края. — Рязань, 2001. — С. 176.

⁴ Историко-статистическое описание... — С. 182.

⁵ Там же.

⁶ Купчая на проданное Мухановым князю В. С. Голицыну имение в с. Дубровка. Копия. 1824 г. // КИКМЗ ККМ ОФ-3769.

⁷ Сборник статистических сведений по Рязанской губернии. — Рязань, 1887. — Т. VII. — Вып. I. — С. 180-188.

⁸ Там же. — С. 179-182.

⁹ Послужной список князя Н. С. Голицына. Копия. XIX в. // КИКМЗ ККМ ОФ-3772.

¹⁰ Журналы Касимовского уездного земского собрания XXXII-го очередного созыва и чрезвычайного созыва 27-го ноября 1896 г. — Касимов, 1896. — С. 331-332.

¹¹ Справочная книжка Рязанской губернии на 1873 г. Адрес-календарь и справочные сведения. — Рязань, 1873. — С. 146.

¹² Журналы Касимовского уездного земского собрания... — С. 333.

¹³ Журналы Касимовской городской думы за 1901 г. — Касимов, 1901. — С. 40-41.

¹⁴ Список фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений по Касимовскому уезду и городу с поименованием владельцев их, подлежащих обложению земским сбором в 1913 г. — Касимов, 1913. — С. 44-45.

В. Л. Гуренко (Волгоград)

ОБРАЗ МУЗЕЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Музей — это система, которая пытается отобразить в себе две фундаментальные философские категории: пространство и время. Так как эти категории, вопреки ньютоновской концепции, являются человеческими умозрительными конструкциями и сосуществуют только вместе с культурой, культура использует символический образный ряд для осуществления этой идеи — проекция времени и пространства. В культуре знаковое общественное время, в котором тесно сплетены образы, ценности и индивидуальная и надиндивидуальная память, концептуализируются в то, что принято называть историей. Музей как продукт эпохи Нового времени вынужден находиться в линейном или прогрессивном времени. В этом понимании историческое время — это самостоятельный объективный процесс, который выражается в модернистской номенклатуре как хронология. Подобная смена существует в области искусства. На протяжении всей истории искусства эстетические представления, вкусы и техники менялись, руководствуясь этим *zeitgeist*. Подобная историческая скоротечность может создать ряд проблем для очевидца, а именно проблему «исторического забвения» и понимания культурного настоящего. Для решения этих проблем и появляется музей, который призван «схватить» значимый для истории или искусства материальный объект и сосредоточить его в себе, чтобы в дальнейшем с помощью музейных предметов проиллюстрировать модель исторической эпохи, социального института, жанра живописи и т. д.

Однако, несмотря на то, что музей хранит, комплектует, исследует и выставляет музейные предметы, не существует норматива рационального понимания и чувственного восприятия музейной экспозиции и музея в целом¹. Таким образом, ставится вопрос: «Как интерпретировать музей?» В этом плане, Музей — это Дом, выступающий как модель Острова и Океана бытия². В этом плане остров или королевство в свернутом виде существует как дом. Музей же является результатом этого свертывания. Посетитель же представляется как странник. Этот странник пытается

понять, где он находится. Он исследует эту область, обнаруживает, что существует таинственное послание, сформулированное в виде материального алгоритма, который выражен в музейной экспозиции. Но как правильно считать музей и возможно ли правильно его считать?

Отвечая на эти вопросы на помощь исследователю приходит искусство интерпретации — герменевтика. Использование герменевтического метода в музейном пространстве предполагает, что исследователь воспримет музей или музейную экспозицию как текст. В этом тексте выявляется музейная «логика повествования», обнаруживаются кульминационные моменты, а также смысловые лакуны — странные места, которые не позволяют понять «музейный текст» в целом. Идея «герменевтического круга» в музее позволяет осознать диалектическое понимание того, что, как целую историческую эпоху нельзя понять, не поняв ее часть, которая выражается в музейном предмете, так и музейный предмет невозможно понять, не имея общих представлений об эпохе в целом. Аналогично эта идея работает и в музеях изобразительных искусств.

Философский интерес представляют не только идеи о музее, о произведении искусства или артефакте древности, которые были интеллектуально сгенерированы при исследовании, но и сами мировоззренческие идейные основания исследователя. Зачастую только интеллектуалы способны мыслить о своем мышлении. Обыденному сознанию трудно отрефлексировать свои мысли или чувства. Например, субъект может выдвинуть тезис о том, что картина ему нравится, но объяснить, почему — не может, или же этот субъект утверждает, что в картине есть глубокий смысл, но объяснить какой — не в состоянии. Обыденное сознание, таким образом, обуславливается интуицией, повседневным опытом и шаблонными социальными стереотипами. Однако это не означает, что мировоззренческие установки у обыденного сознания отсутствуют.

Почему актуально исследовать идейные установки посетителей в музее? Во-первых, это

исследование предостерегает от того, что музей как социальный институт культурно изолируется, т. е. станет элитарной закрытой системой. Таким образом, исследование мировоззренческих установок посетителей позволяет музею координировать свои функции, сбалансированно осуществлять просветительскую и массовую деятельность.

Эти мировоззренческие установки операционально можно назвать пресуппозициями. Термин пресуппозиция имеет отношение не столько к философии, сколько к лингвистике и НЛП (нейролингвистическое программирование). В данном контексте пресуппозиция — это мировоззренческая предпосылка, установка индивида или группы, способная на подсознательном уровне описывать бытие и человека. В тексте и в речи эти установки даны косвенно. Исследователи выделяют аналитические (логические) установки и синтетические. В качестве примера можно предложить вопрос «Почему мне дали одно яблоко, а ему целых три»? Аналитическая пресуппозиция будет сводиться к логичному очевидному выводу — вопрошающий обделен. Несмотря на свою банальность, этот вывод помогает выстроить базовую схему отношений ($A < B$). Синтетическая пресуппозиция, исходя из более вероятного положения дел, соединяет идею обделенности с более глубинными смыслами. Это становится заметно, если проанализировать функцию слова «целых» в изначальном вопросе. Какова функция этого слова? Можно заключить, что слово «целых» имеет под собой риторически ценностно окрашенную функцию. Следовательно, три яблока для субъекта ценнее, чем одно. В этом плане уже $A \rightarrow B$. Отсюда можно вывести: 1) идею жадности вопрошающего; 2) идею, что максимальное количество более ценно, чем минимальное; 3) и, наконец, идею равенства (справедливости).

Возвращаясь к музею: отношение посетителя к музею обычно фиксируется на сайте или в книге отзывов. Сам факт, что в музее есть книга отзывов, говорит о том, что музей это не закрытая система. С одной стороны, музейным работникам интересно, что о музее думает посетитель, с другой — книга отзывов имеет символическую коммуникативную функцию. Так, музей в виде книги отзывов аккумулирует в себе разнообразный объем отзывов для того, чтобы продемонстрировать

сферу своего влияния. Чем шире эта сфера, тем лучше. Поэтому музейные работники, как правило, просят иностранцев или известных личностей оставить свое послание или отзыв музею. Исследуя книгу отзывов в целях выявления пресуппозиций посетителей зачастую можно наталкиваться на хвалебные или юмористические отзывы.

В качестве объекта исследования для выявления пресуппозиций можно привести следующий отзыв, который был оставлен в книге отзывов музея: «Очень скучный музей. Зал природы ни о чем! Пустота!». Первое, что стоит отметить, это радикальность суждения. Что значит «пустота» и «ни о чем» при условии, что, скорее всего, в экспозиционном зале есть как минимум музейные экспонаты? Исходя из этой предпосылки, можно выстроить две гипотезы, которые исходят из количественных и качественных установок. Количественная установка исходит из идеи «жадности», где под «пусто» подразумевается «недостаточно» (мало). Вторая установка имеет отношение не к количественному аспекту, а к качественному. Таким образом, в рамках этой гипотезы «пусто» значит, что ни экспонаты, ни экспозиция в целом не произвели на посетителя эстетического или эмоционального эффекта. Необходимо иметь в виду, что в этом варианте с одной стороны может быть, что действительно экспозиционный ряд музея выстроен методически некорректно и, тем самым, не смог затронуть ценностные эстетические установки посетителя, с другой стороны, неочевидно, что эти эстетические установки у посетителя присутствовали ранее. Важно отметить, что эстетическое чувство возникает только при сопряжении ценностной установки субъекта с предметом прошлого или с произведением искусства. Если ценностные установки посетителя не рефлексируются, или же они не коррелируют с художественно-экспозиционным решением музейной экспозиции, то эстетические чувства не смогут быть актуализированы в музейном пространстве. Таким образом, причина отсутствия чувственного и эмоционального эффекта не в музее, а в посетителе.

Можно привести другой отзыв, который поднимает глубокий философский вопрос об онтологизирующей функции музея, в которой подразумевается соотношение исторического процесса

и музейного пространства. «Ничего не сказано о почетных гражданах нашего города, как будто их и не существовало». Какие мировоззренческие установки можно выявить в этом отзыве на музейную экспозицию? Во-первых, это установка, что музей — это то пространство, которое обуславливает существование различных исторических феноменов (в данном случае, известных личностей города). Можно сделать вывод, что существование персоналий или знаковых событий в историческом времени зависит от пространства музея. В мировоззрении посетителя музей легитимирует историческое прошлое, делая его тем самым очевидным (наблюдаемым) для зрителя. Это не случайно т. к. в ранней греческой философской традиции истинным являлось то, что можно наблюдать или осязать. Это ярко демонстрируется в древнегреческих натурфилософских исканиях архэ как первоосновы всего сущего (воды, огня или воздуха). В этом заключается особенность и музейной визуальной демонстрации. Эта демонстрация не только актуализирует историческое прошлое, но и придает ему статус существования. «Музей выступает таким Стеллажом, с помощью которого сам по себе артефакт в музее раскрывается в философском плане прежде всего тем, что он являет собой инобытие, включенное в иную

трансцендентную систему, выраженную в некоем Трансцендентном, искусственно созданной музеем системе координат»³.

Во-вторых, в этом отзыве можно выявить идею исторической полноты. В этом понимании краеведческий музей обязан максимально полно соотноситься с историческими особенностями страны или города. Метафорически музей в этом аспекте можно представить как зеркало, которое, несмотря на незначительные искажения, должно максимально точно отображать историческую реальность. Не вызывает сомнений, что краеведческий музей должен максимально отразить историю своего города, но всегда будут исторические аспекты, которые выпадают или идейно подразумеваются музеем.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что музей, несмотря на свою камерность и мистичность, не является герметичной закрытой системой. Порой впечатление посетителя задает тон и традиции восприятия музейной деятельности. Это, в свою очередь, побуждает музей сделать выбор традиции дальнейшего функционирования — от классической до постмодернистской. Выбор традиции обусловит образ музея в мировоззрении посетителей, без которых музей как культурный институт существовать не может.

¹ Бонами З. А. Как читать и понимать музей. Философия музея. — М., 2018. — С. 5.

² Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. — М.,

2008. — С. 78.

³ Философия музея. — М., 2013. — С. 18.

МУЗЕЙНАЯ АРХИТЕКТУРА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Петровские преобразования заметно расширили границы отечественной культуры того времени и дали важнейший импульс для ее блистательного развития в XVIII-XIX веках. Она не только обратила свой взгляд на новые области художественной жизни людей, в том числе и сферу музейного дела, но и расширялась пространственно, включая в свой кругозор культурные традиции и новации различных стран и народов.

Своим интересом к музейной архитектуре Россия петровского времени во многом обязана Западу, где увлечение коллекционированием было модным явлением в аристократической и научной среде. Художественные галереи и естественно-научные кабинеты, теоретические трактаты по организации музейного пространства и архитектурное проектирование — все это характерные приметы европейского отношения к музею как социокультурному явлению. Заграничные путешествия Петра Великого и его сподвижников в Европу открыли музей для отечественной культуры этого времени, о чем наглядно свидетельствуют памятники архитектуры и садово-паркового искусства петровского времени, т. е. Кунсткамера и Летний сад в Санкт-Петербурге, дворцовая картинная галерея Монплезира в Петергофе, аптекарские огороды Москвы и Санкт-Петербурга, петербургский домик Петра Великого с защитной галереей и т. д.

В XVIII столетии отечественная музейная архитектура была представлена, в основном, дворцовыми галереями и «картинными залами» дворянских усадеб с их анфиладной планировкой и, следовательно, протяженной структурой экспозиционного пространства, а также различными проектами «музеумов», воплощавших идею универсального знания и всеохватывающего интереса к культурному и природному наследию, например, известный проект французского архитектора Ш.-Л. Клериссо, адресованный императрице Екатерине Великой. В XIX веке идейно-художественная концепция музейной архитектуры из-

менилась под влиянием все более усложнявшейся дифференциации научного знания и неразрывно связанной с этим процессом необходимостью тематической организации экспозиционного пространства. Музей становится самостоятельным типом общественной архитектуры. Основопологающие принципы архитектурно-пространственного решения музейных экспозиций и проектирования структуры музея в целом были сформулированы в курсе лекций французского архитектора Ж.-Н.-Л. Дюрана, прочитанного в 1802-1805 годах в Политехнической школе, и восприняты отечественной архитектурой. Первым фактически самостоятельным музейным зданием в России стал Новый Эрмитаж в Санкт-Петербурге, возведенный в 1842-1851 годах по проекту немецкого архитектора Л. фон Кленце.

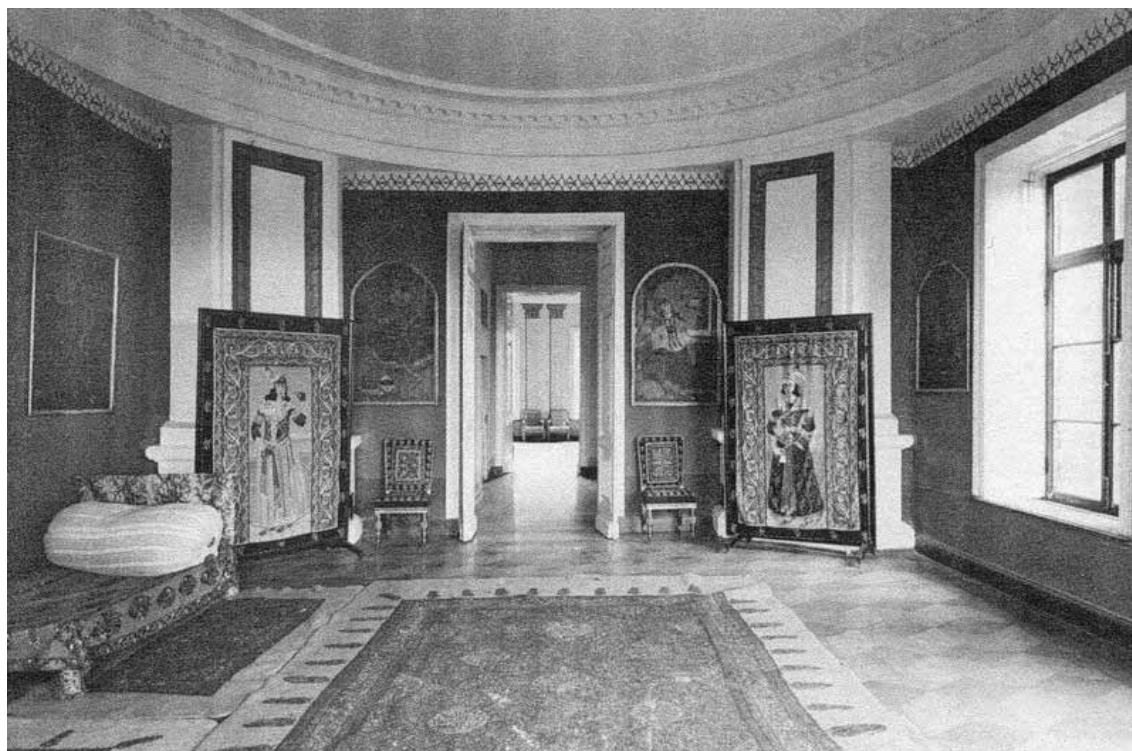
Важным этапом в развитии отечественной музейной архитектуры являлось строительство в Москве в 1874-1883 годах Исторического музея, идейно-художественную программу которого разработали историк И. Е. Забелин и археолог А. С. Уваров, а воплотил в архитектурных формах неорусского стиля эпохи эклектики архитектор В. О. Шервуд при участии архитектора А. П. Попова и инженера А. А. Семенова. По замыслу создателей Исторического музея, его архитектура, цитирующая формы московского зодчества XVI столетия, должна была не только отчетливо указывать на его главную функцию как места сохранения исторической памяти русского народа, но и органично дополнить сложившийся ансамбль Красной площади с собором Василия Блаженного и Кремлевской стеной с башнями. Принцип цитирования в музейной архитектуре России эпохи модерна нашел свое воплощение в идейно-художественной программе Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете, выстроенном в 1898-1912 годах по проекту архитектора Р. И. Клейна при участии архитекторов В. Г. Бархина и А. Д. Чичагова, инженеров И. И. Рерберга и В. Г. Шухова.

Неогреческие формы монументального здания с гладкими стенами, облицованными крупными мраморными плитами, и ордерным декором глубоких лоджий парадного фасада и портика ризалита, украшенного скульптурным фризом, напоминают об архитектуре афинского акрополя — изысканном ионическом ордере Эрехтейона, величественной дорике Пропилей и знаменитом зофорном фризе Парфенона. Его планировка, в целом, типична для музейной архитектуры XIX столетия, но она сочетается с эффектными решениями при оформлении интерьеров — парадной лестницы, «Белого зала», «Греческого дворика» и т. п.

Несмотря на все значение музейной архитектуры в истории художественной культуры России, она пока еще изучена недостаточно, особенно в региональном аспекте. Данная работа посвящена музейной архитектуре Владимирской губернии начала XX столетия.

«Владимирская губерния в области музейного строительства занимает одно из видных мест в ряду других губерний нашего Союза ССР. Богатство культурно-исторических памятников, находящихся на территории края, прочные традиции глубокого научного интереса к местной старине и природе, созданные трудами прежних научных

организаций (Владимирской Ученой Архивной Комиссии и Общества Любителей Естествознания), и наличие нескольких квалифицированных и самоотверженных музейных работников — все это в совокупности значительно содействовало успеху развития музейного дела», — отмечал директор Владимирского государственного областного музея А. И. Иванов в 1926 году¹. До начала XX века во Владимирской губернии музейная архитектура не получила своего развития. Частные коллекции и собрания находились в дворянских усадьбах и купеческих особняках, например в усадьбе «Андреевское» Воронцовых или особняке С. И. Сенькова в Вязниках. Известно, что издатель и этнограф И. А. Гольшев выставлял собранную им коллекцию памятников искусства и старины, которая включала в себя домовую резьбу и керамику, предметы народного быта, церковной утвари и т. п., в парадной гостиной своего дома в усадьбе «Гольшевка». Не имел специального здания для своей экспозиционной деятельности и хранения фондов музей естественных и промышленных произведений, учрежденный в 1854 году по инициативе Владимирского губернского статистического комитета. Для экспонирования и хранения музейных коллекций

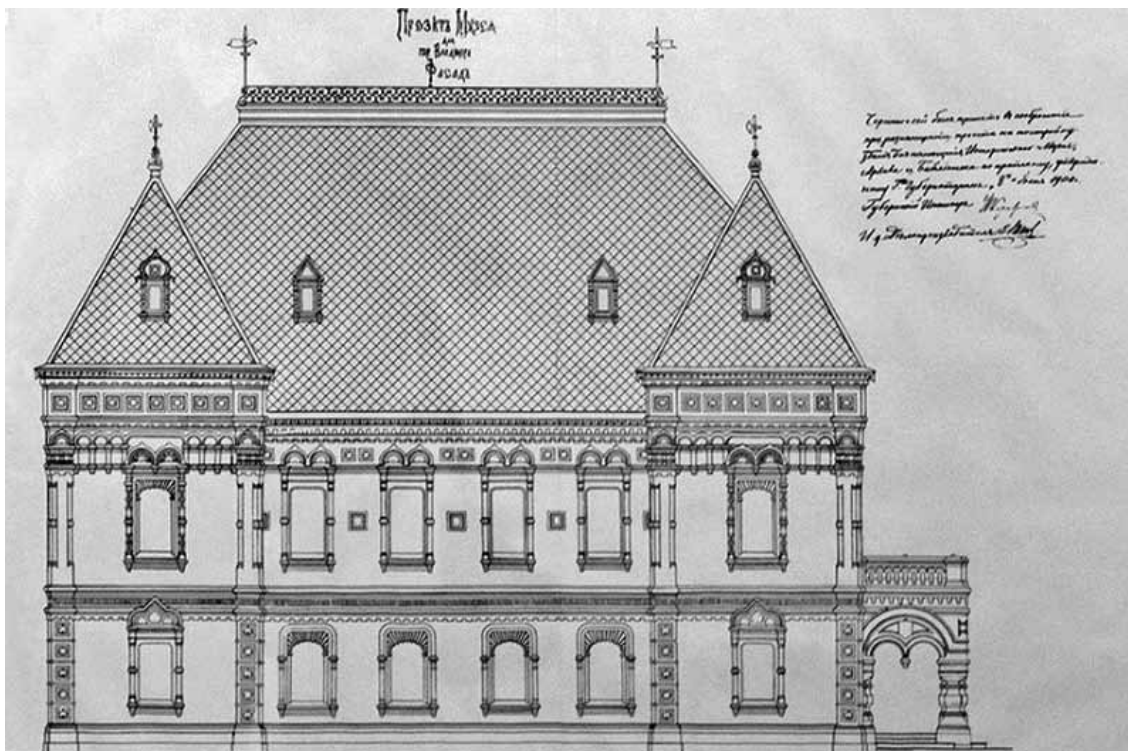

Ил. 1. Усадьба «Снегирево» Салтыковых. Главный дом. 1804 г. Интерьер. Фото 1910 г.

ему в разные годы отводились помещения в мужской гимназии, дворянском собрании, губернском правлении и т. п.² Специального здания также не было и у естественно-исторического музея, организованного по инициативе Владимирского общества любителей естествознания. Вопрос о его создании во Владимире обсуждался уже на первых заседаниях общества в 1903 году, когда было предложено в «виду необходимости собрать по возможности скорее коллекции для устройства естественно-исторического музея... обратиться ко всем сочувствующим целям общества с просьбой заняться текущим летом собиранием нужного для этого материала»³, причем совету общества было поручено «составить краткие для этого программы»⁴. По предложению председателя Владимирского общества любителей естествознания и управляющего государственными имуществами Владимирской и Рязанской губерний А. В. Селиванова для «будущих собраний общества, как равно и для хранения библиотеки» было выделено помещение, занимаемое управлением государственных имуществ во Владимире⁵. В 1912 году совет общества, принимая «во внимание, что изучение природных условий губернии может идти правильно только при наличии есте-

ственно-исторического музея» направил «особое представление» в губернскую земскую управу, где просил «обратить внимание губернского земского собрания на необходимость постройки в гор. Владимире такого музея»⁶. Заслушав на своем заседании это представление, губернское земское собрание «признало однако невозможным войти в рассмотрение этого вопроса за неимением плана и подробной сметы музея»⁷. В этом же году Владимирское общество любителей естествознания образовало комиссию по изучению Владимирской губернии в естественно-историческом отношении и поручило ей «собрать все необходимые сведения для составления проекта и сметы желательного музея, а также выяснить взгляд других ученых и просветительских обществ Владимирской губернии на вопрос о необходимости устройства такого музея»⁸. Однако, несмотря на проделанную обществом большую работу по созданию естественно-исторического музея, специальное здание для него так и не было построено в силу причин финансового и организационного характера.

Возникновение самостоятельной музейной архитектуры во Владимирской губернии неразрывно связано с деятельностью Владимирской ученой архивной комиссии, которая ставила сво-

Ил. 2. Музей ВУАК. 1900-1906 гг. Архитектор П. Г. Беген. Проект

ей задачей «собрание и всестороннее изучение памятников истории и культуры славного своим прошлым Владимиро-Суздальского края» и стремилась «сплотить в тесный круг местные интеллигентные силы, направляя их на бескорыстные и благородные труды по собиранию и описанию памятников древности письменных и вещественных, уясняющих историческое прошлое родной губернии»⁹. Комиссия была образована 26 ноября 1898 года. Председателем ВУАК, в соответствии с положением «Об учреждении ученых архивных комиссии и исторических архивов» от 13 апреля 1884 года, стал владимирский вице-губернатор, камергер двора е. и. в. князь Н. П. Урусов. В своем «Отчете о деятельности Владимирской Ученой Архивной Комиссии за второй год ее существования» правитель дел ВУАК В. Т. Георгиевский отмечал, что «при самом учреждении Архивной комиссии в числе задач ее деятельности было, между прочим устройство Исторического музея и Исторического Архива, куда бы могли быть собираемы и где могли бы сохраняться памятники древности Владимирской губернии, как вещественные, так и письменные. Комиссия сознавала всю трудность этого начинания без денежных средств, без удобного помещения, но необходи-

мость и высокая полезность этого учреждения побудили приложить все старания на изыскание средств для осуществления этого предприятия»¹⁰. Вопрос об устройстве в губернском городе Владимире музея по представлению князя Н. П. Урусова был рассмотрен на заседании ВУАК 26 (13) июня 1899 года. Решение о начале сбора средств для строительства здания музея довели до сведения всех общественных учреждений Владимирской губернии и из «последних первую откликнулась Иваново-Вознесенская Городская Дума, ассигновавшая единовременно 1000 рублей на постройку Музея и 100 руб. ежегодно на содержание его»¹¹. 18 (5) марта 1900 года на заседании ВУАК был определен участок городской земли под строительство здания музея вблизи церкви во имя Святителя и Чудотворца Николая. Городская дума выделила «безвозмездно» в собственность комиссии этот земельный участок «всего 240 кв. саженей»¹². Владимирская ученая архивная комиссия объявила конкурс на проект здания музея, архива и библиотеки, причем, несмотря на то, что «конкурс был бесплатный, местные техники и архитекторы почти все единодушно отозвались на призыв Комиссии и представили несколько проектов здания, более или менее удачных и талантливых»¹³. Жюри

Ил. 3. Музей ВУАК. 1900-1906 гг. Архитектор П. Г. Беген. Фото 1912 г.

остановило свой выбор на проекте губернского архитектора П. Г. Бегена, который не только отвечал эстетическим требованиям заказчика, но и в духе идей Ж.-Н.-Л. Дюрана экономично сочетал в одном здании три учреждения, имеющие близкие, и, тем не менее, разные функции — музей, архив и библиотеку. В мае 1900 года была избрана Строительная комиссия, в которую вошли И. Н. Могучих, А. А. Шилов, В. А. Иванов, П. Г. Беген и А. В. Смирнов. 11 июня (29 мая) состоялась торжественная закладка здания музея ВУАК, при которой правитель дел комиссии В. Т. Георгиевский прочитал акт об этом событии и по прочтении «уложен в стеклянный цилиндр, который был герметически закупорен и помещен в нарочно для того приготовленный каменный ящик с высеченной на нем надписью о закладке Музея. Этот ящик замурован в середине основания восточной стены начатого здания Музея»¹⁴. К ноябрю 1901 года здание «было устроено — можно сказать — вчерне. 1902-й год ушел на отделку, главным образом нижнего этажа, куда в декабре того же года и летом 1903 г. было перенесено все имущество Архивной комиссии. Летом 1903 г. на средства М. Н. Софонова и его же рабочими была произведена стенная роспись верхнего эта-

жа»¹⁵. К 1906 году было пожертвовано «на всю постройку и на содержание Музея 20 217 р. 86 к. деньгами, кирпич для постройки уступлен по цене заводчику (уступка на 232 тысячах), пожертвовано кирпича 85 тысяч, цемента 10 бочек, 15 куб. бутового камня, 19 аршин цоколя, белый камень на лестницу во второй этаж, на пол в первом этаже и на колонны крыльца, чугунная колонна в высоту нижнего этажа и др. более мелкие материалы. Израсходовано денег до сего времени на постройку здания (кроме обмеллировки) и на отопление и застрахование его 21 811 р. 51 к. и остается неуплаченных за работу и материалы около 1700 рублей»¹⁶. В музее в 1902 году установили памятную доску, на которую занесли «имена всех жертвователей» на постройку здания, кто внес сумму не менее 500 рублей¹⁷.

Двухэтажное здание музея ВУАК было выстроено из красного кирпича в лицевой кладке. Композиционно постройка объединяет в себе три разновеликих объема: центральный объем, прямоугольный в плане, вытянутый вдоль Большой Московской улицы, и фланкирующие его поперечные объемы, также прямоугольные в плане. На северном парадном фасаде здания поперечные объемы выступают в виде ризалитов, а на южном

Ил. 4. Музей ВУАК. 1900-1906 гг. Архитектор П. Г. Беген. Интерьер. Фото 1910-е гг.

фасаде роль ризалита играет лишь западный поперечный объем. Все объемы завершены высокой кровлей-епанчой с металлическим покрытием шашечной разгранки и ажурным металлическим гребнем в коньке. Главный вход в здание, расположенный на западном торцевом фасаде, акцентирован монументальным крыльцом с крестовым сводом и украшенным массивными фигурными столбами и широкой двойной аркой с висящей гирькой. Над крыльцом устроен балкон с входным проемом, эффектно оформленным наборными стойками и нарядным кокошником¹⁸. Завершает центральную ось западного фасада трехлопастной фронтоном, где в тимпане выполнена надпись: «1900 В. А. К.», а ниже, на карнизе — «Музей». Декоративное убранство здания, включающее хорошо известные зодчеству XVIII столетия формы и элементы, характеризуется разнообразием и виртуозностью исполнения — фигурные наличники оконных проемов лучковой и арочной форм, широкие карнизы, лопатки с ширинками или врезаемыми в ребро колонками и т. п. Вместе с тем, для украшения фасадов были использованы «подлинные изразцы XVII-XVIII веков из старинных домов города Гороховца»¹⁹, что обеспечивало сочетание принципа архитектурного цитирования с ар-

хеологическим подходом к сохранению исторической памяти русского народа. Планировка здания носила анфиладный характер, причем «нижний этаж разделялся на три помещения, а верхний — на два. В нижнем вестибюль (7X11 арш. размером), большая зала (19X11 аршин) для библиотеки и меньшая комната (7X11 арш.) для Исторического Архива; из вестибюля нижнего этажа ведет каменная лестница (30 ступеней) в два марша в верхний этаж; там первое помещение соответствует вестибюлю нижнего этажа, а второе, разделенное двумя порталами над стеною между библиотекой и архивом — этим двум последним. Во втором этаже и помещается Музей, в котором поставлены 25 витрин со стеклом, пожертвованным почетным членом Комиссии Ю. С. Нечаевым-Мальцовым»²⁰. К 1917 году музей ВУАК уже насчитывал примерно 5200 предметов искусства и старины и разделялся на четыре отдела: археологический, бытовой, церковный и художественный; библиотека включала в себя около 15 000 томов²¹.

Более масштабный характер музейная архитектура начала XX столетия получила в Иваново-Вознесенске, где на средства известного фабриканта и мецената Д. Г. Бурлыгина было

Ил. 5. Музей промышленности и искусства Д. Г. Бурлыгина. 1912-1915 гг. Архитектор П. А. Трубников. Закладка здания. Фото 1912 г.

выстроено здание Музея промышленности и искусства. 25 августа 1912 года состоялась торжественная закладка здания, проект которого на конкурсной основе выполнил архитектор П. А. Трубников. В вестибюле музея установлена закладная памятная доска, где сказано, что «Музей промышленности и искусства, собрание древностей и редкостей построен Дмитрием Григорьевичем Бурылиным для общего пользования в память его дедушки Диодора Андреевича Бурылина, основателя ситценабивочной фабрики в 1812 году, строителя Единоверческой Благовещенской церкви в 1839 году и основателя сего, вознесенского посада в 1842 г. Начат постройкой по проекту художника-архитектора П. А. Трубинова 25 августа 1912 г., окончен в 1915 г.». Музей промышленности и искусства изначально проектировался как своеобразный музейно-научный и художественный центр, где наряду с музейными экспозициями располагались обсерватория и биологическая станция, концертный зал и синематограф, лекторий и филиал Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, а также публичная библиотека²². В ходе строительства здания использовались новые материалы и технические средства, т. е. железобетонные

конструкции, лифт и т. п. Монументальное здание в стиле неоклассицизма представляет собой прямоугольную в плане постройку, включающую два основных, цокольный и антресольный этажи, с небольшим ризалитом восточного объема на дворовом фасаде. На северном парадном фасаде фланкирующие ризалиты с изящными пилястровыми портиками, обрамляющими трехчастные оконные проемы верхнего и антресольного этажей, и массивными балконами с бетонной балюстрадой акцентируют центральную часть здания, где в завершении устроен аттик с овальной нишей часов. В интерколумниях парных колонн ионического портика большого ордера, объединяющего верхний и антресольный этажи, с двух сторон от центрального оконного проема с надписью над ним «Музей Д. Г. Бурылина», расположены мифологические скульптурные изображения Афины и Гермеса. На уровне нижнего этажа, оформленного крупным рустом, по сторонам от парадного входного проема, размещены арочные ниши с вазонами на постаментах. Неоклассицистический фасадный декор здания дополняют крупные mascarоны и гирлянды. Ведущую роль в планировочной структуре музея играет вестибюль, украшенный кессонированным плафоном с лепными

Ил. 6. Музей промышленности и искусства Д. Г. Бурылина. 1912-1915 гг. Архитектор П. А. Трубников. Картинная галерея. Фото 1915 г.

розетками, мозаичным полом и мраморной балюстрадой парадной лестницы, а также огромные экспозиционные залы, расположенные в торцевых частях постройки. Перед парадной лестницей пространство вестибюля пересекает коридор, делящий здание на две половины — большую по площади парадную часть и меньшую по площади дворовую часть. В декоре интерьеров использовались мрамор, бронза, редкие породы дерева и литое стекло. Подземный ход, служивший дополнительным экспозиционным помещением, связывал музей с расположенным на противоположной стороне улицы особняком Бурьлиных. К 1917 году Му-

зей промышленности и искусства Д. Г. Бурьлина насчитывал около 175 тысяч экспонатов, составляющих древнеегипетскую и античную, масонскую, нумизматическую и живописную коллекции, собрания тканей, изразцов и изделий кустарной промышленности. Здесь же хранилось и более 5 тысяч различных рукописных и старопечатных книг и документальных материалов²³.

Музейная архитектура Владимирской губернии начала XX века сумела обогатить отечественную художественную культуру, а также внесла свой вклад в формирование и развитие музейного дела в России.

¹ Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Труды Владимирского государственного областного музея. — Владимир, 1926. — Вып. 2. — С. 67.

² Барченкова О. Б. Деятельность губернского статистического комитета по созданию музея во Владимире // Материалы исследований. — Владимир, 2005. — Сб. № 11. — С. 3-8; Попова М. П. И поиск длится целый век... — Владимир, 2002. — С. 109-112.

³ Труды Владимирского общества любителей естествознания. — Владимир, 1903. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Труды Владимирского общества любителей естествознания. — Владимир, 1904. — Т. 1. — Вып. 3. — С. 33.

⁶ Труды Владимирского общества любителей естествознания. — Владимир, 1914. — Т. 4. — Вып. 1. — С. 71.

⁷ Там же.

⁸ Труды Владимирского общества любителей естествознания. — Владимир, 1913. — Т. 3. — Вып. 3. — С. 61.

⁹ Георгиевский В. Т. Отчет о деятельности Владимирской Ученой Архивной Комиссии за второй год ее существования (1900 г.) // Труды ВУАК. — Владимир, 1901. — Кн. 3. — С. 14.

¹⁰ Там же. — С. 15.

¹¹ Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчет о деятельности Владимирской Ученой Архивной Комиссии за восьмой год ее существования (1906 г.) // Труды ВУАК. — Владимир, 1907. — Кн. 9. — С. 9.

¹² Попова М. П. Указ. соч. — С. 113.

¹³ Георгиевский В. Т. Указ. соч. — С. 16.

¹⁴ Там же. — С. 18.

¹⁵ Смирнов А. В., Трегубов М. И. Указ. соч. — С. 9-10.

¹⁶ Там же. — С. 10.

¹⁷ Попова М. П. Указ. соч. — С. 114.

¹⁸ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область. — М., 2004. — Ч. 1. — С. 338-339.

¹⁹ Дудорова Л. В. Старый Владимир. — Владимир, 2013. — С. 180.

²⁰ Смирнов А. В., Трегубов М. И. Указ. соч. — С. 10.

²¹ Иванов А. И. Указ. соч. — С. 78-79.

²² Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область. — М., 2004. — Ч. 1. — С. 329.

²³ Там же. — С. 329-331.

МУЗЕЙ ГОРОДА, ОБЪЕДИНИВШЕГО ДВЕ КУЛЬТУРЫ: ИТОГИ СТА ЛЕТ

Касимов — один из самых интересных и необычных малых городов России. Небольшой и провинциальный, этот город лишь на первый взгляд — среднестатистический представитель средней полосы. Касимов никогда не был посредственностью — слишком странные преобразования он переживал в разные периоды своей более чем восьмивековой жизни. Пограничная крепость, основанная Юрием Долгоруким, в середине XV столетия превратилась в столицу маленького государства в государстве — удельного Касимовского татарского ханства, а в позапрошлом веке развилась в крупный купеческий центр и стала колыбелью Окского пароходства. Касимов старался жить насыщенной жизнью, как будто нарочно коллекционируя и проживая все новые и новые необычные и любопытные эпизоды, вдохновляя талантливых и интересных людей.

Как и многие музеи страны, главный музей Касимова появился в первые послереволюционные годы — в области музейного строительства и охраны памятников в этот период был проведен ряд преобразований. Еще в октябре 1918 года был подписан «Декрет о регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», а уже в феврале 1919 года в Петрограде прошла Первая Всероссийская музейная конференция. Вопрос о создании музея в Касимове был поднят одним из самых активно действующих учреждений города — Уездным отделом народного образования (УОНО), соответствующий подотдел которого притупил к созданию в городе музея краеведческого типа. В нем, по замыслу создателей, должны быть представлены экспонаты, всесторонне отражающие все стороны жизни края. И такие экспонаты нашлись уже на этапе зарождения музея: процесс национализации в 1919 году коснулся и усадеб Касимовского края — например, князей Голицыных в Дубровке: предметы быта и семейные реликвии в одночасье приобрели статус всеобщих культурных ценностей и были перевезены в Касимов; также в центр уезда были доставлены иконы и богослужебные

книги из ликвидированного старообрядческого скита, находившегося в имении касимовского лесопромышленника Лаптева близ села Увяз.

Первым местом прописки музея (а переезжать впоследствии он будет неоднократно) можно считать небольшой особняк купчихи Азовцевой на площади Соборной в центре города — именно туда в 1919 году были привезены мебель, живопись, предметы интерьера — то, что со временем стало первыми экспонатами. До музея в привычном понимании тогда было еще далеко, да и достойные условия содержания этим многочисленным и разнородным предметам создать было сложно — необходим был человек, который бы постоянно следил за их сохранностью. Было очевидно, что музей следует открывать как можно скорее, однако все упиралось в одну проблему — отсутствие подходящего для музея помещения.

Ситуация изменилась к 1921 году: на одной из центральных улиц города выделили здание — бывший купеческий дом В. Я. Клёнова. 22 сентября там состоялось официальное открытие Касимовского краевого уездного музея.

Для обозрения в двух комнатах и вестибюле было выставлено лишь около ста экспонатов: живопись, рисунки, гравюры, скульптура. Музейных сотрудников тогда было всего трое, на помощь им пришли внештатные сотрудники и помощники — группа знатоков и любителей родного края, увлеченных и энергичных людей, многие из которых входили в местное отделение Общества любителей Рязанского края, в том числе председатель Общества С. Д. Яхонтов и секретарь А. А. Мансуров.

Музейщикам и краеведам совместными усилиями удалось развернуть активную и профессиональную работу по изучению истории, этнографии и археологии Касимовского края, а также по сбору экспонатов. Огромная заслуга в этом принадлежит первому директору Касимовского краеведческого музея Ивану Александровичу Китайцеву. К этому времени музей располагал тремя большими отделами, подразделявшимися на отделения: историко-культурное, естественно-историческое, экономическое.

Краеведческая работа, проводимая в Касимовском уезде в 1920-е годы, была высоко оценена Московским отделением Центрального бюро краеведения при Российской академии наук. Перенимать опыт краевого музея в Касимов приезжали заведующие уездными музеями Рязанской губернии.

1930-е годы стали для музея непростым периодом: недостаток финансирования, сокращения штатов и смены руководства сопровождались переменой мест. Музей постоянно переезжал и успел «пожить» в стенах купеческих особняков, православных и мусульманских храмов. В эти годы музей жил на несколько зданий: филиалы находились довольно далеко друг от друга. Наконец, в 1939 году у Касимовского музея появилось здание, которое, как выяснилось со временем, будет играть особую роль на протяжении долгих десятилетий — здание Ханской мечети. А уже 2 августа 1940 года музей возглавил увлеченный и энергичный человек, с именем которого в жизни Касимовского краеведческого музея будет связано немало важных преобразований: это Леонтий Алексеевич Клёнов. Новому директору предстояло решить много задач по ремонту, обустройству здания, приобретению оборудования и строительству экспозиций.

На тот момент в музее работали директор, научный сотрудник, научно-технический сотрудник, уборщица и сторож. С началом войны изменилось многое: штат сократился на три единицы, теперь музей состоял из директора и уборщицы — два сотрудника на два больших здания.

В 1941 году стоял вопрос о возможной эвакуации музея. К этому готовились: многие экспонаты были упакованы и подготовлены к транспортировке (после войны, уже в 1950-е годы на протяжении нескольких лет в зимнее время сотрудники музея разбирали и систематизировали архивные документы — всего более 150 килограммов). В то же время в очередной раз музей попытались выселить из занимаемого здания на Советской площади, но воеводский дом удалось отстоять.

Леонтий Клёнов в это время выполнял работу директора, экскурсовода, кассира, смотрителя и завхоза. Активно развиваться в таких условиях музей не мог, однако продолжал исправно работать и принимать посетителей. Вскоре на плечи

директора легла и еще одна обязанность: он был назначен председателем колхоза имени Буденного Первинского сельсовета. Несмотря на чрезвычайную загруженность Л. А. Клёнова, совмещающего несколько должностей, отсутствие парового отопления и электрического освещения, музей работал всю войну и гостей в нем было немало. Книга отзывов говорит о том, что в 1941-42 годах среди посетителей музея были эвакуированные из Москвы, Подмосковья, Смоленщины, военные, курсанты, медсестры госпиталей, военврачи.

Страна восстанавливалась после войны; музей тылового Касимова, несмотря на множество трудностей, старался вести активный образ жизни, продолжал пополнять свои фонды и дополнять хранящиеся собрания. К началу 1950-х музей накопил уже более 8000 экспонатов, сформировал множество коллекций, которые требовали детального изучения. Были необходимы консультации специалистов разных направлений, систематизация получаемой и уже имеющейся информации, а вся работа по восполнению «белых пятен» в отношении ценностей из музейных фондов велась фактически единственным квалифицированным сотрудником музея — директором. К 1953 году музей сотрудничал с научно-исследовательским институтом краеведческой работы, Государственной исторической библиотекой, Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Ленинградским военно-морским музеем, Институтом истории материальной культуры, Рязанским областным краеведческим музеем, Владимирским краеведческим музеем и другими научными учреждениями Советского Союза. Клёнов обращался за помощью к коллегам из других городов, исследуя живопись, скульптуру, народные промыслы и костюм, дополняя данные об истории края, возникновении и становлении города.

Пятидесятые годы стали временем плодотворной и энергичной работы. Первый директор музея Касимова Иван Китайцев не прерывал отношений с музеем, приносил экспонаты, к нему часто обращались за консультациями. Выйдя на заслуженный отдых, Иван Александрович всецело посвятил себя археологии — бывшие сотрудники музея вспоминали, как вместе с Китайцевым ходили и ездили на Старый Посад, в села Самылово, Балушево-Починки, и, конечно, на Земляной Струг.

Земляной Струг — городище раннего железного века (V-VII вв.), XI-XIII века — славянское. Расположено в 2,5 км к северо-востоку от Касимова на правом берегу р. Бабенки. Считают, что нижние наслоения образованы пребыванием здесь племен городецкой культуры, являющихся предками чудских (финских) племен мордвы, черемисов (марийцев). Верхние слои культурного слоя образованы пребыванием колонизировавших наш край славян-кривичей, вытеснивших с городища аборигенов.

И. А. Китайцев в 1959 году открыл Ибердусское погребение — одно из самых любопытнейших захоронений неолитического периода (4-3 тыс. до н. э.), где он обнаружил костяк первобытного охотника, череп которого был окружен ожерельем из крупных кабаньих клыков. Затем на место стоянки была предпринята экспедиция Государственного исторического музея.

Именно на 50-60-е годы приходится период работы в музее удивительной женщины, имя которой ныне известно, наверное, каждому жителю Касимова — Галины Ивановны Садко. Жительница Касимова, родившаяся в 1908 году, Галина Ивановна преподавала в начальной школе, в годы Великой Отечественной войны руководила школой ПВХО, работала страховым инспектором. В 1950-е годы интерес к краеведению привел ее в Касимовский краеведческий музей, куда она была принята на должность научного сотрудника. Работу в музее она вспоминает как свои лучшие годы. Приоритетным направлением научной работы Галины Садко стало изучение дворянского рода Олениных, связанного с Касимовским уездом. Помимо исследования истории рода и творческого наследия его представителей, этот период был ознаменован изучением творчества художника Дмитрия Васильевича Дьяконова-Мичанского, наследием краеведа и библиографа Алексея Алексеевича Мансурова, продукции баташевских чугунолитейных заводов Приокского бассейна, наследия архитектора Ивана Сергеевича Гагина, кустарных и промышленных производств уезда. Касимовский краеведческий музей сотрудничал с Государственным Эрмитажем, Третьяковской галереей, НИИ Академии художеств СССР, Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем им. В. И. Мухомой, Центральным

государственным историческим архивом СССР, музеем К. Э. Циолковского, Рязанским педагогическим институтом. В начале 1970-х годов музей возглавил Юрий Иванович Предеин — человек, которого знали многие горожане, руководитель, который, без преувеличения, вдохнул в музей новую жизнь. Не имеющий специального гуманитарного образования, Предеин был человеком выдающейся эрудиции, глубоко знающим и понимающим историю, искусство, литературу; увлекался археологией — этой страстью Юрия Ивановича в свое время заразил его легендарный предшественник Леонтий Клёнов, который некогда возглавлял кружок юных археологов.

Когда-то частью будней сотрудников музея были так называемые «подворные обходы». Как много интересного еще таили городские чердаки, подвалы, кладовки, сколько семей за ненадобностью выдворило туда ставшие неактуальными интересные, редкие, недооцененные и забытые вещи. В таких вылазках вместе с «научниками» принимал участие и директор — сотрудники музея обходили старые дома, разговаривали с местными жителями, и часто горожане делились те или иными вещами: зимой вновь обретенные экспонаты возили на салазках.

Музей продолжал работать в довольно стесненных условиях. Поскольку площади были очень небольшими, под каждый выставочный проект место освобождалось путем частичного разбора основной экспозиции с последующим ее воссозданием в прежнем виде — то есть процесс был вдвойне трудоемким. Требовалось расширение музейных площадей. Спустя некоторое время появилась надежда на решение этой острой проблемы. Мало кто знает, что дом Алянчикова — особняк, который музей занимает уже почти двадцать лет, мог бы стать музейным домом на несколько десятилетий раньше: вопрос о его передаче поднимался еще в 1974 году. К сожалению, тогда эта надежда не оправдалась, и свой «квартирный вопрос» музей решит только в конце XX века.

Вторая половина 80-х была ознаменована всплеском музейной активности — последним значительным в «советской» истории музея: к столь же высоким показателям посещаемости, как в 1989-1991 годах, Касимовский краеведческий вернулся, только выбравшись из кризисной «ямы»

девяностых. А в конце 80-х в музее стабильно бывало почти 30 000 гостей ежегодно.

Начались девяностые. К этому периоду у жителей нашей страны отношение противоречивое. Для кого-то они стали временем тяжелых потрясений, кто-то именно тогда нашел применение своей предприимчивости и едва ли не с благодарностью вспоминает финальное десятилетие прошлого века. Одного у девяностых не отнять — переменам в жизни им обязаны все без исключения.

В начале 90-х музей задался целью разыскать и собрать потомков местных купеческих и дворянских фамилий. Истории родов активно изучались — были составлены родословные Баранаевых, Верейных, Гильдебрантов, Качковых, Краснощечковых, Мансуровых, Наставиных, Резвяковых, Салазкиных, Серебренниковых, Шемякиных; составлена картотека семейств с указанием места их родового дома.

В середине десятилетия музейщики жили предчувствием глобальных перемен — поставленный еще в 1974 году вопрос о передаче музею дома Алянчикова обещал наконец разрешиться — учреждение принимало активное участие в организации работ по реставрации старинного особняка.

Этот дом никогда не пустовал. Как и абсолютное большинство архитектурных памятников города, после революции он зажил новой жизнью, и там последовательно находились библиотека, Дом пионеров; в 50-е годы тут появились первые жильцы, а к интересующему нас периоду — второй половине девяностых — в купеческих апартаментах вполне в духе времени работал ресторан, в полуподвальном помещении — бар, на первом этаже — магазины; также планировалось открытие отделения банка. Передача здания музею практически совпала с его очередным юбилеем. Состоялось это в 1998 году. Мечта — без преувеличения — поколений музейщиков о расширении площади наконец-то сбылась. В распоряжении Касимовского краеведческого музея отныне были просторные помещения на трех этажах.

Приятные перемены ставили перед сотрудниками непростые задачи. Предстояло много работы над благоустройством, куча хозяйственных хлопот и, главное, построение принципиально новой экспозиции, которая бы стала лицом современного музея, стремящегося в XXI век.

Концепция нынешней экспозиции была разработана главным хранителем фондов Т. А. Прониной в рамках подготовки дипломной работы. Экспертизу проекта провел Рязанский кремль, он же выступил рецензентом. В начале лета 2001 года в доме Алянчикова началось строительство экспозиции «История Касимовского края с древнейших времен», открытие которой состоялась в сентябре 2002 года.

Сегодня главный музей Касимова, самобытного и необычного города, неизменно привлекает туристов богатством коллекции, ее многообразием и разноплановостью. Экспозиция располагалась в одиннадцати залах, каждый из которых максимально информативно повествует о жизни города и горожан на каждом историческом этапе, с древнейших времен до современности. Все экспонаты подлинные. Особое место в выставочном пространстве отведено взаимному влиянию и содружеству двух довольно непохожих культур — русской и татарской. Самым ярким воплощением такого причудливого симбиоза является «Голгофа» — скульптурная композиция, неизменно удивляющая посетителей своим необычным внешним видом. Уникальный образец деревянной полихромной скульптуры XVII века являет собой образы главных библейских персонажей, которых отличает, однако, одна яркая особенность — черты их лиц далеки от каноничных евангельских, скорее, они более монголоидные, то есть копируют облик местных татар. Помимо прочего, в экспозиции представлены местные народные промыслы — вырковская глиняная игрушка, образцы касимовской набойки, гармонь-касимовка.

Кстати, в отношении промыслов — того, что во много определяет индивидуальность каждого места — музей выступает не только как хранитель артефактов. Многие традиционные промыслы, которые уже давно не развиваются в «естественной среде», «живут» в музее благодаря мастерам «Школы ремесел». Тут можно научиться мастерить глиняную игрушку, овладеть тонкостями касимовской набойки и касимовской росписи — она появилась уже в XX столетии, однако до сих пор является известной приметой городского быта. Помимо прочего, в музее проводятся мастер-классы по изготовлению обрядовых кукол-оберегов, лыковой игрушки; также тут

можно приобщиться к ткачеству как на настоящем этнографическом станке, так и на специальном приспособлении — бердо.

Еще один важный проект музея — «Университет третьего возраста». Это своеобразное сообщество пожилых людей, комфортное пространство для их общения и интересного досуга. Для слушателей университета организуются экскурсии по актуальным выставочным проектам, мастер-классы, лекции, поездки — все это помогает пожилым людям чувствовать себя вовлеченными в культурную среду города и жить более насыщенной жизнью.

Впрочем, на этом работа музея с особыми категориями гостей не ограничивается — более года реализуется программа для людей с ограниченными возможностями «Музей — территория равных». Музейные мероприятия с удовольствием посещают и взрослые, и дети. Важным шагом на пути к повышению доступности музейного пространства для инвалидов стало начертание шрифтом Брайля основной информации об экспозиции и общих сведений о музее. В Касимовском историко-культурном музее-заповеднике регулярно гостят выставки из музеев России и частных коллекций. Также музей активно демонстрирует богатство собственных фондов. «Хроника столетия» — так называется цикл выставок, который длится уже не первый год, каждая выставка — одна из страниц в истории города и страны, повествование о том, что привнес тот или иной год в жизнь Касимова и касимовцев.

В 2015 году Касимов стал первым и единственным городом Рязанской области, получившим статус исторического поселения федерального значения. Изменение статуса Касимова привело к изменениям в структуре главного музея города — главного хранителя его культуры. 19 ноября 2015 года Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Касимовский краеведческий музей»

было официально переименовано в «Касимовский историко-культурный музей-заповедник». Музей вышел на новый уровень своего развития в качестве исторического, культурного, туристического центра региона.

Касимов — город в своем роде уникальный: здесь значимые культурные объекты, наиболее интересные для туристов, находятся под открытым небом, архитектурный облик города отличается целостностью и первозданная сохранность. Так, на начальном этапе в состав музея-заповедника были включены архитектурные памятники ансамбля Соборной площади: собственно дом Алянчиковых — место, где располагается стационарная экспозиция, и три корпуса Торговых рядов.

Очевидно, что музеи XX и XXI века — это принципиально разные музеи. Культурная и информационная среда развиваются так, что музей в классическом понимании — и огромный в мегаполисе, и краеведческий в небольшом городе — становится не актуальным, а в условиях провинции — и вовсе нежизнеспособным. Оставаясь местами аккумуляции краеведческого и исторического знания, местом притяжения краеведов, историков и исследователей, музеи стремятся стать ближе к людям, стать местом отдыха и досуга, источником развлечения, и даже ищут возможность решить важные социальные проблемы.

Что ждет музей впереди? Вообще у музейщиков к прогнозам на будущее свой профессиональный подход, они смотрят на происходящее под особым углом: вне зависимости от эпохи их дело — сохранить ее образ и передать тем, кто придет после них. А если не заглядывать слишком далеко — музей будет работать, музей будет расти, развиваться и по-прежнему станет неотъемлемой частью портрета уникального в своем роде старинного города.

Н. В. Полонникова (Москва)

**ВЫСТАВКА ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ:
НА ПРИМЕРЕ ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА МГОМЗ
«ВАЛЕНКИ ОТ ЦАРСКИХ ДВОРЦОВ ДО МОДНЫХ ПОДИУМОВ»**

*Все возвратится, все имеет ценность,
И мы гордимся, что родны по духу.
Что чудо валенок и современность
Опять понятны и близки друг другу.
А. Перекрестова. Поэма о валенке.*

Ежегодно музей-заповедник «Коломенское — Измайлово — Люблино» проводит выставки, посвященные зимним праздникам. Больше всего в данном цикле проектов, посвященных традициям празднования Рождества и Нового года. Но есть и другие, как например, проект «Валенки. От царских дворцов до модных подиумов», который проходил на территории «Коломенское» с 15.11.2018 по 20.01.2019. Проект можно отнести к разряду крупных: в выставке участвовало 25 организаций¹. Среди них государственные и частные музеи, галереи, а также действующие предприятия и отдельные художники. Всего было представлено 456 предметов, из них 340 государственного музейного фонда. Выставка была развернута в Малом зале дворца царя Алексея Михайловича на площади 112 м². Проект осуществлен силами Департамента культуры города Москвы и МГОМЗ в сотрудничестве с давними партнерами музея: московским музеем «Русские валенки», монтажной группой «Империял», творческой студией «Арт-дизайн»².

История простых вещей, их бытование представляет сегодня для массового зрителя особый интерес. Валенки в данном случае не исключение. Сохраняя свою значимость в быту на протяжении нескольких столетий, они смогли не только сохранить свою форму, функциональность, аутентичность, но и совершить чудесное превращение в модную востребованную обувь, шедевры от кутюр и арт-объекты.

Наш проект — это история сложных взаимоотношений валенок и времени.

Первоначально выставка имела два основных раздела: исторический и современный. Каждый

из них включал в себя экспозиционные комплексы. В процессе работы мы выделили еще несколько разделов, которые ранее проходили в виде отдельных блоков. Таким образом, структура выставки в конечном итоге значительно изменилась.

Сегодня валенками называют практически все виды обуви из войлока. Для того, чтобы у посетителей сформировалось четкое представление о том, что в действительности является валенком, в первом зале были выставлены предметы, являющиеся производными — бурки и фетровые боты, которые можно было посмотреть в развитии, так как временная граница экспонатов варьировалась от середины XIX в. до современности. Также для наглядного сравнения были представлены войлочные изделия и валяная обувь народов Кавказа и Алтая. Уникальные экспедиционные эскизы Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) 1950-60-х годов³ наглядно демонстрировали пимы, чуни, бакари и прочую обувь северных народов и народов Сибири, которую из-за внешнего сходства с исконно русской обувью часто называют валенками.

Согласно словарю В. И. Даля валенки (валенухи, валенцы) — обувь в форме сапога, выбитого и спрессованного на специальной колодке. Это чисто русское название, и впервые именно в этом толковании слово появляется в XVIII веке. В некоторых районах России значение прессовать шерсть соответствовало слову «катать»: отсюда и производная вместо валенок — катанки⁴.

Валяльно-войлочное производство в России появилось давно, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки. Самые ранние экспонаты, представленные на выставке, от-

носились к XII-XIV столетиям. Это войлочные стельки на правую и левую ногу, полсти, седла, шапки, галоши, валенки и мяч⁵. К XIV-XV векам технологически шерстобитный (катальный) промысел сложился практически в том виде, в котором мы знаем его и сейчас, но большее распространение тогда получило валяние шляп. Головных уборов в музеях сохранилось немного — самая большая коллекция разных видов валяных шапок и шляп хранится в Российском этнографическом музее — так же, как и других уникальных предметов катального промысла — костюм ямщика, охотничий лузан, относящиеся к первой половине XIX века, и валенок разных губерний середины — конца XIX столетия. Цельные валенки в виде сапога появились впервые в самом начале XIX века в деревнях Нижегородской губернии, к 1830-40-м годам валенки уже заняли свое место на городских прилавках Российской империи.

Первоначально валка была исключительно семейным делом: валяли для себя. Потом для некоторых мастеров это стало источником заработка — валенки делались на заказ и продавались. Со временем промысел превратился в отхожий. Когда потребность в валяной обуви возросла, стали появляться кустарные сезонные фабрики, постепенно превращавшиеся в фабрики непрерывного цикла. Основные крупные фабричные центры изготовления валенок — Нижегородская, Костромская, Ярославская и Казанская губернии. Лучше всего в музеях сохранились кукморские валенки (валенки с мушками) рубежа XIX-XX столетия. Кроме хорошего качества, они отличались красивой вышивкой. Для вышивки чаще использовались красные, реже синие или зеленые нитки. Особенно интересен экземпляр, хранящийся в музее «Русские валенки» в Москве и на фабрике в городе Кукмор (Татарстан). Это валенки, на которых зелеными шерстяными нитками вышита пара белых медведей на льдине⁶. Учитывая, что вышивка производилась по основе валенка, который далее проходил мокрую стрижку или валку, после чего изделие давало усадку в несколько раз, поражает мастерству местных вышивальщиц. Кукморский валяльно-войлочный комбинат — предприятие на базе фабрики Комарова (год основания — 1865) ни разу за это время не прекращало свою работу. Так же, как и представленная

на выставке Ярославская фабрика валяной обуви (1903) и «Ивановопрощерсть» (1931).

Производство валенок всегда относилось к разряду вредных. Сначала шерсть овцы разбивали, отделяли войлок, очищая его от грязи. Затем настилали на холст, смачивали водой и катали скалкой, как тесто. Так получалась заготовка в виде огромного сапога. В стирне огромные полувадки замачивались на несколько часов в слабом растворе серной кислоты, а затем «варились» в котле, терлись на ребристой доске, отбивались палкой — все это приводило к уплотнению войлока и к уменьшению размера будущего валенка. Стиранный сапог надевали на колодку и сушили в печи. Затем сапоги из серой шерсти подкрашивали сандалом, светлые — отбеливали на солнце. Чтобы валенок получился гладким — натирали пемзой, мохнатым — начесывали специальной дощечкой с зубьями (драчкой). Технологическому процессу на выставке посвящался целый зал, где можно было увидеть инструменты шерстобита: лучок и решетку, чесальную машину, а также инструментарий катальщика: валяльный стол, вытяжной крюк, окатыши, бойки, катринки, колодки всех видов и размеров, квасцы и прочее. Зал дополнялся интерактивной зоной. В ней можно было увидеть и потрогать руками шерсть на всех стадиях обработки: мытую и невытую, чесаную и нечесаную и т. п. Подержать в руках и сравнить заготовку и готовое изделие, а также ознакомиться со всеми видами войлока: толстым — хозяйственным, юртовым, седельным; тонким — музыкальным,

Ил. 1. Эрзац-валенки. 1941. Войлок, дерево, кожа, металл. Немецкое производство

протезным, используемым в радиоэлектронике и на космических кораблях. Кроме народного хозяйства, натуральная овечья шерсть используется в лечебных и профилактических целях. Изделия из шерсти всегда теплые, потому что волокна задерживают воздух. Внешняя поверхность шерстяных волокон устойчива к проникновению воды, а внутренняя обладает абсорбирующими свойствами. Шерсть — уникальный материал, который не только согревает в холодное время года, но и дарит благотворную прохладу в жару.

С русским валенком связано много различных историй: литературных, театральных и даже военных. Интересный факт: несмотря на неоспоримые преимущества, валенки официально были приняты в качестве зимнего обмундирования в армию только после советско-финской войны в 1939 году. Валенки на фронте даже для генералитета были особо ценным предметом⁷. Немецкое командование по достоинству оценило русские валенки, и уже зимой 1941 года немцы пытались наладить свое производство усовершенствованных валенок⁸.

Много интересных валяных исторических реликвий находится в музеях нашей страны: альпинистские валенки⁹, эрзац-валенки, «прощайки» советские и дореволюционные. К сожалению, ни в одном государственном музее России нет стационарной экспозиции, рассказывающей об истории уникальной русской обуви. Эту нишу закрывают частные музеи, цели которых — воссоздать историческую значимость валяного промысла для России; прославить людей тяжелой, важной и уникальной профессии — валяльщика; вернуть престиж валенка в современном обществе. В на-

Ил. 2. Галерея «Арт-Тумар». По мотивам Анри Матисса. Г. Бишкек, Кыргызстан. 2012. Шерсть, аксессуары, валяние

стоящее время таких музеев шесть¹⁰. Музей «Русские валенки» из г. Кинешмы был представлен на выставке самым большим и самыми маленькими валенками, которые зафиксированы в книге рекордов России¹¹. Валенки А. Пилина из Ижевска запомнились посетителям по увлекательным рассказам и сказкам, которые он придумывает для каждой созданной им пары. Мышкинский музей — оригинальными композициями из валенок. На выставке были представлены валенки-диск, валенки со шпорами для рыцарей, валенок «мышь на самолете»: и мышь, и самолет сделаны на основе обычного русского валенка. Детская тема была поддержана валенками разного времени: разноцветными — начала XX столетия, школьными — середины XX века, а также современной детской валяной обувью.

Выставка на небольшом пространстве продемонстрировала и страницы истории, и окунула своих гостей в новинки валяной моды.

Современные дизайнеры продолжают использовать в своих коллекциях исконно русскую обувь. На выставке представлены экспонаты из коллекции В. М. Зайцева¹², который первым обратил внимание на валенки и начал их украшать еще в далеком 1969 году. Последние тенденции моды на войлочную обувь привели к тому, что на старейших российских фабриках валяной обуви тоже экспериментируют с дизайном, в результате чего появляются валенки с многоцветной вышивкой, лентами, национальными орнаментами, росписью в стиле батик и прочие.

В продолжение темы «Валенки и мода» в рамках выставки был проведен конкурс на дизайнерские валенки под названием «Русское чудо». Писаные валенки, валенки с вышитыми голенищами, меланжевая валяная обувь, валяной гламур — с кружевами, пайетками, стразами; валенки со шнурками и кожаной отделкой, валенки на платформе. Границ в украшении не было, главное, чтобы это не было чем-то неприличным и отталкивающим. Дизайнерам необходимо было представить какую-то идею. Это могли быть валенки как воспоминание о России или ассоциации с ней, авторское видение валенок художником. Жюри конкурса составили знаменитый российский кутюрье Вячеслав Зайцев; ведущая, продюсер, дизайнер Мария Шахова; Марина Коро-

стелева, кавалер национального ордена Франции «За заслуги»; генеральный директор Ассоциации российских дипломатов, член международной ассоциации войлока Александр Пилин; историк моды Наталья Козлова. Среди участников Япония, Эквадор, Украина, Франция, Германия, Россия (Екатеринбург, СПб, Москва, Нижний Новгород и другие). Участникам предлагалось бесплатно получить пару валенок от Кукморского валяльно-войлочного комбината для выполнения дизайнерской работы. Лучшие работы дизайнеров также были представлены на нашей выставке.

Кроме валенок, на выставке было представлено большое количество исторических фотографий, графических и живописных работ, лейтмотивом в которых в той или иной мере были валенки или арт-объекты из них¹³. Один из блоков выставки поражал участников больше всех. Этот раздел мы условно называли «валенки и музыка» — практически у каждого из нас валенки ассоциируются с песней «Валенки» и Л. Руслановой. Набор предметов в витрине первоначально посетителю казался странным, но затем неизменно вызывал восторг¹⁴.

Кроме того, выставочный проект был дополнен мультимедийным контентом трех видов:

— историческим — в виде ленты времени, на которой располагались основные даты и интересные факты по данной теме;

— дизайнерским — на котором можно было полностью посмотреть процесс дизайнерского конкурса;

— игровым — забавами и развлечениями для детей.

Также посетители могли увидеть небольшой по хронометражу документальный фильм о работе Неклюдовской фабрики Нижегородской губернии в начале 1920-х годов.

Выставочные проекты сегодня, с одной стороны, имеют массу преимуществ по сравнению с вы-

Ил. 3. Валенки «Хозяйка Медной горы». Мария Салазар. Г. Кито, Эквадор. Шерсть, шелк, вискоза, камни, древесная кора

ставками тридцати-, двадцати- и даже десятилетней давности, но с другой и огромное количество слабых мест. Зачастую музеям сложно конкурировать с яркими витринами современных магазинов, сложно адаптировать экспозицию одновременно для разных поколений посетителей, сложно установить правильные пропорции между мультимедийным контентом и печатными носителями. Существуют материальные ограничения, ограничения по политическим мотивам, пространственные, временные, технические и прочие проблемы, с которыми сталкиваются кураторы выставочных проектов. Поэтому всегда есть вероятность, что концепция, даже самая идеальная, не воплощается в жизнь или далека от первоначального замысла.

Только с помощью таких выставок можно узнать много нового о столь обыденном предмете как, например, валенки, и осознать его значимость. Ведь обычные предметы тоже являются частью общенационального культурного наследия.

¹ Московский государственный объединенный музей-заповедник, Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, Национальный музей Республики Татарстан, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Российский этнографический музей, Российский национальный музей музыки, Музей-заповедник «Александровская слобода», Кукморский краеведческий музей, Музей русского лубка и наивного искусства,

Государственный музей спорта, Московский областной музей народных художественных промыслов, Музейно-выставочный комплекс Московской области «Новый Иерусалим», Мышкинский центр туризма, Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Художественно-педагогический музей игрушки имени

Н. Д. Бартрама Сергиево-Посадского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Высшая школа народных искусств (академия)», музей «Русские валенки», г. Москва, музей «Русские валенки», г. Кинешма, музей-галерея войлока и текстиля Александра Пилина, галерея «Тумар Арт Групп» г. Бишкек, Московский дом моды Вячеслава Зайцева, мастерская Черниковых, г. Москва, Кукморский валяльно-войлочный комбинат, фабрика валяной обуви «Ивановопромшерт», Ярославская фабрика валяной обуви.

² Творческая студия «Арт-дизайн» основана в 1985 году как самостоятельное творческое объединение по разработке и реализации архитектурно-средовых и концептуально-художественных проектов, в том числе экспозиционных комплексов музеев и выставок. Руководитель студии доцент МГХПА им. С. Г. Строганова А. В. Вильчес-Ногерол.

³ Из коллекции Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1863. — Ч. 1. — С. 142.

⁵ Из собрания Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

⁶ Сюжеты с медведем на льдине были очень популярны в России в 1910 годы в связи с продвижением исследователей-путешественников к Северному Полюсу и огромному общественному вниманию к данному событию.

⁷ На выставке представлены валенки Г. К. Жукова из московского музея «Русские валенки», куда они были переданы в начале 2000-х годов из Центрального музея Великой Отечественной войны.

⁸ Холодной зимой 1941 года немцами на оккупированных территориях были организованы производства эрзац-валенок. Эрзац — в переводе с немецкого — заменитель чего-либо.

⁹ Альпинистские валенки на специальной подошве с металлическими шипами предоставлены Государственным музеем

спорта. Последний раз в них поднимались на пик В. И. Ленина в 1959 году.

¹⁰ Музеи с одноименными названиями «Русские валенки» имеются в городах Вышний Волочек, Кинешма, Москва, Мышкин, селе Урусово Ардатовского района в Мордовии. Музей войлока и текстиля А. Пилина — в Ижевске.

¹¹ Самый большой валенок и самые маленькие валеночки, занесены в Книгу рекордов России в 2007 году. В настоящее время Кинешма осталась рекордсменом только в разряде «самые маленькие валенки». Самый большой валенок сделан петербургской художницей В. Лошак, рекорд занесен в книгу рекордов Гиннеса в январе 2018 года.

¹² Предметы валяной одежды и обуви В. М. Зайцева из коллекции «Истоки» 2008 года.

¹³ Арт-объекты по произведениям великих художников были созданы дизайнерами галереи «Тумар Арт Групп» (г. Бишкек) в 2012 году и представлены на выставке в Новосибирске. Арт-объекты на тему А. Родченко, С. Дали, К. Малевича, К. Петрова-Водкина, А. Матисса, П. Пикассо и Э. Дега.

¹⁴ Знаменитая и популярная песня «Валенки» — старинная цыганская плясовая таборная песня. Ее популярность в начале XX века была поистине огромна. Первая граммофонная запись была сделана в 1913 году звукозаписывающей фирмой «Граммфон» цыганской певицей Настей Поляковой и переписывалась в ее же исполнении еще несколько раз. В начале 1930-х годов песню «Валенки» пели в сопровождении гитар солистка Государственного академического Большого театра В. В. Макарова-Шевченко и исполнительница народных песен Нина Дулькевич. Лидия Русланова записала «Валенки» на грампластинку только во время Великой Отечественной войны, в 1943 году. Благодаря яркому и самобытному таланту Лидии Андреевны песня стала практически народной. На выставке были представлены предметы, принадлежащие Н. Поляковой, Л. Руслановой и Ф. Шаляпину из Национального музея музыки.

ХРАНИЛИЩЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: КНИГИ ОТЗЫВОВ МУЗЕЯ «ПОКРОВСКИЙ СОБОР»

Книги отзывов — неперенный и привычный атрибут музеев. В разных музеях они имеют различное оформление, лежат на самом видном месте или в укромном уголке, бывают востребованными посетителями или нет. Но часто ли их анализируют или просматривают музейные сотрудники? Для кого они нужны: для посетителей или для специалистов? На эти вопросы ответить однозначно сложно, однако анализ музейведческой литературы убеждает в том, что книги отзывов остаются недооцененным историческим источником¹. Чаще всего их используют для подсчета количества положительных и негативных отзывов и для характеристики имиджа музея.

Между тем, книги содержат разные пласты информации, которые могут быть интересны не только социологам, маркетологам и исследователям истории музеев, но и графологам, психологам, философам. Музей, призванный по своей природе сохранять историческую память, хранит книги отзывов, которые могут послужить источником для написания научных трудов. Особую ценность составляют отзывы за продолжительный

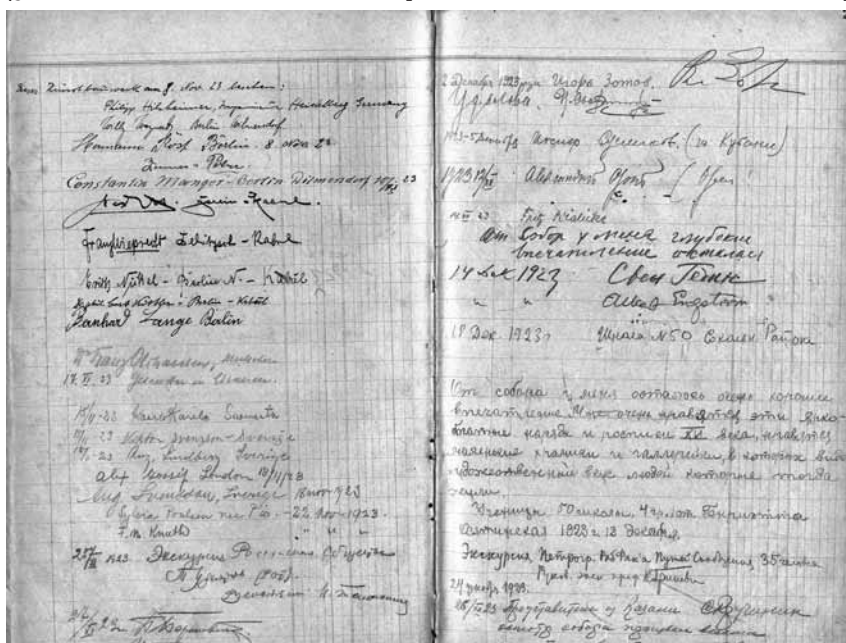
период. К такому собранию относятся книги отзывов музея «Покровский собор», который чаще называют храмом Василия Блаженного (г. Москва).

Открытие музея в Покровском соборе состоялось в период активного музейного строительства в первые годы советской власти². В 1920-е гг. появились музеи нового типа: более ста музеев образовались на основе национализированных и конфискованных художественно-исторических ценностей. Это были музеи-ансамбли: дворцы, особняки, усадьбы, монастыри и храмы. Все эти памятники воспринимались новыми музейщиками в качестве «экспонатов в грандиозном Храме-Музее, каким виделось Светлое Будущее»³.

Официальной датой открытия музея в Покровском соборе считается 21 мая 1923 г.⁴ Самая ранняя из сохранившихся книг велась с октября 1923 г. по май 1926 г.⁵ (Ил. 1). Бережное отношение к этому историческому источнику способствовало тому, что в архиве музея отложилось более семидесяти книг. Их формат и облик менялись с течением времени, что характеризует, прежде всего, материально-техническую базу музея

на протяжении почти столетия. Среди них есть толстые фолианты, тонкие тетради, альбомы с картонными листами. Не сохранились или не велись книги отзывов в конце 1940-х и 1970-х гг., а также за 1993-1998 гг.

Довоенный период — это время выработки названия и содержания книг (Табл. 1). В этот период появляются «книжки впечатлений», название которых удачно подчеркивало их назначение. Первые книги содержали не только пространственные записи, в том числе на иностранных языках, но и списки побывавших в музее

Ил. 1. Разворот книги отзывов музея 1923-1926 гг. Архив отдела «Покровский собор»

с указанием числа и социального происхождения посетителей, а также количество проведенных экскурсий. Начиная с 1950-х гг. прочно закрепляется название «книга отзывов». Несмотря на то, что число посетителей в этот период намного превышает довоенные показатели, количество записей в них невелико⁶. Так, например, в книге за 1957-1968 гг. содержится всего 29 листов.

Таблица 1. Характеристика книг отзывов музея «Покровский собор»

Годы	Название книг	Кол-во книг	Кол-во листов
1923-1930-е гг.	Отдел Музеев Н. К. П. Музей Василия Блаженного собора. Книга для посетителей Книга впечатлений музея «б. Покровский собор» Книга для записи мнений, замечаний и предложений посетителей Музея — Собора Василия Блаженного	4	120-145
1950-е-1960-е гг.	Книга отзывов филиала ГИМ «Покровский собор» Книга предложений и отзывов	2	29-81
1970-е гг.	Книга отзывов филиала ГИМ. «Покровский собор» Государственный ордена Ленина Исторический музей. Книга отзывов	7	50-201
1980-е-1992 г.	Книга отзывов филиала ГИМ. «Покровский собор» Государственный ордена Ленина Исторический музей. Книга отзывов	8	23-110
1999-2010 гг.	Государственный Исторический музей. Книга отзывов	14	290
2011-2019 гг.	Государственный Исторический музей. Книга отзывов	35	159-290

Ситуация меняется в 1970-е гг. Посетители охотнее стали записывать впечатления от увиденного⁷. Количество отзывов заметно возросло

с 2000 г. В настоящее время музей использует книги, состоящие из 162 листов; в течение года заполняется 4-5 книг.

В начале деятельности церковно-бытовой музей делил здание Покровского собора с общиной верующих, так как в нижних церквях продолжались богослужения до 1929 г. С 1928 г. он становится филиалом Государственного исторического музея, сохраняя этот статус до настоящего времени. Это был период становления музея, выработки его концепции; впервые в Покровском соборе широко развернулись реставрационные работы. Важнейшим итогом архитектурной и живописной реставрации в довоенное время стало максимально полное возвращение собору облика XVI-XVII вв., освобождение от неизбежных дополнений последующих столетий, которые, несомненно, искажали «памятник в том виде, как он был создан при Иоанне Грозном»⁸. Деятельность реставраторов и музейных сотрудников отмечалась в книгах отзывов: «Храм Василия Блаженного произвел на меня очень хорошее впечатление: особенно меня радует реставрационная работа на этом памятнике. Все налепленное русскими царями для своего тщеславия, нелепое и некрасивое снимается, и очищается истинное народное творчество. Желаю со своей стороны не щадить, что налеплено, а сделать так, как было в древности» (1928 г.).

Наряду с восторженными отзывами высказывали другие мнения: «Осмотрев храм, я ярко представляю картину тяжелого времени Ивана Грозного для России. Впечатление мое весьма хорошее и яркое. Но жаль, что в некоторых частях храма произведена перекраска и перерисовка, что очень нежелательно» (милиционер 8-го отделения милиции г. Москвы. 1928 г.). Отзыв членов Всесоюзного 8-го съезда профессиональных союзов СССР, который проходил в Москве в декабре 1928 г., напрямую призывал реставраторов и музейных сотрудников к вдумчивости и осторожности: «Мне кажется, что реставрацию нельзя доводить до первичного момента во всем храме. Очень показательно, если будут оставлены наряду с реставрированными первоначальными церквями и позднейшие наслоения по векам — 17, 18 и т. д., чтобы кроме первичного стиля была ясна история позднейших достроек и живописи. Также считаем, что

некоторые достройки XIX века необходимо оставить для контраста».

История реставрации Покровского собора показывает, что осознание и принятие этого тезиса происходило постепенно, и в пылу страсти, исследовательского поиска первоначальных архитектурных форм и живописных слоев XVI-XVII вв. в довоенное время многое было утрачено безвозвратно. Реставраторы считали вполне уместным пожертвовать «грубыми и безвкусыми» росписями XVIII и особенно XIX в.; в результате навсегда исчезли настенные сюжетные росписи в пяти церквах второго яруса собора, стены которых были выбелены.

Принципы реставрации в послевоенное время были совершенно иными. Ярким примером новых тенденций стала реставрация интерьера центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы в 1950-1960-е гг. В результате тщательных исследований на стенах церкви было выявлено несколько слоев разновременных росписей, в том числе, уникальные фрески в шатре и имитация кирпичной кладки в нижнем четверике, датирующиеся временем строительства собора. На повестку дня встал вопрос: росписи какого времени следует принять за основу и оставить в этой церкви. В то время в советской реставрационной науке обострилась дискуссия о раскрытиях на древних памятниках, правомерности снятия поздних наслоений, восстановления древних форм и росписей⁹. Споры теоретиков отразились на принятом оригинальном решении применить так называемый «археологический» метод и сохранить разновременные росписи в одном интерьере: в шатре восстановили фреску и храмовданную «летопись» XVI в.; на западной и северной стенах — роспись, имитирующую кирпичную кладку XVI в.; юго-западный угол демонстрировал фрагмент росписи XVIII в., а юго-восточный — XIX в. В церкви был оставлен иконостас XVIII в. и открыт древний кирпичный пол. С одной стороны, подобный подход к убранству интерьера нарушал целостность восприятия, а с другой, бесспорно, представлял огромный интерес в плане показа программы росписей собора на протяжении четырех столетий.

Благодаря активным реставрационным работам стало формироваться отношение посетителей к храму как ценнейшему памятнику рус-

ского зодчества, который необходимо сохранять: «Реставрация собора производит вполне хорошее впечатление. Приходится только пожелать, чтобы вскрытые старые конструкции не подвергались естественному износу. Необходимо положить частичный деревянный настил, например, на ступени внутренней лестницы, на некоторых участках полов и т. п., необходимо повесить толстые защитные стекла на стены в местах переходов. Необходимо уменьшить величину групп осматривающих, так как при малой охране экскурсоводу невозможно уберечь предметы» (Профессор В. Черновский. 1939 г.).

С 1927 г. наступил новый этап развития музеев-храмов и музеев-монастырей. Этот год ознаменовался началом повсеместного разрушения церквей, ликвидацией музеев в храмах, а также Управления по делам музеев-усадб и музеев-монастырей в системе Наркомпроса. В официальной идеологии страны ведущую роль играли богоборчество и воинствующий атеизм, которые спустя всего лишь десятилетие после революции легко завоевали позиции в сознании трудящихся масс, постоянно пребывавших под влиянием навязывавшейся советской печатью пропаганды.

Музеи-храмы были объявлены «своеобразными очагами религиозных настроений»¹⁰. Их закрывали на длительную реставрацию, размещали в них разнообразные учреждения, превращали в краеведческие и атеистические музеи с полным или частичным уничтожением интерьеров¹¹.

Летом 1929 г. Главнаука обратилась ко всем музеям со специальным методическим письмом, в котором подчеркивалась «необходимость развертывания антирелигиозной работы в музеях»¹². В этом году в Покровском соборе открылась первая антирелигиозная выставка. Накал атеистической пропаганды выражался в количестве выставок по этой теме: одиннадцать за три года. Записи в книгах отзывов отражают влияние идеологической роли и политики партии на мировоззрение людей: «Группа от жилтоварищества по ул. Баумана домохозяек с руководителем от ячейки „Безбожник“ остались очень довольны методом пояснения. Не задевая и не оскорбляя религиозного чувства верующих, руководитель изложила историю религии всех народов, а также историю этого собора. Считаю эту работу наглядной. Так как теперь и тот

Ил. 2. Н. И. Турецкая с экскурсантами у Покровского собора. 1928 г. Искренне благодарю Татьяну Анатольевну Подстаницкую, предоставившую фотографию из личного архива

Ил. 3. Иконостас церкви Святой Живоначальной Троицы Покровского собора. 1930-е гг. Архив отдела «Покровский собор»

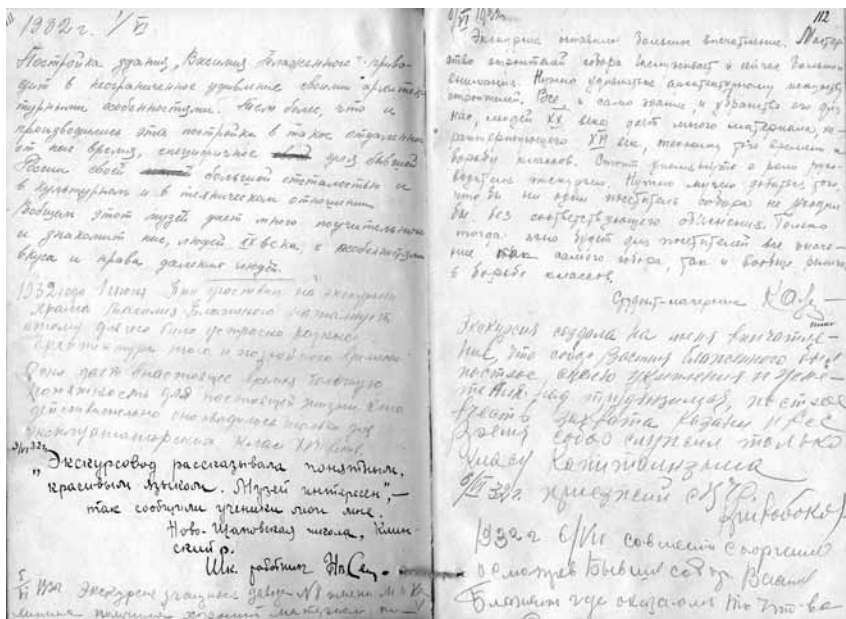
знает, кто прежде ничего не знал. Экскурсоводом была Т. Турецкая» (1930 г.) (Ил. 2).

Выставки базировались преимущественно на документальном плоскостном материале. Мерилом профессиональной зрелости экспозиции служило ее политическое содержание. Широко использовали высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина. На долгие десятилетия цитаты были помещены на тлябла иконостасов (Ил. 3). Подобный подход вызывал нарекания со стороны посетителей. Возросший в 1930-е гг. культурный уровень трудящихся диктовал повышенные требования не только к содержанию экспозиции музея, но и к художественному оформлению: «Группа учащихся Ф.З.У. из города Ростова-на-Дону посетила Храм Василия Блаженного и вынесла следующее мнение о храме: антирелигиозная работа поставлена вполне усвояемо для масс. Нам не нравится загромождение стен различными лозунгами и плакатами, что исключает девственность храма как исторического документа времен Ивана Грозного. Советуем вынести из него антирелигиозные надписи, но обязательно при наличии лектора» (1930 г.).

Со второй половины XIX в. храм Василия Блаженного воспринимался как национальная святыня и достопримечательность. С самого начала

создания музея его посещали иностранные туристы, известные деятели мировой культуры, ученые, политические деятели. Отзывы написаны на многих языках мира (Ил. 4). На открывшейся в 1933 г. в музее отчетной выставке, приуроченной к десятилетию создания музея, записи, оставленные в книгах отзывов известным французским архитектором Ле Корбюзье, писателем и политиком Эррио и др., стали ее экспонатами: «Ваша реставрационная работа не только воссоздала старое сооружение, но и показала технику древнего строительства, что имеет для нас решающее значение. В антирелигиозном отношении музей показывает, каким способом Бог заманивал народ; лучшие техники, художники приглашались на службу ему. Китайские рабочие и крестьяне учатся у старших русских братьев не только тому, как разрушить старый строй, но и как бережливо сохранить, реставрировать ценности, созданные человеческой рукой — гордость человека» (китайский рабочий, 1934 г.).

Следующий отзыв — свидетельство нарастающей военной угрозы в Европе и развернувшейся в 1936 г. гражданской войны в Испании. В 1937-1938 гг. около 3000 детей в возрасте от 5 до 12 лет из семей республиканцев были эвакуированы в СССР с целью спасения от военных действий: «Испанские дети, которые посетили

Ил. 4. Разворот книги отзывов музея. 1932 г. Архив отдела «Покровский собор»

музей, были восхищены древней архитектурой. Музей — как документ, который показал, как нарядна была церковь в эпоху Ивана Грозного» (от имени испанских детей Эмилия. 1938 г.).

В конце 1930-х гг. в отзывах все чаще звучат слова о патриотизме и героизме советского народа: «Сохранение исторических памятников — нагляднейший показ истории русского народа. Даже в таких памятниках чувствуется героизм и патриотизм русского народа, который с ленинской эпохой должен явиться инициатором социалистической революции, инициатором могильщика капитализма, инициатором прямого и самого жестокого разгрома наиболее зверского выражения капитализма — фашизма. На фундаменте русской истории поколение русского народа создает первым из всех народов и с помощью всех народов — коммунистическое господство» (1939 г.).

В годы Великой Отечественной войны Покровский собор был закрыт, но уже 7 сентября 1947 г., в день 800-летнего юбилея Москвы, распахнул свои двери для посетителей. Тяжелое послевоенное время остро сказывалось на нехватке кадров в музее. Запись 1953 г. отражала неблагоприятную ситуацию: «Музей представляет печальное зрелище, так как все боковые церкви закрыты на замках. В этих церквях имеется ряд невидных надписей (зачем же они?). Мне кажется, что для обозрения должны быть открыты все помещения». Действительно, большинство

церквей оставались закрытыми из-за отсутствия смотрителей; в штате числились главным образом инвалиды и престарелые сотрудники¹³.

В конце 1940-х гг. в музее была восстановлена довоенная экспозиция, дополненная разделом по истории реставрации памятника. Была начата работа по подготовке нового путеводителя, растянувшаяся на десятилетие, так как в штате музея числилось лишь два научных сотрудника. Это отметили посетители: «1. Очень доволен экскурсией, проведенной по храму тов.

Пуня, чрезвычайно знающий и эрудированный в своем деле товарищ. 2. Хотелось бы иметь хотя бы краткий путеводитель по храму (хотя бы отпечатанный литограф. способом)» (1956 г.). Путеводитель и буклет с видами собора были напечатаны в 1957 г. Они демонстрировали величие Покровского собора — достижение русских зодчих, которым по праву следовало гордиться: «Тот факт таланта русских мастеров и строительное искусство и одновременно выраженная архитектура дают право законно считать, что развитие высокой строительной техники принадлежит русским людям и, следовательно, многохваленое иностранное в этой области рухнет и не может быть сопоставлено с этими историческими ценностями. Это прекрасно» (1952 г.)

В 1980 г. впервые книги отзывов Покровского собора стали пестрыми: в них появились наклейки иностранных болельщиков и спортсменов, приехавших в Москву на летнюю Олимпиаду. Резко возросло количество отзывов на иностранных языках: «Собор имени В. Блаженного нам очень понравился. Мы рады, что в СССР так много сделано и сделают в области сохранения исторических, культурных богатств» (Christiane Gembscke. Weimar, ГДР. 1980 г.).

Наши соотечественники также отмечали сопричастность к этому неординарному событию: «Мне 65 лет, участник Великой Отечественной войны, был на параде в 1945 году. Служил

в г. Владимире. И вот выпало счастье, как говорят, попасть на Олимпиаду-80, посетить те места, на которых я воспитываю подрастающее поколение в духе преданности нашей Родине, патриотического чувства служения Родине. Мои знания настолько выросли, что труд мой, вложенный в дело подрастающего поколения, отражается на моих глазах. Хочется от всей души поблагодарить реставраторов этого собора, что открыли даже под штукатуркой историю развития нашего народа 400 лет назад» (В. Д. Орехов, г. Владимир, 1980 г.).

Накануне Олимпиады в связи с ожидавшимся наплывом иностранных туристов в музей были установлены звуковые автоматические информаторы «ИНТОН-402» с текстом на русском, английском, французском и немецком языках. Любопытно, что это новшество также упоминается посетителями: «Поразительно! Восхищают ум и руки человеческие! Музей имеет общечеловеческую ценность. Но, к сожалению, плохо работают аппараты „Информаторы“. Для такого музея это несолидно. Остается некоторое чувство неудовлетворенности. Но, спасибо!» (аспирант МГПИ им. В. И. Ленина, 1982 г.).

В 1985 г. наблюдается вторая волна отзывов зарубежных и отечественных гостей столицы в связи с проведением в Москве XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов: «Мы очень счастливы, что побывали в этом замечательном архитектурном строении. Спасибо советскому государству, что сохранили этот исторический памятник русской архитектуры. МИР, ДРУЖБА, ФЕСТИВАЛЬ!» (г. Кишинев, 1985 г.). «Мы, участники XII Всемирного Фестиваля молодежи и студентов, посетив храм Василия Блаженного, еще больше по-настоящему полюбили историю создания памятников русского искусства и архитектуры. Няхай завжды будзе сонца, мир, дружба!» (г. Минск, 1985 г.) (Ил. 5).

В 1990-е гг. в Покровском соборе были возобновлены богослужения, и он перешел в совместное пользование МК РФ и РПЦ. Это историческое событие сыграло положительную роль в

восприятию музея-храма посетителями: «Живем в Москве, но на службе были в первый раз. Очень впечатлило богослужение, особенно в такой праздник Покров Пресвятой Богородицы! Обязательно придем еще раз!» (2011 г.).

Два коротких отзыва 2000 г. напоминают о второй Чеченской войне, активные боевые действия которой разворачивались в 1999-2000 гг.: «Меня зовут Тина. Я приехала из Нальчика. Мне здесь очень нравится, это очень красивый храм! Я хочу, чтобы на Северном Кавказе никогда не было войны». «Привет всем из Северной Осетии-Алании. Я здесь уже третий раз и каждый раз восхищаюсь этим местом, как в первый. Храните эту красоту и историю. Люди, [будьте] добрее и гуманнее, будьте счастливы» (Фатима, 2000 г.).

На рубеже столетий собор находился в удручающем состоянии. Основная экспозиция была демонтирована, наблюдались многочисленные утраты росписей: «Мне очень больно видеть храм в таком состоянии. Сколько человеческих сил, ума было потрачено на то, чтобы его построить. И что же мы, потомки, таким безразличием платим нашим предкам за созданную для нас красоту?» (2000 г.). «Экскурсии по храму и выставки — источник духовного просвещения, воспитания уважения к русской культуре. Спасибо! Желательно выделять больше государственных средств на реставрацию» (2000 г.).

В 2001 г. после двадцатилетнего перерыва

Ил. 5. Страница книги отзывов. 1985 г. Архив отдела «Покровский собор»

ва в Покровском соборе начался очередной этап комплексных ремонтно-реставрационных работ. Они длились до 2011 г., когда отмечали 450-летний юбилей завершения строительства храма. В том же году была открыта постоянная экспозиция, созданная с учетом изменившегося статуса музея-храма. Из церквей удалены витрины, чтобы ничто не мешало знакомству с историческими интерьерами. Удачным дополнением к восприятию храмового пространства служит пение вокального ансамбля «Дорос», который сотрудничает с музеем более десяти лет: «Казанцы восхищены великолепным собором и потрясающей архитектурой. В сопровождении мужского хора создается волшебная атмосфера. Огромное спасибо за удовольствие» (2014 г.). «Музей великолепный, пение в нем духовных произведений величественно и прекрасно. Великие зодчие создатели храма» (2012 г.).

Анализируя последние книги отзывов, нельзя обойти стороной впечатления, оставленные во время чемпионата мира по футболу летом 2018 г. По версии картографического сервиса «Mapst.me» Покровский собор стал самым посещаемым местом у болельщиков¹⁴. Действительно, в течение месяца музей осаждали туристы со всех уголков мира, что явилось серьезным испытанием для тесных исторических интерьеров. Книги отзывов заполнялись в два раза быстрее по сравнению с летним сезоном предыдущего года. По записям в них можно было установить, команды каких стран выходили на поле в тот или иной день. Некоторые туристы оставляли рисунки географических контуров своих стран.

Необходимо отметить, что в последние годы рисунки все чаще мелькают в книгах отзывов. В этом проявляется большая свобода авторов, желание выразить восхищение храмом, которое трудно передать словами. Помимо сердечек-признаний в любви к оригинальному памятнику архитектуры, посетители рисуют силуэт собора или его неповторимых куполов-глав. Наличие рисунков

— это характерная черта современных отзывов, которая войдет в историю музея благодаря сохранившимся в архиве книгам.

Активное использование компьютеров и телефонов сказалось не только на утрате привычки писать рукописные письма, открытки, но и на характере отзывов. Пространные тексты стали встречаться гораздо реже, преобладают краткие формулировки, написанные в стилистике сообщений в мессенджерах. Во время чемпионата мира по футболу иностранные болельщики стали оставлять в книгах вместо отзывов списки пришедших по аналогии с 1920-1930 гг.

Последние книги отзывов позволяют сделать еще одно наблюдение: свобода пишущих выражается в отзывах, не связанных с музеем; они пишут то, что их волнует в данный момент. За последнее десятилетие посетители стали заметно чаще делиться впечатлениями. Скорость заполнения книг находится в прямой зависимости от уровня посещаемости; в летний период необходимо столько экземпляров, сколько используется в остальные месяцы. Книга находится рядом с выходом из музея: после завершения осмотра посетители, не торопясь, могут описать свои впечатления.

В последнее время у музея появилась дополнительная возможность применения отзывов посетителей: публикация впечатлений на официальных страницах в социальных сетях. Дискуссии в комментариях позволяют выявить, а иногда найти решение возникших проблем.

На форзаце книги отзывов 1930-х гг. неизвестный сотрудник музея оставил такую запись: «В течение нескольких лет эта книга стала исторической ценностью музея, и вот только руки не доходят сдать ее в архив». Чем чаще книги отзывов различных музеев будут бывать в руках исследователей, тем детальнее будет воссоздана музейная летопись нашей страны.

¹ Шорина Д. Е., Шестак О. В. Книга отзывов как инструмент исследования и формирования имиджа музея // Ценности и смыслы. — 2017. — № 4(50). — С. 106-113; Петрунина Л. Я. Выставка «Что есть истина?» в восприятии публики // ИКОМ в России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://icom-russia.com/upload/documents/ВыставкаНиколаяГеввосприятиипублики.pdf>;

Емелин Е. В. Музейная книга отзывов как источник хорошего настроения // Козьмодемьянский культурно-исторический музейный комплекс // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kmkmuzey.ru/index.php/2014-05-21-06-40-56/articles/788-knigaotzyv>.

² Сарачева Т. Г. Музейная летопись Покровского собора. К 90-летию открытия музея. — М., 2013. — С. 18-22.

- ³ Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации. — М., 2004. — С. 16.
- ⁴ Рапорт заведующего музеем Покровского собора Е. Сирина в Отдел Музеев Главнауки. 29 мая 1923 г. // Архив отдела «Покровский собор». — П. 2/1. — Ед. хр. 2. — Л. 3.
- ⁵ Отдел Музеев Н. К. П. Музей Василия Блаженного собора. Книга для посетителей // Архив отдела «Покровский собор». — П. 5/7.
- ⁶ Сарачева Т. Г. Указ. соч. — С. 89.
- ⁷ С апреля по июль 1970 г. в книге отзывов было сделано 867 записей; преобладали впечатления на иностранных языках. Сотрудники музея анализировали их для выявления основных проблем музея. См: Анализ отзывов о работе филиала ГИМ «Покровский собор» за 1970 год // Архив отдела «Покровский собор». — П. 5/59.
- ⁸ Протокол № 6 заседания Комиссии архитектурной реставрации 26 декабря 1918 г. // ОПИ ГИМ. — Ф. 54. — Ед. хр. 382. — Л. 92.
- ⁹ Памятники архитектуры... — С. 309.
- ¹⁰ Кандидов Б. П. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. — М., 1929. — С. 136.
- ¹¹ Ионова О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928-1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — М., 1963. — Вып. V. — С. 103; Каулен М. Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. — М., 2001. — С. 133-135.
- ¹² Козлов В. Ф. Москва безбожная // Московский журнал. — 1991. — № 3. — С. 67.
- ¹³ Многие церкви оставались закрытыми долго, и в 1974 г. сотрудники музея сделали выборку неудовлетворительных отзывов о недоступности многих помещений собора для посетителей. Вероятно, музей пытался решать проблему нехватки зрителей, привлекая в качестве аргументации мнения посетителей. См.: Выписки из книги отзывов о филиале, выражающие неудовлетворение посетителей ограниченностью доступа к экспозиции филиала за 1974 год // Архив отдела «Покровский собор». — П. 5/59; Сарачева Т. Г. Музейная летопись... — С. 131.
- ¹⁴ Мустафаева Э. Собор Василия Блаженного стал самым посещаемым местом у иностранных туристов // Комсомольская правда. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/3167125/>.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ –
СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОСТИ
МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НА БАЗЕ МУЗЕЯ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ СТРУКТУРНОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ
«АЛЫЕ ПАРУСА» МУДО «ДВОРЕЦ ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ»
ГОРОДА ВОЛОГДЫ**

Музей воинской славы структурного подразделения Дворца творчества детей и молодежи «Алые паруса» был открыт в 1985 году; первой его экспозицией стали стенды с фотографиями вологжан — участников Великой Отечественной войны и краткими аннотациями к ним. В 2004 году музей был паспортизирован и вошел в аннотированный каталог школьных музеев Вологодской области. На протяжении 34 лет фонд музея пополнялся предметами периода 1941-1945 гг., послевоенного времени, в экспозицию стали входить муляжи снарядов, миниатюрные макеты орудий и другие предметы. Так возникли основные тематические выставки «Они защищали Родину», «Подвиги отцов — в наследство сыновьям», «Письма с фронта».

С 2000 года на базе музея воинской славы реализуются общеразвивающая образовательная программа «Музейное дело» и досуговая программа «Подвиг. Время. Дети». Главными составляющими этих программ являются исследовательская деятельность обучающихся, поиск новой информации о вологжане — участнике войны, поиск новых экспонатов. Итог своей деятельности обучающиеся обобщают, создают реферат или доклад, выступают с презентацией собранного материала. Сделать представление новой выставки более эффективным помогает использование музейных предметов, уже являющихся составной частью основных тематических выставок, имеющихся в музее. При этом возможна трансформация данного экспозиционного материала. Среди многочисленных научных классификаций в области музееведения, отражающих способы экспонирования, его подготовки, включающей

разработку целостной концепции музея и выбор дизайнерского проекта, понятие тематической экспозиции занимает особое место. Как известно, экспозиция формируется из музейных предметов, они — «безусловно, главное, что составляет язык музея. В самом широком смысле это знаки, с помощью которых создается основа любого экспозиционного «высказывания». Музейный предмет принято рассматривать в качестве «содержательного элемента экспозиции». Стоит задуматься: выступает ли экспонат как относительно самостоятельная единица показа или же представляет собой «органическую часть единого целого»¹. В условиях экспозиционного пространства, которым является музей воинской славы структурного подразделения «Алые паруса» Дворца творчества детей и молодежи города Вологды, реализуется попытка рассматривать музейный предмет и как составляющую целостной экспозиции, и как относительно самостоятельную единицу.

Трансформируя главные тематические экспозиции музея в новые (временные) выставки, необходимо осознавать, что школьная музейная экспозиция, отражающая военную историю нашей страны, должна сохранять свое незыблемое качество — достоверность, а также отражать внутреннее единство нескольких различных предметных сфер обучения и воспитания в последовательном сочетании со сферой эмоциональной. Здесь стоит пояснить, что, когда формировался фонд музея, его основную выставку составили предметы, принадлежавшие разным людям из разных мест сражений, разных периодов войны. Формируя временную выставку с новым тематическим наполнением, мы, прежде всего, делаем акцент

Ил. 1. Предметы основной выставки «Они защищали Родину» на подлинных предметах, рукописных источниках, фотографиях, неоспоримо указывающих на принадлежность тому или иному лицу (персоналии). В процессе презентации необходимо пояснить посетителям роль предметов, выступающих в качестве «дополнения», «фона», «иллюстративной поддержки», что героев наших исследований в тех или иных военно-полевых и жизненных ситуациях могли бы окружать предметы (к примеру, — образцы военного снаряжения, фронтового быта, обуви, обмундирования), идентичные представляемым. Дополняющие предметы формируют композиционный образ, необходимый для создания ощущения у юных посетителей музея атмосферы, присущей соответствующему историческому периоду Великой Отечественной войны, ее конкретному эпизоду, сражению. Музейные предметы при создании экспозиции «потенциально содержат многообразие значений»², которое мы и пытаемся использовать в реализации своего опыта.

Попробуем представить данный процесс.

В музее существует основная выставка «Они защищали Родину». Ее составляют (выборочно): стенды с фотографиями и краткой информацией об участниках Великой Отечественной войны; подсумок для винтовочных обойм; лопата бойца РККА; фонарик; стальной шлем бойца РККА; ложка бойца РККА С. С. Громова; фляга; котелок и другие предметы. Используя имеющийся экспозиционный материал, мы проводим многие тематические мероприятия, лекции, экскурсии на тему Великой Отечественной войны.

С 2008 года музей работает с рукописными источниками — письмами с фронта бойца РККА Григория Прохоровича Синяка — жене Алевтине в Кирилловский р-н Вологодской области. В ходе поисково-исследовательской деятельности обучающиеся сформировали большой блок информации об авторе писем, его боевом пути — на Карельском фронте с 29.06.1941 г. по 29.06.1944 г. в звании младшего лейтенанта; его родственниках, им упоминаемых, в том числе сыновьях «Вовике и Шурике»; воссоздали картину гибели Григория Прохоровича и определили место его захоронения и перезахоронения в городе Петрозаводске и т. д.

С помощью трансформации основной экспозиции создаем новую тематическую выставку «Письма с фронта Григория Синяка». В нее входят: подлинные письма (1-2); сканированные копии писем (3); можно добавить планшет младшего комсостава (основная экспозиция); кружка эмалированная (поднятая во время экспедиции в урочище Вороново в Ленинградской области и подаренная музею Вологодским поисковым отрядом в 2010 году); очки периода 1941-1945 гг.

Для формирования образа «получавшей письма» жены автора писем Алевтины можем дополнить экспозицию имеющимися в музее женскими туфлями военного периода, куделью и веретенном, относящимися к послевоенному времени. Также для формирования данной выставки можно использовать карты (планы) военных действий РККА на Карельском фронте в соответствующую

Ил. 2. Выставка «Письма с фронта»

Ил. 3. Выставка «Блокадный наш передний край»

щий период. Экспонаты основной выставки в данном случае используются для воссоздания более целостного представления об авторе писем, обстановки на фронте, окружавшей бойца.

Ежегодно с 1999 года в музее проходит городской краеведческий слет «Блокадный наш передний край», в рамках которого проводится дистанционная конференция школьников. Стало возможным объединить обобщенный тематический материал в новую тематическую экспозицию.

Сюда вошли следующие экспонаты: хлеб, выпеченный по идентичному блокадному рецепту, подаренный музеем «Дорога жизни» поселка Осиновец (ныне — п. Ладожское Озеро) Ле-

нинградской области; сканированные копии хлебных карточек блокадного Ленинграда; фотографии блокадного Ленинграда (Интернет-ресурс). Также используются экспонаты основной выставки.

Таким образом, рассмотрена возможность применения трансформации экспозиционных средств, позволяющей развивать тематическое многообразие временных выставок, способствующей организации выездных тематических лекториев. Внесение новых экспозиционных компонентов создает специфическое

пространство, атмосферу, более целостно влияющую на посетителя, помогающую пережить уникальные эмоции. Данный опыт подчеркивает многозначность музейных предметов, позволяет сделать экспозиционное содержание музея более глубоким и насыщенным.

Развитие музейной деятельности способствует эффективному обучению и воспитанию детей и подростков, занимающихся в структурном подразделении «Алые паруса» ДТДиМ. Об этом говорят их высокие результаты в конкурсах исследовательских работ областного, всероссийского и международного уровней.

¹ Никишин Н. А. Музейные средства: знаки и символы // Музейная экспозиция. Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции (На пути к музею XXI века). — М., 1997. — С. 26.

² Чеснокова М. Н. Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы. Автореферат // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-muzeynoy-ekspozitsii-kak-znakovoy-sistemy>.

А. С. Андронов (Арзамас)

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА. ОПЫТ МУЗЕЯ РУССКОГО ПАТРИАРШЕСТВА

Музей Русского Патриаршества — уникальный совместный проект Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и Нижегородской епархии. Первый подобный музейный проект нашей страны. Экспозиция музея посвящена жизни и деятельности Патриархов Московских и Всея Руси Никона и Сергия, уроженцев Нижегородской земли, а также Патриархов Русской Православной Церкви XX — начала XXI вв. Алексия I, Пимена, Алексия II и Кирилла.

На первом этаже музея представлена портретная галерея всех предстоятелей русской православной церкви. Патриаршество в России было учреждено при царе Феодоре Ивановиче 23 января 1589 года. Тогда при участии Патриарха Константинопольского Иеремии состоялось наречение, а 26 января — торжественная патриаршая интронизация. Изображение первого Патриарха Иова на сводах первого зала Музея Русского Патриаршества открывает сонм предстоятелей Русской Православной Церкви. Первые Патриархи Иов и Гермоген явились духовной опорой государству в эпоху смутного времени и были причислены к лику святых. Шестой по счету патриарх стал знаменательной личностью в русской истории — это уроженец Нижегородской земли, святейший Патриарх Никон. В годы его служения происходят значительные изменения в церкви. Ему в Музее Русского Патриаршества посвящен отдельный зал.

Под портретами патриархов указаны годы их служения. Петр I упраздняет патриаршество, заменяя его Духовной Коллегией, которая потом преобразовалась в Священный Синод. В 1917 году русская православная церковь вновь избирает предстоятеля. Время Патриарха Тихона пришлось на переломную эпоху в истории страны. Святейшему Патриарху Сергию (уроженцу города Арзамаса) в музее посвящены два зала. Патриархам Алексию I, Пимену, Алексию II и Кириллу посвящен заключительный зал, где представлены их личные вещи и богослужебные облачения.

Музей Русского Патриаршества привлекает не только уникальными экспонатами, которые собирались по всей России, но и особым духом церковной истории. Обзорная экскурсия по музею дает возможность проследить историю русского патриаршества от своего возникновения до сегодняшнего дня, а также открывает каждому посетителю удивительные факты жизненного пути и духовного становления русских патриархов.

Зал, посвященный Патриарху Никону, открывает экспозиционное пространство второго этажа музея. Каждый посетитель, попадая в зал святейшего Патриарха Никона, имеет возможность прикоснуться к церковной истории, узнать о судьбе этого человека и его месте в истории России. Представленные экспонаты являются первоисточником в получении исторической информации, а также создают особое эмоциональное восприятие сложных исторических событий и фактов XVII столетия.

Центральный зал второго этажа посвящен Арзамасскому городскому магистрату, в историческом здании которого сейчас располагается музей. В общественной жизни Арзамаса XVIII–XIX вв. магистрат играл важную роль, поэтому располагался на главной городской площади. Здание, построенное во второй половине XVIII в. специально для магистрата, сегодня является уникальным памятником архитектуры этой эпохи, а также является единственным неперестроенным образцом гражданского барокко второй половины XVIII в. в нашей стране.

Оно представляет собой двухэтажный в плане (17x19 м) объем, завершенный высокой четырехскатной крышей с характерным для барочной архитектуры переломом. Скаты верхней части крыши — прямоугольные, нижней — с вогнутой поверхностью. Средняя часть южного фасада основного объема выделена квадратным в плане крытым на три ската ризалитом с главным входом. Здание кирпичное, оштукатуренное. Стены расчленены лопатками, по горизонтали обведены раскрепованными узкими межэтажными и широки-

ми многоярусными венчающими карнизами. Окна с лучковыми перемычками украшены наличниками с замковыми камнями, «ушами», прямоугольными завершениями, дополненными в более высоких проемах второго этажа треугольными фронтонами и криволинейными фартуками. Ризалит имеет более развитый межэтажный пояс, его скругленные углы акцентированы радиусными колонками. Дверной и оконные проемы с полуциркульными перемычками украшены аналогично окнам нижнего яруса основного объема. Вход дополнительно отмечен треугольным фронтоном¹.

Городовые магистраты занимались ведением гражданских и уголовных дел, а также выполняли административные функции: рекрутский набор, взимание податей, запись в купечество и мещанство, выдача купцам свидетельств на вступление в подряды, выдача паспортов, оформление договоров о найме. Кроме того, осуществлял надзор за иногородними торговцами и промышленниками, вел книги городских земель и строений для выдачи справок об их покупке, ведал выдачей мер и весов, контролем качества товаров, установлением купчих на недвижимость.

При магистрате состояли городской сиротский суд и торговый словесный суд. Сиротский суд осуществлял попечение о малолетних сиротах и вдовах купцов, разночинцев, мещан и дворян, документально оформлял сведения об изменениях в их делах. Место председателя в сиротском суде занимал городской голова, с ним заседали два члена городского магистрата и городской староста.

Словесный суд состоял из двух словесных судей, которых избирали ежегодно городским обществом. Суд разбирал иски купцов, связанные с покупкой товаров, денежными займами, устраивал слушания по спорам между купцами и наемными работниками.

Часть экспозиции, посвященная деятельности городского магистрата, хранит фотокопии уникальных рукописных документов, принадлежавших магистрату, старинные монеты, чеканенные при императрице Екатерине II. В каждом документе скрываются удивительные линии жизни городских купцов и чиновников, простых жителей и служителей церкви.

Следует сказать, что само возникновение Музея Русского Патриаршества в городе Арзамасе

символично. Арзамас — родина святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Сергия (Страгородского). Формирование музейной экспозиции начиналось с подбора и оформления залов, посвященных Патриарху Сергию. Часть экспозиции отражает важнейшие этапы его жизни и служения церкви. Каждый этап открывается фотодокументальной композицией. Первый план посвящен родному городу Сергия — Арзамасу. Здесь в семье дьякона, а затем священника Алексеевского монастыря Николая, родился сын, которого называли в честь деда, протоиерея Воскресенского собора и благочинного города Арзамаса Иоанна Страгородского. Тетушкой маленького Ивана была игуменья Алексеевской женской обители Евгения. В стенах этого монастыря и прошло детство будущего патриарха. Затем была не менее строгая «ученическая» обстановка юношества. Это годы учебы в Арзамасском духовном училище, затем в Нижегородской семинарии. Его способность к изучению языков, хорошие познания в библейской истории и истории церкви позволили ему выдержать сложный экзамен в Петербургскую духовную академию и получить право обучения на казенный счет. Престиж Петербургской духовной академии был велик, преподавательский ее состав представлен лучшими историками и богословами своего времени.

Сокурсники отмечали спокойный и мягкий нрав своего товарища, а также его музыкальные способности. В музее представлена фисгармония времен Страгородских. Иван очень любил этот инструмент и хорошо играл на нем церковную музыку, обладал красивым и густым басом. Учась на старших курсах, он со своим другом посещал Валаамский монастырь. Лучший студент духовной академии, общительный и открытый для всех, Иван решил принять монашеский постриг. Друзья и некоторые преподаватели были против такого решения. Они тайне от Ивана отправили телеграмму в Арзамас его отцу, чтобы тот приехал и отговорил сына принимать монашество. Отец приехал в Санкт-Петербург, провел с сыном несколько серьезных бесед, после которых сам присутствовал на пострижении сына в монахи с именем Сергий в честь одного из Валаамских чудотворцев.

По окончании духовной академии началась миссионерская деятельность Сергия Страгород-

ского в Японии. Способность к изучению языков позволила молодому иеромонаху уже через два месяца вести службу и читать лекции на японском языке. Этот период его жизни отражен в фотодокументальных материалах экспозиции. Отдельное место занимает модель крейсера «Память Азова», на котором иеромонах Сергей проходил службу судовым священником. После окончания второй японской миссии архимандрит Сергей Страгородский возвратился на родину, где почти сразу был назначен ректором Петербургской духовной академии. За годы его ректорского служения 400 выпускников защитили богословские диссертации. Но в 1917 г. в один момент в стенах духовной академии перестали звучать лекции. Началась новая страница светской и церковной истории.

Годы жестоких гонений и революции нашли свое отражение в следующем экспозиционном комплексе. Символическим центром этой композиции является красное знамя — начало излома истории и массовых репрессий. На фоне знамени представлено разрушение храмов, суд над священнослужителями. Основной предметный план комплекса занимает фрагмент разрушенного купола церкви, искореженная церковная ограда. В оконном проеме — увеличенная фотография «Суд над Арзамасским епископом Домитианом». Все, происходившее в стране, ярко отражает советский лозунг — «За новый быт!» В это время уже митрополиту Сергию приходилось принимать трудные решения, идти на компромисс. После смерти Патриарха Тихона в 1925 г. митрополит Сергей стал местоблюстителем патриаршего престола. Это назначение было тяжелым испытанием для будущего Патриарха. Каждый закрытый храм, разворованный монастырь или сосланного в лагерь священника он воспринимал как личную трагедию.

Политическая агрессия и безрассудство сменились агрессией военной. Великой Отечественной войне посвящена следующая часть экспозиции. Здесь представлен собирательный образ городской квартиры. Затемненные, крест-накрест заклеенные окна, разломанная мебель и печка-буржуйка — все это символы разрушенной мирной и спокойной жизни. Об ушедшем тепле домашнего очага напоминают сохранившиеся обои, образ Богородицы, книги. Громкоговоритель на стене связывает жизнь тыловых городов с передовой. Возможно, именно

из такого громкоговорителя митрополит Сергей узнал о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. В первый день войны Сергей пишет духовное воззвание «Послание к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». Всех верующих нашей страны он призывал немедленно встать на защиту Родины. Послание было разослано по всем церквям и епархиям. Фотографии и документы, представленные на стенде, отражают деятельность Русской Православной Церкви в годы войны. Кроме проповеди и духовной поддержки на линии фронта, в тылу церковью осуществлялся сбор денежных средств для постройки танковой колонны «Дмитрий Донской» и эскадрильи «Александр Невский».

Одним из важнейших и интереснейших моментов биографии Патриарха Сергия является историческая по своему значению его встреча с И. В. Сталиным. Исход этой встречи был решающим для дальнейшего положения Церкви и Патриаршества, которое вновь было восстановлено. Открывались храмы, постепенно восстанавливались богослужения. Документ, свидетельствующий об этой встрече, представлен среди фотографий интронизации патриарха Сергия и реконструкции его последнего рабочего кабинета. Пишущая машинка «Ундервуд», настольная лампа, телефонный аппарат, часы, письменные принадлежности относятся к 1920-1940 гг.

Завершают эту часть экспозиции фотографии, посвященные кончине святейшего Патриарха. Множество людей пришло проститься с главой Русской Православной Церкви, с удивительным богословом, талантливым дипломатом и просто добрым и открытым человеком, отдавшим все свои силы на сохранение церковного и народного единства в тяжелое и страшное время нашей великой истории, человеком, которого уже при жизни называли «Ангелом-Хранителем» Русской Православной Церкви. Патриарх Московский и Всея Руси Сергей Страгородский явился знаковой фигурой XX века, и Музей Русского Патриаршества бережно хранит память о нем.

Первый этаж музея хранит личные вещи Патриархов: Алексия I, Пимена, Алексия II, Кирилла.

Двадцать пять лет, дольше всех других, Патриарху Алексию I было суждено управлять Русской Православной Церковью.

Патриарх Алексий I, в миру Сергей Симанский, родился при царе Александре II. Его детство прошло при Александре III. Будущий предстоятель помнил Николая II, падение монархии, революцию, Первую мировую войну. Великую Отечественную войну митрополит Алексий проведет в блокадном Ленинграде. В 1945 году будет встречать Победу, в 1961 лично беседовать с Юрием Алексеевичем Гагариным. Патриарх помнил, как Никита Сергеевич Хрущев грозился показать по телевизору «последнего советского попа». Он прожил 93 года. Экспозиция отражает основные этапы духовного роста иерарха — от маленького мальчика, паломника Валаамской обители, затем прилежного студента Ленинградской духовной академии, священника, получающего первый опыт служения, до архипастыря и первостоятеля Русской Православной Церкви. При нем церковь обретает мощи выдающихся святых — Серафима Саровского, Александра Свирского, Максима Грека и Филарета, святителя московского.

Благодаря Патриарху Алексию I в России вновь зазвучит колокольный звон, церковь всячески будет способствовать духовному возрастанию и укреплению международных отношений с соседними государствами. Божественное служение Алексия I было непреодолимым велением сердца, которое он не в силах был остановить и которое испытал до конца. Последнего посетителя Патриарх Алексий принял за девятнадцать минут до своей смерти. О своем служении патриарх однажды скажет: «Мое церковное служение началось с шестилетнего возраста. Я прошел все ступени церковного служения — и кадило подавал, и псаломщиком был, и иподиаконом, и твердо знал, что стану священником и никем иным. Разумеется, к такому выбору подвели меня мои бесценные родители. Они научили меня любить православное богослужение, научили посещать святыни. У меня никогда не было сомнения, по какому жизненному пути я пойду». Этот трудный путь служения Богу и Церкви навсегда останется на страницах нашей истории.

Экспозиционные площади музея, фотодокументальный и предметный его планы дали импульс к созданию всевозможных интерактивных программ, экскурсий для юных посетителей. На-

правление «музейная педагогика» стало одним из приоритетных и актуальных. Создание детских экскурсионных программ, мастер-классов, тематических лекций, игр-квестов требовало относительно нового и креативного взгляда на задачу сложного исторического материала. Тема истории русского патриаршества должна была стать интересной и доступной для школьной аудитории. Была создана специализированная детская экскурсия «В гостях у Патриарха». В основу экскурсии положена игровая образовательная деятельность. Создание детской экскурсии, посвященной истории русского патриаршества, осложнялось отсутствием популярного в современной музейной практике тактильно-познавательного контакта с репликой или копией оригинального экспоната. Многие музеи этнографической или естественно-научной направленности уже довольно продолжительное время используют подобные педагогические практики. Неподдельное эмоциональное впечатление у юных посетителей вызывает, например, демонстрация научного эксперимента, или личное участие в нем (в рамках музейной экскурсии), или элементарная возможность взять в руки копию любого бытового предмета средних веков или древнего мира. Все эти «интересные» моменты экскурсии сближают юных посетителей с музейным пространством и определенной исторической эпохой, что, конечно же, само по себе уже большое музейно-педагогическое приобретение. При разработке детской экскурсии по Музею Русского Патриаршества изначально фактически отсутствовала возможность «раздать» детям копии экспонатов и личных вещей Патриархов. Педагогической и духовной ценности этот момент экскурсии не имел бы. «Примерить» эпоху на себя, надев реконструкцию кольчуги воина времен Куликовской битвы и подержать в руках «патриарший посох» или надеть мантию предстоятеля Церкви — абсолютно разные моменты. Выходом из ситуации являлась игровая основа экскурсии, актуализирующая уже имеющиеся знания детей о конкретной исторической эпохе. Отдаленность и «неприступность» экспоната, например, богослужебного облачения епископа Русской Православной Церкви, компенсировалась подробным рассказом о его символике и ассоциативных связях со светскими костюмами и предметами.

Музей Русского Патриаршества начал выстраивать работу со средними образовательными, специализированными и высшими учебными заведениями сразу по нескольким образовательным направлениям.

Первым разделом являлось и является краеведение. Тематическая составляющая этого направления посвящена объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) города Арзамаса. Сотрудники музея знакомят юных посетителей с храмами города Арзамаса. Отдельное внимание уделяется Воскресенскому собору. Через интерактивную составляющую программу музей предлагает юным посетителям знакомство с уникальными фресками собора, которые были выполнены учениками Арзамасской художественной школы академика А. В. Ступина. Познакомиться с фресками можно и в зимне-весенний период, когда Воскресенский собор не функционирует. Особенностью этого образовательного направления является возможность иначе взглянуть на церковные комплексы Арзамаса, знакомые каждому местному жителю, узнать их историю, архитектурные традиции и уникальность их исполнения. Главные церковные комплексы находятся в непосредственной близости от Музея Русского Патриаршества и вместе с ним представляют исторический облик города.

Юным посетителям предоставляются увлекательные задания — самостоятельно читать деловую документацию XIX века, найти отличия от современного облика Соборной площади по фотографии известного нижегородского фотографа М. П. Дмитриева. К началу учебного года музей традиционно проводит мероприятие «Что написано пером». Каждый посетитель имеет возможность самостоятельно попробовать писать гусиным пером на манер представленных исторических документов. Краеведческая направленность музейной педагогики находит точки соприкосновения со спецкурсом «Арзамасоведение» в Арзамасском филиале ННГУ.

Духовно-просветительская деятельность музея организуется и исполняется в рамках ориентирования на предметы школьного курса: «Основы религии и светской этики», «Основы религии России», «История России». Экскурсия «В гостях у Патриарха» открывает основные вехи русской

церковной истории через личности Патриархов Иова, Гермогена, Филарета, Никона, Сергия и четырех последних иерархов русской церкви. Уроки-экскурсии посвящены Патриархам Смутного времени (Иову, Гермогену), истории церковного раскола XVII в. и отдельно личности Патриарха Никона, уроженца Нижегородской земли.

Юным посетителям открыты некоторые аспекты взаимоотношений церкви и государства в XX веке, отдельно обозначена роль русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны, предоставляется возможность прочесть воззвание митрополита Сергия Странгородского, обращенное к русскому народу в первый день войны, что дополняет эмоционально-ценностную составляющую музейной программы. Школьники открывают для себя удивительный мир истории и лучшие примеры служения отечеству и церкви.

Следующим направлением музейной педагогики является раскрытие и объяснение символики богослужбных облачений, составляющих весомую часть музейного собрания. Темы, посвященные символике богослужбных одежд, входят в календарно-тематическое планирование по школьным предметам «Основы религии и светской этики» и «Основы религии России».

Кроме обзорных экскурсий, музей предлагает интерактивное мероприятие «Самое красивое таинство церкви. Венчание». Юные посетители узнают историю формирования таинства венчания, особенности обряда в разные исторические эпохи — от ветхозаветных до современных. Тема «Таинства русской православной церкви» входит в курс предмета «Основы религии России». Интерактивная составляющая мероприятия, музейное пространство и оригинальный подход к подаче материала создают знаково-символическую насыщенность музейной педагогической деятельности.

Удивительная акустика музейных залов дала возможность творческой самореализации вокальным и музыкальным коллективам города Арзамаса, что является отдельным пунктом музейной педагогики. Музыкальные мероприятия носят просветительскую и образовательную направленность и уже являются своеобразной визитной карточкой музея, который бережно сохраняет историю и шагает в ногу со временем. Примером

организации концерта церковной музыки является музейный проект «Песнопения Божественной Литургии». Юные посетители узнают ее духовный смысл и особенности, перевод основных песнопений на современный русский язык, а также особенности вокальной составляющей русского церковного пения. Живое исполнение подкрепляется интерактивной «шпаргалкой» — дублированным переводом текстов с церковнославянского на русский. Музей предлагает оригинальную форму проведения занятий по предметам школьного курса «Музыка» и «Мировая художественная культура».

Кроме интерактивных программ в здании магистрата, музей организует «План выходного дня». Такая форма деятельности подразумевает не только осмотр музейной экспозиции, но и посещение конной базы «Казачий хутор», где для гостей устраивается экскурсия, катание на лошадях и рассказ о главных особенностях русского сельского быта.

Музей проводит мастер-классы по скрапбукингу, рисованию по бересте, изготовлению елочных игрушек и рождественских открыток.

Инновационным мероприятием для арзамаской музейной среды является музыкально-образовательный концерт — совместный проект Музея Русского Патриаршества и студентов Арзамаского музыкального колледжа, ориентированный на младшее и среднее школьное звено. Юные посетители имеют возможность послушать классическую музыку, узнать устройство музыкальных инструментов, а также ненадолго стать непосредственными участниками музыкального номера.

С 2016 года музей начал проводить интерактивные мероприятия «Уютный дом» и «Семейные ценности», руководствуясь методическим материалом авторского комплекса настольных игр «Наследие». (Авторы: ассистент кафедры эстетического воспитания ИПиПД УрГПУ Елена Николаевна Бородина, студент-бакалавр Ксения Дмитриевна Гусева). Процесс духовного, нравственно-патриотического воспитания старшего дошкольника и младшего школьника осуществляется через приобщение к произведениям русского изобразительного искусства. Ведущей формой познавательной деятельности становится детская игра совмест-

но со взрослым (педагогом, родителем, иным субъектом педагогического процесса), со сверстниками или более старшими детьми.

Организуя образовательную базу для совместной деятельности с общеобразовательными учреждениями, музей ставит задачи, актуальные для обучения и воспитания подрастающего поколения, и отвечающие постулатам музейной педагогики:

1. Приобщение к музею и музейной культуре с раннего возраста. Формирование потребности в общении с культурным наследием и ценностного отношения к нему.

2. Развитие способности у юных посетителей извлекать информацию из первоисточника — экспонатов Музея Русского Патриаршества и церковно-архитектурных комплексов города Арзамаса.

3. Активизация творческих способностей личности и творческой деятельности в музее. Поиск новых форм общения с культурным наследием.

4. Духовно-нравственное воспитание молодежи на примере служения церкви и отечеству предстоятелей русской православной церкви.

5. Воспитание патриотизма, активной и твердой жизненной позиции и любви к Родине и родной истории.

6. Развитие кругозора у юных посетителей, формирование терминологической базы. Музей дает подробное объяснение памятных дат, праздников, их духовно-нравственной составляющей.

7. Создание многоступенчатой системы музейного образования (школа — музей — учреждение дополнительного образования — вуз).

8. Мотивация процесса обучения, создание «опыта радости». Экскурсия также предусматривает развивающую игру «вопрос-ответ», «определение самого внимательного посетителя музея» и т. д.

Отдельное место в образовательной деятельности занимает проект «От музейного порога по церковной лестнице». Он дает возможность познакомиться с жизнью патриархов и опытом их духовного становления. Прикасаясь к живым страницам своей истории, подростки и студенты видят подлинный и неподкупный пример служения отечеству и Русской Православной Церкви в лице ее духовных предстоятелей. Проект

в ком-то будит интерес к истории родной страны, воодушевляет к исследованию собственной родословной, кому-то дает возможность сделать свой первый шаг к храму. В настоящее время музей организует дискуссионный клуб, посвященный вопросам истории церкви и современным нравственным и духовным проблемам.

Проводятся совместные мероприятия с активными школами и вузами, посвященные памятным датам истории церкви. Организуются совместные паломнические поездки по родовым и памятным местам русских патриархов, составляются маршрутные карты и путеводители по памятным местам служения патриархов, ведется сбор исторических данных. Музей активно проводит открытые лекции и конференции, посвященные вопросам истории государства и церкви с участием школ и вузов города Арзамаса.

Совместно с учебными заведениями города, общественными организациями и Арзамасским благочинием ежегодно проводятся тематические викторины по истории России, основам православной культуры, творческие конкурсы среди школьников и студентов.

Нахождение в музее, пропитанном духом церковной истории, должно быть интересным и приятным, а духовные ценности понятными и ненавязчивыми. Музей Русского Патриаршества не ставит себе задачу воцерковить каждого юного посетителя. Воцерковление — это процесс, затрагивающий душевное и даже психофизическое состояние человека. Музей не нарушает это личное пространство, он дает знание о религии, о народных традициях, морально-этических нормах, открывает посетителям лучшие примеры служителей отечеству и церкви.

¹ Арзамас. Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры. — Н. Новгород, 2013. — С. 365.

ИСТОРИЯ ПЕРВИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСААФ ВО ВЛАДИМИРСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЛГУ)

Создание добровольных оборонно-спортивных обществ — одна из интересных страниц в истории нашего государства. Активно развиваться такие общества начали в Советском Союзе. Одним из первых было Военно-научное общество, созданное в 1920 году, которое позже реорганизовали в добровольное общество содействия обороне. С 1923-1924 гг. были созданы общества друзей воздушного флота и друзей химической обороны и химического строительства¹.

В 1925 году произошло слияние обществ в одну организацию — ОСОАВИАХИМ, которая проводила большую оборонно-спортивную работу. В годы Великой Отечественной войны ОСОАВИАХИМом было подготовлено большое количество военных специалистов, которые находились как на передовой, так и в тылу врага. В 1951 году происходит новая реорганизация и создается Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ).

На предприятиях и в учебных заведениях создавались первичные организации ДОСААФ. Во Владимирском вечернем политехническом институте также была открыта первичная организация ДОСААФ, которая просуществовала с 1964 по 1990 гг. В фондах Музея истории ВЛГУ хранятся документы и предметы, отражающие историю этой организации.

Первым руководителем ДОСААФ в институте был ветеран Великой Отечественной войны, старший преподаватель кафедры гражданской обороны Алексей Ефимович Старков, возглавлявший организацию более 15 лет. Комитет ДОСААФ института проводил патриотическую работу с преподавателями и студентами, вел подготовку к выполнению норм «Готов к труду и обороне» (ГТО), были созданы стрелковая и парашютная секции, радиоклуб и секция картинга².

Стрелковая секция была одной из популярных в институте. В фондах сохранилось большое

количество грамот, присужденных коллективам факультетов, которые участвовали в соревнованиях по стрельбе. Долгое время стрелковую секцию возглавляла мастер спорта СССР А. Т. Киселева³. За время существования секции было проведено большое количество соревнований. Так, например, в 1973-1974 учебном году было проведено восемнадцать соревнований по пулевой стрельбе. Только в одном соревновании, посвященном Дню Советской Армии, участвовало 237 преподавателей и сотрудников⁴. Ежегодно проводились соревнования по стрельбе из пистолета и винтовки среди кафедр института. Например, в 1979 г. первое место заняла кафедра физики (зав. кафедрой профессор В. Н. Кунин), второе место — кафедра экономики (зав. кафедрой д. э. н. В. М. Мандрица), третье место у кафедры РТ и РС (зав. кафедрой к. т. н. А. К. Бернюков).

Парашютная секция в институте пользовалась не меньшей популярностью. К 1976 году было подготовлено более тридцати парашютистов третьего разряда и пять перворазрядников. Студентка пятого курса группы АД-176 Екатерина Пашукова совершила более 300 прыжков с парашютом. За 1980 г. она в качестве инструктора подготовила тридцать человек для прыжка с самолета⁵.

При поддержке комитета ДОСААФ Владимирского политехнического института был создан радиоклуб. Здесь занимались студенты и преподаватели, увлекающиеся радиоспортом. Большой вклад в его развитие внесли начальник радиоклуба — к. т. н. Валерий Николаевич Устюжанинов и начальник коллективной радиостанции В. А. Пантелеев. С 1965 по 1975 гг. операторами института было проведено свыше 18-ти тысяч сеансов радиосвязи. В 1968 году студент группы Р-165 Валентин Стариков кандидат в мастера спорта, чемпион РСФСР по радиоспорту был награжден комитетом ДОСААФ ВПИ⁶. Участники радиоклуба участвовали и в международных всесоюзных радиоэстафетах. В 1975 г. во время

празднования 30-летия Победы в Великой Отечественной войне радиостанция радиоклуба принимала активное участие в эстафете «Победа-30». Наиболее интересные связи были установлены с участниками лыжной экспедиции на Северный полюс, с авиадесантом на трассе БАМ, с четырьмя радиостанциями радиоэстафеты «Заветам Ленина верны» и радиоэкспедицией «Космическая заря», с тремя мемориальными станциями с мест Сталинградской битвы (Дом Павлова, Мамаев курган)⁷. Радиоклубом было получено 26 дипломов и 2 вымпела.

В 1980 году на базе автотракторного факультета была организована секция автоспорта. Было закуплено четыре карта. Спортсмены этой секции приняли участие в соревнованиях в Коврове, где участвовали команды Москвы, Горького, Владимира и других городов⁸. На базе АТП-2 работала секция автотракторного клуба. Члены секции принимали участие в различных всесоюзных соревнованиях. В 1976 г. команда Владимирского политехнического института выступала на Всесоюзных командных соревнованиях авторалли «Медведь-77», где заняла 2-е место. Студент автотранспортного факультета В. Морозов принял участие в автогонках «Невское кольцо». Сотрудники ДОСААФ ВПИ помогали первокурсникам освоить военно-учетную специальность в рамках военно-спортивного зачета. Каждый студент получал военные знания по специальности, которой обучался в институте. Например, ребята, обучавшиеся на механико-технологическом и автотранспортном факультетах, изучали двигатели автомобилей и мотоциклов, а также получали навыки вождения⁹.

Студенты, обучавшиеся на химико-технологическом факультете, получали подготовку по специальности «химик-разведчик-дозиметрист» и учились определять содержание отравляющих веществ в воздухе. В музее университета сохранилась часть общевойскового прибора химической и радиационной разведки. Студенты радиоприборостроительного факультета проходили подготовку по специальности радиотелефонист и оператор радиолокационной станции. К выполнению норм военно-спортивного зачета планировали привлечь и девушек, для этого ДОСААФ и медпункт института организовали курсы медсестер¹⁰.

Одним из важных направлений работы ДОСААФ института было патриотическое воспитание студентов. В музее сохранились фотографии

и материалы с мероприятий, поездок и походов студентов. Поездки для ребят организовывались по местам боевой славы 1941-1945 гг. В 1976 году в рамках месячника оборонно-спортивной работы состоялась поездка в Германскую Демократическую Республику с посещением столицы Берлина, города Потсдам, концлагеря Бухенвальд, возложением цветов в Трептов-парке¹¹.

В Советском Союзе наши студенты посещали города-герои. В 1979 году состоялась поездка делегации комсомольской организации от Владимирской области в Новороссийск. Одним из делегатов был студент группы Д-278 Игорь Ермолаев — руководитель сектора военно-патриотической работы в комитете комсомола ВПИ. Участники делегации побывали на экскурсии по городу, встречались с ветеранами — участниками обороны рубежа «Малая земля», посетили музей военной техники¹². И. Ермолаев привез капсулу с землей Новороссийска и книгу Л. И. Брежнева «Малая земля», подписанную ветеранами 18-й Армии¹³.

В 1982 состоялась еще одна поездка в город-герой Волгоград. В ней приняли участие победители областного и внутривузовского туров IX Всесоюзного конкурса студенческих работ по общественным наукам и истории ВЛКСМ — студенты групп МП-178 и МП-278: Наталья Архарова, Владимир Липатов, Наталья Давыдова, Елена Федотова и заместитель секретаря комитета ВЛКСМ института — Татьяна Дудкина. Своими впечатлениями о поездке ребята поделились с газетой «Политехник»¹⁴, а в фонде нашего музея хранятся фотографии, на которых изображен обелиск и вечный огонь на Площади павших борцов Революции¹⁵.

В этом же году в феврале 1982 года состоялся лыжный поход, он проходил по местам боевых действий под Москвой. Его маршрут Снегири—Кашино—Крюково—Менделеево—Белый Раст—Подьячево—Тараканово—Конаково протяженностью 140 километров был приурочен к 40-летию сражения под Москвой. В нем приняли участие студенты ВПИ И. М. Полянский, Т. В. Зотова, О. Н. Круглов (группа Р-379), Т. А. Короткова (группа Р-179), Е. Н. Крутлова (группа П-478), А. Ф. Веселов (группа РТ-579), В. А. Галоев (руководитель похода, группа МП-179) и студент Владимирского авиамеханического технику-

ма С. А. Кокурин (группа 32). Во время похода ребята посещали мемориальные комплексы, музеи, встречались и беседовали с местными жителями¹⁶. В музее сохранился альбом и дневник, который вели участники похода.

Второй поход (летний) был организован по местам боевой славы Подмосковья, назван «Рубеж Славы» и проходил по маршруту: Наро-Фоминск—Крюково—Петрищево—Можайск—Бородино—Руза—Волоколамск—Дубосеково. В нем принимали участие студенты группы АТМ-179: А. Великанов, Г. Трусова, М. Токарева, А. Куц, П. Стричевский и студентка группы АТМ-278 Елена Берест. Во время похода ребята посетили мемориалы и музеи, посвященные военным событиям, побывали в музее Зои Космодемьянской в деревне Петрищево, увидели площадь партизан в городе Руза. Об этом нам рассказывают фотографии, которые сделал П. Стричевский и которые хранятся в Музее университета¹⁷.

В собрании музейных предметов хранится «Почетный знак ДОСААФ СССР», которым награждена первичная организация нашего института за активное участие в военно-патриотической, учебной и спортивной работе¹⁸. Также в коллекции фалеристики хранится знак «Ветеран ДОСААФ». Особое внимание привлекают два вымпела организации «SVAZARM» (организация содействия армии) из Чехословакии¹⁹. Эта организация является прототипом ДОСААФ Советского Союза и основана была в 1951 году.

На современном этапе студенты Владимирского государственного университета и Колледжа инновационных технологий и предпринимательства ВлГУ не утратили связи с добровольным обществом содействия авиации, армии и флоту. В 2014 году состоялось обсуждение вопросов о реализации Указа Президента Российской Федерации о введении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», в нем приняли участие представители университета и ДОСААФ²⁰.

Студент группы ПКсп-116 нашего колледжа Никита Герасимов занимается пулевой стрельбой в секции ДОСААФ города Меленки, в 2017 году он принял участие в VIII городской молодежной историко-краеведческой конференции «Моя малая Родина» с докладом о ДОСААФ нашего института. Н. Герасимов передал в дар гильзы от спортивной винтовки и вместе с сотрудниками Музея истории ВлГУ принял участие в проведении занятия в экспозиции по истории добровольного общества.

Музей истории Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых располагает большой коллекцией музейных предметов и документов, посвященных истории ДОСААФ во Владимирском политехническом институте. Фондовые вещи экспонируются на выставках, проводимых музеем вуза, а также используются во время проведения занятий со студентами университета и колледжа.

¹ Борисов Л. П. ОСОАВИАХИМ. Страницы истории. 1927-1941 годы // Вопросы истории. — 1965. — № 6. — С. 45.

² История первичной организации ДОСААФ // Фонды Музея истории ВлГУ.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Старков А. Е. Думая о завтрашнем дне // Политехник. — 1979. — 6 декабря. — С. 2.

⁶ В. Стариков — студент гр. Р-165, кандидат в мастера спорта. Чемпион РСФСР по радиоспорту среди юношей 1963 г. Фото // История первичной организации ДОСААФ.

⁷ История первичной организации ДОСААФ. — С. 3.

⁸ Старков А. Е. Думая о завтрашнем дне — С. 3.

⁹ Старков А. Е. На первом этапе // Политехник. — 1970. — 27 января. — С. 2.

¹⁰ Там же. — С. 2.

¹¹ Старков А. Е. Крепить работу ДОСААФ // Политехник. — 1976. — 18 ноября. — С. 3.

¹² Ермолаев И. Фотографии Новороссийска // Фонды Музея истории ВлГУ.

¹³ Вит А. Дорогами славы отцов // Политехник. — 1979. — 22 февраля. — С. 4.

¹⁴ Нам никогда позабывать не надо // Политехник. — 1982. — 3 июня. — С. 3.

¹⁵ Фотографии обелиска и вечного огня на площади павших борцов Революции. Город Волгоград. // Фонды Музея истории ВлГУ.

¹⁶ Альбом «Подмосковье (по местам боевой славы — 1982 г.)» // Фонды Музея истории ВлГУ.

¹⁷ Почетный знак «ДОСААФ СССР» // Фонды Музея истории ВлГУ.

¹⁸ Два вымпела «SVAZARM» // Фонды Музея ВлГУ.

¹⁹ ВлГУ и ДОСААФ обсудили вопросы реализации указа о ГТО // Фонды Музея истории ВлГУ.

²⁰ Гильзы от спортивного оружия (винтовка) // Фонды Музея истории ВлГУ.

Т. С. Дарьина (Владимир)

ПИСЬМА ДЕТЕЙ УВАРОВЫХ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Род Уваровых (графский титул с 1846 года), получив наследство Шереметьевых и Разумовских, был одним из богатейших дворянских родов Российской империи в XVIII — начале XX вв. Представители рода имели обширные земельные владения в Московской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Владимирской губерниях¹. Одними из наиболее известных имений Уваровых в XIX в. были Карачарово в Муромском уезде Владимирской губернии и Поречье в Можайском уезде Московской. Эти усадебные комплексы и сохранившиеся коллекции позволяют исследователям российского дворянства XIX в. восстановить их жизнь вплоть до мельчайших бытовых подробностей².

Не менее богатый материал о жизни дворян хранят личные архивные фонды, многие из которых до сих пор слабо изучены. Одним из таких фондов, имеющих определенный исследовательский потенциал, является личный фонд Уваровых, отложившийся в Государственном архиве Владимирской области³.

Семейный фонд Уваровых по содержащимся в нем документам датируется периодом с 1769 по 1916 гг. Правда, первая дата относится только к единственному делу (Указы Владимирской провинциальной канцелярии, справки, промемории, квитанции и другие бумаги XVIII в. из канцелярии А. С. Уварова)⁴. Остальные дела относятся к XIX — началу XX вв. Фонд содержит 1462 дела и считается самым большим личным фондом, хранящимся в ГАВО⁵.

Судя по исторической справке, он попал в архив в 20-е гг. XX в., а в 50-е гг. дополнительно к нему поступили дела из Муромского музея⁶. Впервые документы обработали и преобразовали в дела в 1966 г. Все документы формировались из россыпи. В итоге было сформировано 1462 дела. В макулатуру было отправлено 300 дел (к сожалению, уже нет возможности установить, что это были за документы). В таком виде в составе единого фонда документы и дошли до наших дней.

Дела фонда никогда не публиковались, и к ним не было повышенного интереса исследователей. Тем не менее, в фонде содержатся уникальные источники, освещающие различные стороны жизни российского общества XIX — начала XX вв. К таковым можно отнести письма детей Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых — известных представителей российской науки и общественной жизни XIX в.

В данном исследовании мы предпримем попытку восстановить внутрисемейные отношения дворянского сословия XIX в. на основе информации, содержащейся в письмах детей Уваровых.

Тема внутрисемейных отношений в дворянском сословии XIX в. долгое время не затрагивалась в отечественной исторической науке. Начиная с 90-х гг. XX в. появляются многочисленные исследования, в которых данная тема рассматривается с той или иной точки зрения: с позиции истории культуры⁷, истории педагогики⁸, гендерной истории⁹. По данной теме отдельные исследователи успешно защищают диссертации¹⁰. Рассматриваемый нами вопрос является, по сути, дополнением к масштабной теме детско-родительских отношений в дворянском сословии.

У Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых было шесть детей: Алексей (1859-1913), Прасковья (1860-1934), Сергей (1862-1888), Екатерина (1864-1953), Федор (1866-1954) и Игорь (1869-1934). В фонде Уваровых сохранились письма от каждого из них. Дети отправляли письма родителям из-за частого отсутствия последних по причине хозяйственных дел или научных занятий.

Во всех письмах дети обращаются к родителям не иначе, как «Милые Папа и Мама» или просто «Мама и Папа». В одном из писем 1876 г. Сергей, будучи уже четырнадцатилетним подростком, волнуясь за мать, писал ей следующее: «Дорогая Мама. Только что вернувшись из Гимназии, я получил Твое, Дорогая Мама, письмо. Из него я увидел, что очень хорошо, когда Папа

находится с тобою, милая Мама, и что без него Мама делает неосторожности. Не понимаю, как Параша (Прасковья — старшая дочь Уваровых. — Т. С.) отпустила тебя, дорогая Мама, в Можайск, я бы наверно не пустил бы в 38 градусов холода»¹¹. Данные факты отражают норму в отношениях между родителями и детьми дворянской семьи XIX века, когда дети обращались к родителям в уважительной форме¹². Возраст ребенка в данном случае не имел значения.

Высокий уровень ответственности детей перед родителями и доверия к ним подтверждается тем, что дети, прежде, чем что-то получить (вещи или деньги на карманные расходы), просили разрешения у родителей: «Позволь мне взять у Ивана Ивановича¹³ пять рублей за Генварь, они мне будут нужны для Рождества»¹⁴.

В письмах детей Уваровых сохранилась информация о том, как дворяне получали начальное образование. Сыновья Уваровых учились в начальном училище, а дочери — по системе домашнего образования.

Все необходимые учебники родители сами привозили детям или же их доставляли с почтой. Например, в одном из писем Прасковья просит привезти ей учебник: «Милая Мама, привези, пожалуйста, Грамматику французского Larousse с упражнениями. Mademoiselle Osterrig¹⁵ мне сказала написать об этом»¹⁶. Алексей же просит «переплетенные книги для Истории Музыки»¹⁷.

В письмах дети Уваровых часто упоминали о своих успехах в каких-либо предметах. Алексей более подробно, чем остальные дети, описывал свои успехи в учебе. В 1867 г. он отмечал, что в классе «кончил описание жизни Персидского поэта 13-го века Саади и отрывки из его „Гюлистана“ или „Розового сада“, и читаю Данте Алигьери и буду читать Леонардо Да Винчи. Мне понравились они все, а всех более отрывки из „Гюлистана“»¹⁸. В письме, датированном 1870 г., Алексей пишет, что «мы начали читать Илиаду»¹⁹. А в письме 1871 г. он сообщает родителям о сочинении, которое написал успешно по древнеримской литературе: «Новое сочинение на завтра задано следующее: описание битвы Горация и Куриациев, и встреча Горация со своей сестрой»²⁰. Отмечал и успехи в рисовании, перечисляя в письме от 1872 г. оценки по данному предмету²¹.

Что касается изучения иностранных языков старшим сыном Уваровых, то Алексей в письме 1872 г. достаточно подробно описывает их: «Папа, я в Греческом теперь пишу „Pronominademonstrativa“²². В Латинском я начал переводить маленькие рассказы. На завтрашний класс французского я написал сочинение „Noel 1871“²³ и учил отрывки из поэмы „Cid“ Корнелия²⁴. В немецком языке мы пишем маленькие рассказы»²⁵. Несмотря на то, что по программе Алексей читал достаточно серьезную литературу, письма родителям он писал иногда с ошибками.

Естественно-научные предметы сыновья Уваровых изучали также в рамках программы училища. Так, в письме от 1872 г. Алексей сообщал, что «одну карту нарисовал и другую уже начал»²⁶. В другом письме, датированном 23 января 1872 г., отмечает: «В Естественной истории теперь мы учим классу, где находится верблюд»²⁷.

В своих письмах родителям сыновья предоставляли отметки по изучаемым предметам (как правило, за месяц). Причем, плохих отметок дети не скрывали. Так, например, Алексей в письме за 1872 г. переписывает свои оценки по предметам, изученным за сентябрь: «Лат: не хорошо. Ариф: не хорошо. Лат: порядочно. Русс: порядочно»²⁸. Сергей и Игорь присылали свои оценки иногда в виде таблиц²⁹.

Стоит отметить, что старшие дети в доме Уваровых помогали младшим в обучении: «У него (у Игоря. — Т. Д.) аккуратно три урока в неделю, я его заставляю больше читать, потому что Игорь очень дурно читает»³⁰.

Уваровы поощряли в детях любовь к литературе, в том числе исторической. Старшие дети — Алексей и Прасковья — читали биографии знаменитых людей³¹. Дочери Прасковья и Екатерина в письмах благодарили родителей за присланные им для чтения книги Карамзина и Костомарова³². Читали девочки и классические произведения русской литературы: «Детство», «Отрочество», «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова³³.

Таким образом, образование в начальном училище давало знание иностранных языков (как мертвых, так и живых), а также хороший багаж знаний по мировой литературе, искусству и музыке. Домашнее образование дочерей Уваро-

вых также подразумевало изучение иностранных языков (в частности, французского) и литературы. Судя по письмам, домашнее образование дочерей Уваровых было менее разносторонним, чем у сыновей в училище, где детям преподавали и гуманитарные предметы, и естествознание.

Кроме обучения, дети очень много пишут о своем досуге — играх и других занятиях, не связанных с учебной работой. И девочки, и мальчики получали трудовое воспитание: изготовление различного рода поделок, работа в саду, оранжерее, разбор коллекций (археологических, ботанических и др.) Алексей, Сергей и Федор занимались коллекционированием.

Что касается игр, то наиболее популярным был крокет. Прасковья в письме, датированном 1871 г., пишет, что «тетя Анна, дядя Боря и дядя Володя были тут³⁴, и мы ездили на посадки и к оленям, и играли в крокет»³⁵. Ранее, в письме от 1870 г., Алексей также описывал игру в крокет³⁶, — он более всех интересовался им и часто просил родителей привезти ему для игры шаров разных цветов.

Кроме крокета, дети играли и в другие подвижные игры. Так, например, Прасковья в письме от 1870 г. сообщала родителям, что они «вчера играли в жмурки и в кошки-мышки»³⁷. Алексей и Прасковья писали также, что часто катаются на коньках³⁸. А Федор в письме от 8 октября 1879 г. отмечал, что «6-го числа за ночь у нас выпал снег, так что после чая мы поехали в санях по парку и скатывались на салазках с горы»³⁹.

Дочери Уваровых с удовольствием играли в куклы. В одном из писем Сергей просил родителей привезти Екатерине куклу, которую можно купить⁴⁰. В 1867 г. Алексей сообщал родителям, что «бабушка прислала Папаше письмо и куклу, 3 платя для куклы, разные печенья и конфеты»⁴¹.

Мальчики же любили играть «в солдат»: «По своему обычаю Федя и Игорь маршируют у себя в комнате; первый — генерал в полном блеске своего вооружения, второй — солдат, имея как вооружение, одно знамя, которым служит»⁴².

В досуг детей, если они были в Москве, входили посещения театра: «Мы вчера по Вашему позволению были в театре, где давали „Сам у себя под стражей“»⁴³, — и цирка, о чем подробно пишет Екатерина⁴⁴.

Много времени дети проводили в оранжерее имения Поречье. Дети наблюдали за цветами и ухаживали за ними⁴⁵. Информация в детских письмах позволяет исследователям восстановить облик оранжереи: «Есть более ста тюльпанчиков: красных, желтых, белых и пестрых, и есть также еще более 5 хороших гиацинтов. На камелиях есть много больших бутонов, на рододендронах и азалиях есть также бутоны»⁴⁶.

Работали дети в саду и огороде. В письме от 5 сентября 1872 г. Алексей пишет, что «весь день работали в саду, выкапывали картофель, собирали тыквы, срезывали кукурузу»⁴⁷. Екатерина 20 мая 1878 г. писала: «Мы работаем в саду и почти все посеяли»⁴⁸.

Что касается рукоделия, то им занимались активно не только девочки, но и мальчики в младшем возрасте. В частности, из письма Сергея 1872 г. можно узнать, что именно делали: «Я бабушке подарил выпиленный ящик моей работы. Федя сделал вещь под лампу, а Игорь выкрасил картинку»⁴⁹.

Занимались дети и коллекционированием. Алексей, судя по одному из писем к отцу, коллекционировал почтовые марки: «Благодарю тебя за марки, которые ты для меня достал. У меня их не было, за исключением одной розовой греческой»⁵⁰.

Дети Уваровых, в частности, Алексей и Прасковья, собирали гербарии⁵¹. У Алексея была также коллекция бабочек⁵². Игорь в письме от 9 октября 1880 г. информировал родителей о том, что «вчера в 12 часов утра приехал Аля (Алексей) и привез Феде много раковин и какую-то руду»⁵³. Это сообщение можно считать свидетельством составления им коллекции раковин и минералов.

Стоит отметить, что дети Уваровых помогали последним в их научной деятельности. Так, в одном из писем 1878 г. Алексей сообщает о работе над выставкой: «Мы описываем теперь выставку, и я уже описал следующие отделы: Ботаники, Геолого-Минералогии, Охоты, Промысловых Животных, и педагогический с ветеринарным отделами. Теперь я пишу отдел технический и кавказский»⁵⁴. Неизвестно, для чего точно делал он выставку, но известно, что в XIX в. усадьба Уваровых в Поречье стала, своего рода, частным музеем — «Порецким музеумом»⁵⁵. Возможно,

именно про выставки музея Алексей и сообщал в письме. О возможных коллекциях музея в Поречье писали также Сергей и Игорь⁵⁶.

Что касается самого музея, то в письмах детей отразилась информация и об этом, точнее, об одной из его посетительниц: «Графиня Гудовская осталась в восхищении от Поречья, она была в музее, гуляла в парке, оранжереях»⁵⁷. Стоит отметить, что музей Уваровых в Поречье был свободен для посещений любителями искусства и для работы с музейными коллекциями российских ученых⁵⁸.

Помогали дети и в археологических раскопках отца — Алексея Сергеевича Уварова. Об этом писала, в частности, Прасковья: «Вчера Папа, Кети и я ходили рыть гору у Кирпичного завода, надеясь найти каменные орудия, но после трехчасового копания, отрыв две дыры, мы ничего не нашли, даже что-нибудь подходящего. Так что, не знаю — будем ли мы продолжать эти интересные раскопки»⁵⁹.

Дети помогали родителям и по хозяйству Поречьего имения. Прасковья фактически с 16 лет занималась хозяйственными делами в отсутствие матери, изредка прося у нее совета по поводу какого-либо происшествия⁶⁰.

Определенным образом помогал матери и Сергей. В письме 1879 г. он сообщал матери информацию по интересующей ее картине Генриха Ипполитовича Семирадского «Факелы Нерона», которую Прасковья Сергеевна Уварова хотела приобрести в одну из построенных ей школ⁶¹. В этом же письме писал, что отчеты по урожаю в Карачарове у него, и что позже, когда родители будут уже в Тифлисе, он перешлет их⁶².

Определенный интерес для исследователей традиций российского дворянства представляет сообщение Сергея в письме, написанное в Рождество в 1872 г.: «У нас был Св. Николай, и мы клали (оставляли) сапоги, и получили много конфет. Кетя (Екатерина) и Федя получили тетрадь с цветными карандашами»⁶³. Западноевропейская традиция оставлять в рождественскую ночь носки или сапоги, чтобы утром обнаружить в них подарки от Санта-Клауса (Св. Николая) попала в православную среду дворянства. Возможно, данную традицию привнесла учительница Прасковьи мадмуазель Остерриг.

В данном исследовании мы на основе писем детей Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых смогли восстановить систему воспитания и начального образования в дворянских семьях второй половины XIX в., а, конкретнее, показать, как воспитывались дворянские дети: как проходило их обучение, какой был у них досуг и обязанности. Мы выяснили, что сыновья Уваровых получали образование в начальном училище, а дочери воспитывались по системе домашнего образования. Посредством труда по хозяйству в имении Поречье Уваровы воспитывали детей как социально-активных личностей с высокой ответственностью перед родителями и обществом.

Исходя из анализа писем детей Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны Уваровых, можно сказать, что данный комплекс источников достаточно информативен и представляет ценность для исследований по теме внутрисемейных отношений дворянского сословия XIX в.

¹ Киприянова Н. В., Ясшанова Н. А. Род графов Уваровых в истории России (по материалам Государственного архива Владимирской области) // Манускрипт. — 2018. — № 6 (92). — С. 30.

² Дробнич О. А. Поречье Уваровых — памятник культуры XIX века // Уваровские чтения — II. — М., 1994. — С. 41-45; Фролов А. И. Частный музей Уваровых в имении Поречье Московской губернии // Там же. — С. 45-46.

³ ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1.

⁴ Уваровы — графы, владельцы Карачаровского имения Муромского уезда Владимирской губернии // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 20.

⁵ Киприянова Н. В., Ясшанова Н. А. Указ. соч. — С. 30.

⁶ Историческая справка // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — С. 4.

⁷ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и тради-

ции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994.

⁸ Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина: опыт знаменитых семей России — современным родителям. — М., — 2014.

⁹ Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. — М., 2012; Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины. Семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX века. — М., 2016.

¹⁰ Мартианова И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — начала XX вв. Рукопись диссертации на соиск. уч. степ. к. и. н.: 07.00.02. — Краснодар, 2010.

¹¹ Письма Сергея к П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 199. — Л. 7.

¹² Муравьева О. С. Указ. соч. — С. 237.

- ¹³ Иван Иванович Сабелкин — управляющий имением Уваровых в селе Поречье Можайского уезда Московской губернии.
- ¹⁴ Письма Сергея к П. С. Уваровой. — Л. 5.
- ¹⁵ Мадмуазель Остерриг — гувернантка старшей дочери Уваровых Прасковьи.
- ¹⁶ Письма Прасковьи к матери П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 198. — Л. 18.
- ¹⁷ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 85. — Л. 3.
- ¹⁸ Письма сына Алексея к А. С. Уварову // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 84. — Л. 1.
- ¹⁹ Там же. — Л. 5.
- ²⁰ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 14.
- ²¹ Там же. — Л. 8.
- ²² Rponomen demonstrativum (лат.) — указательные местоимения.
- ²³ Noel 1871 (фр.) — Рождество 1871 года.
- ²⁴ «Сид» (фр. „Le Sid”) — театральная пьеса (трагикомедия) в стихах французского драматурга XVII века Пьера Корнеля.
- ²⁵ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 20.
- ²⁶ Там же. — Л. 13.
- ²⁷ Там же. — Л. 19.
- ²⁸ Там же. — Л. 22.
- ²⁹ Письма Игоря к матери П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 196. — Л. 118об.; Письма Сергея к П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 199. — Л. 5об.
- ³⁰ Письма Прасковьи к матери П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 198. — Л. 16.
- ³¹ Письма Сергея к П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 199. — Л. 3; Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 1-3; Письма к А. С. и П. С. Уваровым от дочери Прасковьи // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 87. — Л. 5-6.
- ³² Письма дочери Екатерины к матери П. С. Уваровой // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 194. — Л. 3; Письма Прасковьи к матери П. С. Уваровой. — Л. 31.
- ³³ Там же. — Л. 7об., Л. 31об.
- ³⁴ Братья Прасковьи Сергеевны Уваровой — Владимир Сергеевич Щербатов (1848-1877), Борис Сергеевич Щербатов (1839-1921) и его жена Анна Николаевна Щербатова (в девичестве — Бутурлина) (1846-1906).
- ³⁵ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от дочери Прасковьи. — Л. 14.
- ³⁶ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 7-8.
- ³⁷ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от дочери Прасковьи. — Л. 10.
- ³⁸ Там же. — Л. 17; Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 10-10об.
- ³⁹ Письма к П. С. Уваровой от сына Федора // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 200. — Л. 3.
- ⁴⁰ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от сына Сергея // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 1. — Д. 88. — Л. 3-3об.
- ⁴¹ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 1.
- ⁴² Письма Прасковьи к матери П. С. Уваровой. — Л. 2об.
- ⁴³ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 34.
- ⁴⁴ Письма дочери Екатерины к матери П. С. Уваровой. — Л. 8.
- ⁴⁵ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от сына Сергея. — Л. 7; Письма к А. С. и П. С. Уваровым от дочери Прасковьи. — Л. 5.
- ⁴⁶ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 45.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 25.
- ⁴⁸ Письма дочери Екатерины к матери П. С. Уваровой. — Л. 1.
- ⁴⁹ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от сына Сергея. — Л. 13.
- ⁵⁰ Письма сына Алексея к А. С. Уварову. — Л. 6.
- ⁵¹ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 11об.; Письма к А. С. и П. С. Уваровым от дочери Прасковьи. — Л. 16.
- ⁵² Письма сына Алексея к А. С. Уварову. — Л. 8.
- ⁵³ Письма Игоря к матери П. С. Уваровой. — Л. 118.
- ⁵⁴ Письма А. А. Уварова к А. С. и П. С. Уваровым. — Л. 24об.
- ⁵⁵ Фролов А. И. Указ. соч. — С. 45-46.
- ⁵⁶ Письма Игоря к матери П. С. Уваровой. — Л. 118об.; Письма Сергея к П. С. Уваровой. — Л. 3.
- ⁵⁷ Письма к П. С. Уваровой от сына Федора. — Л. 5об.
- ⁵⁸ Фролов А. И. Указ. соч. — С. 46.
- ⁵⁹ Письма Прасковьи к матери П. С. Уваровой. — Л. 18об..
- ⁶⁰ Там же. — Л. 17, 18, 31а.
- ⁶¹ Письма Сергея к П. С. Уваровой. — Л. 19.
- ⁶² Там же. — Л. 22.
- ⁶³ Письма к А. С. и П. С. Уваровым от сына Сергея. — Л. 8.

ДВА ПИСЬМА К ГРАФИНЕ П. С. УВАРОВОЙ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

2019 год официально объявлен годом столетия академической археологии в России. Эту дату решено отсчитывать от дня выхода декрета Совнаркома 18 апреля 1919 года, по которому была создана Российская академия истории материальной культуры, впоследствии разделившаяся на две основных научных археологических организации: московский Институт археологии РАН и санкт-петербургский (ленинградский) Институт истории материальной культуры РАН.

Как и любой юбилей, это повод остановиться, выдохнуть, оглянуться на то, что сделано, и наметить грядущие цели. Особенно — «оглянуться на прошлое», ведь академическая археология в России имеет глубокие корни. Тем приятнее в небольшом сообщении рассказать о двух корреспонденциях, полученных графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой в начале XX столетия от Василия Алексеевича Городцова и неизвестного адресанта, в которых открываются некоторые интересные особенности взаимоотношений этих людей как между собой, так и с археологической наукой и даже властью, военной и гражданской.

В «уваровском фонде» государственного архива Владимирской области¹ нами были обнаружены два письма, адресатом которых являлась гр. П. С. Уварова. Нельзя утверждать, что это стало неким «открытием», поскольку, судя по записям в архивном деле, до нас к письмам обращался известный отечественный археолог, специалист по неолиту и истории археологии, д. и. н. А. С. Смирнов при подготовке своего фундаментального труда о взаимоотношениях археологии, власти и общества в Российской империи со второй половины XIX до начала XX столетия².

Однако в своей работе А. С. Смирнов только мельком упомянул об этой корреспонденции, не вдаваясь в подробности, что вполне объяснимо, учитывая огромный объем работы и ее общую монументальность. По словам одного из оппонентов на защите, д. и. н. В. Я. Петрухина, «объ-

ема материала и проблем, проанализированных А. С. Смирновым, хватило бы не на одну докторскую диссертацию, и его работа будет способствовать продолжению изысканий, связанных с научной рефлексией, необходимой для понимания места археологии в современном мире»³.

Итак, в первом письме сотрудник Русского (Государственного) исторического музея В. А. Городцов пишет Прасковьей Сергеевне об отклонении генералом Малаховым его просьбы быть прикомандированным к штабу.

«Ваше Сиятельство Милостивая Государыня Прасковья Сергеевна!

В субботу, пред Пасхой, я случайно встретился с генералом Малаховым и он сказал мне, что прикомандирование мое к штабу не может состояться.

Считаю долгом сообщить Вашему Сиятельству об этом крайне прискорбном для меня решении начальства, так скоро забывшего заветы своего Высочайшего предшественника.

Простите, что извещаю Вас письмом, а не лично.

Искренно почитающий Вас и всегда благодарный Вам

В. Городцов»⁴.

Особое внимание обращают на себя два важных момента. Во-первых, история российской армии знает несколько генералов Малаховых. Однако, сопоставляя факт нахождения В. А. Городцова на действительной военной службе (с 1880 по 1906 годы) и его переводе в Москву в 1903 году⁵, это может быть только генерал от инфантерии Николай Николаевич Малахов. В 1903-1905 гг. — помощник командующего войсками Московского военного округа, а с 16.02.1905 — командующий войсками того же округа. Что интересно, И. В. Белозерова с соавторами пишут о прикомандировании Городцова к штабу Московского военного округа, однако письмо говорит об обратном.

Прошение Василия Алексеевича удовлетворено не было, что, возможно, и предопределило его

уход из армии и сосредоточение исключительно на служении науке и работе в музее. Это, возможно, уберегло его от участия в подавлении революционных событий в Москве во время первой русской революции, и, вероятно, сыграло огромную роль в его дальнейшей судьбе после октября 1917 года⁶.

Второй, обращающий на себя внимание факт — это очень вежливое и учтливое обращение В. А. Городцова к графине. И дело здесь, как нам кажется, не только и не столько в преклонении сына сельского священника Городцова, выходца из низов, перед аристократией, сколько именно безмерное уважение графини и ее покойного мужа, которых Городцов считал (и весьма справедливо) своими учителями в археологии. Показателен пример, что в личном архиве В. А. Городцова хранилось 261 письмо от гр. П. С. Уваровой к нему за 1898-1917 годы⁷.

Как отмечал С. П. Щавелев в своей рецензии на изданные «Дневники» В. А. Городцова, «Городцов с полной отдачей трудился на ниве археологии, преодолевая выпадающие на его долю лишения и несчастья. Именно он, приняв эстафету от поколения Уваровых и Спицына, пронес ее до конца, передав в руки следующих за ним поколений археологов»⁸. Или, говоря словами самого Василия Алексеевича, «гр[афиня] Уварова сказала мне, что в Историческом музее увеличился штат администрации и спросила, желал бы я занять место в музее. Я согласился, и она обещала ходатайствовать перед Великим князем (Сергеем Александровичем Романовым). Было бы счастье переменить службу»⁹.

Таким образом, в этом небольшом документе отразилось, возможно, то судьбоносное для нашей археологии решение об окончательном оставлении В. А. Городцовым военной службы и переходе к работе в Историческом музее уже не в должности младшего хранителя, которую он совмещал с 1903 года с военной службой, а с 1912¹⁰ — старшего хранителя. 28 марта 1906 года капитан В. А. Городцов Высочайшим указом вышел в отставку¹² в чине подполковника с сохранением мундира и пенсии.

Второй документ, хранящийся в Государственном архиве Владимирской области, — это письмо от ноября 1892 года об археологических находках в Средней Азии и при Красно-

ярске, написанное мелким, убористым почерком на трех листах¹¹. Документ отражает ту гигантскую работу, которую продельывает графиня П. С. Уварова, принявшая после смерти мужа, графа А.С. Уварова, руководство Московским археологическим обществом.

В 1893 году IX Всероссийский археологический съезд впервые должен был проводиться в западных регионах Российской империи, конкретно, в городе Вильно. В этот момент, благодаря политике насильственной русификации бывших польских территорий и прибалтийских провинций, начатой при императоре Александре III и продолженной его сыном императором Николаем II, эти регионы считались достаточно недружелюбными. Археологический съезд в данном случае служит уже не только научным целям, но и проведению имперской политики.

Вот что пишет по этому поводу А. С. Смирнов: «В дореформенное время большинство научных обществ возникает в прибалтийских и западных губерниях России, в национальных регионах империи, в чем можно видеть стремление жителей этих губерний сохранить и подчеркнуть свою национальную идентичность»¹².

Подобная ситуация в конце XIX — начале XX столетия не могла не вызывать озабоченность имперского правительства. Поэтому, с одной стороны, была предпринята попытка создания подобных научных обществ в центральных районах империи, а с другой, — произошел перенос общероссийских археологических съездов в западные регионы.

Виленский археологический съезд был первым в череде подобных, когда археология становится элементом политики. А ведь еще А. С. Уваров, утверждая систему поэтапного рассмотрения программы съездов последовательно — через Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел и Комитет министров — старался избавить съезды от излишней политизированности, чтобы их участников ничто не отвлекало от подлинно научных целей.

Однако беспокойная обстановка привела к тому, что съезд 1893 года оказался подотчетен непосредственно Виленскому генерал-губернатору, а ближайший надзор поручен попечителю Виленского учебного округа.

Попытки П. С. Уваровой отстаивать права Московского археологического общества на руководство съездом были жестко отвергнуты Министерством народного просвещения. В своих директивах министерство стремилось свести тематику съезда исключительно к обсуждению «русских начал жизни в Северо-Западном крае». В этом, безусловно, нашла свое отражение борьба с колонизацией западнорусских земель, а также фактор противостояния католицизму¹³.

В этом контексте рассматриваемое нами письмо, где среди находок упомянуты «бронзовые топоры из-под Красноярска»¹⁴, интересно тем, что большая его часть принадлежит описанию раскопок в Средней Азии и непосредственно в Самарканде.

В этом отражаются две интересных особенности политики в области археологии в Российской империи: с одной стороны, начиная с IV съезда в Казани, использование национальных языков, как на Виленском, не было под запретом, с другой, — именно на Казанском съезде особенно пристальным было внимание к борьбе православия с исламом в контексте археологических исследований. Это не удивительно: Казань в этот период —

крупнейший миссионерский центр империи, и недаром именно казанский съезд отметился самым большим числом участников из церковной среды.

Таким образом, можно сделать вывод, что сбор данных о Самарканде в недавно присоединенной и еще не до конца покоренной Средней Азии продолжал национальную и религиозную политику империи, что и нашло отражение в материалах, указанных в письме.

По воспоминаниям П. С. Уваровой, «съезд... был очень многолюден, прошел блистательно и без всяких поползновений с какой-либо стороны на политическую окраску или враждебность к русским ученым», «поляки делали доклады на русском языке... не поднимали никаких вопросов, кроме чисто научных, что и позволило расстаться с ними совершенно друзьями»¹⁵.

Впрочем, один из выводов А. С. Смирнова был как раз в том, что оттенки в политических взглядах археологов, особенно на местах, имели место, но их диапазон оставался невелик: от прямого черносотенства до некоего либерализма в кадетском духе. И на первые роли либеральничавших любителей археологии в научных обществах и в кружках краеведов не пускали¹⁶.

¹ Киприянова Н. В., Ясашнова Н. А. Род графов Уваровых в истории России (по материалам государственного архива Владимирской области) // Манускрипт. — Тамбов, 2018. — № 6 (92). — С. 30-33.

² Смирнов А. С. Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века). — М., 2011.

³ Петрухин В. Я. Официальный отзыв на диссертацию Смирнова Александра Сергеевича «Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX — начала XX века)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.06 — археология), 693 стр. с библиографией // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://inslav.ru/images/stories/other/2013_Petruhin_Smirnov_otzyv.pdf.

⁴ ГАВО. — Ф. 631. — Оп. № 1. — Д. 538. — Л. 1-1об.

⁵ Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // Российская археология. — 2011. — № 1. — С. 158.

⁶ Крупнов Е. А. О жизни и творчестве В. А. Городцова // Советская археология. — 1956. — XXV. — С. 5-12.

⁷ Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию

со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. — 2011. — № 1. — С. 452.

⁸ Цавелев В. А. Ред.: Василий Алексеевич Городцов. Дневники. 1928-1944 // Российская археология. — 2017. № 3. — С. 172-175.

⁹ Василий Алексеевич Городцов: дневники, 1928-1944. — М., 2015. — Кн. 1.

¹⁰ Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Судьба ученого... — С. 158.

¹¹ ГАВО. — Ф. 651. — Оп. № 1. — Д. 99.

¹² Смирнов А. С. Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики Российской империи во второй половине XIX — начала XX века). Автореферат диссертации на соискание степени докт. ист. наук. — М., 2013. — С. 16.

¹³ Смирнов А. С. Виленский археологический съезд и русско-польские противоречия в Северо-Западном крае // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Белгород, 2012. — № 13 (132). — Вып. 23. — С. 67-74.

¹⁴ ГАВО. — Ф. 651. — Оп. № 1. — Д. 99. — Л. 1.

¹⁵ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. — М., 2005. — С. 202.

¹⁶ Кузьминых С. В., Сорокин А. Н. «Ты сгорел на полуслове...» (А. С. Смирнов в истории российской археологии) // Поволжская археология. — 2015. — № 2 (12). — С. 278-299.

Н. В. Молева (Нижний Новгород)

ДИОНИС И ЕГО ФИАС В КОЛЛЕКЦИИ ТЕРРАКОТ

ИЗ ФОНДОВ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

С 1919 года в фондах Муромского историко-художественного музея хранится коллекция античных терракот графов Уваровых. Она насчитывает 31 памятник. В актах поступления этой коллекции со слов графини П. С. Уваровой написано, что они найдены «при раскопках в Смирне» — известном эллинистическом центре Малой Азии¹. Однако анализ этих терракот (цвет глины, ее консистенция, иконография образов) позволяют утверждать, что, кроме статуэток из Смирны, там есть и фигурки из других античных центров Малой Азии (Мирины, Милета), Афин и, может быть, Тарента.

Целью нашей работы является выделение из упомянутой коллекции терракот, связанных с почитанием Диониса, датировка и атрибутирование их. Всего в коллекции содержится 11 статуэток, всесторонне иллюстрирующих культ Диониса и его фиаса. Прослеживаются также изменения в иконографии этого бога, происходившие в течение почти 500 лет (с V в. до н. э. по I в. н. э.).

Дионис — один из самых популярных греческих богов, непреходящий участник Элевсинских мистерий, многофункционален. Это бог плодородия земли, садов и виноградников; вместе с тем он и его свита являются патронами виноделия. Все эти ипостаси олицетворяют производительные силы природы. Дионис и его спутники (Сатиры, Силены, Менады, Пан) были и родоначальниками античного театра. Трагедии и комедии появились из оргиастических дионисийских обрядов, в которых принимало участие все население города или сельского поселения. Один из участников дионисийского фиаса — Пан — покровительствовал пастухам. Кроме всего прочего, жизнь и путешествия Диониса по разным частям света привели в круг его символов пантеру, слона, быка, осла и козла. Самыми узнаваемыми эмблемами, олицетворявшими самого бога, были виноград, плющ, канфар, фаллос². Имел Дионис и ярко выраженное хтоническое значение, выступая покровителем умерших в подземном мире и принося им хоть малую толику веселья через вино, возливаемое

на могилах родственниками. Неудивительно, что целые статуэтки этого бога и его свиты находят именно в могилах. В таком качестве он имел прозвище Хтоний (подземный).

Происхождение этого культа весьма спорно. Считается, что он пришел в Грецию из Малой Азии (Фригии или Лидии). Некоторые исследователи выводят его из Фракии. Однако имя Диониса (Di-vo-nu-so) было прочитано на табличке из Пилоса конца II тысячелетия до н. э.³ Вероятно обе эти версии имеют право на существование, поскольку культы умирающего и воскресающего бога плодородия растительности имели место и в малоазийских центрах, и в городах крито-микенской культуры. В олимпийский Пантеон Дионис вошел, видимо, с гомеровского времени (IX-VIII вв. до н. э.), поскольку именно в «Илиаде» и «Одиссее» встречаются первые упоминания о нем как «несущем радость смертным» и его даре в виде амфоры с вином (Ил., XIV, 325; Odys., XXIV, 74). Поэтические источники, начиная с Эврипида, описывают исступленные культовые церемонии в честь Диониса, сопровождавшиеся винопитием, криками, танцами и всеобщим экстазом (Эврипид. Вакханки. 690-710; 740-760). Именно эти особенности отправления культа Диониса обеспечили ему популярность и устойчивость в среде как городского, так и сельского населения на протяжении всего периода античности. Фиас этого бога — Сатиры, Силены, Пан и Менады — с древнейших времен являлись низшими божествами плодородия и почитались людьми едва ли не в большей степени, чем сам Дионис.

Изображения Диониса известны в искусстве древней Греции с VI в. до н. э. В росписи на чернофигурных и ранних краснофигурных вазах конца VI в. до н. э. он предстает в виде зрелого мужчины с длинной заостренной бородой и венке из листьев винограда или плюща. Одет он в длинный хитон, иногда с богатым восточным орнаментом⁴. С V в. до н. э. образ Диониса появляется в коропластике и оказывает влияние на все его

Таблица 1. Дионисийские терракоты из коллекции графов Уваровых. Муромский историко-художественных музей

последующие изображения. Это благообразный зрелый мужчина с волнистыми волосами, разделенными прямым пробором и зачесанными назад, с кудрявой окладистой бородой, прикрывающей шею, подковообразными усами и правильными чертами лица. На голове его диадема с покрывалом, спускающимся на плечи⁵. При всей схожести этого образа в разных частях Греции в V-IV вв. до н. э. он имеет существенные локальные различия, сказавшиеся, прежде всего, в характере головного убора. В Элладе (материковая Греция) это венки, тения (лента) или скромная диадема в виде обруча; в Восточной Греции (малоазийское побережье) — это пышные диадемы, украшенные розетками и пальметтами в сочетании с венками и тениями — все, что присуще восточной роскоши. Именно такие воплощения Диониса имеются в коллекции из Муромского музея. Таких изображений шесть. Все они представляют собой головы, фрагменты объемных статуэток или терракотовые маски-протомы.

Одна из них, вероятно, самая ранняя (Табл. 1, 1), представляет собой голову Диониса с прической из волнистых волос, зачесанных назад, с бородой, довольно длинной и заостренной книзу, спускающейся спиралевидными локонами на шею, и подковообразными усами. Черты лица

Ил. 1. Маска Диониса из Кития

классически правильны, выражение меланхолично. Внешние углы глаз опущены к вискам. Головной убор состоит из венка и диадемы с высоким выступом верхней части (частично отбит). Сзади — покрывало. Судя по аналогичным изображениям, на центральном выступе размещалась пальметта или розетка. Терракота отличается высокохудожественным исполнением: после оттиска в форме она тщательно доработана стекой. Подобные изображения Диониса известны в Таренте⁶. Иконография Диониса свидетельствует о разных традициях изображения (форма бороды, усов, покрывало на головном уборе). Датировать эту терракоту можно концом V — началом IV в. до н. э. Похожая иконография Диониса имеется и на его терракотовой маске из Кития, выполненной из импортной глины⁷. Судя по плотной оранжевой глине и особенностям головного убора, терракота выполнена в одном из греческих центров Малой Азии (Ил. 1).

Следующая терракота представляет собой волевую маску Диониса (Табл. 1, 2), высотой около 10 см, с прической из волнистых волос, разделенных прямым пробором и зачесанных назад. Борода из вертикальных прядей имеет округлую форму; усы — подковообразные. Черты строгого лица классически правильные. На голове бога высокая диадема с тремя пышными большими завихряющимися розетками (центральная отбита). Сзади диадема прикрыта покрывалом, спускающимся до шеи. Лицо ото лба до губ покрыто красной краской. На поверхности — отчетливые следы белой грунтовки. Работа короласта тщательная, с применением стеки. Розетки (Ил. 1) вылеплены отдельно. Иконография и фасон бороды из Кития, указывают на IV в. до н. э. Однако в этом образе сохраняются еще архаические черты, присущие изображениям Диониса: форма усов, покрывало, красная краска на лице. Обычай обмазывать лицо Диониса красной краской прослеживается в коропластике с VI в. до н. э. Хорошо известна маска этого бога из Эрмитажа, происходящая из Беотии и относящаяся к VI-V вв. до н. э., с подковообразными усами и лицом, покрытым темно-красной краской⁸ (Ил. 2). Происхождение такого обычая весьма древнее. Плутарх, описывая сельский праздник в честь Диониса, (а именно в сельской местности сохранялись самые древние

черты этого культа), упоминает, что участники церемоний мазали лицо винной гущей (Плутарх. Застольные беседы. V). Поскольку Дионис воплощал в себе черты умирающего и воскресающего бога крито-микенского мира, красная краска на его лице могла символизировать кровь как символ очищения. По-особому выглядит и глина этой терракоты: она коричнево-красная, плотная, с мелкими белыми частицами (один из островов Эгеиды). Образ Диониса имеет сходство с предыдущим, но относится к более позднему времени — сер. IV в. до н. э.

В коллекции Уваровых есть еще одна вотивная маска Диониса, очень похожая на предыдущую, но имеющая и некоторые отличия (Табл. 1, 3). Это тот же образ и та же иконография (лицо, прическа, борода). Очень похожа и диадема с тремя розетками (правая отбита), но розетки, вылепленные отдельно из шести лепестков, проще по своему устройству и имеют выпуклую середину. Форма для отгиска несколько сработана, а доработка стекой — суммарна, без тщательности. В этой терракоте также сохраняются (Ил. 2) некоторые архаические черты, присущие Дионису из Эрмитажа классического времени: покрывало на диадеме, форма усов. Глина — желто-оранжевая, малоазийская. По всем вышеперечисленным признакам и по аналогии с предыдущим изображением, эту вотивную маску можно датировать IV в. до н. э.

Следующие три изображения Диониса (Табл. 1, 4-6) представляют собой фрагменты (голова и шея) объемных терракотовых статуэток, воплощающих образ юного бога, весьма популярный в эллинистическое время (III-I вв. до н. э.) и вытеснивший из коропластики «зрелого мужа» с окладистой бородой и усами. Заметим, что такой важный признак, как прическа, заставляет отнести эти изображения к позднеэллинистическому времени (II-I вв. до н. э.). Связать эти изображения с дионисийским кругом и самим Дионисом позволяют ряд признаков. Прежде всего — головной убор, включающий тении, венки и диадемы с выступающей вверх центральной частью, как на предшествующих терракотах.

Так, в изображении № 4 представлен юный Дионис в ленте (тении), закрывающей половину лба, и диадеме в виде венка с выступающей центральной частью (верх отбит). Лицо юноши

Ил. 2. Маска Диониса из Эрмитажа

с правильными чертами, бритым подбородком и короткой прической с зачесанными вперед прядями, доработанными стекой. Шея длинная. На нее спускаются концы тении. Самым важным датирующим признаком в данном случае служит прическа, характерная для молодых мужчин Римской империи после Ю. Цезаря, т. е. времени Октавиана Августа — Тибериуса — Калигулы. Такие волосы нашли отображение в римском скульптурном портрете второй половины I в. до н. э. — первой половины I в. н. э.⁹ К этому же времени, вероятно, принадлежит и рассматриваемая терракота.

В художественном выражении наиболее выразителен фрагмент № 5. По своему облику эта голова юного Диониса аналогична предыдущей. Отличие ее лишь в более мягкой моделировке лица и кудрявых волос, разделенных прямым пробором. Тения повязана высоко надо лбом; концы ее спускаются вдоль шеи. Диадема такого же типа, что и в № 4. Обращает на себя внимание и ярко-красная плотная глина, похожая на хиосскую. Вполне возможно, что этот образ Диониса, не копирующий прически римских императоров и более соответствующий божественному облику Диониса, мог быть создан во II в. до н. э.

Очень интересна голова юного Диониса № 6. Его строгое безбородое лицо отличает-

ся «сгорбленным» сирийским носом, широкая тенья закрывает половину лба. Над ней — массивная диадема или калаф; форму восстановить трудно из-за многочисленных сколов. Волосы, закрывающие уши, трактованы в виде виноградных ягод. Подобная передача волос (а иногда и бороды) появляется в античной корoplastике с III в. до н. э. и является отличительным признаком Диониса-Винограда¹⁰. Во II в. до н. э. появляются изображения юного Диониса с короткими волосами в виде виноградных ягод и в пышной диадеме¹¹. Вполне допустимо, что к этому же времени или чуть позже относится и рассматриваемая терракота.

Следующий фрагмент (Табл. 1, 7) также представляет юного безбородого Диониса с волнистыми волосами, спускающимися вдоль классически правильного лица и сложном головном уборе, состоящем из двух венков, одетых один на другой и тени с двумя коримбами. Это сооружение обрамляет голову и шею Диониса. Верхний плотный валикообразный веночек, такой же, как в изображениях № 1, 3, 4, характерен для Диониса и входит в структуру его диадем. Под этим венком лента с двумя коримбами — символами плодородия и эмблемой Диониса. Такие изображения изредка можно увидеть на головном уборе Деметры¹², но, в основном, это атрибут Диониса. Реже его спутников — Сатиров и Силенов. Чаще всего коримбы на голове юного Диониса фигурируют в эллинистическое время¹³. Обращает на себя внимание и пышный веночек из больших листьев плюща, расположенных по бокам от лица. Такие венки вошли в моду для дионисийских терракот со II в. до н. э. Часто в них изображаются Менады¹⁴. Вероятно, и представленная протомы Диониса также относится к этому времени. По своему облику она похожа на терракоты Смирны или Мирины.

Заканчивая обзор терракот, изображающих юного Диониса, отметим, что этот образ был особенно популярен в эллинистический период. Его изображения в пышных венках с коримбами и сложных, высоких диадемах — характерных для античных малоазийских центров, прежде всего, Смирны и Мирины¹⁵.

Оставшиеся четыре терракоты являют нам образы всех спутников Диониса: Менад, Сатира, Силен и Пана. Особым изяществом и мастер-

ством исполнения отличается объемная головка Менады в плющевом венке, что связывает эту девушку с культом Диониса (Табл. 1, 8). У нее удлиненное лицо с правильными чертами, маленький, чуть тронутый улыбкой рот, длинная, тонкая шея. Прическа традиционная: разделенные прямым пробором волосы забраны на затылке в круглый узел. Листья плюща на венке выполнены отдельно. Мода на такие венки распространилась из Афин со второй половины IV в. до н. э.¹⁶ Головка Менады выполнена в хорошей форме, черты лица и веночек доработаны стекой. На поверхности сохранились следы белой грунтовки, красной и розовой красок на лице и венке. Вполне возможно, что это часть танагрской статуэтки или очень хорошее подражание ей. Глина красная, плотная, похожа на аттическую¹⁷.

Подобные фигурки девушек были найдены при раскопках Ольвии¹⁸ и Херсонеса¹⁹. По своей иконографии и приведенным аналогиям рассматриваемая головка Менады может быть датирована IV — началом III в. до н. э.

Следующая терракота представляет собой одностороннее изображение лежащего пьяного Силен в венке в виде объемного двойного валика (Табл. 1, 9). Фигура божества тучная и оплывшая, с большим животом. Силен обнажен; правой рукой он прижимает к себе мех с вином, в левой — кубок. Голова его лысая, борода вьющаяся, длинная; усы подковообразные. На поверхности сохранились следы белой грунтовки. Терракота оттиснута в слегка сработанной форме. Глина плотная, красно-оранжевая. Нижняя часть статуэтки отбита. По иконографии и аналогиям эту терракоту можно датировать IV в. до н. э.²⁰

Замечу, что Силен (его называют «*Rapposilen*») — неизменный спутник Диониса, всегда пьяный и расслабленный. Его гротескные изображения вызывали улыбку и смех. Греки верили в магическую силу смеха, который способен нейтрализовать зло²¹.

Еще один спутник Диониса — Сатир представлен в виде формы-матрицы для оттиска терракот (Ил. 1, 10). В отличие от пожилого, лысого, оплывшего Силен Сатир — мужчина в расцвете сил и возможностей. Часто этот грубый персонаж являлся героем древнегреческих комедий. На рассматриваемой форме представлен актер древней

или средней комедии, изображающий Сатира, спутника Диониса. Он стоит во фронтальной позе с опущенными руками; его хитон поднят до талии, обнажая бутафорские гениталии. Замечу, кстати, что фаллос в древнегреческой культовой практике являлся символом оплодотворения и плодородия²², и это нашло свое отражение в памятниках изобразительного искусства. На лице актера — театральная маска Сатира с густыми, зачесанными назад волосами, морщинистым лбом, круто изогнутыми бровями, вытаращенными глазами, курносый нос и окладистой округлой бородой. В персонажах комедии и актеры, и коропласты старались подчеркнуть гротескные черты: карикатурные маски и костюмы были призваны вызвать смех у зрителя²³. Оттисков с подобных форм, различающихся положением рук и атрибутами, в античном мире известно очень много. Они пользовались популярностью начиная с IV в. до н. э. и воплощали персонажей древней, средней, а в эллинистическое время — новой комедии²⁴.

Часто статуэтки комических актеров в масках Сатиров находят в погребениях. Именно там они сохранились целиком, что символизирует неразрывную связь Диониса-Хтония и его спутников не только с театром, но и с подземным миром. Там эти персонажи являлись защитниками усопших. А возлияния вином на могилах в поминальные дни приносило последним радость. Маленькие статуэтки, получаемые из форм, подобных рассматриваемой, мог купить любой человек и принести в качестве votivного дара божеству и верхнего, и нижнего миров²⁵.

Последнее керамическое изделие из дионисийского круга, входящее в коллекцию графов Уваровых в Муромском музее, представляет собой маленькую votivную, круглодонную, двуручную флягу (Ил. 1, 11) из ярко-красной глины. На обеих сторонах ее представлен в рельефе еще один спутник Диониса — Пан. Это козлоногое существо являлось покровителем пастухов и стад. Кроме того, ему приписывалось изобретение свирели и сириинги (многотрубчатой флейты). На одной

из сторон Пан в диадеме в виде двойного валика с вытаращенными глазами и короткой бородой представлен в поколенном изображении, прижимающим сириингу к груди. На другой стороне он изображен в сидящей или коленапреклоненной позе, также с сириингой. Художественный прием коропласта в передаче фигуры Пана отличается схематизмом и некоторой жесткостью, что позволяет предположительно датировать этот сосуд позднеантичным временем (после II в. н. э.). Сама же фляга — это сосуд, предназначенный для вина, что мог подвешиваться к поясу. Чаше всего фляга использовалась именно пастухами или путешественниками как дорожный сосуд, в котором предусматривалась пробка. Ее круглодонная и плоская форма не была предназначена для домашних застолий. Что касается рассматриваемой фляги, то ее малые формы (высота ок. 10 см) свидетельствуют о votivном предназначении этого сосуда. Подносимый божеству дар должен быть полон вина. Маленькая фляга была для этой цели очень удобна. Греки всячески старались экономить на жертвоприношениях, и миниатюрные сосуды самого разного назначения часто встречаются в святилищах.

Таким образом, проанализировав сравнительно небольшую коллекцию терракот с персонажами, связанными с дионисийским культом, отмечу, что она, составляя более 1/3 части всех статуэток, производит впечатление специально и целенаправленно приобретаемой. Покупалось все, что связано с культом Диониса. Самым интересным в этом собрании является то, что в нем представлены практически все персонажи дионисийского круга. При этом разброс дат этих терракот достаточно велик: от конца V в. до н. э. до II-III вв. н. э., что свидетельствует о неизменной популярности культа Диониса на протяжении всей античности. Кроме того, на небольшом примере изображений самого Диониса (7 терракот) можно проследить все изменения в его иконографии, происходящие в течение V-I вв. до н. э.

¹ Тюрина Е. Антики из собрания графов Уваровых в МИХМ // Антиквариат. — 2014. — № 3. — С. 114.

² Молева Н. В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Артефакты и сакральное в истории Боспора. — Н. Новгород, 2017. — С. 25.

³ Зайцев А. И. Греческая религия и мифология. — СПб., 2004. — С. 189.

⁴ Горбунова К. С. Чернофигурные вазы в Эрмитаже. — Л., 1983. — № 6087; Колпинский Ю. Д. Искусство Эгейского мира и Древней Греции. — М., 1970. — С. 154-155;

- Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима. — М., 1970. — С. 90.
- ⁵ Бритова Н. Е. Греческая терракота. — М., 1969. — С. 52. Фото 50.
- ⁶ Higgins R. A. Greek terracottas. — London, 1967. — V. 1. — Pl. 1309, 1317, 54; Winter Fr. Die typen der figurlichen Terrakotten. — Berlin und Stuttgart, 1903. — V. III. — P. 20-202/ № 2-5; Античная короупластика. — 1976. — № 277.
- ⁷ Молева Н. В. Культ Диониса и театр на Боспоре // Античность и драматургия. — Керчь, 2003. — С. 36; Молев Е. А., Молева Н. В. Боспорский город Китей. — Симферополь-Керчь, 2016. — Т. II. — С. 183. № 40; Молева Н. В. Культ Диониса в боспорском городе Китее. — С. 30. Рис. 1.
- ⁸ Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. — СПб., 2018. — С. 84-85. № 6.
- ⁹ Римский портрет в Эрмитаже. — 1974. — № VII, XIV, XXIV.
- ¹⁰ Денисова В. И. Короупластика Боспора. — Л., 1981. — Табл. XXI. М-171-172 (Боспор: Мирмекий); Молева Н. В. Культ Диониса в боспорском городе Китее. — С. 30. Рис. 2 (Китей, III в. до н. э.).
- ¹¹ Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. — М., 1974. — Вып. Г1-И. — С. 33. Табл. 40, 1 (Пантикапей). Л. Ф. Силантьева трактует этот образ как Ариадну. Однако последняя никогда не изображалась с волосами в виде виноградных ягод, да и подбородок у этой терракоты типично мужской.
- ¹² Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI - I вв. до н. э.). — Киев, 1982. — С. 60. Рис. 24.
- ¹³ Молева Н. В. Культ Диониса и театр на Боспоре. — С. 75; она же. Культ Диониса в боспорском городе Китее. — С. 30. Рис. 3.
- ¹⁴ Бритова Н. Е. Указ. соч. — С. 117. № 125; Ходза Е. Н. Терракоты // Музы и маски. — СПб., 2005. — № 116.
- ¹⁵ Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. — С. 237.
- ¹⁶ Там же. — С. 125.
- ¹⁷ Белов Г. Д. Терракоты Танагры. — Л., 1968. — № 30, 39-40; Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. — С. 122. № 39.
- ¹⁸ Терракоты Северного Причерноморья // САИ. — М., 1970. — Вып. Г1-11. — Табл. 14. Рис. 3.
- ¹⁹ Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближайшей округи. — Симферополь, 2016. — № 607.
- ²⁰ Winter Fr. Указ. соч. — V. II. — P. 308, 5; 309, 2 (Греция); Молев Е. А., Молева Н. В. Указ. соч. — С. 178. № 2 (Боспор, Китей — головка Силена в таком же головном уборе).
- ²¹ Ходза Е. Н. Терракоты // Музы и маски. — СПб., 2005. — С. 108.
- ²² Журавлев Д. В. Дионис и его свита // Любовь и Эрос в античной культуре. — М., 2006. — С. 63-64.
- ²³ Горская О. В. «Проходят маски чередою...» Театр в Древней Греции и Риме // Музы и маски. — СПб., 2005. — С. 16.
- ²⁴ Ходза Е. Н. Античные терракоты из собрания П. А. Сабурова. — № 92; Шевченко А. В. Указ. соч. — № 804; Музы и маски. — № 72; САИ Г1-11. — 1970. — 38,4 (Ольвия); САИ Г1-11. — 1974. — Табл. 10, 3 (Пантикапей); Молева Н. В. Культ Диониса в боспорском городе Китее. — С. 31. Табл. 2, 5 (Китей).
- ²⁵ Ходза Е. Н. Терракоты. — С. 101.

ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ КАРТИН И. С. КУЛИКОВА ИЗ СОБРАНИЯ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Иван Семенович Куликов (1875-1945) — уроженец города Муром, выпускник Академии художеств, ученик И. Е. Репина, академик живописи. Большую часть жизни прожил в родном городе, где оставил большое художественное наследие. Иван Семенович сыграл большую роль в образовании музеев и подготовки кадров для преподавания рисования и черчения в школах города и района. В январе 1919 года в особняке, принадлежавшем купцу первой гильдии К. А. Зворыкину, был открыт музей, в экспозицию которого Куликов передал несколько своих самых знаменитых произведений и наиболее ценные экспонаты из коллекции декоративно-прикладного искусства. Во время работы в Павлове на Оке Куликов пришел к выводу о необходимости создания музея для изучения истории возникновения кустарной промышленности в центральной части России. И в 1936 году в Павлове был открыт Промышленный музей, первая экспозиция которого создана при активном участии Куликова. В музей художником было передано более 100 произведений.

Во Владимир картины Ивана Семеновича Куликова поступали на реставрацию с 2011 года, сначала в мастерские «Владспецреставрации», а затем в мастерские «Владимирреставрации». За эти годы было полностью отреставрировано 11 произведений. Нашими художниками-реставраторами были возвращены в экспозиционный вид картины: «Автопортрет» (1939), «Ярмарка» (1910), «У околицы» (1913), «Торговые ряды в Муроме» (1924), «Весна», «Автопортрет» (1928), «Крестьянская пирушка», «Рождественская площадь в Муроме» (1927), «Черемуха» (1912), «Фонарики» (1906), «Базар у карусели» (1908), на 17-ти проведены консервационно-реставрационные мероприятия к проведению выставки в палатах Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

В процессе исследований произведений, поступивших на реставрацию, под микроскопом, с помощью УФЛ излучения, мы получили воз-

можность детально изучить технику, технологию и особенности структуры поступивших работ, сделать их сравнительный анализ, проследить, как шло развитие творческой манеры художника, его подход к живописи. Жизнерадостное, утверждающее начало в творчестве художника наполнило его импрессионистическую живопись национальным, русским по духу содержанием, повлияло и на творческую манеру написания произведений. Всю свою жизнь он стремился увидеть прекрасное в простом: в крестьянском быте, народных праздниках, обычаях и традициях.

В построении композиций, выборе сюжетов, акцентах, расставленных на полотнах — во всем этом прослеживается школа Академии художеств. Многие его произведения написаны широко, пастрожно, уверенно и звонко, создают впечатление этюдов, написанных в один прием. Часть работ выполнялась без предварительного рисунка, кистью на холсте, например «Фонарики», «Ярмарка у карусели». Интересно проследить по ним технику мастера. В его работах чаще всего используются широкие (№ 4, № 6) щетинные кисти и мастихины, среднезернистый и крупнозернистый льняные холсты, белый эмульсионный авторский или фабричный грунт, что также делает его манеру близкой к репинской.

На всех поступивших произведениях И. С. Куликова были проведены реставрационные процессы согласно методике, утвержденной Реставрационным советом. Укреплен красочный слой и грунт; удалены загрязнения с лицевой и оборотной стороны; заделаны прорывы на краях картин; подведены реставрационные кромки или проведено дублирование основы; картины были натянуты на новые экспозиционные подрамники; утончен и выравнен покрывной слой лака; удалены поздние записи, подведен реставрационный грунт в места его утрат; картины покрыты защитным слоем лака и выполнено тонирование утрат красочного слоя. Сложность при выполнении некоторых процессов заключа-

лась в корпусном нанесении автором фактурных мазков на красочной поверхности, поэтому часть работ приходилось выполнять с применением фланелевой подложки и достаточно большого количества фильтровальной бумаги. В остальном применялась классическая методика реставрации масляных картин.

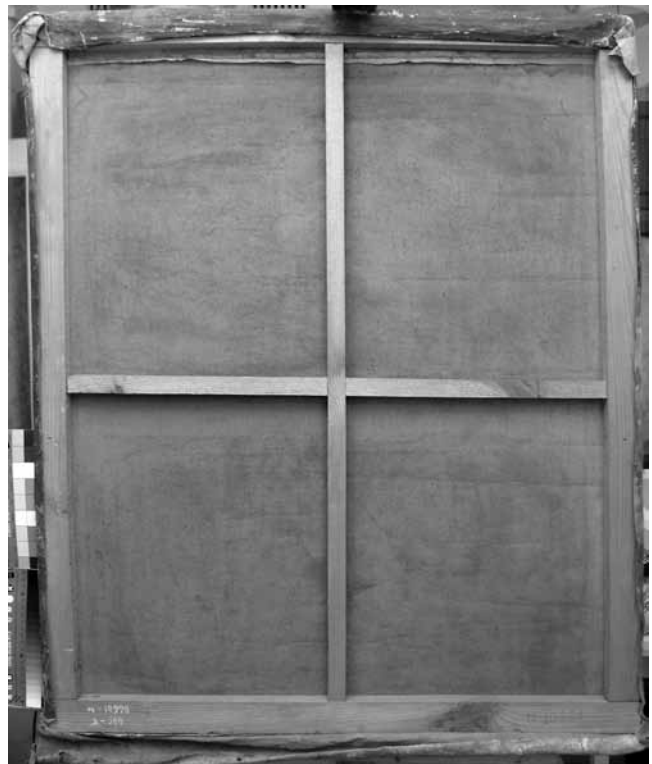
На многих произведениях, поступивших в мастерские, были выявлены следы предыдущих реставраций. Из книги Н. А. Беспалова «И. С. Куликов» (1990) известно, что примерно в 1965 году в Москве, Ленинграде, Горьком, Владимире и Муроме прошла персональная выставка художника, на которой была представлена значительная часть его работ. Для многих тогда эта выставка стала своего рода открытием, подтолкнувшим исследователей по-новому оценить творческое наследие художника. Надо отметить, что реставрационные работы, проводившиеся в 60-е годы, выполнены профессионально, с соблюдением всех методических процессов. Часть картин была перетянута на новые реставрационные экспозиционные подрамники, которые позволили сохранять эти произведения все последующие годы. При исследовании картин в УФЛ излучении было выявлено,

что на лицевой поверхности имеются тонировки красочного слоя — в границах утрат и в тон и цвет авторской живописи. Часть тонировок выполнена клеевыми красками, часть — масляными. Все это свидетельствует, что реставрационные работы проводились профессиональными художниками-реставраторами. Но так как никаких реставрационных отчетов и паспортов не сохранилось, сказать точно, кем были выполнены эти работы, не представляется возможным.

Также следует отметить, что художник в процессе написания картин часто менял формат изображений. Так, в картине «Черемуха» он надставил холст по высоте, пришив сверху и внизу дополнительные кромки, на которых с лицевой стороны дописал фон, увеличив и заменив всю композицию. Подобным образом он увеличивал размер картины «Фонарики», также вручную пришивая верхнюю часть холста. А на картине «Ярмарка у карусели», надставив правую часть основы, автор все же не стал менять композицию и большая кромка (17 см) осталась загнутой на оборотную сторону холста. Таким образом, при проведении исследований мы смогли погрузиться в так называемую «лабораторию» автор-

Ил. 1. Фонарики. Лицевая сторона с характерными крупными мазками

Ил. 2. Обратная сторона картины «Фонарики», где виден надставленный холст

Ил. 3. Базар в Муроме. 1907

ских замыслов, помогающих понять ход мысли художника, его композиционные идеи и решения.

Обратим внимание на картину «Фонарики». В книге Н. А. Беспалова репродукция этой картины подписана «эююд (91x62,5) „С фонарями в саду”» 1906. В каталожных данных в конце этой же книги имеется уточнение: «Весенняя Академическая 1906». Дело в том, что по итогам этой выставки за произведения, в числе которых была и данная картина, Куликову была присуждена первая премия имени А. И. Куинджи, считавшаяся в начале века самой престижной в России. Для Куликова это не было случайностью, потому что он параллельно с занятиями в мастерской И. Е. Репина посещал мастерскую А. И. Куинджи, который высоко ценил успехи начинающего художника и даже подарил ему свою фотографию с дарственной надписью.

В вечернем саду у накрытого белой скатертью стола самоваром размещены три девичьи фигуры, освещенные висящими на деревьях красными и оранжевыми фонариками. Произведение написано смело и быстро, с темпераментом и вдохновением, широкой кистью. Оно экспонировалось на Весенней академической выставке в 1906 г. Сравнивая изображения, мы пришли к выводу, что речь идет об одной и той же картине. Здесь прекрасно прослеживается широкая уверенная манера письма Куликова. Скорее всего, этот эююд был создан с натуры, за несколько часов, в импрессионистической манере и технике «а ля прима» его любимыми широкими кистями. Вдохновившись игрой света и тени, мерцанием фонариков и рефlekсами на платьях, Куликов создал интерес-

Ил. 4. Базар у карусели. 1908

ное произведение. Уточнить его название возможно, учитывая все данные в книге Беспалова и по музейным книгам поступления, а также каталог Весенней академической выставки 1906 года, где, скорее всего, обозначено название картины до поступления в музей.

Вызывает интерес картина, недавно поступившая к нам на реставрацию под названием «Базар у карусели» (1908). Данное произведение можно отнести к циклу изображения знаменитых муромских ярмарок и базаров. Иван Семенович любил писать крестьян в разноцветных костюмах, театральные и зрелищные выступления, многочисленные толпы продавцов и покупателей — все то, что было характерно для жизни Муроме. По описанию в книге Беспалова, «на многих базарах художника можно было видеть с эюдником». Свое первое полотно на эту тему «Базар в Муроме» он создает в 1907 году. Но второе название по книге Беспалова эта картина носит как «Базар у карусели» и имеет размеры 113x85,5 см. Затем следует ряд работ: «Базар с баранками», «Мальчики на базаре» и исследуемая нами картина «Базар у карусели», которая, возможно, не являлась самостоятельным произведением. Написанные в разные годы, они выполнены в едином стиле, а некоторые женские и мужские персонажи можно увидеть в нескольких работах. Также для данных картин характерно изображение фигур против света и контрастное освещение, которое позволяет смотреться фигурам силуэтом на фоне освещенного солнцем пейзажа. В 1910-1912 годах Куликов пишет две крупные работы под одним названием «Ярмарка в Муроме», где использует

Ил. 5. Ярмарка в Муроме. 1910-12

этюды, созданные с натуры для других произведений. Исследуемая нами картина, имеющая название «Базар у карусели», несмотря на свой достаточно крупный размер, также может быть отнесена к разряду этюдов, а не к законченному произведению. Об этом говорит все та же широкая, уверенная манера мазка, которым написан первый план произведения, не совсем прописанные лица персонажей, условно-этюдный подход к написанию одежд. Самой карусели на произведении нет, но взгляды и позы всех изображенных направлены вправо, где, возможно, и находилась карусель. Именно с этой стороны художник позже надставил холст, но, не использовав его, загнул на обратную сторону. Возможно, Иваном Семеновичем была задумана большая картина с одноименным названием, так как среди его работ есть произведение «Базар у карусели» («Базар в Му-

роме») 113x85,5 см, экспонировавшаяся на Весенней академической выставке в 1908 году. Данные работы могли иметь похожие названия и быть подготовительными для большого монументального полотна. Но эта тема требует более детального изучения с привлечением записей художника, его графических зарисовок и творческого наследия.

Соприкасаясь с произведениями этого талантливого автора, изучая технику написания его работ, манеру и особенности его колорита, начинаешь глубже понимать мировоззрение художника, его творческие искания и решения. Надеемся, что работа по исследованию творчества И. С. Куликова будет продолжена и материалы реставраторов по изучению, выявлению и возвращению произведениям экспозиционного вида преподнесут нам новые данные об этом замечательном художнике.

**К БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА РУССКОГО АВАНГАРДА
АФРОИМА БОРИСОВИЧА ВОЛХОНСКОГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ МУРОМСКОГО
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)**

В Муромском историко-художественном музее хранится комплекс из 206 предметов художника Афроима (Эфроима, Аркадия, Ефрема) Борисовича Волхонского, поступивший в 2004 году от Юлии Ефремовны (Афроимовны) Водопьяновой, его дочери.

Это материалы семейного архива с 1914 по 1970-е годы и 35 работ¹.

Специальных исследований, посвященных Афроиму Борисовичу Волхонскому, нам неизвестно. В Интернете удалось разыскать только отрывочные сведения, крайне скудные, по которым невозможно даже выстроить канву его биографии.

Указывается, что Эфроим Борисович Волхонский (1902-1944 — год смерти указан неверно. — Л. Г., Ю. С.), художник, живописец, ученик Ю. Пэна²

Ил. 1. Афроим Борисович Волхонский. Витебск, 1923. МИХМ. Инв. № М-19774/38

и Ермолаевой³, учился в Витебском художественном училище и числится в списке известных его учеников⁴. Попытка перейти по ссылке к информации о нем заканчивается извещением: «В Википедии нет статьи с таким названием». В «Реестре художников» Волхонский обозначен как «художник двухмерного пространства» и под сомнение поставлен год его смерти: 1944 или 1945⁵. Самая большая справка о нем, опять же, с указанием неправильной даты смерти добавляет, что погиб на фронте; уточняет время учебы в школе рисования и живописи у Ю. М. Пэна — 1916-17 гг., затем в Витебской народной художественной школе у М. З. Шагала (1918) и К. С. Малевича (1919). Примечания еще к одному сайту в числе учителей называют Н. И. Коган. Вместе с другими учениками шко-

Ил. 2. «Выставка трех». Фото. Стоят (слева направо): Л. Зевин, А. Волхонский. Сидят: М. Кунин, А. Каганова. Витебск. Май 1921. МИХМ. Инв. № М-19774/81

Ил. 3. А. Волхонский с родственниками. Фото. Сидит второй слева отец Волхонского. Стоит второй слева А. Волхонский. Витебск. Втор. пол. 1920-х? МИХМ. Инв. № М-19774/68

лы — Л. Зевиным⁶ и М. Куниным⁷ — составлял «Группу трех», которая 10 мая 1921 года в помещении клуба Союза работников искусств провела однодневную выставку⁸. Осенью 1921 (в других упоминаниях — в 1923) переезжает в Москву и продолжает учебу на живописном факультете ВХУТЕМАСа у Р. Р. Фалька (окончил в 1926 — при последующем рассмотрении документов архива и эти даты — 1923 и 1926 гг. — оказались неверными. — Л. Г., Ю. С.). В 1920-х регулярно проводил лето в Витебске.

Отмечено его участие в четырех выставках: 1919, 1925 гг. — художников Белоруссии и 1936, 1939 — горкомов художников. Выставленные работы не сохранились. Это, собственно, вся более-менее сгруппированная информация о художнике, не считая тех, опять же, разрозненных биографических данных, которые удалось обнаружить в связи с его участием в Великой Отечественной войне.

К этим выставкам следует добавить две отчетные «подмастерьев свободных государственных художественных мастерских», прошедших в Витебском учили-

ще летом 1919 и зимой 1923 гг. Работы Волхонского, как и ряда других учащихся, отмечены премиями⁹. Еще об одной выставке, возможно, персональной, 4 февраля 1921 г. К. Малевич подает записку в Президиум педагогического совета, судя по которой, выставка служит зачетом: «Открытую выставку работ студента Волхонского прошу приурочить к зачетам и в связи с тем назначить зачетную комиссию»¹⁰. О том, что картина Волхонского будет на выставке Общества Молодых Художников, сообщает Ф. Рабкина в письме 1926 г.: «Открылась выставка... Лева (художник Лев Зевин, друг Волхонского, муж Рабкиной. — Л. Г., Ю. С.) дал твой пейзаж»¹¹. Неясно, что это за выставка, поскольку общество с таким названием (ОБМОХУ) прекратило существование к 1923 г. Всего, таким образом, девять выставок.

Относительно часто имя Волхонского в Интернете встречается в перечне фамилий под фотографиями учеников Витебской школы.

Наиболее ранние фотографии комплекса (9 шт.) относятся к первой четверти XX века и связаны с Витебском, где Волхонский родился в 1902 году. По словам дочери, его отцом был раввин. Учиться живописи начинал в школе ученика Ильи Репина — Юдея Пэна, у которого в разное время занимались многие видные художники, в том числе и Марк Шагал. Затем поступил в Первое высшее народное художественное училище¹². Училище организовывалось как трудовая школа с художественно-производственными мастерскими. Наряду с практическими дисциплинами были и теоретические, например, «ознакомление с методами современного „левого искусства“»¹³. Шагал писал: «Мечты о том, чтобы дети городской бедноты, где-то

Ил. 4. А. Волхонский с товарищами. Фото. Сидят (слева направо): А. Волхонский, Л. Зевин. Стоит первый слева Л. Юдин. Витебск, Кон. 1910 - нач. 1920-х (?). МИХМ. Инв. № М-19774/38

Ил. 5. А. Волхонский с товарищами. Фото. Первый слева сидит А. Волхонский, рядом с ним Л. Зевин, второй справа Л. Юдин. Стоит Н. Суетин(?). 1920-е. МИХМ. Инв. № М-19774/83

по домам любовно пачкавшие бумагу, приобщались к искусству, — воплощаются... Мы можем себе позволить роскошь „играть с огнем”, и в наших стенах представлены и функционируют свободно руководства и мастерские всех направлений от левого до „правых” включительно»¹⁴.

В качестве наставников школы назначенному на должность уполномоченного Коллегии по делам искусств в Витебской губернии Шагалу удалось привлечь не только местных, но и талантливых неординарных художников из Москвы и Петрограда. Первым директором училища, правда, ненадолго, стал М. В. Добужинский, которого сменил М. Шагал, его заместителем был скульптор Я. Тильберг. Преподавали Казимир Малевич, Эль Лисицкий, Вера Ермолаева, Юдель Пэн, Нина Коган, Александр Ромм и др., наездами бывал Роберт Фальк.

Ил. 7. Группа учащихся. Фото. Сидит первый справа А. Волхонский. Стоят (слева направо) Л. Зевин, Ф. Рабкина. Витебск. 1923. МИХМ. Инв. № М-19774/82

Ил. 6. А. Волхонский с друзьями. Фото. В центре второго ряда А. Волхонский, рядом с ним в матроске — Ф. Рабкина. Стоит первый слева Л. Юдин. Сидят слева направо Л. Зевин, Н. Суетин(?). Витебск. 20.08.1922. МИХМ. Инв. № М-19774/77

В начале XX века Витебск был одним из наиболее развитых в культурном отношении городов России. «Культурная жизнь в Витебске бурлила — сюда съехались известные музыканты Петрограда и Москвы, были созданы струнный квартет, симфонический оркестр... народная консерватория, пролетарский университет, издавались художественные газеты и журналы, устраивались выставки», — так описывает этот период М. Брандис¹⁵. В известном смысле культурный фон — не напрямую, но опосредованно, как настроение, — отражается в фотографиях учеников школы. Во-первых, это достаточно большое для того времени количества снимков. Вообще создается впечатление, что витебские школяры любили фотографироваться — даже объявления в газете помещали о сборе для съемки: должны были запечатлеть победителей студенческой выставки¹⁶.

Ил. 8. Группа студентов Витебского училища с Р. Р. Фальком [сидит первый слева, за ним стоит А. Волхонский, первая справа стоит Ф. Рабкина; сидит первый справа Н. Суетин(?). На полу сидят слева направо Л. Зевин, Л. Юдин]. Витебск. МИХМ. М-19774/85

Фиксировались и сами выставки с их участниками. Часто снимались просто группами, и, что интересно, ставили подписи на обороте карточек — без пожеланий, напутствий, без расшифровки — просто росчерк: потомки сами разберутся, кто из будущих знаменитостей оставил свой вензель. Снимки костюмированные, явно постановочные и нарочитые, что абсолютно не случайно. Какой-то особый пафос исходит от этих снимков. «Отличает их, — как писал М. М. Тренихин, — особая атмосфера... которая проявляется в одежде, позах... банты, ритмы... Что-то, не увязывающееся со временем, то, что че-

Ил. 9. Л. Зевин и А. Волхонский. Фото. Витебск. 1925. МИХМ. Инв. № М-19774/84

рез несколько лет будут относить к „буржуазным проявлениям”¹⁷. В стенах училища создавалось новое искусство — «революционное, порывающее со старой рутинной академии»¹⁸. «Прекрасная утопия быстрого творческого пересоздания мира захватила почти всех учеников Витебской народной школы»¹⁹, — декларировала «Программа единой аудитории живописи коллектива УНОВИС» в 1920 г. Вовлеченные в действие ученики чувствовали себя приобщенными к коренному преобразованию, сопричастными созданию новой эстетики, созданию нового — лучшего и красивого — мира. Они живут этой перспективой и своей ролью в ней. Отсюда и желание фотографироваться, и некое юношеское пижонство — ощущение значимости в грандиозном строительстве, и особый пафос. Они участники великого процесса — творцы. Их несколько снисходительные и слегка надменные взгляды из плоскости фотографий вырываются в то самое пространство-время, откуда на них смотрят благодарные потомки.

В это время Волхонского связывает тесная дружба со Львом Зевиним и Фридой Рабкиной — тоже учащимися Витебской школы. Зевин как художник подавал большие надежды. Впоследствии К. Малевич напишет о нем — единственном из своих студентов — небольшую статью-характеристику, а Р. Фальк будет считать его своим самым талантливым учеником²⁰. И тогда, и не-

сколько позже Афроим и Лев в дарственных надписях на фотографиях не без некоторого уже нежного пафоса называют друг друга братьями, Фриду, будущую жену Зевина, Волхонский зовет сестрой, а себя — ее любящим другом и товарищем²¹. Кстати, одна из фотографий, адресованная Зевину, так и осталась в архиве Волхонского.

В мае 1922 года прошел первый и единственный выпуск в Витебском художественно-практическом институте. Дипломы об окончании получили одиннадцать человек. Афроима Волхонского среди них нет. Еще семнадцать студентов переведе-

ны в высшие художественные учебные заведения Москвы и Петрограда²². Зевин был командирован во ВХУТЕМАС в 1921 году в числе наиболее способной группы учеников²³. Волхонского нет и в этой группе, судя по тому, что зимой 1923 года он еще участвует в выставке «подмастерьев» училища. Так что во ВХУТЕМАС он попадает не ранее середины этого года. Неизвестно, на какой курс он был принят, но осенью 1925 года, проучившись два года, тогда как полный курс был четырехлетним, Волхонский покидает его стены.

В уже упоминавшемся письме Афроиму, Ф. Рабкина, которая училась там же с 1925 по 1929 годы, описывала учебу: «Мои занятия идут нормальным чередом, в 9 часов хожу в мастерские и прихожу домой в 7 вечера. Пишу я двойной портрет, двух стариков очень интересно писать. Роберт Раф. (Фальк. — Л. Г., Ю. С.) сказал, чтоб я писала профиль, т. к. меня он нашел, что будет трудно писать двойной портрет в анфас, я, конечно, было раньше обиделась, но пока решила наплевать. Но вот главное то, что я понемногу хвораю и приходится пропускать, а вечером у нас рисунок, две обнаженных женщины, и я делаю большой рисунок. А пишу я портрет вот в таком роде (приводит в письме эскиз работы. — Л. Г., Ю. С.), получается как фрагмент большой картины, в общем, довольно интересно, только вот Фальк говорит, что 80 % моего недостатка в работе так это, что я отвра-

Ил. 10. А. Волхонский (во втором ряду в центре) с однополчанами. Житомир. 1 ноября 1926. МИХМ. Инв. № М-19774/44

тительно рисую, но я надеюсь, если я буду работать, так я выучусь рисовать... а Леву я не видела... он по вечерам с 8 до 11 вечера рисует у Фалька каждый день»²⁴, — Зевин уже учится внештатно в аспирантуре ВХУТЕМАСа.

Афроим Волхонский в это время проходит действительную срочную службу в рядах РККА. Несколькоми годами ранее, когда армия формировалась строго по классовому принципу, призыв Волхонскому не грозил, поскольку его отец был священнослужителем. Однако декретом ВЦИК и СНК от 28 сентября 1922 года введена обязательная воинская повинность для всех граждан РСФСР мужского пола с 20 лет²⁵. Затем возраст повысили до 21 года. Правда, и этот, и следующий закон от 18 сентября 1925 года давал возможность отсрочки учащимся от армейской службы²⁶. Поэтому нет ясности, был ли Волхонский принят во ВХУТЕМАС на один из старших курсов и успел завершить обучение или же почему-то бросил его.

По многим причинам этот призыв проходил очень трудно, несколько лет, и Афроим получил повестку только в 1925 году. Набор проводили с 1 октября по 1 ноября. Так что новобранец Афроим Борисович Волхонский прибыл к месту службы в 132-й стрелковый Донецкий полк, дислоцированный в г. Житомире, не позже ноября 1925 года. Таким образом, встречающаяся дата окончания им ВХУТЕМАСа в 1926 г. оказывается неверной.

Кроме военного обучения, армия занималась и ликбезом, и культпросвет работой, не говоря уже об агитации и пропаганде. В этих условиях художники, особенно профессионалы, весьма ценились в войсках. Волхонский был направлен на службу

в полковой клуб и занимался оформлением живой газеты «Красный донец» — «полковой маневренной газеты, являющейся лучшей формой военкорской работы на походе из существующих в Красной Армии», как написал ему однополчанин на фотографии. В известном смысле ему повезло — в этом призыве уровень «культурный уровень» был несколько выше, чем в наборе 1923 года. Его сослуживцы по клубу, судя по надписям на фотографиях, были знакомы с немецким романтизмом, читали Пильняка, имели свое суждение об искусстве. Военкомиссар полка П. С. Сысоев, в чьем ведении находился клуб, — по возрасту он всего на год старше Волхонского — даже писал стихи:

И бандитам всем известна
Слава Красного полка,
Знает пан Петлюра тоже,
Что такое 132²⁷.

Рабкина, обещая послать карандаши, приободряет Волхонского: «Я очень рада, что ты стал понемногу свыкаться с красноармейской жизнью, а главное, что можешь изучать среду, в которой ты находишься. Ты не скучай, Афроимчик». «Свыкалось», видимо, сложно: даже через два года на «дембельской» фотографии, вместе с пожеланием, чтобы «Красная Армия была основным мотивом ваших произведений», красуется начальственная рекомендация: «Именно же вам желаю сохранить и усиливать дисциплину — в данном случае — самодисциплину. Она всегда и всюду облегчит вам»²⁸. И все же, судя по некоторым деталям, художник считал эти два года потерянными.

Ил. 11. Групповой портрет участников «Живой газеты» 132-го Донецкого полка. Фото. На переднем плане стоит справа военкомиссар полка П. С. Сысоев, в заднем ряду второй справа А. Волхонский. Житомир. 1.05.1927. МИХМ. Инв. № М-19774/36

Ил. 12. Супруги Афроим и Зинаида Волхонские. Фото. Москва, 1930-е. М-19774/42

В 1928 году, уже после демобилизации Волхонского, в 44-й Киевской стрелковой дивизии вышла книга «История 132-го стрелкового Донецкого полка». Фамилия художника, оформившего ее, как тогда было заведено, не указана в выходных данных. Однако если учесть, что в те годы издание книги занимало несравнимо больше времени, с известной долей вероятности можно предположить, что обложка — авторства Волхонского, его своего рода «дембельский аккорд».

Осенью 1927 года А. Волхонский вернулся в Москву. Через три года, 4 декабря 1930 г., он женился на Зинаиде Ивановне Рябцевой, дочери главного механика бывшей морозовской мануфактуры в Твери. 3 марта 1933 года у них родилась дочь Юлия.

О том, как они жили, дают представления семейные фотографии и крайне фрагментарные сведения из фронтовых писем. Семья занимала комнату в коммунальной квартире по ул. Каляевской, д. 38, кв. 9 — это за Садовым кольцом, неподалеку от Белорусского вокзала (ныне ул. Долгоруковская). В соседях как минимум двое квартиросъемщиков. Дом газифицирован. Когда-то комната была проходной — одна дверь заставлена мебелью. Мебель простая и дешевая — диван, стол — он и для готовки, и обеденный; детская кроватка, обтянутая скатертью; шкаф без дверок. Недорогая фаянсовая и стеклянная посуда, никелированный металлический чайник, а вот металлический кофейник, пожалуй, пришел из прежних времен. На одной фотографии на столе стоит вскрытая банка консервов — по тем временам

Ил. 13. Волхонские с «конструктивистской» коляской. Фото из «Юлиной книжки». Москва. 1934-1935. МИХМ. Инв. № М-19774/1

дорогим и даже деликатесным продуктом для домашнего питания, на другой — Зинаида с дочкой лепят пельмени. Стены комнаты местами обтянуты узорчатой тканью, висит простенький коврик. На стенах какие-то — не разобрать — изображения. По характеру рамок и паспарту, это живопись или графика. Рядом со шкафчиком типографский портрет Ленина (без рамки). Абажур. В комнате, судя по композициям сделанных там снимков, тесновато. Фотоаппарат был свой. Одевались Волхонские вполне прилично: у Зинаиды модные платья, шуба, шляпки, ботинки, у Афроима несколько костюмов, галстуки, шляпы. В одном из писем с фронта он пишет: «Если нуждаешься, продай, что можешь. Продай мой костюм темный... или перешей себе». Платья и костюмы шились на заказ: «Если жив останусь, то не один прекрасный костюм я заработаю. Пошью себе». У Юли — игрушки, не шикарные, но надо иметь в виду, что и самые простые стоили достаточно дорого. Зимой Юлю возили в плетеных из лозы санках на высоких полозьях, а на лето была коляска, глядя на которую невозможно не вспомнить учебные задания по конструированию во ВХУТЕМАСЕ, которые «строились с нарастанием сложности от проекта к проекту: от вещей, выполняющих только одну функцию, — к многофункциональным предметам; от простых конструкций — к более сложным; от изделий из металла — к сочетанию металла с деревом, керамикой, кожей и другими материалами».

Когда Юля подросла, ее начали учить игре на фортепиано. Юле занятия музыкой, видимо, не нравятся, и Афроим с фронта предлагает: «Мо-

Ил. 14. А. Волхонский. За чтением (А. Д. Гинзбург-Осетрова с сыном Тоником и Э. И. Волхонская с дочкой Юлей). Бум., акв. 26х30 см. Истра (?), 1930-е. МИХМ. Инв. № НВ-18173 жет быть Тоник Гинзбург возьмет шефство над ней в отношении музыки». Тоник — Антон Гилиарович Гинзбург (Осетров), сын их друзей Г. З. Гинзбурга и А. Д. Гинзбург-Осетровой — впоследствии станет известным советским пианистом.

Весной-летом выезжали на дачу в Истру, где компанию им составляла чета Гинзбургов. Навещали родственников Зинаиды в Твери. Бывало, что отпраивались и к Черному морю. Видно, что семья не бедствовала, и, хотя в особой роскоши не жила, уровень достатка был гораздо выше, чем в среднем по стране.

В билете профессионального союза работников искусств № 306 599, выданного ему месткомом живописцев МТХ (Московского Товарищества художников) 27.03.1941 г., обозначена профессия — художник, производственный стаж двадцать три года, вступил в союз в 1918 году. Его друг Лев Зевин, который «подавал большие надежды, многие уже именитые к тому времени живописцы ценили его талант»²⁹, в это время активно включается в разные творческие объединения, создает свои, экспонируется, оформляет театральные спектакли, отправляется в творческие командировки по стране, работает по договорам со «Всекохудож-

Ил. 15. А. Волхонский. Женщины за работой (низка табачных листьев). Абхазия (?). Бум., акв., 33х38 см. МИХМ. Инв. № М-19774/179

ником»³⁰. Он отказывается от кубизма и экспрессионизма, отдав предпочтение реализму³¹. Фамилия Волхонского среди художников, окружающих Зевина, не встречается, равно как нет сведений о вхождении Афроима в какие-либо другие группы, а выставок с его участием в это время известно только две — 1936 и 1939 г.

Насколько близкими остались отношения двух художников — по материалам архива судить сложно. Есть две фотографии, видимо, самого начала 30-х годов, на которых чета Волхонских и Зевин с Рабкиной в гостях у какой-то девушки. Еще одно фото 1934 г. — Рабкина с той же девушкой на даче у Волхонских в Истре.

Удивительно, но в письмах Афроима с фронта, за исключением единственного упоминания приснившегося ему «тепло одетого Левы», не фигурирует ни одного художника. Кроме родственников, соседей, четы Гинзбургов, названы Семен Григорьевич Барер³², московский приятель фокусник Жорж Дюалим³³, несколько раз фигурирует Никонов — функционер «Всекохудожника», через которого Волхонский получал заказы, и который зачем-то по просьбе Волхонского отправлял ему характеристику на фронт. В одном из писем просит жену сохранить все до-

Ил. 16. А. Волхонский. Автопортрет. Бум., акв. 32,5х26 см. Москва (?). 1930-е. МИХМ. Инв. № НВ-18167

Ил. 17. А. Волхонский. Окраина города. Витебск. 1920-е? Бум., акв. 36x46,5 см. МИХМ. Инв. № М-19774/181

говору, по которым он работал и которые, как он считает, еще могут пригодиться.

С большой долей вероятности можно предположить, что юношеские грезы о создании прекрасного мира остались в прошлом. Волхонский, как и многие его учителя и однокашники, занят тем, что обеспечивает семье более-менее достойное существование. Видимо, он берется за любую профессиональную работу, не задумываясь об ее художественной значимости. Удалось обнаружить оформленную им книгу О. Литовского и К. Болберга «За учебу! Беседы по вопросам театрально-зрелищных работ», изданную в 1931 г. Кстати, Осаф Литовский — один из литератур-

ных критиков, вкуче со Всеволодом Вишневским особо досаждавших М. А. Булгакову. Это его, Литовского, Булгаков в «Мастере и Маргарите» вывел под именем Латунского, и его квартиру разгромила Маргарита.

Несколько работ из архива Муромского музея выполнены на обратной стороне каких-то оформительских материалов. На «вольное творчество» времени не остается — только дни, свободные от заказов. Об этом косвенно свидетельствуют время и места, где делались рисунки: Витебск (ранние рисунки), Москва, Истра, отдых на море, прогулка с дочерью, квартира. Это городские и сельские пейзажи, жанровые сценки, портреты. Из тридцати пяти картин — пять работ маслом, остальные — акварель, тушь, карандаш. Почти все не подписаны, не имеют названий, несколько оформлены в паспорту. Датированы только две московские акварели — 1929 и 1939 годами. Сохранность большинства оставляет желать лучшего.

На одном из портретов, явно сделанных Волхонским во время поездки на юг, изображен колоритный старик в чалме. 30 июня 2019 года в программе «Вести недели» в одном из сюжетов была показана абхазская кинохроника 30-х годов. В одном из кадров мелькнул тот же старик. Так что отдыхали Волхонские, скорее всего, где-то в районе Сухуми.

Ил. 18. А. Волхонский. Старик в чалме. Абхазия (?). 1930-е. Бум., акв., гуашь. 41x26. МИХМ. Инв. № НВ-18166

Ил. 19. Кадр из кинохроники. Абхазия, 1930-е гг.

Ил. 20. А. Волхонский. Улица старого города. Бум., акв. 52x36 см. МИХМ. Инв. № М-19774/177

Ил. 21. А. Волхонский. Окраина. Бум., акв. 36x41,5 см. МИХМ. Инв. № М-19774/176

А. Ромм, преподававший в Витебской школе и знавший Волхонского, отмечал, что у него «сильный живописный темперамент сказался особенно в яркой беспредметной композиции»³⁴. Не стоит говорить, что в тридцатые годы в Советском Союзе беспредметная живопись была не только не нужна новой идеологии, но и таила опасность для ее авторов. Рано или поздно все художники оказывались туго спеленутыми саваном соцреализма. Беспредметных композиций в нашей подборке нет.

Совсем иную оценку Волхонскому дает Г. Я. Юдин, уроженец Витебска, известный дирижер: «Теперь вот ученики Пэна — мое поколение. Эфроим Волхонский. Это была противоположность Зевину. Это была размазня такая. Такой, знаете, как мацуня, и вялый такой парень был, не без некоторых способностей, без ярко выраженной личности»³⁵, что в известном смысле контаминирует с командирским пожеланием «самодисциплины». На первый взгляд эта личностная характеристика проявляется в акварелях Волхонского, где присутствуют некая «растрепанность», впечатление незаконченности, эскизности, «случайного» выбора природы. Однако следует, видимо, учесть, что Шагал, по воспоминаниям учеников, выводил своих учеников на рынок, сам вставал там, куда пришел, и начинал рисовать. Когда студенты разбредались в поисках природы, он их одергивал: «Пишите там, где встали». С другой стороны, Л. Зевин и в больших полотнах работает «в широкой эскизной манере», и эта «минско-витебская живопись» не нравилась, как писал В. Милашевский, его сподвижникам по Группе

«13»³⁶. Н. Щекотов в статье о «Группе пяти» вообще категорически утверждал, что Зевин не может дописать картину, потому что им полностью не разработан метод³⁷.

С началом Великой Отечественной войны 19 декабря 1941 года Коминтерновским райвоенкоматом г. Москвы Волхонский был призван в армию. Учился, получил звание лейтенанта. Маршевая бригада, в составе которой он отправился на фронт, была сформирована 18 августа 1941 года и дислоцировалась в печально известных Гороховецких лагерях неподалеку от Мурома. За время войны там было укомплектовано много частей. Новобранцы, проходившие подготовку, вспоминали, что жили в ужасных условиях, в землянках по 40, 100 и даже 200 человек, спали на двухэтажных нарах или настилах из жердей, без постельного белья и теплого обмундирования. Кормили два раза в день и очень скудно. Мисок, сделанных из консервных банок, не хватало. Работали с шести утра до двух-трех ночи. Людей заедали вши, расплодившиеся в громадном количестве. Кто находился там больше двух месяцев, доходил до дистрофии, свирепствовала цинга. Борис Слуцкий написал о Гороховецких лагерях:

И вот возникает запасник, похожий
На все запасные полки,
На Гороховец, что с дрожью по коже
Вспоминают фронтовики.
На Гороховец Горьковской области
(Такое место в области есть),
Откуда рвутся на фронт не из доблести,
А просто, чтоб каши вдоволь поесть.

Волхонский же, который перед отправкой на фронт умудрился заскочить домой, и по описанию жены, и на фотографии не выглядел зашивевшим дистрофиком, и даже 1 мая 1942 г. за отличную боевую и политическую подготовку получил почетную грамоту от командования 81-го запасного стрелкового полка 30-й запасной стрелковой дивизии.

С фронта Афроим пишет достаточно часто (МИХМ. Инв. № М-19774/86-131, М-19774/133-141, М-19774/153-156). Фронтные письма, как правило, малоинформативны. Их содержание типично. Пишет, что любит. Скучает. Почти в каждом послании успокаивает: «Пока жив, здоров... Кормят отменно... Получили зимнее обмундирование». Волнуется о здоровье близких, о том, как они питаются, не мерзнут ли. Часто спрашивает, получает ли Зинаида деньги по его аттестату, при каждом случае — даже, если приходится занимать, — высылает дополнительно. Интересуется родными и знакомыми, передает приветы. Дает советы, к кому обратиться по тому или иному вопросу. Не забывает поздравлять с праздниками — общими и семейными. Интересуется школьными делами дочки.

Редкое письмо обходится без того, чтобы изобретательно ни поругать фашистов — в своих нелестных эпитетах по отношению к ним он практически не повторяется.

О фронтовых делах и участии в боях пишет с гордостью, не без некоторой рисовки, но очень аккуратно — в его письмах ни одно слово не вымарано цензурой. Однако сейчас, зная номера полевой почты и частей, в которых он служил, по датам писем и скупым описаниям боев можно достаточно точно определить, где и когда он находился³⁸.

5 августа 1942 г. Афроим пишет жене: «Вероятно, ты уже знаешь, что я уезжаю на фронт». Попал лейтенант Волхонский в 1236 стрелковый полк 372 стрелковой дивизии. Следующее письмо от 10 сентября уже из действующей армии: «Жив, здоров, очень много работаю. Я назначен пом. начальником штаба», — а вот продолжение этой фразы позволяет предположить, что с подобной работой Волхонский уже знаком, и, вероятно, по 81 зпс, — «и понятно, что сейчас в фронтовых условиях эта работа гораздо ответственнее и почетнее, нежели в тылу». Он был командиром

комендантского взвода, потом и. о. помощника начальника штаба по тылу, в 1943 г., когда началось активное наступление и немцы бросали много добра — начальником созданной трофейной команды, помощником начальника продовольственно-фуражного снабжения, а это действительно работа и очень хлопотная. Достаточно сказать, что по штатному расписанию 1941 г. в стрелковом полку было 2695 человек и 477 лошадей. Несмотря на штабную должность, бывал в схватках на передовой. Как раз в это время дивизия была переброшена в район Синявино и приняла участие в Синявинской наступательной операции. Через месяц Аркадий сообщает жене о первой, полученной к «октябрьским дням», благодарности в приказе. «К празднику получил все теплое. Мы провели праздники замечательно, — кроме всего выпили за нашу великую Родину, за семью, за окончательную победу над людоедами, подлецами гитлеровцами. Я пил за твое и Юлички здоровье... Настроение у меня боевое, все время песни напеваю». В конце ноября радуется принятию в кандидаты в члены ВКП(б) и получению звания старшего лейтенанта.

В короткий период между этим и следующим письмом (4 дек.) Волхонский умудрился побывать в Москве. «Сейчас тороплюсь тебе ответить и даже не мешает артиллерийская стрельба... Недавно пришлось в одно место срочно съездить с товарищами на 40 километров. Ехал верхом на лошади. Ты ведь знаешь, что я не кавалерист, но сам удивился, как хорошо ехал верхом и выполнил прекрасно задание»³⁹.

В письмах начала января опять говорит, что у него «много ответственной большой работы. Энергии много, несмотря на то, что не досыпаю. Здесь, на фронте, даже не замечаешь, как летит время, так как все рассчитано и постоянно занят боевой работой. Настроение у всех исключительно боевое», и скоро опять в бой «с вшивыми паршивыми фрицами». Через пять дней: «Готовлюсь к бою». С 14 по 30 января 1943 года дивизия участвовала в наступательной операции «Искра» — прорыве блокады Ленинграда с внешнего фронта: «Берем много пленных и трофеев». А уже 31 января: «Твое письмо я вчера получил, как раз во время, когда вышли из боя с победой. Как ты уже вероятно читала в газетах о прорыве блокады города

Ил. 22. Старший лейтенант А. Б. Волхонский на фронте. Фото. Польша. 20 мая 1944. МИХМ. Инв. № М-19774/34

Ил. 23. Афроим Волхонский с фронтовыми товарищами. Фото. 1943-44 г. МИХМ. Инв. № М-19774/71

Ленина. Вот в этом наступлении... мне выпало счастье участвовать в прорыве блокады... И моя часть первая встретилась с ленингр. доблестными воинами. Это был замечательный удар по фашистским гадам. Если бы ты могла представить, сколько огня мы обрушили на их трусливые головы, и они так бежали, те, которые еще могли бежать, что не успели многое из имущества с собою взять. В этом бою я отличился. Под сильным огнем мне удалось добраться до фашистских дзотов и вместе с моими 2 бойцами вытащить оттуда ценное военное оружие, кроме того, я собрал много трофеев для моей части. И вот за это меня представили к правительственной награде: медаль „За отвагу” и также моих 2 бойцов. Меня поздравляли, и командование меня ценит». Однако представить к награде и наградить — это далеко не одно и то же. Документов, подтверждающих получение Волхонским медали «За отвагу», обнаружить не удалось, однако 15 октября 1943 года он был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» был принят 6 января

1943 г., о чем 10 января объявлено приказом Народного Комиссариата обороны, а уже 31 января Волхонский интересуется у жены: «Ты пишешь, что работаешь на нашивке галунов к погонам. Интересно, как они выглядят... Обо мне не беспокойся — на днях снова пойду в бой». Изменения в форме планировали провести в кратчайшие сроки — до 15 февраля, однако еще летом 1943 года встречались ромбы и кубики. Волхонский увидел погоны почти в установленный срок — 5 марта: «Сегодня я получил погоны, уже примерял и как будто очень идет. Так говорят товарищи. У меня много хороших боевых друзей. Завтра у меня будет большой торжественный день: меня будут принимать в члены ВКП(б). Для меня это большой праздник. Мой кандидатский стаж прошел в боях». Однако это были всего лишь полевые погоны цвета хаки с суконной окантовкой, а, видимо, уж очень хотелось — и не только ему — примерить настоящие «офицерские, с золотой волокой». Через месяц он просит Зинаиду «сделать небольшую посылочку: — послать... несколько пар погон повседневных (не фронтовых). 4 [испр. — 5] пар как моего звания и 5-6 пар звания полковн. и поболь-

ше звездочек к погонам (звездочки отдельно можно). Очень прошу тебя это сделать. Постарайся это сделать через Всекохудожник, тогда посылку примут на почте». В конце апреля он опять напоминает жене про погоны. Чем закончилась эта история — неизвестно, скорее всего, ничем. Сам же Афроим вряд ли задумывался, под какие неприятности он подставлял любимую жену.

В это время полк переброшен в населенном пункте Смердыня в состав 54-й армии Волховского фронта, где немцы за десять месяцев создали мощный оборонительный рубеж. Здесь проводилась Мгинско-Шапкинская наступательная операция, не увенчавшаяся успехом, но бои шли жесточайшие. 7 февраля 1943 очередное письмо: «Пишу вам на привале после крепких боев. Как видите, я жив и здоров, однако я думал, что уже не жилец на этом свете. Били немчуру мы беспощадно, гнали проклятых фрицев, брали в плен»; «Как правило, последнее время я пишу вам перед боем или после боя. В настоящее время тоже готовлюсь к бою. Сейчас я могу с гордостью сказать, что я участник уже нескольких боев с ненавистными проклятыми гадами немецкими фашистами. До сих пор меня еще ничего плохого не коснулось, я не боюсь этих фрицев и смело действую в бою под огнем... Я не хвастаюсь, но здесь, на передовой это единственное необходимое качество воина. Командование мое меня, кажется, вторично представляет к награде, так сегодня мне начальство объявило... если бы ты видела этих тупых мерзавцев, убийц, которые бандитским образом грабят нашу родную землю»; «Я стараюсь все лучше и крепче вести свою боевую работу»; «Меня можешь поздравить с принятием в члены ВКП(б). Вчера для меня был большой праздничный день, так как вчера меня приняли в непобедимую великую Ленинско-Сталинскую большевистскую партию. Этот прием был в боевой торжественной обстановке; принимали лучших товарищей, которые в бою показали себя достойными коммунистами. Командование полка меня ценит и относится ко мне отечески. Вообще боевая моя работа проходит усиленно, и я стараюсь сделать как можно все лучше. Сейчас это письмо пишу при маленькой коптилке, в 3 часа ночи под аккомпанемент пулеметной и артиллерийской стрельбы. Но это меня мало тревожит, так как за 7 месяцев будучи на передовой я так свыкся, что сейчас даже

трудно себе представить, что где-то в Москве есть люди не обстрелянные»; «Настроение хорошее. Мы отметили праздник 8 марта. Доклад и вечер самодеятельности. Я выпил за твое и Юличкино здоровье»; «Нахожусь последние дни в жарком бою... К сожалению, я потерял близкого друга командира, который был сражен в бою. Это ст. л-т Юрий Бадухин... Извините, что так мало пишу, если будет время и со мной ничего не случится, напишу. Во всяком случае, чтобы со мной не случилось... знайте, что я честно, бесстрашно сражался за любимую Родину, за свою любимую семью. Пока жив, буду воевать, уничтожать проклятых врагов... подлых зверей гитлеровцев... Это письмо пишу в траншее под сильным огнем. Жалко, что ты не видишь меня в какой обстановке и как я выгляжу в бою, ты не представляешь. Это так как я сам себя не узнаю. Я похож на „черта“, как один друг выразился»; «Я пока жив и здоров, все благополучно. Бьем беспощадно озверелых фашистских гадов. Находимся в лесу, в болотах, но привыкли ко всем трудностям, и все трудности фронтовой жизни преодолеваем, зная и чувствуя, что сражаемся за нашу Великую Родину, за нашу независимость и счастье. Сейчас как коммунист я особенно горжусь, что мне выпало счастье участвовать в этой великой Отечественной войне с проклятым фашизмом... Я питаюсь исключительно хорошо и каждый день выпиваю за твое и Юличкино здоровье»; «Здесь в лесу, в болотах и то чувствуется весна. Птицы поют свои весенние песни, не обращая внимания на стрельбу... Тебе шлет свой боевой дружеский привет мой лучший друг и отец по дружбе в боях мой начальник Андриан Сергеевич Астафьев»; «Сейчас я нахожусь в самой боевой обстановке»; «В настоящее время я выполняю одно боевое задание, и пока мои бойцы обедают, я тебе пишу это письмо сидя на траве под деревьями с черемухой, если только можно их назвать деревьями; это только чудом уцелевшие остатки деревьев и кустов, на которых цветет черемуха. Есть следы оставшегося фундамента разрушенных домов и старых гряд от огородов... И все же чувствуется прекрасная весна, которая всегда так бодрит и радует человека»; «Здесь сейчас очень хорошая установилась погода, только много комаров. Ночи светлые, теплые. Природа интересная. Но беспокойно, так как непрерывная стрельба, оружейная дуэль и другие характерные

звуки войны нарушают прелесть этой ранней летней красоты»; «Хотя и был в опасном участке, недавно находился под большим обстрелом фрицев. Фашисты очень часто ведут беспорядочный огонь, они нервничают и явно боятся своего близкого поражения. К нам в часть на днях перешли несколько немцев. Ты бы видела какой у них был счастливый вид, т. к. для них война кончилась, они много интересного рассказали: оказывается, они только недавно узнали (и то нелегально), что армия Паулюса была разгромлена под Сталинградом и что союзники нанесли огромное поражение Германии и Италии в Тунисе. Немецких солдат все время обманывают... Вот сейчас последние слова подтвердила крепкая орудийная канонада наших доблестных артиллеристов, которые умеют бить только по цели; вероятно еще несколько дзотов противника взлетели на воздух».

Несмотря на интенсивные бои, офицеров части иногда отправляли в командировки, в т. ч. в Москву. 26 апреля Волхонский просит Зинаиду хорошо принять Константина Кравцова — его «лучшего боевого товарища», который «много обо мне расскажет». Волхонскому тоже повезло, и в июле он несколько дней пробыл в Москве, о чем потом вспоминал в письмах.

После возвращения на фронт «так много прибавилось работы, что буквально даже нет времени поспать. Сейчас у нас на передовой самые горячие дни. Инициатива у нас, и мы крепко деремся. Очень интересное зрелище, как наши самолеты бомбят линию обороны противника ночью. Ты знаешь, Орлова Лука Влас., который со мной приезжал, убило... Сейчас уничтожаю фрицев с новой силой. Работаю пом. нач. штаба»; «У меня все время боевая работа. Очень занят. Работы много. Недавно мы награждали наших славных разведчиков, которые захватили в плен фрицев. Настроение у нас очень хорошее, особенно после таких успехов на фронтах»; «Работы много. Сейчас у нас особенно жаркие боевые дни. Немцам даем крепкого „перца“, пожалуй они еще никогда такого не видали»; «Здесь сейчас с каждым днем чувствуется, как крепко мы изматываем фрицев».

В ноябре 1943 дивизия передислоцирована на волховский рубеж в верхнем течении реки. «У меня были большие переходы. Много боевых заданий и был очень перегружен... С тех пор как

был дома, все лето и осень я очень много пережил. Два раза чудом уцелел. Много потерял прекрасных, славных по храбрости друзей... У нас здесь еще не установилась зима, но нас очень радует, что вся грязь и болота начинают замерзать...

Мы уже получили зимнее обмундирование. Живу в маленькой землянке, со мною еще 2 офицера, очень хорошие товарищи. Живем по боевому — дружно. Недавно нас фотографировал фотолюбитель»; «Как только приехал, сразу навалилась большая работа... Я еще все мыслями и чувствами около вас. Очень трудно привыкать снова к полевым условиям жизни... Мне сегодня приснился Лева Зевин в каком-то необычайном теплом костюме... У меня в землянке уютно и тепло». В феврале 1944 года старший лейтенант А. Б. Волхонский был награжден орденом Красной Звезды.

Затем последовала Новгородско-Лужская операция, в ходе которой освобожден Новгород, до конца апреля 1944 года дивизия обороняла восточный берег Чудского озера, с него Волхонский на несколько часов попал в Ленинград. Оттуда написал жене: «В настоящее время я тебе точно не скажу где, но уходим опять воевать». Ушли на Карельский перешеек, освобождали Выборг. «Уже поздно, а на улице светло. (Здесь белые ночи). Работы у меня... очень много, даже и партийная нагрузка». 13 июня удалось опять побывать в Ленинграде, отвозил некоего Алика к тетке: «Мне предстоит трудная задача догнать мою часть, которая уже далеко».

В сентябре пишет о боях в Эстонии: «Воеюем крепко. Были большие переживания. Я сейчас совсем почти поседел. Бывают часто бессонные ночи, работы много». К середине сентября дивизия переброшена в Польшу, где участвовала в Эльбингской и Восточно-Померанской операциях.

Свою третью боевую награду — орден Отечественной войны II степени — Волхонский получить не успел. Приказ о награждении помощника начальника продовольственно-фуражного снабжения 1238 стрелкового Выборгского полка 372 стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии был подписан 3 июня 1945 г., а 26 марта 1945 г. он умер от ран. Похоронен в Польше: Гданьское воеводство, район Дершау, д. Забовицы⁴⁰.

¹ Глуценко Л., Смирнов Ю. Загадка художника Афроима Волхонского (по материалам Муромского историко-художественного музея) // Шагаловские чтения — XXVII. — Витебск, 2019. — В печати.

² Пэн Юрий (Юдаль, Юдель, Иегуда) Моисеевич (Мойшевич, Мовшевич) (1854-1937) художник из бедной еврейской семьи. Родился в бедной многодетной семье в небольшом местечке Ковенской губернии. В 1880 году стал студентом Академии художеств, учился у И. Е. Репина. Закончив академию в 1886 году, пытался устроиться в разных местах. Получил возможность открыть частную рисовальную школу в Витебске. У него учились многие художники, в т. ч. М. Шагал. В 1918 г. Шагал организовал Народное художественное училище, а Пэна пригласил руководить одной из мастерских. После реорганизации училища в институт преподавания исполнял обязанности проректора по учебной части. В 1923 г. вынужден был оставить это учебное заведение. В ночь с 1 на 2 марта 1937 г. Пэн был убит у себя в доме. Обстоятельства и мотивы убийства до сих пор не прояснены. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://art.ru.info/ar/18657/>.

³ Вера Михайловна Ермолаева родилась в дворянской семье (2 ноября 1893, с. Ключи, Саратовская губерния; † 26 сентября 1937, Караганда). Русский и советский живописец, график, художник-иллюстратор, деятель русского авангарда. Из-за падения в детстве с лошади страдала параличом ног. Училась в Париже, Лозанне, Петербурге. В 1911 г. поступила в студию М. Д. Бернштейна, где стала интересоваться кубизмом и футуризмом. В 1917 году окончила Археологический институт. Входила в художественные объединения «Свобода искусству» и «Искусство и революция». В 1919 году направлена Наркомпросом в Витебск преподавать в Народном художественном училище, позже преобразованном в художественно-практический институт. В 1921 году после ухода с должности М. Шагала стала ректором этого института. Увлечлась беспредметным искусством, участвовала в организации УНОВИСа. В 1922 году Ермолаева вернулась в Петроград на должность руководителя лаборатории цвета в Государственном институте художественной культуры. Сотрудничала с журналами, иллюстрировала книги. В 1929 году с художниками В. В. Стерлиговым, К. И. Рождественским, Л. А. Юдиным, Н. М. Суетиным, А. А. Лепорской составила «группу живописно-пластического реализма». Выставки, проходившие в узком кругу, стали поводом для доноса. 25 декабря 1934 года арестована, 29 марта 1935 осуждена по статье 58-10, 58-11. 29 марта 1935 отправлена отбывать трехлетнее заключение в 1-е отделение 3-го отдела Карагандинского ИТЛ. Вторично осуждена 20 сентября 1937 года по тем же статьям и приговорена к расстрелу. 26 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение. 20 сентября 1989 года реабилитирована. См.: Ермолаева, Вера Михайловна // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_\(%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_(%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0)); Ермолаева, Вера

Михайловна // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/637622>; Ермолаева, Вера Михайловна // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/637622>.

⁴ А. Б. Волхонский // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://art.ru.info/ar/55214/>.

⁵ Документы, относящиеся ко времени пребывания Казимира Малевича в Витебске. Григорий (Гиллель) Казовский // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://subscribe.ru/group/pole-chudes/10393738/>.

⁶ Лев Яковлевич Зевин (19 дек. 1903, Витебск — с декабря 1941 числится пропавшим без вести, по другим сведениям в марте 1942 погиб под Вязьмой) — советский живописец, график, художник театра и иллюстратор. Родился в семье ремесленника. В 1917-1918 гг. учился у Ю. Пэна, одновременно работал в оптико-механических мастерских Зелига. В 1919 году продолжил обучение в Витебском народном художественном училище в мастерской М. Шагала. Успел попробовать себя в кубизме. В 1920 году перешел в мастерскую К. Малевича и В. Ермолаевой, в 1921 году в — Р. Фалька. В ноябре 1920 года был членом группы УНОВИС. В конце 1921 года уехал в Москву вслед за Р. Фальком, учился у него во ВХУТЕМАСе (1921—1925). За дипломную работу «Рабочая семья» Л. Зевину была присуждена наивысшая награда — поездка за границу на четыре года, но из-за отсутствия денег она не состоялась. Продолжил учебу в аспирантуре ВХУТЕМАС (1926-1929). Член и экспонент объединений: ВОХ (1927-1930), РОМБ (1930-1932, член-учредитель), РОСТ (1928-1929), группа «13» (1929), член ОСТА (1929-1931). С 1932 года — член МОССХ. В 1936-1940 годах преподавал в Московском областном техникуме ИЗО. В конце 1930-х гг. Лев Зевин входил в художественное объединение «Группа пяти». 6 июля 1941 года Зевин, добровольцем вступив в ряды ополчения, ушел на фронт. Друг А. Б. Волхонского. См.: Лев Яковлевич Зевин // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://yandex.ru/search/?lr=10668&clid=47355&win=167&text=%D0%BB%D0%B5%D0%B2%20%D0%B7%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%BD>. См. также: Тренихин М. М. Поэтика одухотворенной артистической личности: портреты кисти Льва Зевина // Вестник славянских культур». — М., 2011. — № 3 (XXI). — С. 111-118.

⁷ Михаил (Моисей Абрамович) Кунин (7 сен. 1897 — 2 янв. 1972, Ленинград). С детства увлекался живописью и спортом. В 1906 г. поступил в витебское семиклассное коммерческое училище. В 1913-14 гг. выступал в варьете Москвы, Киева, Одессы с самостоятельно подготовленным цирковым номером. В 1916 году окончил Московский коммерческий институт, потом два года отучился в Психоневрологическом институте в Москве, работал ассистентом у В. М. Бехтерева. Учился в Витебском народном художественном училище. Был старостой в мастерской М. Шагала, позднее учился у К. Малевича. Участвовал в диспутах об искусстве, писал теоретические работы. Был членом УНОВИСа, но, вопреки этому, один из немногих оппонентов Малевича, супрематизма и беспредметного искусства. По приглашению Р. Р. Фалька поступил во ВХУТЕМАС, проучился в нем

недолго из-за необходимости содержать семью. Вернулся в цирк, выступал под псевдонимами Михаил Куни, Ганс Куни-Пикассо — Человек-молния.. Обладая феноменальной памятью и невероятной способностью к счету, выступал сначала как художник-монументалист, с завязанными глазами — иногда ногами — рисуя портреты известных людей, чьи фамилии назывались из зала. Со временем репертуар стал специализироваться на психологических опытах, идеомоторной телепатии, быстром счете, сеансах гипноза, чтении мыслей. Живописью занимался только дома. См.: Михаил Куни // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B8; Кунин, Моисей Абрамович (Витебская энциклопедия) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.evitebsk.com/wiki/%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BD_%D0%9C%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9_%D0%90%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87; Михаил Куни // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%B8%D0%BB_%D0%9A%D1%83%D0%BD%D0%B8; Воскресенская Н., Тоболев В. Лабиринты памяти. 12 ошибок Михаила Куни // Знание — сила. — 1966. — № 10. — С. 40-41; Ганна Руденко. Моментальный Куни // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://jewish.ru/ru/people/culture/188254/>; Кунин М. М. Феномен Михаила Куни. — М., 2003.

⁸ [Известия] // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). 1921. № 99. С. 4; № 102. С. 4. Цит. по: Изобразительное искусство Витебска 1918-1923 гг. в местной периодической печати. Библиографический указатель и тексты публикаций / Сост. В. А. Шишанов. — Минск, 2010. С. 160.

⁹ Премии на выставке народного художественного училища // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1919. № 147. 5 июля. — С. 4; Художественная выставка // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1920. № 36. 17 февр. С. 2. Цит. по: Изобразительное искусство Витебска 1918-1923 гг. в местной периодической печати... С. 102, 129.

¹⁰ Документы, относящиеся ко времени пребывания Казимира Малевича в Витебске. Григорий (Гиллель) Казовский // [Электронный ресурс]. — Режим доступа <https://subscribe.ru/group/pole-chudes/10393738/>.

¹¹ Письмо Ф. Рабкиной А. Волхонскому от 9/II 26 г. // МИХМ. Инв. № М-19774/157.

¹² О школе см.: Клер Ле Фоль. Витебская художественная школа (1897—1923) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.m-chagall.ru/library/vitebskaaya-hudozhestvennaya-shkola.html>.

¹³ Этгингер П. Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. — М., 1989.

¹⁴ Шагал М. О Витебском Народном художественном училище // Школа и революция. 1919. — С. 24-25.

¹⁵ Марис Брандис. Профессор Я. Р. Тилберг в Витебском художественном училище // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://chagal-vitebsk.com/node/43/>.

¹⁶ К учащимся народного художественного училища // Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1919. № 163. 24 июля // Изобразительное искусство Витебска 1918-1923 гг. в местной периодической печати... С. 107.

¹⁷ Тренихин М. М. Поэтика одухотворённой артистической личности: портреты кисти Льва Зевина // Вестник славянских культур. — М., 2011. — № 3 (XXI). — С. 111-118.

¹⁸ [Марк Шагал]. Народное училище // Витебский листок. 1918. № 10386. 16 (3) ноября. Цит. по: Кирсанов А. Русский авангард. 1907-1932. Исторический обзор. М., 2003. Кн. 2. С. 105.

¹⁹ Программа единой аудитории живописи коллектива УНОВИС // Альманах Уновиса № 1. Витебск, 1920 г. Цит. по: Николай Гугнин. Из истории Витебской художественной школы. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chagal-vitebsk.com/node/214>.

²⁰ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pv-gallery.ru/author/89070>.

²¹ М-19774/37об.; М-19774/37; см.: Фрида Ефимовна Рабкина (1903-1953) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://grupa5.ru/bios/%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%BO>.

²² Витебское художественное училище // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

²³ Личное дело аспиранта ВХУТЕМАС Зевина Льва Яковлевича // РГАЛИ. — Ф. 681. — Оп. 1. — Ед. хр. 924. — Л. 3. Цит. по: О. ДАВЫДОВА. «ВРЕМЯ В СЕБЕ»... О ВЫСТАВКЕ «ДРУГИЕ ПЕСНИ ТРИДЦАТЫХ» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rah.ru/science/nauchnye_podrazdeleniya/nii_teorii_i_istorii_izobrazitelnykh_iskusstv/detail.php?ID=21618.

²⁴ Письмо Ф. Рабкиной А. Волхонскому от 9/II 26 г.

²⁵ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28.09.1922 «Об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sss/17792>. ЗАКОН СССР от 18.09.1925 «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.php?id=1944&page=1>.

²⁶ Там же.

²⁷ История 132-го стрелкового Донецкого полка (6. 41-й дивизии) 44-ой Киевской стрелковой дивизии. — Житомир, 1928. — С. 63.

²⁸ М-19774-35об.

²⁹ Из рукописи неизвестного художника, предположительно Аркадия Осиповича Гиневского (1903 — 1958) «О выставке пяти», 1940 (Л. Аронов, М. Добросердов, Л. Зевин, А. Пейсахович, А. Ржезников) // Ройтенберг О. О. «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...». Из истории художественной жизни 1925-1935 гг. — М., 2008. — С. 380.

³⁰ Лев Яковлевич Зевин (1903-1942) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://grupa5.ru/bios/zevin>.

³¹ Тренихин М. М. Указ. соч.

³² Семен Григорьевич Барер (1902-1961), адвокат. Работал в техникуме швейной промышленности. Автор книги: «Районирование швейной промышленности». М.-Л., 1932 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01009266666>. По некоторым косвенным намекам в письмах Волхонского, можно предположить, что во время войны он способствовал устройству Э. Волхонской на работу в швейную мастерскую.

³³ Георгий Оскарович Дюалим (Блуштейн, 1909-1957), фокусник, артист ГОМЭЦ. Во время войны активно участвовал в военно-шефской работе // <http://magicpedia.ru/magicians/tabid/435/articleType/ArticleView/articleId/83/--1909-1957.aspx>. Волхонский встретился с ним на фронте, а в письме жене объяснил, что это приятель, т. е. знакомство это было не столь близким, чтобы о нем знала жена. Поскольку Дюалим был фокусником, возникает большой соблазн рассмотреть версию, что с Волхонским его познакомил М. Кунин.

³⁴ См.: Александр Георгиевич Ромм // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.evitebsk.com/wiki/%D0%A0%D0%BE%D0%BC%D0%BC,_%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80_%D0%93%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.

³⁵ Воспоминания Г. Я. Юдина. Записала Алла Никитина // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chagal-vitebsk.cjv/node/297>.

³⁶ ЗЕВИН, ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ (1904, ВИТЕБСК — 1942) СОВЕТСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ И ГРАФИК //

[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/lidiasmirnova/post414549423>.

³⁷ Цекотов Н. Группа пяти // Творчество. — 1940. — № 12. Цит. по: Давыдова О. Указ. соч.

³⁸ См., например: 372-я стрелковая дивизия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/601112#.D0.A1.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.B2; 372-я стрелковая дивизия // \[Электронный ресурс\]. — Режим доступа: http://sibvo1941-1945.ru/372-%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F/](https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/601112#.D0.A1.D0.BE.D1.81.D1.82.D0.B0.D0.B2; 372-я стрелковая дивизия // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sibvo1941-1945.ru/372-%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%8F/) и др.

³⁹ 12 дек. 1942 г. НА МИХМ. М.-19774-154об.

⁴⁰ 1238-й самоходно-артиллерийский полк // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/?last_name=%D0%92%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&first_name=%D0%90%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B8%D0%BC&middle_name=%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87&date_birth=1902&adv_search=y&group=all&types=pamyat_commander:nagrody_nagrad_doc:nagrody_uchet_kartoteka:nagrody_ubilein_kartoteka:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_utochenie_potery:potery_spiski_zahoroneniy:potery_voennoplen:potery_iskluchenie_iz_spiskov:potery_kartoteki:potery_vpp&page=1.

«ИНОЙ ЗА БУКВОЙ ВИДИТ ЖИЗНЬ...»

(ДНЕВНИК М. В. МЕЛЬНИКОВА В СОБРАНИИ МИХМ)

«Иной за буквой видит жизнь / А этот в жизни видит букву». Афоризм принадлежит А. И. Безыменскому (1898-1973) — поэту и журналисту. Взят он из дневника М. В. Мельникова¹.

О Михаиле Васильевиче Мельникове сведений не так уж и много. Известно, что он принадлежал к старообрядцам. Дом его располагался на Троицкой улице (ныне — Плеханова). В оценочной книге 1915 года значится деревянный дом и флигель с деревянными дворовыми постройками. В середине 1923 года Михаил Васильевич продал дом Елене Михайловне Мельниковой (скорее всего, это его дочь). Далее недвижимостью уже распоряжается Елена Михайловна, продавая и выкупая части дома, флигель и т. д. Последняя запись сделана в 1953 году, когда Е. М. Мельникова дарит половину из своих 5/9 частей дома по ул. Плеханова, 21 Николаю Ивановичу Жедыреву². М. В. Мельников в документах значится то мещанином, то купцом. Но эти факты вполне объяснимы. Состав купеческого сословия был довольно подвижен. Купцы, не уплатившие ежегодных гильдейских пошлин, выбывали в сословие мещан, а мещане могли перейти в купечество. В 1889 году Михаилом Васильевичем было основано сенопрессовальное заведение, которое благополучно существовало и в 1911 году. Кроме того, в начале XX века он арендовал лавку в Москве для торговли. Занимался общественной деятельностью: в 1911 году был гласным в городской думе. На досуге любил почитать и собирал домашнюю библиотеку. Еще увлекался наблюдениями за погодой, а результаты наблюдений фиксировал в своем дневнике. Сегодня дневник Мельникова хранится в коллекции редкой рукописной книги нашего музея.

Документ, о котором идет речь в данной статье, довольно необычен.

Это приходно-расходная книга размером 35x22,5x4 см. Состоит из трех частей. Первая — листы с 1 по 99 — собственно приходно-расходная книга Спасской лавки в Москве за 1905-1906, 1912-1918 и 1920 годы. Название «Спасская Лавка В Москве Михаила Васильевича Мель-

никова 1905 г.» написано рукой автора дневника. Есть пометы зеленым карандашом, сделанные в 1947 году музейным библиотекарем К. Деевой. Октябрем 1920 года записи приходно-расходной книги заканчиваются, начинается дневник. Дата «1923 год» написана рукой Мельникова. Название «Дневник М. В. Мельникова» написано другой рукой. Есть пометы 1947 года зеленым карандашом. На 123-х листах идут заметки с 1 января 1923 года по март 1927 года включительно. Следующая часть — «Дневник Михаила Васильевича Мельникова 1927 год по 1935». Название написано той же рукой, что и название второй части. 213 листов содержат сведения с апреля 1927 года. Последняя запись о кончине М. В. Мельникова 13 апреля 1935 года сделана кем-то из его детей. Есть еще две тетради в линейку. Это тоже дневник за 1923 год. Записи идентичны сведениям того же периода из приходно-расходной книги. Вероятно, сначала велась тетрадка, а потом данные переписывали. Было еще приложение, об этом упоминается в самом дневнике. Возможно, там содержалась более подробная информация или раскрывалось отношение автора к происходящим событиям. Скорее всего, записи о погоде велись регулярно на протяжении многих десятилетий. В дневник вложен лист плотной бумаги. На нем рукописная сводная таблица осадков за период 1886-1895 гг. К сожалению, самого дневника за конец XIX века и приложения к более позднему варианту в музее нет. Ссылки на рукопись в статье оформлены следующим образом. На сведения из первой части, т. е. приходно-расходной книги: Дневник М. В. Мельникова. Ч. 1. Приходно-расходная книга. На сведения из второй части: Дневник М. В. Мельникова. Ч. 2. Январь 1923 — март 1927 гг. На сведения из третьей части: Дневник М. В. Мельникова. Ч. 3. Апрель 1927 — апрель 1935 гг.

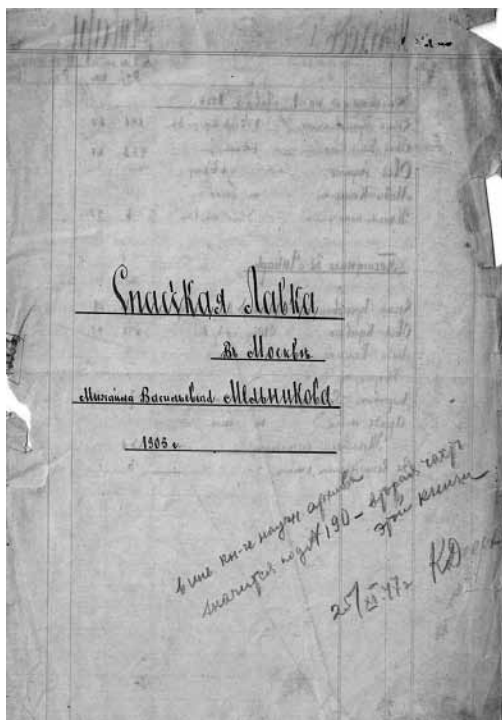
С одной стороны, рукопись — это деловой документ, с другой — дневник погоды. Но кроме записей о природных явлениях, встреча-

ются сведения о повседневной жизни конкретного человека в небольшом провинциальном городе. Попробуем за скупыми строчками, «за буквами» увидеть эту жизнь.

Начнем с приходно-расходной книги. Сведения аккуратно вносятся каллиграфическим почерком. Торговля шла, вероятно, не первый год, т. к. сначала идут отметки, сколько всего товара и на какую сумму состояло на 1 января 1905 года. Торговали пресованным сеном, овсом, колесной мазью и «кульями порожними». Продавали и в кредит, строго следя за ежемесячной отчетностью:

сколько продано в кредит, сколько получено долгов. Так же аккуратно записывались и прочие траты: торговые расходы, различные сборы и т. д. Для работы в лавке нанимали служащего с жалованием тридцать рублей в месяц в 1905 и сорок два в месяц в 1906 годах. Лавка бралась в аренду за пятьдесят рублей в месяц, девять рублей ежемесячно вносилось за съем квартиры. Но, видимо, в 1906 году дела пошли не очень хорошо, т. к. лавка работала всего несколько месяцев.

Следующие записи начинаются с 1912 года. К товарам добавилась еще солома. Торговля благополучно шла вплоть до середины 1918 года, т. е. и всю Первую мировую войну, и во время революционных событий, и в начале гражданской войны. За 1916 год есть данные об аренде лавки, жаловании служащим, квартирных расходах и т. п.³ Есть даже новинка технического прогресса — телефон. Он обошелся в сто четырнадцать рублей семьдесят копеек. Прибыль от оборотов в 1916 году составила 7617 рублей 67 копеек. Расходов произведено на 2660 рублей 89 копеек. Таким образом, «чистых прибылей» получено 4956 рублей 85 копеек. Очень доходное дело, учитывая, что за аренду лавки ушло 540 рублей, на жалование служащим — 1400 рублей, квартир-

Ил. 1. Дневник М. В. Мельникова. Ч. 1. Титульный лист

ные обошлись в 160 рублей. Июлем 1918 года хорошая жизнь заканчивается.

Далее идут сведения за 1920 год с мая по октябрь. Ассортимент товаров поменялся. Теперь торгуют галантереей, книгами, посудой и продуктами. Для каждого вида товара выделена отдельная страница. Стоит отметить, что записи ведутся не так аккуратно. При торговле чутко ориентируются на покупательский спрос, поэтому некоторые продажи буквально единичны. Например, мыла за весь период было продано всего два куска. По разу в месяц (в июне, августе, сентябре) брали в лавке

мел. Понадобились покупателю грабли? За июнь, июль, сентябрь продали шестнадцать штук. Книжки продают поштучно, не записывая названия: «1 кн(ига) — 60 рублей»; «6 кн(иг) — 340 рублей»⁴. Скорее всего, торговля в 1920 году шла в Муроме, т. к. в записях встречаются фамилии жителей города. Например, в графе «Продажа соли» есть приписка: «Поступило Первовым 7 пуд(ов) 3 ф(унта)»⁵. В графе «Продажа разных вещей» можно найти записи: «Киселев: чайник медный — 4000 (рублей)» или «Пояс Шестакова — 700 (рублей)»⁶. Речь, видимо, идет о торговле поддержанными вещами. В этой графе товары, действительно, очень разные. Одна пара шнурков соседствует с одним куском шпалеры. Рядом с фуражкой старой есть запись о продаже одной катушки ниток. Причем, и фуражка, и нитки стоят одинаково — пятьсот рублей. Восемнадцатого мая продали «семя огуречного» на четыреста рублей, а двадцать второго мая — икону за триста рублей. Кто-то приобрел один болт за сорок рублей, кто-то — шину за полторы тысячи. Кому-то понадобился фунт лука за сто рублей, а кому-то — полфунта меда за тысячу рублей. Из продуктов торгуют молоком, «хлебом печеным», солью, яйцами, «селедками», солью и даже «ландрином».

В сезон продают яблоки и ягоды. Это также говорит в пользу версии о торговле в этот период в Муроме. Вряд ли было бы целесообразно тратить время на перевозку скоропортящихся товаров (яйца, молоко и ягоды) для продажи в Москву. Закупать продукты в столице и перепродавать их тоже невыгодно: дополнительные расходы на аренду лавки, съем квартиры и т. д. Октябрем 1920 года приходно-расходная книга заканчивается. Скорее всего, торговлю пришлось свернуть.

Следующая часть — уже дневник. Почерк тот же, что и в приходно-расходной книге. Хотя страна уже несколько лет живет по григорианскому календарю, Михаил Васильевич ведет летоисчисление по старому стилю, иногда в скобках указывая число по-новому. Всегда отмечает день недели. Ежедневно фиксируются Мельниковым природные явления. Есть совсем короткие записи из одной строки или даже одного слова. Например: «Хорошая погода» (от 25 мая 1924 года)⁷ или «Жара» (от 14 июня 1926 года)⁸. Есть очень подробно расписанные метеорологические наблюдения. Например: «Утро: ясное и морозное, 12° холода. Днем: отличная морозная погода 10° холода, тихо. Вечер: 10° холода. Ясно, тихо. Бар(ометр) 76,5» (от 5 марта 1928 года)⁹. Встречаются даже поэтические обороты в описании: «Погода облачная с налетающим снежным бураном» (от 8 марта 1923 года)¹⁰; «утро туманное, тихо» (от 27 июля 1923 года)¹¹; «вечер: лунный светлый тихо» (от 14 октября 1933 года)¹². Иногда в конце месяца или сезона подводятся краткие итоги. «За декабрь месяц холодов более 18 градусов не было, стояла хорошая погода» (1923 год)¹³. «Лето замечательно отсутствием гроз» (1924)¹⁴. Отмечается, насколько поднялся уровень воды в половодье. Сначала измерения ведутся в аршинах и вершках, а с 1928 года — в метрах и сантиметрах. Делаются пометы о первой в году грозе или о каких-то необычных и запомнившихся

природных явлениях. «Сильная обледина. Деревья были все во льду, много деревьев сломало, много повалило телеграфных столбов, порвало провода» (от 18 марта 1930 года)¹⁵. «Прибыльной воды состояло 662 сантиметра. Такой малой воды не запомнят старожилы, луга были затоплены самые низкие места» (от 26 марта 1930 года)¹⁶. Вот заметка от 26 июля 1932 года: «Жара, сушь, мгла»¹⁷. Из записей за следующие дни узнаем причину мглы — горят торфяные болота.

Постоянно отслеживает возвращение перелетных птиц: грачей, скворцов, жаворонков, мартышек¹⁸.

Ценность дневника увеличивается тем, что кроме сведений о погоде иногда встречаются другие записи. Их можно разделить на пять групп:

- записи бытового характера, касающиеся М. В. Мельникова;
- сведения, освещающие различные стороны жизни города;
- чрезвычайные и криминальные происшествия;
- события общегосударственного и мирового масштаба;
- «лирические отступления».

Первая группа записей содержит материал о повседневной жизни автора дневника, о тех проблемах, с которыми ему приходится сталкиваться. Семья Мельниковых держала двух коров: Беляшку и Бурку. В своем дневнике Михаил

Васильевич всегда отмечал, когда коров отправили в луга за реку и когда их забрали назад, когда появились телята. Иногда даже кличка быка указывается. «Корова Беляшка отелилась телочкой Чернашкой в 7 час(ов) вечера» (от 28 февраля 1924 года)¹⁹; «Корова Бурка крыта. Бык Красавчик» (от 29 марта 1928 года)²⁰. В сентябре 1928 г. с Беляшкой пришлось расстаться: она была продана Николаю Абрамовичу Золугину в Кутарино. Педантично фиксируется Мельниковым ле-

Ил. 2. Дневник М. В. Мельникова. Ч. 2. Титульный лист

льда на реке осенью, ведь от этого зависит переправа коров за реку. Встречаются отметки о начале сенокоса и переправке сена на сушило.

За весь период, пока ведется дневник, указывается пасха, иногда делаются пометки о рождестве. Возможно, связано с тем, что дата у пасхи переходящая, а у рождества — постоянная. Но отмечает его Мельников по старому стилю, т. е. 25 декабря.

Коснулась Михаила Васильевича и конфискация имущества. Пишет он об этом скупно, вскользь. Так, 7 июня 1923 года сообщает, что отнята каменная палатка. Следует за-

метить, что новая власть не всегда только отнимала. Например, 4 декабря 1925 года семье был возвращен сенопрессовальный сарай. В 30-е годы дело дошло до ареста. Правда, пишет об этом Мельников без всякой эмоциональной окраски, как будто между делом. В воскресный день 27 марта 1933 года он сначала подробно описывает погоду, потом сухо замечает: «В 10 час(ов) вечера взят в Г. П. У.»²¹. На следующий день также сначала идет отчет о погоде, а затем стоит приписка: «В 10 час(ов) утра вышел из Г. П. У.»²². Больше никаких сведений о том, что произошло с ним за эти двенадцать часов нет; но и со стороны органов, видимо, дальнейших действий не предпринималось. Есть еще две записи о переезде семьи: 29 ноября 1929 года — в Троицкий дом, а 20 июля 1932 года — на квартиру Скворцова. Можно было предположить, что дом отобрали, но, согласно оценочной книге, жилье осталось во владении Мельниковых, хотя и не самого Михаила Васильевича.

Вторая группа записей касается общественно-политического, экономического, хозяйственного, культурно-развлекательного и даже спортивного развития Муром. Одна из первых записей от 27 января 1923 года гласит, что в 3 часа дня состоялся митинг о войне.

Важную роль в жизни города играла Ока, поэтому всегда автор дневника отмечает нача-

Ил. 3. Дневник М. В. Мельникова. Ч. 3. Титульный лист

ло навигации и становление санного пути, осуществление переправы через реку на лошадях, на лодках или пароходом с паромом. За 1923 год сохранились даже расценки на перевозку: «С воза по 1500 р(ублей), с порожняка по 1000 р(ублей), с пешехода по 25 р(ублей)».²³ Это единственные денежные расчеты не только за этот год, но и вообще за весь период ведения дневника. Для бесперебойного движения пароходов нужно следить за состоянием русла реки. Михаил Васильевич указывает, что 15 июля 1929 года землечерпалка начала работы по улуч-

шению берега. Развивалось железнодорожное строительство в городе, и 17 августа 1926 года стали прокладывать новую ветку по берегу, мимо дома Мельниковых

На глазах автора дневника идет закрытие церкви, перенесение мощей. Так, 9 мая 1923 года состоялось перенесение мощей благоверных Константина, Михаила и Федора «из Благовещенского Монастыря в музей в дом К. А. Зворыкина»²⁴. Первого февраля 1930 года с колокольни Троицкого монастыря были сняты колокола²⁵, а 21 июля того же года «в Рождественской Церкви Коммунистами уронена Колокольня»²⁶.

Музей играл большую роль в культурной жизни Муром, поэтому 16 декабря 1930 года Мельников отметил, что музей снова открыт. Видимо, об этом были более подробные сведения, т. к. есть приписка: «Смот(ри) прилож(ение)»²⁷. По каким-то причинам приложение в фонды МИХМ не поступило. Довольно скупно написано о развлечениях. 4 августа 1929 года был карнавал на Оке, а 25 октября 1927 года проходило празднование десятилетия революции. Данных о том, где и в каком формате проходило празднование, кто в этом принимал участие, нет. Надолго запомнилось жителям экстремальное по тем временам развлечение — полет на аэроплане. Он прилетел в семь часов вечера 6 июля 1927 года. На следующий день «аэроплан делал полеты с пуб-

ликой, по окончании полетов потерпел аварию, которую исправил, и улетел в Павлово в 7 ч(асов) вечера»²⁸. Судьба летчика оказалась печальной: 2 июля 1933 года в двенадцать часов ночи в Слободе «сгорел Аэроплан, сгорел летчик»²⁹.

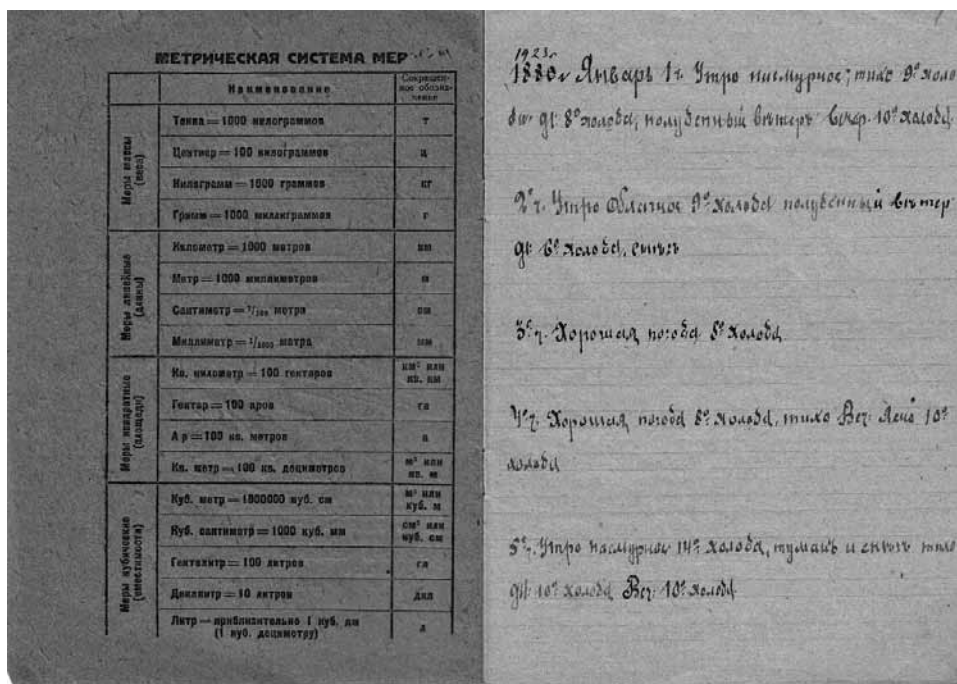
Есть у Мельникова упоминания о спортивной жизни города — 26 июля 1926 года в Муроме открыта школа плавания.

К этой же группе можно отнести записи автора дневника о жителях Мурома. Почему-то он ведет лишь скорбный список ушедших в мир иной его знакомых или известных горожан. Нет сведений о свадьбах и рождении детей. Исключение составляет одна заметка от 17 декабря 1929 года: «У Коли родился сын Борис»³⁰. Логично предположить, что Николай — родственник Мельникова, т. к. в остальных случаях он практически всегда указывает имя, отчество и фамилию жителя, иногда упоминает должность.

Третья группа записей содержит сведения о чрезвычайных и криминальных происшествиях в городе. Большое бедствие — пожары. Горят не только жилые дома и надворные постройки, но и промышленные заведения: спичечная фабрика, толевый завод, фабрика «Красный луч» и т. д. 9 августа 1932 года «в с. Липня от молнии сгорело два дома и четверо людей»³¹. Гроза с молниями приводила не только к пожару. Так, 22 июля 1925 года во время грозы ударом молнии был оглу-

шен рабочий на паровой пристани. Несчастные случаи происходили и на воде. 14 апреля 1924 года — на пасху — «расшиблись о железн(одорожный) мост две гусянки с дровами»³². 26 апреля 1924 года утонули катающиеся по реке жених с невестой, а 3 июня того же года утонул матрос с перевозной пристани. Были и откровенно криминальные случаи. Например, 6 ноября 1927 года в девять часов вечера бандитами был убит на дворе своей квартиры житель города Федор Васильевич Суздальцев. А 25 октября 1928 года в шесть часов вечера была зарезана некая Анна Буровина. Случилось это в проулке у ворот дома Мельникова. Заказчиком убийства выступил муж потерпевшей. Дело вызвало широкий резонанс и разбиралось 3 декабря того же года в здании городского театра. Муж Буровиной получил 10 лет.

Четвертая группа включает в себя информацию о событиях общегосударственного и даже мирового масштаба. 8 января 1924 года (т. е. по новому стилю 21 января) автор дневника пишет о том, что в Горках близ Москвы в шесть часов пятьдесят минут вечера скончался Ленин. Через десять лет — в 1934 году — он еще раз упоминает о смерти Ленина. Правда, запись Михаил Васильевич почему-то сделал 29 июня 1934 года. 25 мая 1927 года Мельников сообщает: «25/7-го в Варшаве убит посланник СССР Петр Лазаревич Войков /Еврей/». ³³ В этом же году

Ил. 4. Тетрадь М. В. Мельникова с записями погоды за 1923 год

15 сентября он отмечает, что США не признают советское правительство, и ссылается на источник: газету «Правда» № 210 от 15 сентября 1927 года.

Пятая группа записей условно называется «литературные отступления». Действительно, если все остальные заметки — сухая констатация фактов, связанных с какой-то конкретной жизненной ситуацией, то эти строки содержат в себе афоризмы, крылатые выражения, цитаты из книг и т. п. Например, уже упоминавшийся афоризм Безыменского. Прозвучал он в пьесе в стихах «Выстрел». Пьеса вышла в 1929 году и вызвала бурную полемику критиков в прессе. Мельников вставил афоризм в свой дневник в 1932 году, значит, Михаил Васильевич следил за литературными новинками. 11 июня 1930 года Мельников записывает: «Ослепление младенцев. Смот(ри) при(ложение)»³⁴. Возможно, он имел в виду эпизод новозаветной истории — избиение младенцев — когда по приказу царя Ирода произошло массовое убийство детей в Вифлееме. В переносном смысле выражение трактуется как необоснованная жестокость по отношению к незащищенным людям. Вероятно, в приложении к дневнику, автор расшифровывает свою запись. Можно предположить, что подобные вставки были связаны с какими-то знаковыми событиями в судьбе Мельникова или явились результатом его философских размышлений о жизни.

Следует отметить, что свой дневник Мельников ведет аккуратно, записи вносит довольно разборчивым почерком. При письме придерживается старой дореволюционной орфографии, не всегда соблюдает пунктуацию, некоторые слова пишет с большой буквы (названия птиц, отдельные глаголы и т. п.). Дома называет по фамилии владельцев, вероятно, уже бывших, улицы упорно именуется привычными старыми названиями. Записи в дневнике идут практически без пропусков. Только в период с сентября по ноябрь 1934 года появляется много лакун. На основании дневниковых записей Михаил Васильевич представляется человеком образованным, начитанным, внимательным, педантичным. Он в курсе литературных новинок, изучает свежую прессу, следит за событиями не только в своем городе, но и в стране и за рубежом, имеет свое мнение, хотя крайне острожен в записях.

При чтении дневника может сложиться мнение, что жизнь в небольшом провинциальном городке в этот период течет довольно однообразно, размеренно и даже в погодных явлениях больше движения: грозы, метели, ветра. Но впечатление это обманчиво. За скупыми строками можно проследить не только повседневную неофициальную жизнь конкретного человека, но и города в целом.

¹ Дневник М. В. Мельникова. МИХМ, М-2244.

² Оценочная книга. — Т. 1. — С. 106.

³ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 1. Приходно-расходная книга. — Л. 54об.

⁴ Там же. — Л. 96об.

⁵ Там же. — Л. 80.

⁶ Там же. — Л. 77.

⁷ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 2. Январь 1923 — март 1927 гг. — Л. 39об.

⁸ Там же. — Л. 99об.

⁹ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. Апрель 1927 — апрель 1935 гг. — Л. 28.

¹⁰ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 2. — Л. 5об.

¹¹ Там же. — Л. 15.

¹² Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. — Л. 156.

¹³ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 2. — Л. 28об.

¹⁴ Там же. — Л. 47об.

¹⁵ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. — Л. 85об.

¹⁶ Там же. — Л. 86.

¹⁷ Там же. — Л. 145.

¹⁸ Мартышка — народное название водоплавающей птицы семейства чаек, обитающей по берегам водоемов и питающейся рыбой; крачка, мартын. См.: Толковый словарь Ефремовой // [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/184368/%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B%D1%88%D0%BA%D0%B0>.

¹⁹ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 2. — Л. 32об.

²⁰ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. — Л. 30.

²¹ Там же. — Л. 161об.

²² Там же.

²³ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 2. — Л. 25.

²⁴ Там же. — Л. 9об.

²⁵ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. — Л. 82об.

²⁶ Там же. — Л. 94об.

²⁷ Там же. — Л. 104.

²⁸ Там же. — Л. 8об.

²⁹ Там же. — Л. 168об.

³⁰ Там же. — Л. 79.

³¹ Там же. — Л. 146.

³² Гусьяна или гусьянка — грузовое судно (барка), предназначенное для перевозки различных грузов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%83%D1%81%D1%8F%D0%BD%D0%B0>.

³³ Дневник М. В. Мельникова. — Ч. 3. — Л. 5об.

³⁴ Там же. — Л. 91об.

АТРИБУЦИЯ ОРУЖИЯ И ДОСПЕХОВ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИХМ

В 1924 году в Муромский музей поступил комплекс оружия и доспехов от Ивана Семеновича Куликова, известного русского художника родом из Мурома. Именно от него, наряду с А. Ф. Жадиным, Н. Г. Добрынкиным и ВЧК, в музей поступили первые экземпляры оружия¹. Одну из частей своей коллекции, которую он собирал тринадцать лет, художник продает музею за 335 руб. В числе переданных предметов было четыре единицы экзотического вооружения.

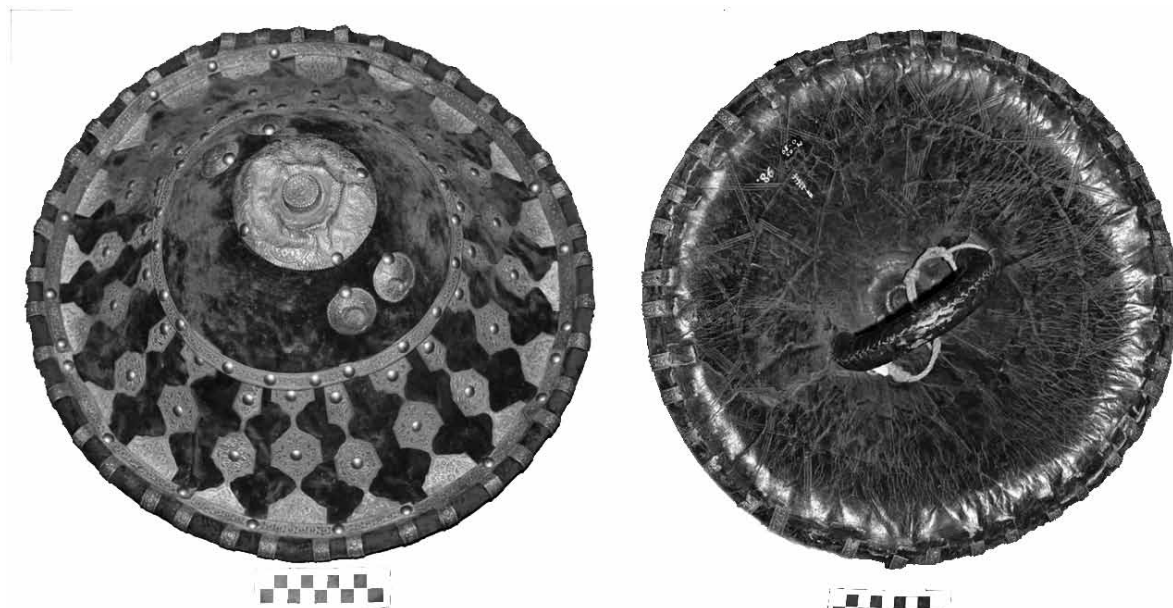
Два из этих предметов под номерами М-65 О 90 и М-66 О 89 в описи коллекции «Оружия» определяются как просто щиты, дается их внешнее описание и датировка — XIX в. О времени, месте создания, принадлежности, социальной и этнической среде бытования сведений не приведено.

Согласно этому достаточно краткому описанию, М-65 О 90 — щит оборонительный круглый, диаметром 47 см, борт отогнут, средник неправильной сферической формы (Ил. 1). Покрыт лиловым бархатом, украшен чеканными дробницами белого металла, закрепленными гвоздями с деко-

ративными шляпками. Внутри щит оклеен кожей, снабжен скобой для руки. Датируется XIX в.².

Это описание требует некоторых уточнений. Щит глубоковыпуклый, покрыт густым фиолетовым бархатом, укрепленным мелкотисненными орнаментальными бляшками белого металла. В центре широкий круглый умбон с четырьмя умбончиками по сторонам. Декоративные металлические детали щита закреплены клепками. Обратная сторона имеет большой округлый ухват для руки. Кожаная отделка темно-фиолетового цвета в тон лицевой стороны щита.

Подобные щиты бытовали в Восточной Африке в племенах маконен, уолди, дарги, у народностей оромо и амхар. Они подразделялись на два типа: боевые и ритуальные. Ритуальными вместо ордена или медали награждались вельможи и воины, отличившиеся в битве. Наградить таким щитом мог негус (феодальный правитель крупной провинции Эфиопии — «император») или рас (высший после негуса феодальный титул — «князь»). Щит от раса, кроме бархата, украшался серебром, от негуса — золотом. Он был знаком

Ил. 1. Абиссинский кожаный щит «гаша» кон. XIX — нач. XX вв. МИХМ. Материал, техника: кожа, дерево, бархат, серебро; ковка, чеканка. Диаметр 45 см

Ил. 2. Фото знати Восточной Африки с парадными щитами типа «гаша» кон. XIX — нач. XX вв.

статуса, с ним участвовали в строевом смотре или параде, в церемониях при абиссинском императорском дворе. Специальный ашкер носил его всюду перед награжденным. На такие щиты шла кожа бегемота, а, поскольку она очень плотная, труднее поддается выделке, на их изготовление уходило больше времени, что удорожало стоимость. Такими же щитами пользовались вожди племен, военачальники и вельможи³ (Ил. 2).

Таким образом, щит М-65 О 90 из собрания МИХМ можно атрибутировать как абиссинский наградной от раса кожаный щит гашан (гаша)⁴ конца XIX в.

Следующий щит М-66 О 89 по описанию в КП — оборонительный круглый из толстой сыромятной кожи, борт приподнят, средник вы-

пуклый, лицевая сторона украшена тиснением геометрического характера, внутренняя сторона со скобой для руки (Ø55см)⁵. Следует добавить, что кожа светлая, предположительно буйволиная; выпуклость щита средняя, орнамент занимает всю лицевую сторону; внутренняя сторона без орнамента; большой округлый ухват для руки расположен по центру (Ил. 3).

Такие боевые щиты характерны для сомалийских племен. В зависимости от рода войск различаются по размерам: щит пехотинца был в диаметре от 65 см до 100 см, кавалериста — 50-60 см. Небольшой диаметр сомалийских щитов связан с тактикой ведения боя⁶ (Ил. 4). Боевые щиты других африканских племен были больших размеров. У зулусов, например, достигал высоты

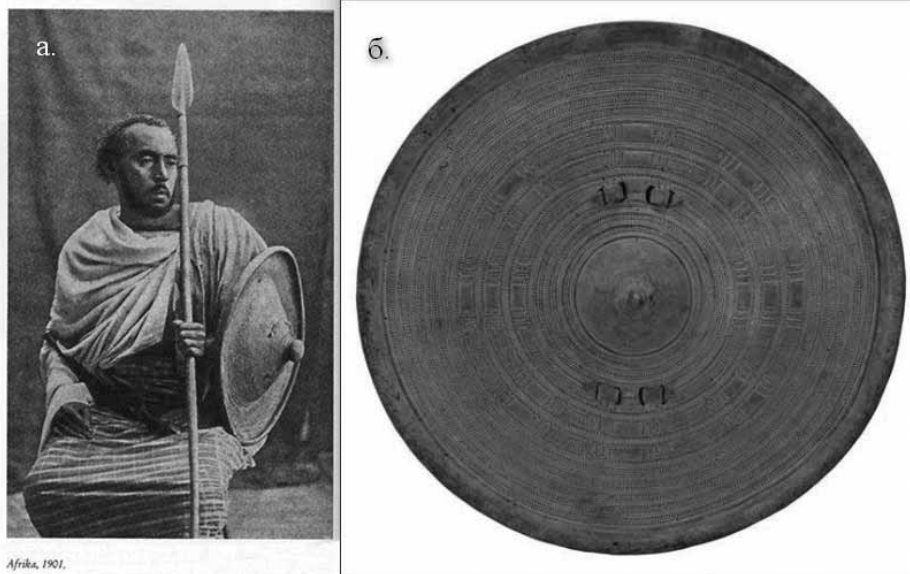

Ил. 3. Сомалийский боевой кавалерийский щит кон. XIX в. МИХМ. Материал, техника: кожа дерево; тиснение на коже, дубление. Диаметр 55 см

150, а ширины — 60 см. По оценке немецкого этнографа Ф. Ратцеля, щиты, сделанные из толстой и твердой кожи буйвола, невозможно было прострелить обыкновенной свинцовой пулей из гладкоствольного охотничьего ружья, поэтому приходилось стрелять картечью из рубленого железного прута.

Щит М-66 0-89 из собрания МИХМ атрибутируется как сомалийский боевой кавалерийский щит конца XIX в.

М 69/1-2 О 93-94 в коллекционной описи МИХМ именуется полусаблей восточной работы XVII-XVIII в. О времени, месте создания, принадлежности, социальной и этнической среде бытования сведений не приведено. В КП добавлено, что клинок стальной, сильной кривизны, однодольный, обоюдоострый. Рукоять новодельная, роговая. Деревянные ножны обтянуты кожей, декорированы тремя обоймицами с гравировкой и наконечником малинового

Ил. 4. А) Эфиопский воин со щитом и копьем (фото нач. XX в.); Б) Сомалийский боевой щит нач. XX в. (Королевский музей Центральной Африки, Бельгия)

бархата⁷. Уточняя, следует отметить, что клинок серповидный, плоский; рукоять комбинированная из кости и дерева; ножны кожаные, гравировка обоймиц в виде растительного орнамента; длина клинка с рукоятью 67 см, длина клинка 57,5 см, длина ножен 53,5 см (Ил. 5).

Вид оружия подходит под описание древнего абиссинского оружия шотель, которое использовалось примерно с VIII века н. э. Эфиопские, или, точнее сказать, абиссинские мечи мастерами-изготовителями не клеймились. Клейма, которые на них

можно увидеть, принадлежали заказчикам. Сами эфиопы все свое клинковое оружие называют одним словом — гураде. Не важно, какой оно формы, — сабля, меч. Название шотель абиссинскому мечу дали французы (от старофр. *chastel* — замок, крепость). Шотель — дулезвийная сабля с оригинальной рукоятью, которую можно держать двумя способами: как обычную европейско-азиатскую саблю и как серп — изгибом клинка внутрь. Шотели затачивались с обеих сторон и предназначались, в пер-

Ил. 5. Сабля «шотель». Абиссиния (Эфиопия) XIX в. МИХМ. А) Фрагмент декоративных обоймиц на сабле «шотель»; Б) Фрагмент рукояти сабли «шотель». Материал, техника: сталь, кость, рог, кожа, бархат; ковка, гравировка. Длина клинка с рукоятью 67 см

Ил. 6. А) Сабля «шотель» XIX в. (Национальный музей Эфиопии); Б) Африканские воины, вооруженные саблями «шотель», копьем и боевым щитом (фото нач. XX в.)

вую очередь, для поражения противника в забронированном пространстве, т. е. за щитом (Ил. 6). Благодаря форме, удары шотеля было трудно парировать другим мечом или щитом, т. к. шотель обходил их своими изгибами. Длина, ширина, степень изгиба клинка, равно как и масса, были различными. Каждый воин заказывал оружие по своему вкусу. Бой на шотелях совершенно не похож на рубяще-колющую технику европейского фехтования, воины подпрыгивают и подныривают, отскакивают, кружась, со своими длинными кривыми мечами, описывавшими угловатые траектории. Вместо того, чтобы пытаться прорубить щит, они цепляются друг друга острием своих мечей⁸. Таким образом, М 69/1-2 О 93-94 из собрания МИХМ можно атрибутировать как саблю «шотель», Эфиопия (Абиссиния) и отнести к концу XIX в.

М-28/1-2 в описи коллекции «Оружия» значится как кинжал кавказский

в ножнах и датируется XIX в. (Ил. 7). По описанию КП (М-28/1-2 О 47-48) это «клинок стальной, кривой, ассиметричный, обоюдоострый, черен косяной с шестью декоративными гвоздями-кнопками. Головка цветного металла, коническая. Ножны кожаные»⁹. Для уточнения: клинок листовидной формы, изогнутый. Рукоять деревянная с латунной головкой, украшена шестью декоративными гвоздями. Ножны из кожи домашнего животного (буйволиной). Длина клинка с рукоятью 51, клинка — 38,6, ножен — 35 см.

Атрибуция кинжала в описи как кавказского вызывает большие сомнения, т. к. не соответствует ни по одному из классических критериев кавказского кинжала типа кама и бебут, форме клинка, декору и ножнам. Исходя из описания и изображения, более вероятно, что это кинжал-афар, клинок военно-бытового назначения кочевого племени афаров. Существовал он в двух вариантах — мужском и женском. Женские кинжалы, ставшие частью национального костюма, были меньшего, чем мужские, размера, с более нарядными ножнами. Мужская разновидность, как правило, имеет длину 45-65 см, носится на правой стороне, с небольшим смещением в сторону пупка. Обнажается правой рукой, мгновенно образуя защиту (Ил. 8). Традиционная эфиопская ручка сделана из африканского черного дерева. Африканцы с древности верят, что, если сделать из него оружие, то оно станет опасным для демо-

Ил. 7. Кинжал «афар» в ножнах. Абиссиния (Эфиопия) кон. XIX в. МИХМ. Материал, техника: сталь, латунь, дерево, кожа; ковка. Длина с рукоятью 67 см

Ил. 8. А) Представитель племени афаров с одноименным кинжалом; Б) Женский вариант кинжала «афар» с декоративно украшенными ножнами. (Национальный музей Эфиопии); В) Мужской вариант кинжала «афар» (Национальный музей Эфиопии)

нов. Удобная ручка позволяет работать запястьем, очень быстро и болезненно наносить неожиданные уколы в незащищенные места; со временем выработалась специальная техника боя¹⁰. Следуя вышеизложенному можно сказать, что в коллекции оружия МИХМ находится мужской вариант гили афара, конца XIX в., Абиссиния (Эфиопия).

Краткий обзор с отдельно выделенными предметами коллекции оружия и снаряжения, конечно, не охватывает всех деталей. Согласно актам поступления в музей, И. С. Куликов не оставил информации, где и как были приобретены эти предметы. Однако благодаря данному исследованию предметы приобрели четкое социально-этническое направление, историю бытования, правильное наименование и датировку.

¹ См.: Мохова А. С. Смертельная красота. Обзор коллекции оружия и снаряжения из фондов Муромского музея // Сообщения Муромского музея 2016. – Владимир, 2017. – С. 82-93.

² См.: КП (МИХМ) М-65 О 90. Цит.

³ Африканские щиты: боевые, ритуальные, охотничьи // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.https:smolbatle.ru.

⁴ Слово «гаша» (gasha) в переводе с амхарского – обильный, изобильный.

⁵ См.: КП (МИХМ) М-66 О 89. Цит.

⁶ Африканские щиты...

⁷ См.: КП (МИХМ) М 69/1-2 О 93-94. Полусабля восточной работы.

⁸ Бертон Р. Ф. Книга мечей. Холодное оружие сквозь тысячелетие. – М., 2007. – С. 123-126.

⁹ См.: КП (МИХМ) М-28/1-2. Кинжал кавказский в ножнах.

¹⁰ Краснов П. Н. Казаки в Абиссинии. – М., 2011.

О. А. Сухова (Муром)

**«СОБОР» МУРОМСКИХ СВЯТЫХ:
ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ ИКОНОГРАФИИ**

Ил. 1. Собор Муромских святых. Икона. Кон. XVII в. Муромский музей

Зимой 2018-2019 года в музее им. А. Рублева проходила выставка «Церковь Небесная. Изображение Соборов святых в русской иконописи XVI – начала XX века»¹. В разделе региональных «соборов» экспонировалась известная икона конца XVII – начала XVIII в. с шестью муромскими чудотворцами. На ней по сторонам от храма, показанного за стенами крепости, представлены благоверные князья: Константин, Михаил, Феодор (†XII в.?), Петр, Феврония (†1227/28 г.?) и праведная Иулиания Лазаревская (†1604 г.). Не раз опубликован и другой образ из коллекции Муромского музея, близкий ей по времени и иконографии, но имеющий свои особенности в изображении. Любопытным стало недавнее рас-

крытие и реставрация третьей иконы из московского частного собрания, где совмещены иконографические нюансы первой и второй. Выявление последнего произведения еще более утверждает наше предположение, что написание таких однотипных и небольших по размеру икон «собора» местных чудотворцев к концу XVII в. было налажено в самом Муроме. Писали их и для нужд местных жителей, и для раздачи паломникам².

Очевидно, данный состав группового образа местных святых сложился только во второй половине XVII столетия. Самое раннее из известных изображений шестерых защитников города зафиксировано в среднике масштабной иконы «Муромские чудотворцы, с житием Петра

и Февронии» 1669 г., которой посвящено монографическое издание (2019)³. На памятниках середины XVII в., и даже — 1660-х годов, предстают пятеро муромских князей. По преданию они были правителями Муромского княжества еще до владычества на Руси Золотой орды. Легендарный креститель Муромы Константин с сыновьями Михаилом и Феодором и благоверные супруги Петр и Феврония были канонизированы одновременно на Церковном соборе 1547 года.

Праведная мирянка Иулиания Лазаревская (Ульяния Иустиновна Осорьина — нач. 1540-х-1604 гг.) спустя десятилетие после смерти уже чтилась, но, очевидно, как местная святая. В 1640-е годы ей уже служили молебны; к 1649 г. было письменно зафиксировано 21 чудо от ее мощей, однако в «Каноне всем святым, иже в Велицей России» (кон. 40-х гг. XVII в.) Сергия (Шелонина) ее имя не значится⁴. Присоединение образа этой подвижницы к группе благоверных князей на иконах совпадает с формированием во второй половине XVII в. объединенного цикла из местных житий и сказаний, часто помещаемых под крышкой одного рукописного т. н. «Муромского сборника».

Проблемам и источникам агиографии и иконографии, истории почитания и особенностям изображения каждого из муромских «святых семейств» посвящено большое количество работ⁵. В настоящей статье главное внимание уделяется последовательному рассмотрению ряда произведений, где представлено от пяти и более чудотворцев, связанных с Муромской землей, которые часто называют «собором». Большая часть их находится в Муроме, и подавляющее большинство хранится в собрании нашего музея. На примере этих памятников прослеживается история формирования собирательного образа местных чудотворцев, претерпевавшего различные изменения от конца XVI до первых десятилетий XXI в.

Особо стоит оговорить, что наиболее известные местные святые издавна почитаются «семьями», поэтому очень редки их единоличные изображения. Рядом со св. Константином обычно предстают его сыновья, а со св. Петром — его супруга Феврония. Известны изображения св. Иулиании с мужем и дочерью. В последние три десятилетия, в том числе нами, были опубликова-

ны ранее неизвестные памятники с их «двойными» и «тройными» образами⁶. Привлекались в исследованиях и произведения «собора» муромских святых. Такие иконы, раскрытые реставраторами, экспонировались на крупных выставках в Москве. В научный оборот также введены различные по составу соборные изображения подвижников Муромы нового письма. Однако пока не было специального исследования на тему истоков и формирования иконографии группового образа муромских святых.

В конце XX века А. Г. Мельник, организовав выставку по иконографии ростовских святых, во вступительной статье каталога сетовал на малую изученность этой темы в Ростове и на то, что «не существует развернутых исследований иконографии и каких-либо групп святых иных российских регионов»⁷. К тому времени были лишь редкие публикации и упоминания отдельных памятников с изображениями региональных святых. Вовсе единичными были те, где специально рассматривались соборные изображения, объединенные по географическому принципу.

Лакуна во многом заполнялась самим Мельником, проведшим комплексное исследование почитания ростовских святых и опубликовавшим ряд работ по их иконографии. Любопытной стала его статья о «своих» святых Коломны XVI века, где, по словам автора, «весьма загадочным представляется», что здесь в эпоху «допетровской Руси не сформировалось ни одного культа своего святого»⁸. «Своими» в этом значительном епархиальном центре считали московских чудотворцев и наиболее почитаемых в столице святых. Для сравнения: в ту же эпоху в Муроме, не бывшим центром епархии, существовал развитый культ собственных чудотворцев — пяти благоверных князей, прославленных на церковном соборе 1547 года.

Первые десятилетия XXI в. предоставили большой иконографический материал, в том числе и по региональным святым. Вышла целая серия альбомов издательства «Северный паломник», показавших собрания древнерусской живописи многих российских музеев⁹. Проходили выставки икон разных регионов; музейных и частных собраний; издавались каталоги, где встречаются публикации «соборов» святых разных мест России. Специ-

альные работы по иконографии таких произведений не так многочисленны. Помимо упомянутых ростовских исследований, они посвящены еще новгородским и московским чудотворцам. И, конечно, важным по этой теме стал совместный выставочный проект музея Рублева и Исторического музея (2018-2019)¹⁰.

Применение наименования «собор» к рассматриваемым совместным изображениям муромских святых является условным. Только в новейшее время в Русской православной церкви были учреждены особые праздники, посвященные прославлению Соборов чудотворцев по отдельным епархиям. И, хотя до этого времени уже существовали «соборные» иконы, объединяющие святых по географическому принципу, были написаны и новые, отражающие суть вновь учрежденных епархиальных торжеств. Муром, исключительно по преданиям, в древние времена будто бы был центром епархии, чему нет документальных свидетельств. В исторической реальности до конца XII в. он входил в Черниговскую епархию, с начала XIII столетия — в Муромо-Рязанскую, Рязанскую и Муромскую (епископы находились в Рязани); с 1764 г. является частью Владимирской епархии, ныне митрополии. В 2013 г. из нее была выделена Муромская и Вязниковская епархия; в Муром поставлен епископ. Однако, видимо, пока еще не настало время для учреждения своего собственного праздника Собора Муромских святых.

По-прежнему наши чудотворцы входят в Соборы Владимирских и Рязанских святых, празднования которым были установлены в 1982 и 1987 гг. — 6 июля и 23 июня (здесь и далее — по новому стилю). Соответственно, муромских чудотворцев изображают на иконах Соборов святых во Владимире и Рязани. При этом в самом Муроме с возрождением церковной жизни с благословения правящих архиереев создаются иконы местных чудотворцев, в том числе, удостоверенные надписью: «Собор Муромских святых». Состав таких образов весьма вариативен и может включать от пяти до двадцати одного подвижника. В 2013 г. во имя Муромских чудотворцев епископом Муромским и Вязниковским Нилом был освящен придел в теплом храме Муромского Благовещенского монастыря, до того посвященный «Всем

святых». Учитывая древность города и давнее почитание здешних угодников Божиих, церковные власти благословляют подобные мероприятия, несмотря на отсутствие официального празднования Собору святых Муром. По местной традиции общая память всех здешних подвижников приурочена к празднованию в честь св. благоверных князей Константина, Михаила и Феодора — 3 июня.

«Соборы» святых разных русских регионов появились во второй половине XVI столетия и получили заметное распространение с XVII в. Они складывались во всех значимых духовных центрах, «отражая общерусскую тенденцию — процесс собирания и систематизации местной святости. И свидетельствовали о том, что Русское царство находится под покровительством многочисленных заступников, а Русская церковь приносит Господу обильные духовные плоды»¹¹. Каждый образ региональных чудотворцев являлся зримой частью огромного «Собора всех святых, в земле Российской просиявших». Церковный праздник Собора русских святых появился в середине XVI в. при Московском митрополите Макарии, когда на церковных соборах 1547 и 1549 г. было канонизировано большое количество русских святых, чтимых на местах, в том числе — в Муроме.

Постепенно этот праздник был забыт; возобновлен по решению Поместного собора 1918 года; совершается во второе воскресенье после Троицы. В свою очередь, это празднование восходит к более древнему торжеству — «Собору Всех святых» (празднуется в первое воскресенье после Троицы). На иконах этот сюжет часто является частью композиции «Шестоднев», сформировавшейся на основе литургической традиции, которая связывала каждый день недели с памятью определенного священного события или лица. Центральное место обычно отводилось заключительному изображению, которое соответствовало последнему дню недели (субботе) — так называемой Субботе Всех святых¹².

Древнейшие произведения с образами муромских святых супругов Петра и Февронии, как и Константина с сыновьями Михаилом и Феодором, появились в XVI в. после их канонизации. Далеко не все они сохранились, а также выявлены к настоящему времени. Под «муромскими чудотворцами» поначалу подразумевали только две эти

семьи — пятерых благоверных князей. В рукописный «Трефолог» второй половины XVI в. составители включили обе службы этим нашим святым (РГБ. Ф. 304. Троице-Серг. Лавра. № 619. Л. 146-147 об.; 222 об.-224)¹³. Все они упоминаются в рубрике поминовения «великих и благоверных князей муромских» трех рукописных синодиков конца XVII — начала XVIII в. (МИХМ)¹⁴. Можно предположить, что эти записи перенесены из более ранних источников. В двух из них — 1695 и 1713 г., принадлежащих Муромскому Благовещенскому монастырю, после имен сыновей св. Константина включено имя его супруги княгини Ирины (МИХМ. Инв. № М-2230/16. Л. 20 об.-21; 2233/19. Л. 9 об.-10). Во втором из синодиков на полях рядом с перечислением имен как членов семьи князя Константина, так и Петра с Февронией, имеются приписки: «Иже во святых!» (Л. 9 об.-10). В синодике Муромского собора Рождества Богородицы XVII-XVIII в. таких пояснений нет, как и имени княгини Ирины (МИХМ. Инв. № М-2232/18. Л. 48 об.), ведь она почиталась в основном только в Благовещенском монастыре, где, по церковному преданию, в гробнице с мощами ее супруга и сыновей хранится и часть ее мощей. В число официально канонизированных муромских чудотворцев она не входила и, надо полагать, не могла изображаться наравне с ними в XVI-XVII в.

Памятники, где муромские святые Петр, Феврония, Константин, Михаил, Феодор, представлены в одном станковом произведении или в росписях единого архитектурного пространства, известны не ранее конца XVI — первой половины XVII в.¹⁵ Образы всех их есть в росписях Благовещенского собора в Сольвычегодске 1600 г. Они прописаны вновь, но с сохранением их исходной иконографии и надписей. Недавно расчищены участки стенописи храма Николы Надеина в Ярославле 1640 г., где в притворе присутствуют фигуры Петра и Февронии, а в приделе — Константина, Михаила и Феодора (поздняя надпись неверно маркирует их как св. Владимира с Борисом и Глебом). Все пятеро муромских князей, предположительно, изображены и на створах строгановских складней конца XVI — первой четверти XVII в., хранящихся в музейных и иных собраниях Перми, Москвы, Петербурга. На них

представлены разные группы святых, в том числе русских князей, которые обращены к иконе Богоматери Владимирской¹⁶.

Более поздний складень такого типа середины XVII в., заказчиком которого очевидно был муромец, находится в собрании Муромского музея (МИХМ. Инв. № М-5199. Спец. № 174. 40, 5x25 см.)¹⁷. В нашей коллекции он является наиболее ранним произведением, где пятеро местных чудотворцев представлены среди избранных святых. В него вложен образ Богоматери Владимирской XVI в., для которого он и предназначался. Происходит из Троицкого монастыря и создавался, по всей вероятности, в Москве, но специально для Муромы — видимо, по заказу ктитора, муромского купца Тарасия Цветнова, причисленного к московской гостиной сотне. Впервые муромские князья на створах этого складня были идентифицированы нами еще в восьмидесятые годы; подробно он был опубликован в 2004 г.¹⁸

Муромские чудотворцы на нем вписаны в своеобразный деисусный чин, центром которого является Нерукотворный образ Спасителя. Он размещен в завершении средника, где Ему предостоят Богоматерь и Иоанн Предтеча. На верхах створ — сцена Благовещения. На левой створке — в составе молящихся верхнего регистра — показаны князья Константин, Михаил и Феодор в княжеских шубах и шапках. На правой — Петр и Феврония в монашеских одеждах с куколями на голове. В нарушение традиционной иерархии деисусного чина они изображены сразу после архангелов Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла и впереди вселенских и русских святителей. Это обстоятельство связано не только с их особым почитанием в городе, но и с тем, что св. князь Константин, просветитель Муромы, воспринимался как равноапостольный правитель, уподобившийся царю Константину и князю Владимиру.

В нижнем регистре, на левой створе, представлены три вселенских святителя — Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Их изображения, часто включавшиеся в состав деисусного чина, в данном случае могли быть связаны с посвящением Трехсвятительского придела собора Троицкого монастыря. Расположенные симметрично на правой створе, образы Петра, Алексия и Ионы отражают традиционное для

позднего средневековья уподобление трех московских митрополитов трем вселенским святителям. Изображение московских чудотворцев могло быть связано с особым положением ктитора обители как «московского гостя».

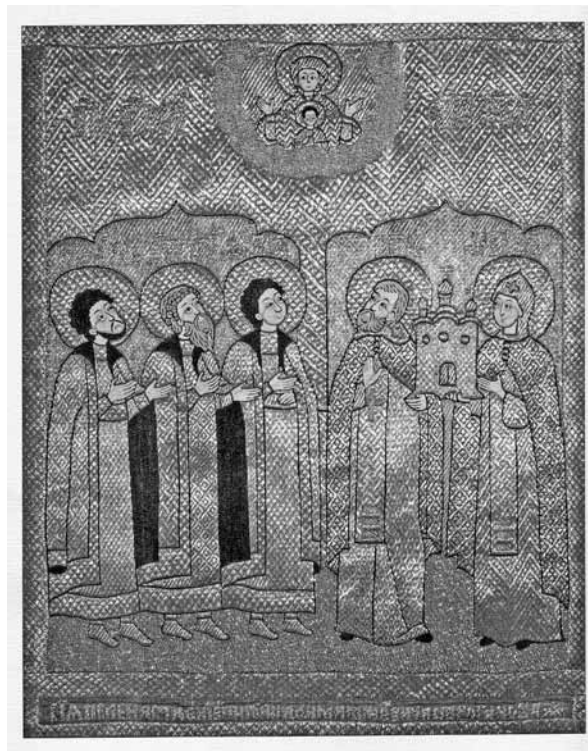
В этой связи интересно отметить, что в программе этого произведения середины XVII в. соединены муромские и московские чудотворцы, которые с другими избранными святыми предстоят в молении по сторонам от иконы Богоматери Владимирской, помещенной в кузов складня. В круге известных памятников, связанных с Муромом, это редкий случай совместного представления местных чудотворцев и столичных святителей, тогда как, например, полнее изученный круг произведений, связанных с Ростовом, дает возможность проследить эволюцию совместных изображений московских и ростовских святых XV-XVII в.¹⁹

Те же пятеро муромских князей в молении перед другим богородичным образом написаны на полях иконы «Богоматерь Знамение» второй половины XVII в. из храма Николы Мокрого (МИХМ. Инв. № М-6763. 32x28 см)²⁰. Особенностью иконографии является то, что княжичи Михаил и Феодор показаны не подле св. Константина, а св. Феврония не рядом со св. Петром, как на складне. Фигуры их расположены ниже, что обусловлено размещением на узких полях доски. В данном произведении, очевидно созданном в самом Муроме, представлены исключительно свои чудотворцы. Примечательно, что здесь св. Константин — креститель Мурома, представлен в княжеской короне по аналогии с образом крестителя Руси св. князя Владимира.

Икону «Богоматерь Знамение» середины XII в. (Софийский собор в Новгороде. 59x52,7 см), по сказанию защитившую новгородцев в 1169/70 г., на Руси наделяли особенной охранительной силой. На полях новгородской чудотворной, поновленной в XVI в., изображены ростовские фигуры св. Георгия, Иакова Перского, Петра Афонского и Онуфрия (Макария Египетского)²¹. Вместо них муромский иконописец XVII столетия для усиления защиты в родном городе на молебном образе — уменьшенном списке с новгородской святыни, приписал местных покровителей — Константина с сыновьями и Петра с Февронией.

Именно к «Богоматери Знамение» в сегменте неба молитвенно обращены все эти же чудотворцы на пелене «Святые Муромские князья», шитой в 1660-е г. в мастерской А. И. Строгановой (СИХМ. Инв. 587-п. 39, 5x31)²². Все они, кроме Февронии, показаны с непокрытой головой. Св. Константин, Михаил и Феодор предстают слева в одинаковых молитвенных позах. Св. Петр и Феврония поддерживают модель храма (этот атрибут не встречается в других памятниках их иконографии). В отличие от рассмотренных выше произведений, где наши чудотворцы включены в общую композицию или являются дополнением к основному образу, изображение пяти муромских благоверных князей на пелене Строгановых уже можно рассматривать как самостоятельное и «соборное».

Произведение входит в целую серию шитых пелен, вложенных Г. Д. Строгановым в Благовещенский собор Сольвычегодска. Они подвешивались в праздники под соответствующие пядничные иконы. В ней выделяются композиции с различными группами региональных святых, представленных в одном ряду, изображенные впрямь. Иначе показаны только муромские и кие-

Ил. 2. Святые Муромские князья. Пелена. 1660-е гг. Сольвычегодский музей

во-черниговские чудотворцы. На пелене «Святые Киевские и Черниговские князья» их фигуры, как и в изображении муромских, расположены с двух сторон и развернуты к центру, молитвенно предстоя образу Богоматери Знамения²³.

Можно заключить, что муромских святых хорошо знали в строгановских землях и почитали наравне с самыми известными русскими князьями — Владимиром, Борисом и Глебом, с которыми в агиографических и служебных текстах постоянно сравнивают Константина Муромского с чадами. В сферу интересов семьи Строгановых, очевидно, входил и Муром. По крайней мере в писцовом документе 1623/24 г., зафиксирован «кабак под горою у Оки реки во осыпи, где бывал соляной анбар Максима (Яковлевича. — О. С.) Строганова»²⁴ (1557-1624) — двоюродного деда Григория Дмитриевича Строганова (1656-1715). Получается, что еще в отроческом возрасте Григорий приложил в Благовещенский собор Сольвычегодска серию пелен, шитых в мастерской его матушки, в том числе — с образами муромских чудотворцев.

Важные изменения в формировании соборного состава местных святых наблюдаются в среднике иконы «Муромские чудотворцы, с житием Петра и Февронии» 1669 г. (МИХМ. Инв. № М-6643/И-43. 127,2 x 130 см)²⁵. Происходит она из Георгиевской церкви в Муроме, «в Кожевниках», куда была приложена

здешним посадским человеком Сидором Лопатиным — строителем этого храма. В настоящее время это первый по времени и точно датированный памятник, где к группе из пяти благоверных муромских князей присоединена местная святая Иулиания Лазаревская.

Образ праведной дворянки, размещенной подле пары супругов Петра и Февронии, уравновесил правую часть композиции с левой, где представлены трое князей. В основных чертах здесь показан тот же «соборный» тип иконографии муромских святых, что и на пелене Строгановых: молящиеся чудотворцы с двух сторон обращены к «Богоматери Знамение» в сегменте неба. Помимо частого включения данного богородичного образа на иконах подобного типа в XVI-XVII в., в муромском случае могло отразиться и присутствие «Богоматери Знамения» на покрове Петра и Февронии 1593 г. — одной из городских святынь.

Однако в некоторых чертах изображение муромских святых в среднике иконы 1669 г. неповторимо — как в ряду более ранних, так и более поздних групповых изображений местных подвижников. Например, фигуры князей Константина и Петра — почти вдвое выше остальных, что популярно можно было бы объяснить предпочтениями муромского посада, где таким способом могли подчеркнуть иерархическое превосходство

Ил. 3. Собор Муромских чудотворцев. Средник иконы 1669 г. Муромский музей

старших князей над княжичами и женщинами. На самом деле ведь должен быть источник именно такой иконографии. Тройное изображение святых Константина с сыновьями является наиболее характерным, восходящим, в первую очередь, к триаде святых князей Владимира с Борисом и Глебом. Однако Креститель Руси не изображается столь превосходящим по росту своих сыновей²⁶. В этом муромском произведении более прослеживается влияние троичного изображения князя ярославского и смоленского Феодора (1240-1299) с сыновьями Давидом и Константином, мощи которых, лежащие вместе, были обреты в 1463 г. Впечатления очевидца этого летописного события, указавшего, что князь Феодор Ростиславович был намного выше своих сыновей, повлияли на их изображения. Именно эта особенность перешла к образам трех муромских князей, проявившись в среднике иконы 1669 г.

Ради стройности композиции столь же высоким, как Константин, был показан святой князь Петр. Феврония здесь почти вдвое ниже супруга, тогда как характерным для этой уникальной пары в большинстве памятников с середины XVI в. является, во-первых, их нераздельное двойное изображение, а, во-вторых, равновеликость их фигур. К тому же Февронию изобразили здесь перед Петром, а не позади, как в других произведениях, где они представляются в молении среди группы святых. Внешне она выглядит почти одинаково с миряночкой Иулианией, которая уподоблена преподобной княгине и ростом, и обликом, и одеждой. Как и «близнецы» княжичи, фланкирующие своего отца князя Константина, святые женщины стоят здесь обе под покровительством князя Петра, скорее напоминая сестер-двойняшек.

Мирское одеяние Иулиании почти ничем не отличается от монашеских риз княгини, только чуть ярче тоном. Важной иконографической деталью в ее изображении является лестовка (четки), которые праведница держит в левой руке. Иконописец, очевидно, хорошо знал ее житие, где в сцене успения святой Иулиании она зримо представлена именно такой, как пишут святых на иконах: «И тут повеле уготовати кадило, и фимиамам положить и целова вся соущая ту, и всем мир и прощение даст. Возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своя последнее слово

рече». Все присутствующие при ее успении видели вокруг ее головы «круг злат»²⁷. В настоящее время образ святой Иулиании Лазаревской в среднике рассматриваемой иконы является самым ранним в ее иконографии. Всю же эту композицию с шестью местными чудотворцами принято считать древнейшим из сохранившихся изображений собора муромских святых, так как в тот период — во второй половине XVII в. — все они почитались церковью. По свидетельству епископа Евгения (Мерцалова) и позже — в первые десятилетия XVIII в., в селе Лазареве она явно чтилась как святая. Об этом говорит специально устроенная в 1710 г. рака и сень над ней, созданная в 1713 г., а также приложенный еще до этого в храм села Лазарева к мощам праведницы серебряный крест-мощевик 1704 г. (МИХМ)²⁸.

Судя по известным к настоящему времени произведениям и упоминаниям о них, «собор» муромских святых в составе шести чудотворцев писали на иконах меньше одного столетия. Во второй половине XVIII в. стали возникать препятствия к церковному почитанию Иулиании Лазаревской, приведшие к запрету на ее иконы в 1801 г. При этом и тогда создавались и имели хождение составные рукописные сборники, в муромский цикл которых включали «Повесть о Иулиании Лазаревской». К ним относится, например, такой сборник второй половины XVIII — начала XIX в., происходящий из Нижнего Новгорода (РГБ. Собр. Никифорова 473. Ф.199. Л. 53-171)²⁹.

Сохранились сведения об иконах, возможно созданных во второй половине XVII — начале XVIII в., на которых св. Иулиания была изображена вместе с другими муромскими чудотворцами. Епископ Евгений упоминает, что в храме Архистратига Михаила в Лазареве была икона «на дереве», где св. Иулиания предстояла «вместе со святыми Петром и Февронией, Муромскими чудотворцами»³⁰. Из его описания не совсем ясно, сколько святых было на ней изображено. В настоящее время нам не известны иконы, где бы эта праведница была показана только с Петром и Февронией, и, по нашему предположению, под «Муромскими чудотворцами» автор мог подразумевать и Константина с чадами. Тем более, что он указывает и на другие иконы «древней, греческой живописи», на которых св. Иулиания

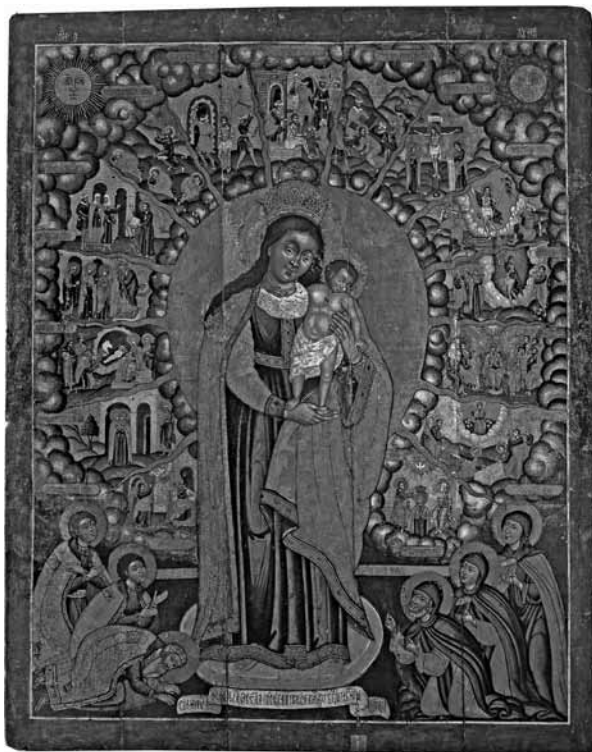
была изображена «вместе с 5 Муромскими чудотворцами», как находящуюся в той же церкви и «некогда бывшую» в Казанском (Николо-Можайском) храме Муром. И действительно, в Описи этой церкви 1818-1821 г. в приделе Спаса Нерукотворного без подробностей зафиксирован образ: «Муромские чудотворцы, на них венцы медные посеребренные»³¹.

Возможно, именно эту икону имел в виду епископ, свидетельствуя, что на нем среди чудотворцев была написана и св. Иулиания. Еще одна подобная икона собора местных святых включена в перечень «Описи церковного и монастырского имущества Муромского Благовещенского монастыря», составленной в 1846 г. игуменом Иннокентием. Находилась она тогда в алтаре: «Перед жертвенником, в окне на правой стороне на кипарисовой доске, икона святых благоверных князей Муромских чудотворцев и святой Иулиании, оклад серебряный и семь венцов серебряных»³². Какие-то подробности иконографии образов теперь уже невозможно выяснить, в отличие от описания в старом инвентаре музея еще одной несохранившейся иконы с изображением местных чудотворцев.

Поступила она из Успенской церкви в 1940 г.: «Икона муромских святых небольшая (28,5x25 см. — О. С.): представлены 2 группы святых — справа Петр, Феврония и Ульяния; слева — Константин, Михаил и Феодор. Между ними небольшой белый храм. Вверху Нерукотворенный образ, фон вверху золотистый, внизу голубой и розовый. Фигуры святых — справа в темных, слева — в темных с золотом, одеяниях. Дека с выемкой»³³. Несмотря на отсутствие датировки этого произведения в инвентаре, представляется, что оно было вполне сопоставимо с тремя иконами рубежа XVII-XVIII в., с упоминания о которых и начинается эта статья. По иконографии и размерам она явно близка этим «Соборам муромских чудотворцев» с видом на кремль, где в центре представлен собор Рождества Богородицы³⁴. При всех особенностях изображений каждой из трех, есть общие характерные моменты, одним из которых является образ Христа (в сегменте неба), благословляющего обеими руками. Как следует из инвентарного описания, на утраченном образе Успенской церкви он был заменен на изображение Спаса Нерукотворного.

Среди памятников, выявленных по теме данной статьи, этот вариант позже присутствует еще только на большой иконе с пятью муромскими князьями XVIII в., тогда как образ Христа встречается в большинстве изображений «собора» местных святых позднего времени XIX — начала XX в. Вероятно, к концу XVII — началу XVIII столетия в Муроме сложился определенный тип икон собора местных святых небольшого размера. Как и в среднике большой иконы 1669 г., на них чудотворцы предостоят по трое с двух сторон. Они также показаны в молении пред святым образом, размещенном в сегменте неба. Однако в рассматриваемых моленных образах в ту же иконографическую схему внедряются новые элементы: стены кремля, подъемные мосты, речка, городской собор, который и фланкируют чудотворцы. Все они с разной степенью достоверности отражают топографию Муром. Любопытно, что на двух из этих икон, попавших в городской музей, Иулиания Лазаревская расположена иконописцами подле Петра и Февронии, тогда как на тех образах, что оказались вне Муром, она показана стоящей на коленях вне града. Причем, на иконе из частного собрания перед ней видно изображение небольшого храма, очевидно, архистратига Михаила в селе Лазареве, где и находились мощи праведницы.

Не только Иулиания Лазаревская, но вместе с ней и пятеро муромских князей показаны на коленях у стоп Богородицы на иконе «Звезда Пресветлая» около 1690 г., приписываемой муромскому изографу Александру Казанцеву (МИХМ. Инв. № М-6605. 179x142 см)³⁵. Происходит она из главного городского собора Рождества Богородицы, где находилась в местном ряду иконостаса, являясь парной к образу «Царь Царем» 1690 г., подписанной этим мастером. В настоящее время известен только один этот памятник, где «собор муромских чудотворцев» представлен в таком типе. К ногам Богородицы припадают муромские святые — благоверные князья Константин, Михаил и Феодор, Петр и Феврония, праведная Иулиания Лазаревская. Их изображения, восходящие к распространенным в Муроме иконам собора местных чудотворцев, относятся к характерному для позднего средневековья изводу с фигурами святых (нередко местных чудотворцев), припадающих к стопам Христа и Богородицы³⁶.

Ил. 4. Муромские святые на иконе А. Казанцева(?) «Богоматерь Звезда Пресветлая». 1690 г.(?). Муромский музей

Иконография муромских чудотворцев в этом произведении традиционна для своего времени. Константин с сыновьями, как и на других иконах, изображены иконописцем на более почетном месте справа от Богоматери, т. е. слева от зрителя. Они в княжеских одеяниях, с непокрытыми головами. С другой стороны к ее ногам припадают Петр и Феврония в монашеских одеяниях; св. Иулиания с четками в руках и в одежде, почти не отличающейся от иноческой мантии. Лики всех чудотворцев индивидуальны и выразительны. Их крупные фигуры изображены в разных позах и с разными жестами рук — воздетых, скрещенных или прижатых к груди, что создает особую динамику. Князя Константин и Петр как наиболее почитаемые в Муроме представлены в глубоком поклоне, символизирующем усиленное моление.

Сохранившиеся памятники с групповым изображением муромских святых XVIII и начала XIX в. показывают либо пятерых муромских князей, либо вместо Иулиании Лазаревской присоединяют к ним святую мученицу, не всегда соименную этой праведнице. Документальные свидетельства об иконах «Муромских чудотворцев» того периода также указывают на отсутствие среди них св. Иулиании. Во второй половине

XVIII столетия возникли препятствия к церковному прославлению праведницы со стороны церковных властей. В 1801 г. было составлено секретное следственное дело о гробе праведной Иулиании, что привело к «отобранию всех икон Праведн. Иулиании, бывших в храме села Лазарева, для помещения их в ризницу Архиерейского дома». Владимирский и Суздальский епископ Ксенофонт (Тронопольский) запретил служение молебнов Иулиании и ее супругу³⁷.

Любопытно упомянуть, что в рукописном «Муромском сборнике» последней четверти XVIII века, куда включены все жития и сказания о местных святых, отсутствует только ее житие (ГРБ. Собр. Буслаева № 10 /2858/. Ф. 396)³⁸. В «Описании древних церквей города Муром и древних предметов в них находящихся» конца XIX в. приводятся описания всего трех икон с групповым изображением муромских святых. Правда, первая из них «Звезда Пресветлая» из городского собора, которая как произведение около 1690 г. подробно рассмотрена выше, в этом источнике описана без указания на припадающих к ней шести муромских чудотворцев. Вторая — из Георгиевской церкви 1669 г., также уже представленная, где в среднике все шестеро муромских чудотворцев. Причем, в этом документе Иулиания не была опознана и указана как «неизвестное лицо», а датировка не совсем верно расшифрована как «1670 г.». И, наконец, третья, датированная составителями описи XVIII в., где показаны только пять святых князей муромских, находилась в церкви Рождества Христова. Она не сохранилась или еще не выявлено ее местонахождение: «Муромских чудотворцев Петра и Февронии, Константина и чад его Михаила и Феодора. Доска деревянная гладкая, шириною 10 вершков (44,5 см) и вышиною один аршин 3 вершка (84,46 см). Писана по золоту. Риза на ней сребропозлащенная 84 пробы обронная, сделана в 1858 году»³⁹.

Два образа с изображениями муромских чудотворцев без указания датировок значатся в «Описи Николозарядской церкви 1872 года: «Иконы, ограждающие св. олтарь св. пророка Илии косвенно стоящие: Спасителя с предстоящими Пр. Богородицею и Иоанном Предтечей, на ней три венца серебряные. На клейме иконы

два Ангела и Муромские чудотворцы Константин, Михаил и Федор, князь Петр и княгиня Феврония. Икона Муромских Чудотворцев. Над ними клеймо Вход Господень в Иерусалим». Как видно, одна из них с изображением только пяти князей; состав святых на второй не расписан⁴⁰.

Упоминания о таких иконах встречаются и в сохранившихся описях имущества Муромского Благовещенского монастыря. В самой ранней из них — 1846 г. упоминается «образ благоверных князей Муромских чудотворцев из красок, на нем пять венцов медных». Находился он в алтаре «перед жертвенником в окне» на левой стороне. Там же зафиксировали другую икону с изображением пяти муромских князей, помещенную в местном ряду иконостаса. Публикатор документа приводит замечание: «На старой доске вновь написаны в 1829 г.». С этим произведением можно отождествить икону, находящуюся на прежнем месте и в настоящее время, которую подробнее рассмотрим чуть ниже⁴¹. В следующем документе 1850-х г., кроме этого «местного», учтен еще один образ с этими же князьями — на северной стене холодного храма. На нем зафиксированы «6 венцов с цатами серебряные и два малых без цат. 1 ф. 12 зол.» (т. е. 1 фунт, 12 золотников, что примерно равно 460,12 г)⁴². В монастырской описи за 1880 г. в иконостасе «зимнего», т. е. теплового храма Иоанна Богослова, по правую сторону Царских врат значится «образ Спасителя с предстоящими Муромскими чудотворцами в медной позлащенной ризе, на образе Спасителя венед серебряный, позлащенный весом в 21 золотник» (т. е. 49,26 г)⁴³. Время создания всех этих икон не указано. В отношении последнего образа можно предположить, что он сооружен специально ко времени освящения престола Иоанна Богослова в 1812 г. Если это верно, то очевидно рядом с князьями изображения Иулиании не было.

Именно с Благовещенским монастырем связана большая икона XVIII в. из собрания Муромского музея с изображением пяти святых благоверных князей, не так давно открытая реставраторами ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря (2016) (МИХМ. Инв. № М-6648 115x110 см)⁴⁴. Она была представлена на двух всероссийских вернисажах в Москве и на выставке в Муроме, посвященной 100-летию музея. Поступила она

из церкви на Напольном кладбище, приписанной к Муромскому Благовещенскому монастырю. Церковь на кладбище была построена в 1860 г. В ней три престола: главный — в честь Муромских чудотворцев Константина, Михаила и Феодора; второй — Всех святых; в позже построенной трапезе — во имя св. Даниила Столпника, небесного покровителя ктитора храма Д. С. Жади-на⁴⁵. Вероятно, икона XVIII в. с изображением пяти муромских чудотворцев была передана туда из Благовещенского монастыря.

Возможно, эту икону из храма Напольного кладбища можно отождествить с образом, что значится в описи Благовещенского монастыря 1850-х г. на северной стене холодного собора. Выше мы привели его краткое описание. Во всяком случае, указанное в этом источнике количество венцов вполне соответствует составу изображенных фигур. Шесть больших венцов с цатами могли украшать лики пяти чудотворцев и Спаса Нерукотворного над ними. Два упомянутые в описании малых венчика без цат могли размещаться на головах ангелов, фланкирующих Нерукотворный образ. Вполне вероятно, что эту икону через несколько лет передали в новый кладбищенский храм⁴⁶.

Произведение XVIII в., по всей очевидности созданное в Муроме, генетически связано с искусством предыдущего столетия. По типу изображенных святых и отчасти композиции оно сравнимо с подобными памятниками других древнерусских городов. Например, можно назвать икону «Благоверные князья Василий, Константин и Феодор, Давид и Константин» последней трети XVII в. (ГМЗРК. 122x103 см)⁴⁷ или «Угличские святые» начала XVIII в., где также соединены, как в муромской, князья в узорных одеждах и преподобные в монашеских мантиях (УГИАХМ. 107x81,5)⁴⁸. На наш взгляд, в изображении муромской иконы наблюдается неуверенность в рисунке. Движения и жесты фигур несколько скованны. По иконографии и характеру образов, особенно святых князей Константина и Петра, явно заметно обращение к местным памятникам и, прежде всего, к среднику иконы 1669 г. из Георгиевской церкви. В то же время здесь более привычно равными показаны фигуры Петра и Феврония, не столь велика разница в росте меж

Константином и его сыновьями. В принципе тип соборного изображения местных святых тот же по композиции, что и в более ранних памятниках. Они с правой и левой сторон в молении обращены к святому образу в сегменте неба — в данном случае — Спаса Нерукотворного.

Поклонение именно этому образу в соборных изображениях муромских чудотворцев нам известно только еще на двух памятниках. На первом — складне середины XVII в. ему предстоят пять князей с избранными святыми. На втором — утраченной иконе из Успенской церкви, видимо рубежа XVII-XVIII, где шесть святых за городской стеной у соборного храма предстоят Нерукотворному образу. Изображение местных и избранных святых в молении этой иконе Спасителя ярко показано, например, на разновременном ростовском памятнике середины XVII — середины XVIII в.⁴⁹

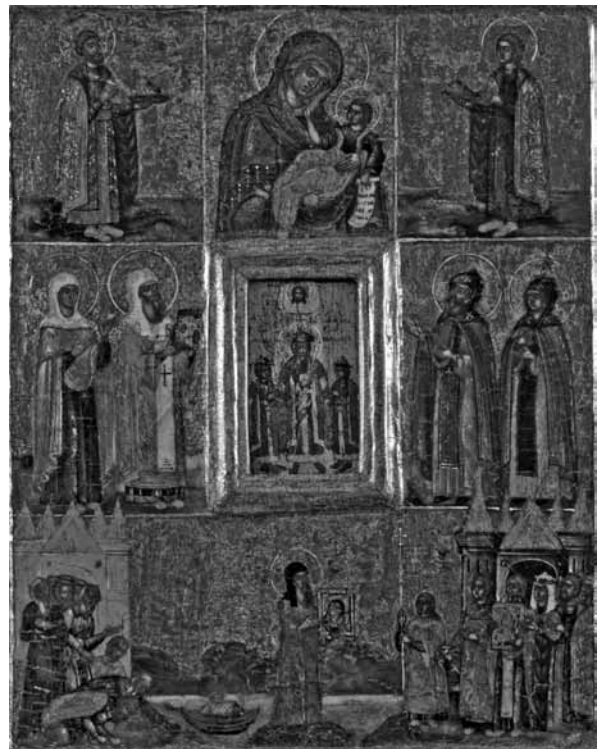
На другой иконе, написанной специально для местного ряда собора Благовещенского монастыря, муромские чудотворцы св. Константин с чадами и супруги Петр и Феврония, молитвенно обращены к сцене Благовещения Пресвятой Богородицы, размещенной наверху в картуше (Муромский Благовещенский монастырь). Святые расположены на тех же привычных местах на фоне скалистого пейзажа. Развороты и жесты фигур более изящны и плавны по сравнению с тяжеловесными и статичными образами на иконе из церкви Напольного кладбища.

Рассматриваемая икона находится по-прежнему на своем историческом месте и расположена в левой части местного ряда холодного Благовещенского собора третьей от Царских врат. Она упоминается в монастырских описях, самые ранние из которых 1846 и 1850-х г. Как уже замечено выше, публикатор первой из них указал, что она была вновь написана на старой доске в 1829 г. Очевидно, на этом основании им она была датирована первой половиной XIX в. в книге «Муромский Благовещенский монастырь» (2007)⁵⁰. Представляется нам, что образ изначально создавался для нового иконостаса, роскошная резная рама которого была сооружена к 1797 г. Даже живописное обрамление вокруг сцены Благовещения на описываемой иконе будто имитирует характер этой иконостасной резьбы. Стиль произведения не противоречит датировке его если

не второй половиной XVIII века, как в нашей публикации 2004 г., то концом XVIII в.⁵¹ Можно предположить, что первоначальная живопись действительно была записана в 1829 г., а позже вновь раскрыта при реставрации, вероятно, в то время, когда все иконы этого иконостаса входили в состав фондов нашего музея.

Чудотворцы изображены и на своеобразном разновременном памятнике, видимо, также имеющем муромское происхождение. Икона «Благодарные князья Константин, Михаил и Феодор Муромские, с Муромской иконой Богородицы и избранными святыми» XVIII века (ГИМ. 26, 5x22,5 см) могла являться домашним молебельным образом⁵². Она представляет собой широкую раму с изображением местных и избранных святых. Изготовление ее во второй половине XVIII столетия, очевидно, было задумано специально для помещения в нее небольшого мощевика (6,2x3,7 см) первой половины XVIII в., на лицевой стороне которого изображены св. Константин, Михаил и Феодор.

Можно вспомнить, что еще в середине XVII в. ради образа Богородицы Владимирской XVI в. — также своего рода реликвии, создавался складенькузов, на створах которого в числе избранных

Ил. 5. Муромские и избранные святые. Икона. XVIII в. Государственный Исторический музей

святых были представлены пятеро муромских князей. Интересно сравнить представляемый образ с подобными памятниками другого региона. Например, в доску образа 1744 г. с предстоящими св. Николаем Чудотворцем и ярославскими святыми князьями образу Богоматери Толгской, врезали реликварий с мощами князя Василия (ЯХМ. 31х26)⁵³.

Состав «своих» святых на рассматриваемом произведении второй половины XVIII в. расширен и предъявляет наиболее почитаемых небесных покровителей всей Муромо-Рязанской земли, а еще московского святителя Петра и мученицу Агафию Палермскую (Катанскую, †ок. 251). Вероятно, произведение создавалось еще в то время, когда церковный Муром входил в Рязанскую епархию (до 1764) или вскоре после того. Все изображенные на нем святые предстают образу Богоматери Муромской. В настоящее время это наиболее ранний памятник, где местные чудотворцы показаны в молении пред муромской-рязанской легендарной иконой⁵⁴.

Как известно, этот образ, считавшийся чудотворным, находился в Рязани. Что касается Мурома, то сохранившиеся источники ничего не сообщают о ее чтимых списках в храмах города вплоть до XVIII в. Известно, что в 1730 г. муромский изограф Казанцев написал образ Муромской Божией Матери большого размера (судьба его

Ил. 6. Муромские чудотворцы. Икона. XVIII в. Муромский музей

неизвестна) для муромского храма Рождества Христова. Он мог воспользоваться гравюрой с изображением «Муромской» иконы, включенной в свод Богородичных икон С. Ф. Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского 1714-1715 г.⁵⁵ После распространения этого труда «Муромская» икона, очевидно, стала популярна. Есть документальные свидетельства, что в 1764 г. список этой чудотворной иконы находился во Введенской церкви Воскресенского монастыря⁵⁶.

В верхнем регистре с двух сторон к иконе «Муромской» обращены св. Борис и Глеб — первые русские святые, особо почитаемые в нашем регионе со времен Муромо-Рязанского княжества. К тому же, согласно летописи, князь Глеб был первым муромским князем. В центре — более ранний образ св. Константина с сыновьями (показаны прямо), которые по сказанию этот богородичный образ и принесли из Киева в Муром. В нижнем регистре представлено чудесное плавание св. епископа Василия с этой чудотворной иконой в руках⁵⁷. Он показан плывущим против течения р. Оки из Мурома в Рязань, стоя на мантии. Слева изображены «святогоны»-муромцы в смятении; справа — рязанцы, встречающие его торжественно «со крестами и иконами». Совершенно очевидно, что композиция этой сцены генетически связана с клеймами иконы А. Казанцева «Св. Константин, Михаил и Феодор в житии» 1714 г. В этом грандиозном произведении из 87 клейм, где одной из линий проходит история чудотворного образа Муромской Богоматери, 16 отражают повествование о св. епископе Василии, перенесшем эту икону и переместившем кафедру епископа из Мурома в Рязань.

В среднем регистре по сторонам от триады князей-крестителей изображено по паре святых, молитвенно обращенных к чудотворному образу. Св. Петр и Феврония стоят справа от зрителя (слева от святыни), как и на более ранних памятниках. Слева от зрителя (справа от святыни) изображен святитель Петр Московский, тезоименный муромскому князю Петру. Рядом с ним представлена фигура святой, до недавнего времени отождествляемая со св. прав. Иулианией. Предположение это не подтвердилось. После реставрации именуемая надпись читается четко: «С АГАΘΙΔ», и стало понятно, что вместо пра-

ведной Иулиании здесь представлена мученица Агафия. По одной из наших версий ее изображение, как и московского святителя, могли являться соименными заказчику иконы и его супруге. Видимо, не случайно здесь сразу два св. Петра — московский святитель и муромский князь — flankируют центральное изображение на мощевике и образ Богоматери над ним. Образ праведной Иулиании — реальной дворянки, умершей всего то лет полтора назад, не очень вписывался в концепцию этого произведения, «рассказывающего» о древних временах Муромо-Рязанского княжества. Допустим, что изображение св. Иулиании могло быть здесь задуманным, но все равно не появилось бы из-за возникающих препятствий к ее церковному почитанию во второй половине XVIII столетия. И по этой причине вместо нее могли представить образ мученицы, в данном случае — Агафии.

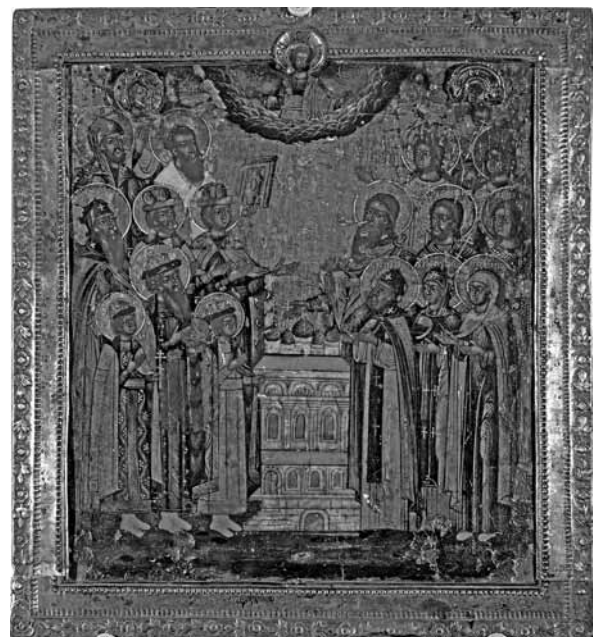
Весь репертуар изображений этой иконы в точности не повторялся впоследствии. Однако, например, известны более поздние произведения, где местные святые показаны в молении Богоматери Муромской и вместе с Василием Рязанским. Варианты современных икон «Собора муромских святых» также чаще всего используют этот богородичный образ и наряду с муромскими чудотворцами представляют в качестве «своих святых» епископа Василия, Бориса и Глеба, показанных впервые вместе и на этой иконе второй половины XVIII в.

Интересной по своей программе является также икона «Собор Муромских и избранных святых» конца XVIII — начала XIX в., поступившая в собрание нашего музея от муромского художника М. К. Левина (МИХМ. Инв. № М-6787.32, 5х29,5 см)⁵⁸. Она представляет собой домашний молебельный образ, призванный как можно надежнее защищать семейный очаг заказчика. Очевидно, основой ее композиции являются более ранние муромские иконы такого же небольшого размера, где по сторонам от собора показаны шесть местных чудотворцев. Здесь эта иконографическая схема получила дальнейшее развитие и расширение репертуара.

Как и на более ранних образах, в центре изображен городской собор, а святые с двух сторон от него представлены в молении образу Христа в облачном сегменте неба, благословляющего обе-

ими руками. Только здесь он изображен отроком — Спасом Эммануилом. Отсутствуют стены городской крепости, возможно и потому, что ко времени создания этого произведения деревянный муромский кремль был уже разобран. На переднем плане на своих традиционных местах с обеих сторон храма показаны триады чудотворцев: слева Константин, Михаил и Феодор; справа Петр, Феврония и подле них, вместо св. Иулиании Лазаревской, — св. Параскева Пятница. Только крест в ее левой руке и именуемая надпись маркирует эту фигуру как названую мученицу. По облику она идентична иконографии муромской праведницы, чьи образы были запрещены в 1801 г. При первой публикации этой иконы в книге «Иконы Муром» эта замена не была отмечена нами, и это изображение рассматривалось как образ Иулиании Лазаревской.

Икона задумана как произведение, в котором муромские чудотворцы представлены в ряду святых, близких им по особенностям почитания и иконографии. Во втором ряду выше триады князя Константин с сыновьями изображена троица ярославских князей — Феодора с чадами. Во втором регистре справа триада Гурия, Самона и Авива. Им молились как покровителям семейного очага, что переключается с характером почитания муромских и ярославских княжеских семей. Как и погребенные рядом Гурий, Самон и Авив, муромские и ярославские князья «почивают» по трое

Ил. 7. Собор Муромских и избранных святых. Икона. Кон. XVIII — нач. XIX в. Муромский музей

в особых гробницах. В верхней части левой группы изображены святитель Василий Рязанский, преподобный и мученица; справа — еще две мученицы и мученик. Возможно образы, чьи надписи не сохранились, являлись небесными покровителями домочадцев заказчика иконы. Представленные на иконе Петр и Феврония — покровители семейных уз, и святая Параскева Пятница — хранительница домашнего очага, занявшая здесь место Иулиании, угодившей Богу в «суете житейской», также вписываются в программу произведения, явно предназначенного для семейной молитвы.

Еще более явно проявилось вытеснение Иулиании Лазаревской из сонма муромских чудотворцев на створе миниатюрного складня «Богоматерь Боголюбская. Успение Богоматери. Богоматерь Муромская с предстоящими муромскими и избранными святыми» начала XIX в. (МИХМ. Инв. № М-6803. 7,8x22,5 см)⁵⁹. На правой створке Муромский образ Божией Матери верху фланкируют поясные изображения молящихся местных чудотворцев. Слева показан Константин между своих сыновей. Справа — Петр и Феврония, а между ними явно изображена св. Иулиания Лазаревская. Но в именующей надписи, по нашему наблюдению, заметно исправление слова «праведная» на определение «мученица». Подобный сокращенный вариант шести молящихся Муромских чудотворцев известен и по другим поздним памятникам: на иконе П. Тимофеева с изображением собора русских святых 1814 г. (ЦАМ СПбДА) и на северодвинской иконе из деревни Горка середины — второй половины XIX в. (ГРМ)⁶⁰.

В результате вытеснения образа св. Иулиании Лазаревской и переосмысления иерархии местных чудотворцев в поздних памятниках происходит кардинальное изменение композиции «Собора Муромских святых». На центральное место выдвигается креститель Мурома св. Константин, который теперь представляется впрямь. Его сыновья изображаются с двух сторон в легком повороте к отцу. Петра и Февронию иконописцы разводят по краям и показывают также в повороте к центру. Такой тип изображения местных чудотворцев представляет недавно раскрытая икона «Муромские и избранные святые с образом Богоматери Боголюбской» 1838 г. (МИХМ. Инв. № М-6681. 92x61 см). Исследование и реставрация этого произведения, посту-

пившего из Смоленской церкви Мурома, проведены в нашем музее О. А. Агаповой (Плоткиной)⁶¹. Особенно важным оказалось обнаружение и раскрытие даты создания иконы, которая указывает, что она была специально создана к завершению строительства храма и освящению придела в честь Божией Матери Всех скорбящих Радости в 1838 г.

Ил. 8. Собор Муромских и избранных святых. Икона. 1838 г. Муромский музей

Икона представляет собой яркий репрезентативный памятник церковного искусства второй трети XIX столетия, написанный мастерски и со вкусом. Состав святых и образ Богоматери Боголюбской, которой они предстают, свидетельствует о том, что Муром в ту пору является частью Владимирской и Суздальской епархии. Первый почетный ряд занимают пять муромских чудотворцев. В центре представлен святой Константин. Он в княжеской короне со скипетром в правой руке и мечом в левой. По бокам от него сыновья Михаил и Феодор; по краям Петр и Феврония. Собственно, они и представляют переформатированный к этому времени собор местных святых.

Выше св. Константина фланкируют два священномученика — епископы Харлампий Магнейский (†89 г.) и Антипа Пергамский (†92 г.). В том же ряду по краям два святых русских князя. Слева — Александр Невский (†1263), умерший по дороге из Орды и захороненный во Владимире, почитаемый здесь с этого времени и прославленный местно в 1380 г. Справа — святой князь Михаил Черниговский (†1246), замученный в Орде. В этом образе логично видеть небесного

Ил. 9. Собор Муромских и избранных святых. Икона. 1880-х гг. (?). Муромский музей

покровителя ктитора Смоленской церкви — муромского купца Михаила Ивановича Елина. Ему же соименными являются и св. Михаил Муромский и даже святитель Митрофан Воронежский (†1703), в миру — Михаил. Он представлен на самом верху слева. Его образ особо значим во Владимирской епархии как своего святого, ведь он здешний уроженец. Интересно, что рассматриваемая икона 1838 г. создана всего через шесть лет после его официальной канонизации в 1832 г. Справа симметрично ему показана св. великомученица Варвара (†306), чей образ, как и других избранных святых, показанных на иконе, возможно, следует считать тезоименитыми членам семьи ктитора Смоленской церкви и, вероятно, заказчика этого замечательного образа.

По всей очевидности, большое распространение во второй половине XIX в. получили в Муроме однотипные моленные иконы с изображением семи святых, предстоящих Иисусу Христу в сегменте неба в кудрявых облачках. С некоторой долей условности можно назвать их вариантом «Собора муромских святых». Одна из них поступила в музей от жителя Муромы в 1994 г. По нашему мнению, она создана не ранее 1880-х г. Именуемые надписи не все сохранились, и икона была определена как «Муромские и избранные святые» (МИХМ. Инв. № М-14232. 34, 5x29,5 см). Подобные образы, по нашим сведениям, хранились и у других лиц в городе. Как стало недавно известно, очень близкая по иконографии икона была у архимандрита Благовещенского монастыря, не так давно утраченная. Правда, с нее были сделаны снимки, послужившие для создания современной массовой продукции. Вот эти образки с семью святыми и привлекли наше внимание в иконной лавке Благовещенского монастыря. Подобные им иконки, с чуть измененной иконографией, были замечены в церковной лавке Спасского монастыря. На музейной иконе святые предстоят Христу Вседержителю, а на монастырских образках Иисусу Христу, благословляющему обеими руками, как на более ранних иконах сбора муромских святых.

Они-то и натолкнули нас на разгадку имен двух святых, присоединенных к пяти известным муромским чудотворцам Константину с чадами, Петру и Февронии на иконе нашего музея и помогли понять замысел этого варианта соборного изображения местных святых. В композиции музейной иконы первый ряд с муромскими чудотворцами выстроен почти так же, как на иконе 1838 г. из Смоленской церкви. Только в уменьшенном и скромном варианте, что объясняется массовым характером таких икон второй половины XIX века, главным украшением которых являлась резьба по левкасу. В результате расследования выяснилось, что святые второго ряда это святой мученик Иулиан Эмесский (†312) и святая мученица Иулиания Никомидийская (†ок. 304-305). Они являются небесными покровителями местнотимых чудотворцев — Иулиана (Кочукова — †1638) и святой праведной Иулиании Лазаревской (†1604). Так как они чтятся только местно,

то в синодальную эпоху их не могли изображать на иконах, тем более имеющих широкое распространение, поэтому с благословения архиеерея их замещали образами их «ангелов».

В отношении св. Иулиании мы уже указывали на подобную замену в более ранних памятниках. В 1867-1868 г. служение молебнов ей возобновилось, а позже была устроена новая рака. В 1860-е г. ее жизнеописание было включено в издание «Русские святые, чтимые общецерковно и местно» архиепископа Филарета (Гумилевского). И, несмотря на все это, еще и в начале XX в. она продолжала считаться местной святой⁶². Что касается схимонаха Благовещенского монастыря Иулиана (Кочукова), видимо происходящего, как и св. Иулиания, из дворян, то свидетельством его почитания являлось включение тропаря и кондака ему в несохранившуюся «Летопись Муромского кафедрального собора» 1725 г. Останки его были открыты в 1834 г. под белокаменной плитой в крипте Благовещенского собора⁶³.

В ответ на рапорт от казначея монастыря иеромонаха Симеона викарному епископу и архимандриту Иакову (1870-1882) о почитании Иулиана Муромского были получены конкретные рекомендации. В ноябре 1879 г. епископ советовал «написать икону его Ангела — святого мученика иже от Емиссы, в Финикии Иулиана-врача (6 февр.) и при могиле поставить в хорошем киоте с утверждением ежегодного молебствия святому мученику после литургии в 6 день февраля, а 26 марта в день кончины и 8 октября в день открытия гроба блаженного схимонаха Иулиана служить заупокойную литургию и потом на могиле его соборную панихиду». Епископ сам хотел заказать икону в Дивеевской пустыни и только просил прислать ему «меру иконы», но так и не дождался. Тогда еп. Иаков распорядился таким образом: «Чтобы не тратить времени, закажите икону у муромских живописцев и просите приготовить ее к 1 февраля. Написать ее так: в середине мученик Иулиан в росте, сверху архангел Михаил, а по бокам Гавриил и другие ангелы. Устройство иконы представляется усердию чтителей, которым на то объявить требуется». Вновь в монастыре медлили, тогда епископ Иаков в 1880 г. сам прислал уже готовый образ мученика Иулиана и только просил изготовить киот для него⁶⁴.

В описи церковного имущества Муромского Благовещенского монастыря 1896-1922 г. упоминается «икона, построенная в 1880 г. добродетельными жертвователями, живописная, изображающая святого мученика Иулиана, небольшого размера, с изображением наверху Божией Матери и семи чинов Архангельских. Икона в киоте за стеклом с позолоченной резьбой вокруг нее»⁶⁵. Вероятно, имеется в виду образ, присланный епископом Иаковым. Единственно, смущает то, что упоминается малый размер этой иконы, тогда как Иаков приводит солидные размеры своего образа. Очевидно, после 1880 г. и стали включать изображение мученика Иулиана в состав муромских святых как небесного покровителя местного почитаемого схимонаха Благовещенского монастыря.

Очевидно, еще более широко, чем образ «семи святых» во второй половине XIX начале XX в. бытовали в Муроме небольшие иконки, некоторые совсем примитивного письма, с изображением пяти главных чудотворцев. По композиции они восходят к такому же построению местных святых, как на иконах 1838 г. и 1880-х г. Несколько иконок такого типа находятся в собрании музея. Креститель Муромы Константин с сыновьями Михаилом и Феодором располагаются в центре. По сторонам от них — Петр и Феврония. Изображение святого образа над ними чаще отсутствует, только на одной из них с золотым фоном, изображен Вседержитель в облачках (МИХМ. Инв. № М-17388. 13,3x10,4.; 14242-6, 7x5,4 см; 13088/6. 18x13,6 см). На другой, все примитивной работы, Петр и Феврония изображены не в одном ряду, а выше Константина с чадами (МИХМ. Инв. № М-13083. 13x10,7 см). Подобное расположение муромских чудотворцев представлено и на иконе аналогичного размера XIX в. Живопись этого образа не раскрыта, но под темным слоем олифы просматриваются узоры княжеских шуб, скипетр и держава в руках св. Константина и образ Спаса Нерукотворного над чудотворцами (МИХМ. Инв. № М-13082. 30x26,3 см).

В собрании музея выделяется солидный образ муромских чудотворцев с округлым верхом в массивном резном с золочением киоте второй половины XIX в. (?) (МИХМ. Инв. № М-14233. 92x85,6 см). На нем показаны все те же главные

муромские чудотворцы. Только размещение их здесь перестроено, и, похоже, что для того, чтобы гармоничнее вписать шеренгу святых в округлый верх образа, святой Константин в княжеской короне с державой и скипетром стоит в центре. Фланкируют его фигуры Петра и Февронии, чуть ниже его ростом. По краям расположены еще менее рослые княжичи Михаил и Феодор. Выполнена икона в стиле своеобразного «церковного историзма»: святые князья Константин, Михаил и Феодор облачены в «русские одежды» и обуви и красные сапоги, Петр и Феврония показаны в темных монашеских одеждах. Изображены святые на темном коричневатом фоне с просматриваемыми элементами пейзажа. Предстоят все они образу Иисуса Христа, благословляющего обеими руками, представленному в достоверно написанных облаках. Поступил этот образ от потомков семьи муромских иконописцев и живописцев Патырминых⁶⁶. Вместе с ним были приобретены и еще одна икона, и портреты, и картины религиозного содержания, и палитры, и кисти, и заготовки деревянной резьбы. По музейной легенде со слов наследницы этих художников один из Патырминых учился в Холуе, другой — в Петербурге в Академии художеств, третий — у своего деда. Похоже, мастерами они были на все руки и сами писали иконы и соорудили для них киоты.

Ил. 10. Муромские чудотворцы. Икона. Втор. пол. XIX в. Мастерская Патырминых. Муромский музей

Примитивным подражанием такому образу иконописца-профессионала в музейной коллекции можно назвать икону «Муромские чудотворцы» конца XIX — начала XX в. (МИХМ. Инв. № М-17028. 41x27,2 см). Доска также имеет округлый верх, а вместо Христа в облаках здесь вмонтирована лицевая сторона креста-мошевика с Распятием. Живописец изобразил ангелов, поддерживающих его. Стоящие под ним пятеро муромских чудотворцев вновь изменили местоположение. В центре представлен княжич Михаил, по житию невинно убиенный муромцами. По сторонам рядом с ним брат Феодор и св. Феврония. Старшие князья оказались по краям — Константин слева с атрибутами власти, Петр справа рядом с супругой. Константин с сыновьями изображены в красных шубах с горностаевой оторочкой. Петр и Феврония облачены в темные монашеские мантии с куколями на головах. Феврония показана, склонив голову в сторону супруга, а княжичи — друг к другу. Наивный и трогательный характер образов напоминает рисунки с изображениями этих святых семейств по отдельности в поздних рукописях — в качестве выходных миниатюр к житиям.

Наконец, последний дореволюционный памятник с изображением муромских святых в собрании музея представлен большим складнем в серебряном окладе (МИХМ. Инв. М-5062. 26,7x45,2 см). Он был заказан Муромским обществом хоругвеносцев в 1916 г. и предназначен 21-му Муромскому пехотному полку, участвовавшему в сражениях Первой мировой войны, о чем свидетельствует надпись на окладе образа⁶⁷. В кузов складня помещена икона Богоматери Муромской («Моление Василия Рязанского»), с предстоящими небольшими ростовыми образами мученицы Мариамны и епископа Василия Рязанского. На более ранних образах его моления «Муромской» вместо него изображался его «ангел» — Василий Парийский. На левой створке складня показана триада Константина с сыновьями. Над ними образ святителя Николая Чудотворца. На правой створе — двойца Петра и Февронии и вверху образ святителя Алексия Московского.

Рассмотренные произведения показывают, что на протяжении трех веков главными святыми муромцев оставались пять благоверных князей

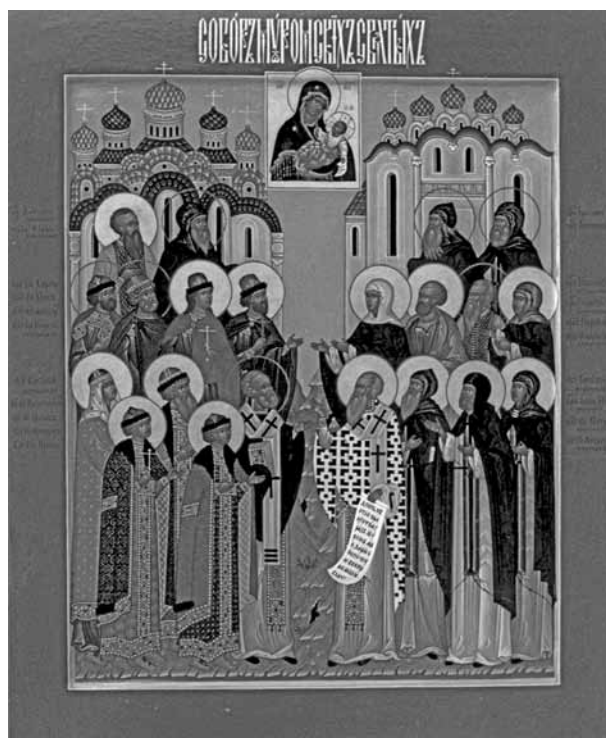
древнейших времен: Константин, Михаил и Феодор, Петр и Феврония, мощи которых находились в Благовещенском монастыре и городском соборе Рождества Богородицы. Вхождение новых местных святых, происходящих из здешнего дворянства XVI-XVII в. — св. праведной Иулиании (Осорьиной) и схимонаха Иулиана (Кочукова) — в синодальную эпоху встречало препятствия. Св. Иулиания в XVII в. изображалась на таких иконах, позже был наложен запрет на ее образы. Св. Иулиан, чье местное почитание, вероятно, и началось в синодальную эпоху, на иконах не писался. В результате в собор муромских святых вместо них включали образы их небесных покровителей. На единичных памятниках Нового времени вместе с муромскими чудотворцами встречаются изображения Василия Рязанского, Бориса и Глеба.

Общецерковное почитание св. праведной Иулиании Лазаревской было установлено включением ее имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших, состав которого был определен при подготовке к изданию богослужебных Миней в 1970-е годы⁶⁸. В 1980-е г. ее имя вошло в Соборы Владимирских и Рязанских святых, в первом из них значатся и имена ее супруга, праведного Георгия, и дочери — преподобной Феодосии. С тех пор уже не стало никаких препятствий к ее изображениям и включению всего ее святого семейства в современные иконы Муромских чудотворцев. Мощи схимонаха Иулиана вторично обрели в 1933 г. По благословению Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея Странгородского в Благовещенском монастыре имя преподобного Иулиана вместе с именами других Муромских святых стало возноситься на литии. Этого схимонаха чтят здесь по-прежнему и образ не только его ангела, но и его самого, включают в современные храмовые росписи и вводят в состав муромских святых. Однако официально он так и не был канонизирован даже к местному почитанию. В городе он чтится как подвижник благочестия, что зафиксировано в сборнике «Жизнеописания святых и подвижников благочестия града Мурома», изданном в 2007 г.⁶⁹ по благословению Архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия (с 2013 — митрополита).

Кроме него в городе и округе почитались и другие святые и подвижники. Владыка Евлогий

еще с середины 1990-х г. согласовывал с местными хранителями церковного предания и иконописцами состав «Собора Муромских святых». Впервые материал обо всех почитаемых здесь чудотворцах был опубликован в музейном издании «Муромский сборник» (1993)⁷⁰. Его автор А. А. Епанчин (1948-1998) — уникальный знаток местных церковных традиций. По заказу Тавифы (Горлановой — 1952-2016), игумении Троицкого монастыря, и с благословения архиепископа, муромским иконописцем Игорем Суховым в 1996 г. была создана первая такая икона⁷¹. На сегодняшний день она является наиболее репрезентативно представляющей всех святых и подвижников благочестия Муромской земли, перечень которых был составлен Епанчиным и для владыки, и для художника, где числился 21 образ местных святых и подвижников.

Все святые предстоят в молитве образу Богоматери Муромской, изображенной меж двух пятиглавых соборов. Две большие группы молитвенников расположены навстречу друг другу. В первом ряду в центре два епископа Василия. Справа в белой крестчатой фелони епископ Рязанский, официально канонизированный святой. Слева в цветной — епископ Муромский (†1129), по преданию пришедший с князем Константином

Ил. 11. И. Сухов. Собор Муромских святых. Икона. 1996 г. Муромский Троицкий монастырь

из Киева и крестивший с ним народ муромский. Тропарь и кондак ему были включены в «Летопись Муромского собора Рождества Богородицы 1725 года». Однако имя его выпало из всех месящесловов, как считают в Благовещенском монастыре, из-за соединения и отождествления его со св. Василием Рязанским. Почитают его только в Муроме, в том числе и как основателя этой обители, где он и был захоронен.

В левой части иконы за епископом Муромским — вся семья князя Константина с супругой и сыновьями. Св. Ирина была включена в Соборы Рязанских и Владимирских святых. В правой стороне иконы за епископом Рязанским изображены св. преп. Илия Муромец Печерский (1188), также включенный в Соборы святых Владимира и Рязани. За ним двоица св. Петра и Февронии. Во втором ряду выше семьи св. Константина представлены другие муромские князья: Борис и Глеб — первые общерусские святые, почитаемые в здешней земле издавна; два князя, чтимых только в Муроме — св. князь Георгий (Юрий) — внук Петра и Февронии, обновивший Муром после татар в 1351 г., и Феодор Феодорович — внук св. Константина и Ирины⁷². Во втором ряду справа выше св. Петра и Февронии расположены праведные супруги Иулиания и Георгий⁷³ Лазаревские; крайняя в том же ряду их дочь преп. Феодосия. Меж ними праведный священник о. Гавриил Ястребов (1815-1897), протоиерей Вознесенской церкви, в Муроме почитается как подвижник благочестия.

На самом вершле слева старец Антоний, в схиме Арсений Грошовник (1762-1851), сподвижник преп. Серафима, жил уединенно у Спасского монастыря, где почитается особо; в Муроме чтится как подвижник благочестия. Рядом с ним Савва Мошокский (†1592/93), праведный священник, чудотворец, включенный в Собор Владимирских святых. На самом вершле справа преподобный Иулиан Кочуков (1597-1638) и иеромонах Апполоний (1829-1914). Оба спасались, живя под Благовещенским собором, и прославились чудотворениями. В 1990-е г. этим же иконописцем было написано несколько икон «Соборов Муромских святых» для разных муромских монастырей и храмов. В 1998 г. — для местного ряда Троицкого собора, где представил 15 официально признанных

Ил. 12. И. Сухов. Собор Муромских святых. Икона. 1998 г. Муромский Троицкий монастырь

святых. Примерно тогда же был написан образ для Благовещенского монастыря в составе 13 чудотворцев, в том числе местночтимых в этой обители. Все эти образы стали своего рода эталонными для создания разных вариантов изображения муромских чудотворцев другими художниками.

В настоящее время соборные иконы местных святых есть почти во всех церквях Муром. Везде они различаются по составу чудотворцев. 9 местных чудотворцев на иконе владимирских художников (2010-2011) в иконостасе церкви ап. Андрея Первозванного, вновь созданного в микрорайоне Вербовский. 7 муромских святых, молящихся перед образом Божией Матери Муромской, в храме-аудитории прав. Иулиании Лазаревской (2006, В. Филимонов).

Наиболее оптимальным современным образом собора местных святых стал вариант, где представлено 10 святых. В него включают Константина, Михаила и Феодора, Василия Рязанского, Петра и Февронию, Бориса и Глеба, Илию Муромца и Иулианию Лазаревскую. Один из них находится в Преображенском соборе Спасского монастыря Второй находится в местном ряду Успенской церкви. Последний от прежних новых икон такого типа отличается по форме с округлым верхом и колоритом с преобладанием синего тона — цвета Богородицы. Иконостас для этого храма созда-

вали художники И. Сухов и С. Храменков по благословению епископа Муромского и Вязниковского Нила (2016).

Местные чудотворцы включаются и в современные стенописи муромских храмов. Как и на иконах, соборный состав их везде отличается. В Благовещенском монастыре в росписи алтарной преграды теплого храма изображены 12 святых, т. е. к вышеперечисленным присоединили и «своих», почитаемых в монастыре, — епископа Василия Муромского и иеромонаха Иулиана (А. Филипов, 2001). В 2013 г. этот придельный храм и освятили во имя Муромских чудотворцев. В стенописи притвора собора Троицкого монастыря показан более традиционный собор здешних чудотворцев в составе шести молитвенников за город, как и в памятниках XVII в. Петр и Феврония изображены справа вместе с прав. Иулианией Лазаревской, слева — святые Константин, Михаил и Феодор, над городом — Муромская икона Божией Матери (2008, А. Топорищев). В росписи трапезной Муромского Вознесенского собора также присутствуют изображения основных муромских чудотворцев (А. Зинкевич, 2017).

Рассмотрение ряда образов соборного изображения местных святых свидетельствует об особен-

Ил. 13. И. Сухов. Собор Муромских святых. Икона. 2016 г. Успенская церковь в Муроме

ностях развития региональной церковной традиции и своеобразии почитания официально признанных и непризнанных чудотворцев, которых здесь почитали «своими». Далеко не все старые памятники выявлены к настоящему времени и еще ждут исследования. В состоянии постоянного переформатирования находятся и современные произведения с изображением собора местных чудотворцев.

Только в новейшее время при возрождении духовной жизни стало возможным создание в городе, не являющемся в то время даже центром епархии, своего большого «Собора Муромских святых» (1996). По сути его можно назвать «Собором Всех святых и подвижников в земле Муромской просиявших».

В обычной же практике церковной жизни главными городскими святыми остаются древние князья и прочно утвердившаяся, наконец, рядом с ними праведная Иулиания. Все чаще в соборных изображениях также присутствуют Борис и Глеб, Василий Рязанский и Илия Муромец. Последние особенно напоминают о древности города и связи его с Киевом и Рязанью в эпоху Древней Руси. Все остальные подвижники присоединяются к ним в зависимости от сложившихся традиций конкретных монастырей и храмов или по предпочтениям заказчиков.

¹ Выставка проходила с 15 ноября 2018 г. по 20 января 2019 г. Кураторы — Я. Э. Зеленина, Л. П. Тарасенко. См.: Церковь Небесная. Изображение Соборов святых в русской иконописи XVI — начала XX века. ЦМиАР. Каталог выставки. — В печати. — Кат. 92.

² Про икону Муромского музея см.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — М., 2004. — Кат. 51. Описание — А. С. Преображенский, О. А. Сухова. За сведения об иконе из частного собрания сердечно благодарю реставратора

Т. Рычкову.

³ Бузыкина Ю. М., Сухова О. А. Икона «Муромские чудотворцы, с житием Петра и Февронии» 1669 г. Благоверные князья и праведные жены. — М., 2019.

⁴ См.: Кузьмин А. В., мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский). Иулиания (Иустиновна Осорбина) // ПЭ. — М., 2012. — Т. 28. — С. 545-549.

⁵ Маясова Н. А. Кремлевские светлицы при Ирине Годуновой // Материалы и исследования. — М., 1976. — С. 51-

54. — Ил. 9-10; Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония Муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. — Л., 1985. — Т. 38. — С. 138-178; Сухова О. А. Шитый покров муромских князей // ПКНО-1990. — М., 1992. — С. 389-402; она же. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006; она же. Иулиания / Иконография. ПЭ. — Т. 28. — С. 550-555; она же. Константин, Михаил, Феодор / Иконография. — ПЭ. — М., 2015. — Т. 37. — С. 104-111; Петр и Феврония / Иконография. — ПЭ. В печати; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — М., 2008; они же. Иулиания Лазаревская Муромская. — М., 2012 и др.
- ⁶ См.: сноска 5.
- ⁷ Мельник А. Г. Иконография Ростовских святых. Каталог выставки. — Ростов, 1998. — С. 3.
- ⁸ Мельник А. Г. «Свои» святые Коломны XVI в. // Коломна и Коломенская земля: история и культура. — Коломна, 2009. — С. 257–265.
- ⁹ Авторы проекта: С. В. Обух, Л. В. Нерсесян; редакторы: Л. В. Нерсесян, А. С. Преображенский.
- ¹⁰ Бекенева Н. Г. Об иконе «Образ новгородских святых» из собрания Государственной Третьяковской галереи // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. — М., 1984. — Вып. 9 (39). — С. 91-95; Пивоварова Н. В. Икона «Образ новгородских чудотворцев» из собрания Русского музея: вопросы иконографии // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. — Великий Новгород, 2011. — Вып. 4. — С. 241-255; Саенкова Е. М., Свердлова С. В. Симон Ушаков. Древо государства Московского. — М., 2015. — С. 14-28; см.: сноска 1.
- ¹¹ Кат. 66. Христос Вседержитель Спас Смоленский, с вологодскими святыми. 1650-1660-е гг.? Описание — А. С. Преображенский // Иконы Вологды конца XVI-XVII века. — Вологда — М., 2017. — С. 496.
- ¹² Кат. 5. Собор Всех святых 1612-13 г. Описание — Е. А. Виноградова, Л. В. Нерсесян, А. С. Преображенский // Там же. — С. 92-101.
- ¹³ Трефолог — сборник избранных служб русским святым — по водяным знакам на бумаге датируется 1550-1570-ми гг.
- ¹⁴ Синодики Муромского Благовещенского монастыря 1695 г., 1713 г. МИХМ. Инв. № М-2230/16; 2233/19. 31x20x4,5 см; 30x20x7 см. Синодик Муромского собора Рождества Богородицы XVII-XVIII вв. МИХМ. Инв. № М-2232/18. 32x20x4,5 см.
- ¹⁵ Известно, что в более ранних росписях Архангельского собора Московского Кремля грозненского времени, прописанных «по старым графьям» спустя век, представлены Петр, Феврония и св. Константин Муромский без сыновей. См.: Самойлова Т. Е. Княжеские портреты в росписях Архангельского собора Московского Кремля. — М., 2004. — С. 176, 189-190, 209, 216; Ил. с. 194, 196, 197.
- ¹⁶ За сведения о росписях и складнях благодарю А. С. Преображенского. Складни находятся в Перми, Русском музее, Третьяковской галерее и на Рогожском кладбище. По его словам, идентификация муромских чудотворцев на них требует уточнения.
- ¹⁷ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 28. Описание — А. С. Преображенский, О. А. Сухова.
- ¹⁸ Сухова О. А. Шитый покров муромских князей. — С. 396. Прим. 56; Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 28.
- ¹⁹ Мельник А. Г. «Ростовские и московские святые»: эволюция иконографии в XVI-XVII вв. // История и культура Ростовской земли-2003. — Ростов, 2004. — С. 354–365.
- ²⁰ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 45. С. 262-263. Описание — А. С. Преображенский, Е. К. Тюрина.
- ²¹ Квливидзе Н. В. Знамение // ПЭ. — М., 2009. — Т. 20. — С. 271-277.
- ²² Силякин А. В. Строгановское лицевое шитье. — М., 2002. — Кат. 142. — С. 338-340. — Ил. на с. 339; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — Ил. с. 84.
- ²³ Силкин А. В. Указ. соч. — С. 100-101. — Кат. 143. Ил. на с. 341.
- ²⁴ Сотная с писцовых книг 1623/24 г. Памятники истории Муромы. — Владимир, 2010. — Вып. 1. — С. 71.
- ²⁵ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 39. Описание — О. А. Сухова; Бузыкина Ю. М., Сухова О. А. Указ. соч.
- ²⁶ Сухова О. А. Шитый покров Муромских князей. — С. 389-402; Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — С. 302-318; Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей. — С. 32-39.
- ²⁷ Повесть о Ульянии Муромской // Памятники старинной русской литературы. — СПб., 1860. — Вып. 1. — С. 67.
- ²⁸ См.: Епископ Евгений. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской. Исторический очерк. — Муром, 1910. — С. 18, 19, II; Сухова О. А. Кресты-мошевики в собрании Муромского музея // Ставрографический сборник. — М., 2005. — Кн. 3. — Кат. 3. — С. 534-536. — Ил. с. 534.
- ²⁹ На обороте крышки: «Купиль в 1903 г. въ Н. Нов. диаконъ Г. Фомичев. Мсца фев.». В Муромский цикл в нем входят жития, посвященные Петру и Февронии, Константину, Михаилу и Феодору, Иулиании Лазаревской и Сказание о Унженском кресте (Л. 53-171). В этом сборнике Муромский цикл является одной из составных частей.
- ³⁰ Епископ Евгений. Указ. соч. — С. 19.
- ³¹ Там же. — С. 20, 33. Примеч. 2; Казанская ц. г. Муромы Влад. Губ. Опись имущества Казанской церкви за 1818 г. 24 сент. 1821 г. // ГАВО. — Ф. 590. — Оп. 1. — Д. 671. — Л. 16.
- ³² Иеродиакон Алексий (Новиков). Муромский Благовещенский монастырь. — М., 2007. — С. 144. Автор приводит ссылку на архивное хранение документа: ГАВО. — Ф. 1094. — Оп. 1. — Д. 18.
- ³³ Инв. кн. № 26. Иконы и живопись на дереве // НА МИХМ. — Инв. № 98. — Л. 69 об.-71.
- ³⁴ Например, икона ЦМиАР — 31x26,6 см; МИХМ. 32x27 см; Москва, частн. собр. — со слов реставратора Т. Рычковой, примерно такого же аналогичного размера.
- ³⁵ Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 53. Описание — О. А. Сухова; она же. Казанцевы // ПЭ. — М., 2012. — Т. 29. — С. 335-339.

- ³⁶ См., например: Кат. 66. Христос Вседержитель Спас Смоленский, с вологодскими святыми. Вся композиция муромской иконы аналогична иконе «Богородица Корень девства» конца 1680-х гг. из Балахны (ЦМиАР). На ней так же, как на муромской показаны шестеро святых, только не местных, а, видимо, небесных покровителей вкладчика и близких ему людей. См.: Тарасенко Л. П. Иконы из Христорождественского собора г. Балахны в собрании ЦМиАР // Филевские чтения. — М., 1997. — С. 57-59; Бахарева Н. Н. Икона Богородица Корень Девства из церкви Рождества Христова г. Балахны в культурно-историческом контексте конца 17 века // Памятники христианского искусства Нижегородского края. — Нижний Новгород, 2001. — С. 58-71; София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII-XIX вв. из собрания музеев России. — М., 2000. — Кат. 81.
- ³⁷ В 1811 г. мощи святой пострадали при пожаре в Лазаревской церкви. В том же году вместо сгоревшего храма был выстроен каменный с главным престолом во имя арх. Михаила, в котором поместили мощи. См.: Епископ Евгений. Указ. соч. — С. 18, 19, II; Кузьмин А. В., мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский). Указ. соч. — С. 545-549.
- ³⁸ «Сборник житий муромских святых и сказаний о кресте в Муромских пределах». На обороте переплетного верхнего листа владельческая надпись: «Сия книга Сретенской церкви дьячка Петра Александрова Его собственнаго. А подписал сие Владимирской семинарии ученик Поезин Феодор Виноградов 1801 года декабря 4-го дня». Ниже запись: «Читал усердно многогрешный Иеродиакон Никонь марта 17 1829 С. Лавра». На первом листе вверху помета: «Ф. Буслаевъ купи на базаре в Москве 1859 г. июля 19-го». В составе сборника: Сказание о Унженском кресте (Л. 1-9об.); Сказание о Виленском кресте (Л. 10-13об.); Житие Константина, Михаила и Феодора (Л. 14-49об.); Житие Петра и Февронии (Л. 50-88об.).
- ³⁹ «Описание древних церквей города Мурома и древних предметов в них находящихся» конца XIX в. // НА. МИХМ. — № 29. — Л. 22/26-22/26об.
- ⁴⁰ Николозарядская церковь г. Муром, Влад. Губ. Описание церковного имущества. Начато: 2 ноября 1872 г. // ГАВО. — Ф. 590. — Оп. 1. — Д. 734. — Л. 3.-3об.
- ⁴¹ Иерод. Алексей (Новиков). Указ. соч. — С. 144. Автор указывает на хранение документа: ГАВО. — Ф. 1094. — Оп. 1. — Д. 18; Там же. С. 143.
- ⁴² Главная церковная и ризничная опись Муромского Благовещенского монастыря по Владимирской епархии. Год после 1855 // ЦГИА. — Ф. 834. — Оп. 3. — Д. 2480. Л. 6-6об.
- ⁴³ Иерод. Алексей (Новиков). Указ. соч. — С. 146-147. Автор указывает на хранение документа: ГАВО. — Ф. 363. — Оп. 4. — Д. 40.
- ⁴⁴ Михайличенко А. В. и др. Семья — душа России. Каталог выставки. — М., 2017. — Кат. ил. 1. — С. 14; Сокровища музеев России. Каталог выставки. — М., 2018. — Ил. кат. С. 33.
- ⁴⁵ Добронравов В. В. Описание церквей и приходов Владимирской губернии. — Владимир, 1897. — Вып. 4. — С. 185. В эти же годы в честь князей-крестителей освяща-
- лись престолы новых каменных храмов в Муромском уезде Владимирской губернии. В 1861 году — придел в Покровской церкви села Теши; в 1869 году — в одноименном храме села Новошина (ныне они в составе Навашинского округа Нижегородской области). См.: там же. — С. 262, 271-272.
- ⁴⁶ Главная церковная и ризничная опись Муромского Благовещенского монастыря по Владимирской епархии. — Л. 6-6об.
- ⁴⁷ Вахрина В. И. Иконы Ростова Великого. — М., 2003. — Кат. 84.
- ⁴⁸ Горстка А. Н. Икона Углича. — М., 2006. — Кат. 57. — Ил. 94.
- ⁴⁹ Иконография Ростовских святых. Каталог выставки. — Кат. 35; Вахрина В. И. Указ. соч. — Кат. 69.
- ⁵⁰ Иеродиакон Алексей (Новиков). Указ. соч. — Ил. на цв. вкл. после с. 112.
- ⁵¹ Концом XVIII в. эта икона датировалась и специалистами научно-реставрационной мастерской г. Владимира. См.: Благовещенский собор. Опись культурных ценностей. Владимирская обл., г. Муром // Владимирская специальная экспериментальная научно-реставрационная производственная мастерская. 1985. Ж-М-Ю. Инв. № 17024. Машинопись. — Л. 14; Сухова О. А. и др. Указ. соч. — С. 41. — Ил. 25 на с. 39.
- ⁵² См.: Церковь Небесная. Изображение Соборов святых в русской иконописи XVI — начала XX века. Каталог выставки. — Кат. 93.
- ⁵³ Каталог собрания икон Ярославского художественного музея. — Ярославль, 2013. — Т. III. — Ч. 1. — Кат. 44.
- ⁵⁴ Сухова О. А. Богородица Муромская. Легендарный образ и памятники иконографии XVI-XX вв. // Яхонтовские чтения — 2010. — Рязань, 2012. — С. 454-470; она же. Икона «Муромская» — насколько муромская? // Уваровские чтения — VIII. — Владимир, 2012. — С. 104-139; она же. Муромская икона Божией Матери // ПЭ. — М., 2017. — Т. 47. — С. 721-731.
- ⁵⁵ Кочетков И. А. Свод чудотворных икон Богородицы на иконах и гравюрах XVIII-XIX вв. // Чудотворная икона в Византии и Др. Руси. — М., 1996. С. 407, 409, 411; Прим. 10 с. 417.
- ⁵⁶ Сухова О. А. Икона «Муромская» — насколько муромская? — С. 120.
- ⁵⁷ На раме иконы образ Муромской Богородицы показан дважды — в 2-х разных изводах. В верхнем регистре представлена Богородица с полулежащим Младенцем, который благословляет десницей, поднятой к подбородку Богородицы, и держит свиток в левой руке. В нижнем регистре в клейме «Чудесное плавание еп. Василия» чудотворный образ в руках святителя изображен в типе Божией Матери «Умиление», как в клеймах житийной иконы А. Казанцева 1714 г. Рама иконы из ГИМ создана спустя несколько десятилетий после образа Казанцева, когда уже распространился характерный извод «Муромской» с гравюры.
- ⁵⁸ Сухова О. А. и др. Указ. соч. — Кат. 73. — С. 350-351; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — Ил. с. 83.
- ⁵⁹ Сухова О. А. Шитый покров муромских князей. —

- С. 400; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Иулиания Лзаревская Муромская. — Ил. с. 54-55.
- ⁶⁰ Покровский Н. В. Церковно-археологический музей СПб. Дух. Акад. — СПб., 1909. — Табл. 63. — С. 131; Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. — СПб., 2008. — С. 72-73, 82-85. — Кат. 62, 70; прорись — Маркелов Г. В. Святые Др. Руси. Материалы по иконографии. — СПб., 1998. — Атлас № 229.
- ⁶¹ Агапова О. В. Реставрация иконы «Избранные св. из Смоленской ц. г. Муром» // Сообщения Муромского музея — 2017. — Владимир, 2018. — С. 48-64. — Ил. 1-3.
- ⁶² Сергей архиеп. (Спаский). Верный месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями. — М., 1903. — С. 5.
- ⁶³ Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. Из краеведческого архива А. А. Епанчина. — Муром, 2002. — С. 49, 53, 58, 80.
- ⁶⁴ Иерод. Алексей (Новиков). Указ. соч. — С. 173-174. Все даты в посланиях епископа Иакова указаны по старому стилю.
- ⁶⁵ Там же. — С. 174. Автор указывает на хранение докумен-
та: ГАВО. — Ф. 363. — Оп. 4. — Д. 51. — Л. 29.
- ⁶⁶ Сухова О. А. и др. Указ. соч. — С. 42.
- ⁶⁷ Сухова О. А. Икона «Муромская» — насколько муромская? — С. 128-129. — Рис. 18.; она же. Муромская икона Божией Матери. — С. 729.
- ⁶⁸ Кузьмин А. В., мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский). Указ. соч. — С. 549.
- ⁶⁹ Сенчулова Т. Е. Жизнеописания святых и подвижников благочестия града Муром. — Муром, 2007. — С. 57. Далее при упоминании о святых и подвижников благочестия мы опираемся на это издание.
- ⁷⁰ Епанчин А. А. Забытые святые и святыни Муром // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 68-100.
- ⁷¹ Изображение иконы см.: Сенчулова Т. Е. Указ. соч. — Ил. на шмуцтитуле; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — Ил. на с. 148.
- ⁷² Кузьмин А. В., Сухова О. А. Георгий (Юрий) Ярославич // ПЭ. — М., 2006. — Т. 11. — С. 106-108; Епанчин А. А. Господь поставил меня собирателем. — С. 49.
- ⁷³ Кузьмин А. В., мон. Мелетия (Панкова), игум. Серафим (Питерский), Сухова О. А. Георгий Васильевич Осорьин // ПЭ. — М., 2006. — Т. 11. — С. 20-22.

АДРЕСА МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

Дом Зворыкиных¹

Ул. Первомайская (бывшая Никольская), 4

В этом доме родился основоположник современного телевидения В. К. Зворыкин (1888-1982).

В Муроме с 1912 года небольшой естественно-исторический музей, собранный кружком реалистов, расположился в нескольких шкафах в классе реального училища. В 1913 году Муромская дума рассматривала вопрос о создании в городе историческо-археологического музея, но начавшаяся мировая война выдвинула более актуальные проблемы. Весной 1917 г. в реальном училище открыли выставку предметов, предоставленных участниками Научного общества и кружком реалистов: оружие, одежда, утварь, археологические находки. Так, первым музейным адресом можно считать реальное училище на ул. Касимовской. В апреле 1918 г. в Муром из Москвы переехал Высший военный совет республики, и помещение училища было реквизировано. Экспонаты с выставки передали на хранение членам общества.

После октябрьского переворота 1917 года несметные художественные и исторические ценности остались бесхозными. Музеи стали создавать-

ся повсеместно как по решениям новой власти, так и по инициативе энтузиастов. В Муроме организацией музея занялся тот самый Владимир Иванович Жадин, который еще в юности собирал естественно-исторические коллекции с кружком реалистов. Помещение Отдел Народного образования сначала выделил во флигеле Вошинина на Николоможайской улице (ныне Комсомольская, 13). Музей неожиданно быстро пополнился экспонатами самого разного профиля. Муромское Научное общество закрыли, поскольку члены его оказались замешаны в белогвардейском восстании. Коллекции, конфискованные ЧК, передали в музей. Власти предлагали коллекционерам добровольно сдать или зарегистрировать предметы старины и искусства. Некоторые из них — И. П. Мяздриков, В. Н. Добрынкин, Н. П. Андриин, не дожидаясь административных действий, сами сдали личные собрания в музей. Осенью 1918 года начали передавать музею ценности из имения графов Уваровых в Карачарове. Все имение знаменитых археологов супругов А. С. Уварова и П. С. Уваровой было наполнено произведениями искусства, историческими и худо-

Ил. 1. Реальное училище. Ул. Касимовская (ныне Л. Толстого). Здесь организованы первые выставки кружка реалистов и Муромского научного общества. На обороте письмо Борису Жадину от брата Алексея. Без даты. Цифровая копия. Поступили в музей в 2013 г. от О. А. Лисицкой, родственницы муромского купца Б. В. Жадина. Открытка. МИХМ. ВХ-286-А/3

Ил. 2. Дом В. А. Воцинина (ул. Комсомольская, б. Николоможайская, 13). Здесь в 1918 г. были первые помещения музея. Фото 1930-х гг. МИХМ. Ф. 06-11-06. Б/н

жественными материалами. Там была ценнейшая библиотека. В самом имении создали коммуну, которая стала претендовать на часть предметов. Пришлось решать вопрос о выделении музею не просто помещения, а какой-то усадьбы в городе.

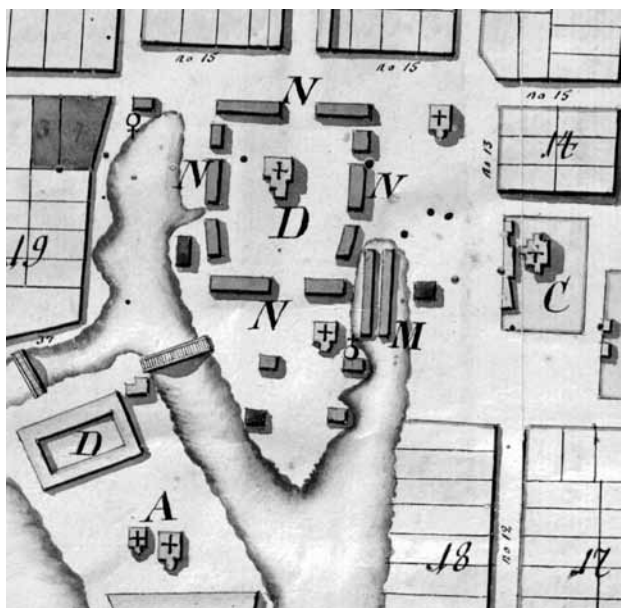
Как была выбрана усадьба на Никольской (ныне Первомайская, 4), конфискованная у Зворыкиных, не совсем понятно, документов пока не обнаружено. Усадьба одна из самых больших в городе, в самом центре. В то же время изолирована от соседей, поскольку расположена на мысу и окружена с трех сторон оврагами. Не исключено, что Зворыкины сами предложили дом для музея и биологической станции, поскольку к концу 1918 года жили в нем уже одни женщины, и содержать его было не на что. Родственные отношения могли также повлиять на это решение. Назначенный заведующим музеем Жадин был женат на Екатерине Степановне Неизвестной (а ее мать — ур. Н. К. Зворыкина). В критической ситуации ей пришлось стать завмузеем вместо мужа. Так Зворыкины оказались у истоков музея. Изобретатель В. К. Зворыкин писал в мемуарах, что пытался уговорить родных уехать, но безуспешно: «Наш большой дом тоже был реквизируван под музей естественных наук, матери и старшей дочери разрешили временно остаться в двух комнатах. Я старался, как мог, убедить их переехать в Москву, где им будет спокойнее, но заставить их

уйти из родного дома было невозможно... Ситуация в Муроме была гораздо хуже чем в больших городах, что по-видимому было характерно для большей части страны в тот период... Сначала жители не осознавали происшедших изменений, полагая, что эти беспорядки временные, и скоро все вернется на привычные круги»². Не вернулось. Окская биологическая станция оказалась под одной крышей с музеем тоже не случайно. Сначала руководить ею доверили Анне Козминичне Наливкиной (1885-1972, ур. Зворыкина), жене известного геолога Д. В. Наливкина (1889-1982, академик). Она еще в начале века окончила в Санкт-Петербурге курсы профессора П. Ф. Лесгафта при биологической лаборатории, изучала биологию в Сорбонне, работала на биологических станциях на Средиземном и Черном морях³. В тяжелый послереволюционный период с маленьким сыном жила в Муроме, в родном доме, а в 1923 г. уехала в Петроград, позднее стала палеонтологом.

1 января 1919 года открыли для посетителей экспозиции, и начался отсчет музейной эры Дома Зворыкиных. На протяжении шестидесяти лет он был главным и единственным музейным зданием.

Зворыкины были представителями старинного купеческого рода, известного уже с XVII столетия, чьи многочисленные лавки размещались на торговых площадях города. Дом их был построен фасадом на Базарную (Гостинодворскую) пло-

щадь. На старом радиальном плане Муром 1769 г. на месте будущей усадьбы Зворыкиных проходила улица, в которую было направлено несколько въездов с Оки⁴. Рядом стоял городской магистрат (на плане № 26), а напротив — Николозарядская церковь. С древности здесь была главная торговая территория. По плану, утвержденному Екатериной II в 1788 г.⁵, и по откорректированному плану 1792 г.⁶, подписанному генерал-губернатором И. А. Заборовским, здесь должна была быть «Хлебная площадь и гостиный двор», и полагалось строить только торговые лавки, но «обывательские дома» не предполагались. На чуть более позднем «Плане городу Мурому с обозначением дворовых мест» (без даты, копия 1880-х гг.)⁷ также не обозначено усадебное место. В конце XVIII — начале XIX в. Муром жестоко пострадал от пожаров, почти полностью выгорел, а восстанавливаться начал уже по екатерининскому геометрическому плану. Богатым гражданам полагалось застраивать лучшие первые кварталы каменными домами. Впечатления от страшных пожаров, когда выгорала сразу вся улица, были еще очень свежи. Место в восточной части базарной площади между двумя оврагами (на Квасницкой горе) для размещения усадьбы было весьма привлекательно ввиду близости реки, торговых площадей и отсутствия соседей. Однако, чтобы строить здесь

Ил. 3. Фрагмент «Плана городу Мурому с обозначением дворовых мест». XVIII в. Копия второй половины XIX в. Здесь также не обозначено усадебное место на мысу между оврагами. МИХМ. М-12212

усадьбу, надо было добиться не больше не меньше изменения в подтвержденном государыней проектом плане города. Скорее всего, в соответствии с планом на месте дома сначала были построены торговые помещения. На плане «апробированном» и на подкорректированном 1792 года лавки начерчены восточнее Никольской церкви. На более позднем «Плане городу Мурому с обозначением дворовых мест» — лавки уже отмечены выше (западнее) Никольской церкви, которая таким образом оказалась за рядами лавок. За церковью отмечена богадельня, а слева у оврага — «питейный дом», примерно там, где теперь «канцелярия» музея. «Дворовых мест» на будущей зворыкинской усадьбе не обозначено. Должна была осуществиться грандиозная переписка для внесения изменений в план и разрешения строительства, но она пока не выявлена. Масса документов свидетельствует, что земля на мысу принадлежала многим людям. Город, чтобы осуществить план, должен был скупить все участки, но вышло иначе. Участки выкупали Зворыкины до середины XIX века.

Из документов 1838 г. о тяжбе из-за сноса важни (строение над большими весами), видно, что усадьба и дом уже были: «Муромский же 3-й гильдии купец Козьма Дмитриев Зворыкин, имеющий поблизости 2-х этажный дом, принуждает означенную важню с шатром нас снести; имея прямое намерение дом свой на опростанном месте увеличить пристройкою в открытую площадь не менее как на 12 саженом пространстве... Известно нам, что место под устроенною важнею с шатром, равно и близ онаго лежащее пустопорожним, которое уже Зворыкин огорожив забором часть обратил в усадьбу и часть занял кирпичами и строевым лесом, принадлежит по Высочайше подтвержденному на г. Муром плану в число площади той самой, на которой расположен весь гостиный двор; но о том, имеет ли купец Зворыкин на него какое-либо законное укрепление он нам не открывает»⁸. Судя по рапорту из муромской городской полиции дело выиграл купец Зворыкин⁹, следовательно, «укрепление» имел. В 1836 г., когда городской магистрат выдавал копии на наследственное имение жителям Муром, К. Д. Зворыкин представил купчую крепость, совершенную им в 1835 году. По ней он

купил у вдовы пономарницы Христорождественской церкви Стефаниды Семеновой крепостную землю, «состоящую на Квасницкой горе за градским общественным домом». За использованием территории площади тщательно следили. Так, в «Журнале Муромской городской думы» за июль 1836 г. зафиксирована «Подписка купца Козьмы Дмитриева Зворыкина об уничтожении полисада, возведенного им на городской земле»¹⁰.

У А. А. Титова в «Статистическом обозрении города Мурома», составленном около 1840 года, на пятом холме, где Гостиный двор, дом Зворыкиных не упомянут. Видимо, не привлек внимания как достопримечательность, хотя по документам известно, что двухэтажный дом был¹¹. В 1834 г. учитель уездного училища Г. Рябиков нарисовал картину «Переправа Николая I через Оку»¹². На ней также нет дома, который бы перекрывал Николозарядскую церковь. Такой дом, над крышей которого выглядывает только шатровая колокольня Никольской церкви, появился в панораме Мурома на картине неизвестного художника «Вид города Мурома из-за реки»¹³. Датируют ее обычно серединой XIX века; возможно, по ряду признаков, не позднее 1847 г. В промежуток между 1840 и 1847 гг. был отстроен Зворыкинский дворец в три этажа с мезонином.

Землю вокруг дома пришлось прикупать частями у разных владельцев: «Лета 1840 августа 28 дня муромская мещанская вдова Ирина Максимова Хваткова продала я муромскому купцу Козьме Дмитриеву Зворыкину доставшуюся мне по купчей 1818 г. мая 15 дня от муромского купеческого сына Николая Алексева Усова огородную и усадебную землю с имеющимся на оной деревянным флигелем, состоящую в г. Муроме — шед от р. Оки к большому мосту на правой стороне, мерою с лица по улице 7,5 сажен; в длину по обеим сторонам по смежности земли: правой муромской мещанки Дьячковой — 15 сажен, а левой, покупщика Зворыкина 17 сажен; в заде же по земле его же, Зворыкина — 6,5 сажен... А взяла я с него денег 142 рубля серебром»¹⁴; «Лета 1841 августа 20 дня муромская мещанка Анна Иванова Милованова продала я муромскому 2 гильдии купцу Козьме Дмитриеву Зворыкину крепостную свою доставшуюся мне по духовному завещанию после покойной двоюродной сестры моей солдатки Матрены Яковле-

вой Гладковой 1834 г. февраля 12, а ей по купчей 1779 г. марта 8 дня от муромской купеческой жены Феклы Коноваловой, состоявшую в г. Муроме около Квасницкой горы, шед на оную от большого моста по оврагу к р. Оке на левой стороне, коей меры с лица равно и в заду по земле его, покупщика Зворыкина, по 6 сажен 1 аршину; в длину по обеим сторонам — окружающими землями его ж, Зворыкина — по 12 сажен. А взяла я с него денег серебром 200 рублей»¹⁵. Еще один документ прибавляет землю к усадьбе Зворыкиных: «Лета 1843 июня 28 дня муромский 1 гильдии купец Григорий Дмитриев и племянник его Иван Прокофьев и купеческий племянник Николай Прокофьев с согласия попечителя своего и внука — Прокофия Степанова Зворыкина подарили мы в вечное и потомственное владение родному своему первому — брату, второму и третьему — дяди, а четвертому — деду, муромскому 1 гильдии купцу Козьме Дмитриеву Зворыкину после умершего муромского купца Прокофия Дмитриева Зворыкина, а ему по купчей 1835 г. ... [неразб.] 25 дня от муромского купца Алексея Григорьева Цыбикова, состоящую в г. Муроме, шед с Торговой площади на р. Оку позади городского общественного дома в смежности земли по стороне правой — Христорождественского пономаря вдовы Стефаниды Семеновой и его, Козьмы; левой — Козьмы Зворыкина, а задом прошла к общей всех нас земли; мерою той земли по улице с Торговой площади и в заду до косогора равного места по 13 сажен; в длину по обеим сторонам по 21 сажени, решительно всю землю... ценою 300 рублей серебром»¹⁶. В 1863 г. приобрел он землю с каменным и деревянным строением у своих братьев Григория и Прокопия Дмитриевичей Зворыкиных, которая им всем 3-м досталась по купчей крепости 1829 года от муромского купца Алексея Григорьева Цыбикова. Земля эта находилась «в г. Муроме близ церкви Николая Чудотворца за рядами при входе от общественного городского дома к реке Оке на левой стороне»¹⁷. Мысок на Квасницкой горе между двумя оврагами был не так велик, еще и оползни бывали, приходилось его подсыпать, как выяснили уже в наше время. Итак, усадьбу основал, скупая и собирая от родственников по частям землю, прадед изобретателя Козьма Дмитриевич Зворыкин (1784-1864), являвшийся крупным торговцем хлебом и владельцем

пароходов.

Прадед дожил до восьмидесяти лет, имел сыновей от первого брака: Михаила, Александра, Петра, Алексея (дед изобретателя). Был женат вторым браком на тридцатилетней купеческой вдове Аксинье Евсеевой. В обывательской книге за 1869 г. об этом семействе Зворыкиных значится: «Торгуют хлебом по судоходству и в лавках, занимаются обработкой в нанятых 4-х мельницах из пшеницы муки крупяной и оную продают в разных местах и городах как в столичных, так и городах уездных»¹⁸. Среди прочего состояния числился «по плану подля дома градского общества каменный 3-х этажный с землей дом»¹⁹.

Во время подготовки проекта реставрации Дома Зворыкиных в 2000-е годы архитекторы-реставраторы обследовали здание и пришли к выводу, что его строили в несколько этапов: в основании обнаружена кладка XVIII века, в 1830-е стояло уже двухэтажное строение, а превращен в самый большой в городе трехэтажный дворец он в 1840-е годы. Видимо, распоряжался работами по перестройке дома глава клана Зворыкиных Козьма Дмитриевич. Сыну его Алексею (1822-73) в это время было немногим более двадцати лет, и он не мог еще иметь таких полномочий. В оценочной ведомости Муром за 1880 г. каменный дом наследников «потомственного почетного гражданина Алексея Козмича Зворыкина» оценен в 8000 рублей. По стопам Козьмы Дмитриевича

пошел его внук (отец будущего изобретателя) — Козьма Алексеевич (1849-1916)²⁰. Он получил экономическое образование и принимал активное участие в общественной жизни города, входил в попечительский совет библиотеки, городскую Думу, в течение одного срока был главой Муром. По наследству к нему перешли дела по торговле зерном, он стал владельцем пароходства на Оке, директором местного банка с 1903 по 1916 год (до кончины). В 1914 г. в книге Муромской городской управы с записями о выданных промысловых и сословных купеческих свидетельствах Зворыкины были написаны как пароходовладельцы. При доме К. А. Зворыкина находилась главная контора пароходства («Зворыкины Ел. Ник. и Константин Ник.»)²¹. К началу XX века в Муроме насчитывалось до шестидесяти купцов по фамилии Зворыкины, находившихся в ближнем и дальнем родстве и имеющих дополнительные опознавательные прозвища: Козоморовы, Подгорные, Железные, Якорь и т. д.

Дом-дворец Зворыкиных был весьма простой в архитектурном отношении. Центральная часть главного фасада украшена восемью пилястрами ионического ордера; над ними — фронтон с арочным окном мезонина. Центр восточного фасада, смотрящего на Оку, выделен более простыми пилястрами. В пространство между ними вписано широкое тройное окно. Архитектурное решение подчеркивалось контрастной колеровкой. Поме-

Ил. 4. Торговая (Гостинодворская) площадь перед Домом Зворыкиных. Репродукция. Из цифрового архива А. Р. Комлева. Датировка А. Р. Комлева — не ранее 1903 г., не позднее 1909 г.

Ил. 5. Вид на Муром с соборной колокольни (со стороны современного Окского парка). 1930-е гг. МИХМ. № М-10487 и НВ-239. Ф. 06-28-08

щения внутри здания расположены анфиладами, что оказалось очень удобно для размещения экспозиций. На парадном третьем этаже был большой «бальный» зал, украшенный дорическими колоннами. На втором этаже в одной из малых гостиных была роспись потолка с характерными мотивами эпохи классицизма. Отапливался дом множеством печей, на некоторых были изразцы начала XIX века. Ни чертежей, ни документов о строительстве дома выявить пока не удалось. Старых фотографий с крупным планом дома тоже нет. На общих видах Мурома можно выделить западный фасад и фрагменты восточного фасада Дома Зворыкиных.

В Оценочной книге Мурома за 1915 год, а это последняя дореволюционная опись владений горожан для взимания налогов, имение Зворыкиных описывается так: «Гостиный двор близ к Николозарядскому оврагу, 104 (это номер владения по порядку, но не номер дома. — Т. К.) Зворыкина Кузьмы Алексеевича Пот<омственного> Поч<етного> Гражд<анина> камен. 3-х эт. дом с разными камен. и дерев. постройками. Сад-огород, оранжер<ей> и парн<ики>. Земли мерою: по лицу — 45 саж., взади — 53 саж. и по сторонам правой — 72 саж., левой — 65 саж. /Отношение Ст<аршего> нот<ариуса> 17 сентября 1890 г. № 8212/. Разд. акт. утв. 15 июня 1890 г.»²² Оценены строения и земля: в 1913 г. — 3962, в 1917 — 35 000. На той же странице размещена таблица, записи в которой относят-

ся к этому дому, но уже в советское время. Он уже имеет номер 4 и значится по Никольской улице. В таблице приведены сведения: чья квартира и кем заняты комнаты; номер комнаты (они были пронумерованы); размеры (длина, высота, ширина, площадь и даже объем!); оценка комнат (по норме и установленная комиссией), оценка комнат с 1 ноября 1919 года — графа не заполнена; наконец, внизу таблицы — оценка всего дома — 562 р. Домовладелицей записана Елена Николаевна Зворыкина (мать изобретателя)²³.

На втором этаже одну квартиру (комнаты 1, 2, 3) занимала врач Антонина Зворыкина (сестра изобретателя). Далее указан комнатонаиматель Вл. Ал. Альбицкий (комната 4) и Анна Козминична Зворыкина-Наливкина — комната 5. Комнаты, занятые под музей — № 7-12. На третьем комнаты № 1-3 заняты под музей; № 4-8 — Учительской семинарией. Канцелярия (южный флигель, который до сих пор называют канцелярией) — квартира Николая Петровича Брянцева, комната сторожа. Первый этаж не упоминается, там всегда были хозяйственные помещения, и в это время он был нежилой и не подлежал оценке. Зворыкины еще почти десять лет не расставались с родным домом. В 1929 году местная газета напоминает: «Кто не знает Зворыкина К. А. — купца, „слава” о нем носилась по берегам Оки и Волги, собственные пароходы, поместье около дер. Бердишево, земля, собственные мужики... в полном благоденствии доживает свой век дочь

Ил. 6. Балкон Дома Зворыкиных. Балкон мог быть построен в 1907-14 г. МИХМ М-13093/1. Ф. 01-61-01

этого купца... Н. К. Известкова (на самом деле Надежда Козминична Неизвестнова. — Т. К.)... имела прислугу... занималась бывшая помещица перепродажей вещей... жила в бывшем собственном доме (теперь муромский музей)... в прошлом году... уехала к зятю Жадину на биологическую станцию²⁴ около Нижнего»²⁵. Заметка появилась в газете для поддержки бывшей прислуги, которая по судам добивалась недоплаченного жалования. Из материала следует, что прежние хозяева окончательно покинули дом только в 1928-м году. На десятилетия тема о семье Зворыкиных была закрыта. Изобретателя В. К. Зворыкина называли русским подарком Америке. В Советском Союзе об ученом-эмигранте даже упоминать было не принято.

Музей сначала занимал девять комнат. Учительская семинария всего около года сосуществовала с музеем. С первых лет площадь оказалась недостаточной. Для картинной галереи намечали то помещение земской управы, то здание школы в Троицком монастыре. В 1920-м уже было планировали субботник просветработников, чтобы на подводах перевезти картины, но помещения были в плохом состоянии. Реальность была сурова — война, разруха, голод. Сотрудники музея просили огородную комиссию оставить при доме участок «для научных целей» и выделить место Зворыкиным и Неизвестновым, а за семенами пришлось обратиться в здравотдел и земотдел. Огромный зворыкинский дом содержать было трудно. Планировали провести электроосвещение, «т. к. нет керосина». Дров тоже не было, невозможно было работать «вследствие холода».

Книг свезли в музей до 20 тысяч томов. Разборка библиотеки считалась первоочередной задачей, поскольку без специальной литературы никакая деятельность не мыслилась. Для оплаты за описание книг 28 ноября 1920 г. составили весьма примечательную смету: «20 пуд муки, 3 пуда соли и 1 пуда сахара»²⁶. В 1922 году музей оказался на замке, но все-таки выжил.

На фронтоне мезонина в 1925 году выложили надпись «Музей», которая сохранялась лет пятьдесят. Не было в городе человека, который бы не знал, где находится музей. С середины двадцатых появились так называемые спецсредства, т. е. деньги не из бюджета. Источники были разнообразны: от входной платы, от продажи ненужного имущества, от аренды участков и строений. В наем сдавали часть площадей усадьбы Зворыкиных и находившиеся в ведении музея помещения церквей и монастырей (8 городских церквей, 6 в уезде, 3 монастыря), да еще сады и территории. Вместе с доходом на музей легли коммунальные заботы. Так, в 1927 году его обязали принять меры к ликвидации задолженности за жильцами и против самовольного захвата квартир. Время от времени проводилось очищение фондов от предметов, не имеющих историко-художественного значения — продавали колокола с закрывавшихся церквей, церковное серебро на лом и пр. Только в 1939 году первый этаж был освобожден от склада Кондитерсбыта. Постепенно музей избавлялся и от других арендаторов.

Почти весь довоенный период в доме Зворыкиных отапливались только жилые помещения второго этажа. Из двенадцати печей топили девять, наверху из экономии дров старались лишь поддерживать плюсовую температуру; но зимой там бывало, как на улице. Железную печь в библиотеке утром топили докрасна, а к обеду уже работали в перчатках. Для пожарной безопасности перед печами приделали листы железа, держали рядом кадки с водой, запас дров в сенях хранить запрещалось. Под стоки с крыши ставили бочки для воды. Канализации не было. Случались коммунальные разборки: устанавливали очередность между музеем, биостанцией и квартирантами в уборке сеней и уборной. Это место общего пользования было самой примитивной системы: с трубой от третьего этажа до выгребной ямы. При-

строенная к зданию уборная на восточном фасаде у «черного хода» (т. е. у северной двери) видна на фотографиях XIX в. и на снимках 1940-х годов. Вероятно, у Зворыкиных был ватерклозет, поскольку водопровод в дом проводился. В годы послереволюционной разрухи система от мороза испортилась. Для посетителей соорудили деревянный туалет во дворе. Экспозиции на третьем этаже открывали в светлое время суток, т. к. электричество было лишь на втором. Планировка здания оставалась почти неизменной. Со второго этажа на третий вела крутая узкая лестница, под ней — несколько чуланов (кладовых). Часть балкона второго этажа остеклили, чтобы летом жильцам спать там. Этот балкон был пристроен, видимо, незадолго до Первой мировой войны — на фотографиях 1907-8 гг. его еще нет.

Довоенный быт на музейной территории был вполне патриархальный. На втором этаже в квартире окнами на Оку жили директора — Квасов, за ним Богатов. В маленькой комнатке первого этажа в тридцатом году жил научный сотрудник Н. В. Гордеев с женой и сыном. В большой — художник А. В. Морозов с женой и четырьмя детьми. Зарплаты в музее всегда были маленькие, кормились натуральным хозяйством. В сарае Морозовы держали корову, свинью, кур. В холода с ними в комнате жил и теленок. Хозпостройки во дворе использовались для проживания сотрудников. Там квартировал художник Н. К. Угрюмов с женой М. Карповой, а после войны — зав. библиотекой В. И. Богатов с семьей. В музейном доме в 1927-м году работала и жила сторожиха, у которой муж был с уголовным прошлым. К нему приходили неблагонадежные собутыльники, и они имели возможность свободно заходить в залы музея, которые не были надежно изолированы. Директору с трудом через суд удалось уволить сторожиху и выселить семейку. Во время войны у музея осталось лишь несколько залов, в остальных разместились школьные классы и столовая. По всей вероятности, крысы и мыши не ели музейного имущества, поскольку были избалованы более «изысканным» меню.

Хозяйственные постройки составляли замкнутое пространство двора. В трех сараях содержались наиболее громоздкие экспонаты, в основном сельхозмашины, остававшиеся от ежегодных вы-

ставок. В сараях складывали запас дров на зиму. Деревянные постройки и оранжереи разобрали из-за ветхости. Флигель в южной части двора был жилой, затем в нем разместилась «канцелярия» музея. Там сначала был один большой зал без перегородок (теперь шесть отдельных помещений, коридоры, поздняя пристройка).

В северном флигеле в 1930-е годы работали школьные кружки. В последние десятилетия XX века здесь находились мощи муромских святых до передачи их Русской православной церкви, а название закрепилось — «мощевая». В летнее время во дворе музея сажали много разных цветов, особенно привлекательны были яркие мальвы.

За усадьбой между двумя оврагами по склонам размещался обширный сад со старинными сортами яблонь. Урожай делили между сотрудниками. Под лестницей была устроена ниша для хранения яблок, и по музею разносился их аромат. Во время войны в сильные морозы погибли все плодовые деревья. Сад исчез с музейного холма и был вычеркнут из музейного хозяйства. Во дворе еще сажали яблони, вишни и сливы; в последний раз в 1980-е годы. На восточном мысу сада в окружении сирени и акации до войны стояла ажурная деревянная беседка. Лет пятьдесят назад на городской земле по склонам оврагов были посажены декоративные кустарники. За ними некому было присматривать, и вездесущий американский клен вытеснил все, разросся и окружил усадьбу плотной стеной. Недавнее решение городских властей о передаче музею прилегающей территории вселяет надежду на восстановление сада.

Охрана музея десятилетиями оставалась весьма символической. Мелкие кражи в экспозиции не были редкостью. «Вместо протянутой веревочки сделать деревянный барьер», — вот так планировалось изолировать экспонаты. В отчете за 1924 год сообщалось о «покраже посетителями трех пистолетов». В 1933-1934 гг. из переданной в музей коллекции Добрынкина были украдены брошь-каменя из морской раковины XVIII в., чернильный прибор красной меди с золочением и инкрустацией, две гребенки белой кости. Ключи от залов сотрудникам позволялось хранить у себя. Удивительно, но серьезное происшествие зафиксировано было только однажды — 12 ноября 1933 года грабитель спрятавшись на третьем этаже во время осмотра музея,

а ночью, собрав ряд ценных предметов, спустился по веревке из занавесок. Семья директора в тот вечер ушла в театр, шум наверху некому было услышать. Обнаружили кражу утром. С тех самых пор заведена в музее традиция — перед закрытием тщательно осматривать все закоулки, шкафы, сундуки. Не имея возможности поставить вооруженный пост, директор хотел завести собаку, но едва ли это стало бы эффективной мерой, поскольку вся территория была плотно населена, движение и хождение никогда не прекращалось. В связи с ограблением решили нанять продавца билетов, двух технических сотрудников, ночного сторожа, устроить звонковую сигнализацию, купить ружье-берданку, лампу «летучая мышь» и два электрических фонаря, закрыть ставнями окна над верандой и железными решетками окна в сенях. Смотрителю приказано не выходить из зала при посетителях, а те должны возвращать входные билеты при выходе, чтобы исключить возможность спрятаться. Директор в объяснительных сообщал, что самое ценное из похищенного — 23 пары серег, а остальное все можно заменить подобными предметами. Ему по такому случаю выдали браунинг. Чтобы снабдить решетками все окна, потребовалось еще двадцать лет. В отчете за 1955 г. отмечено, что Металлозавод устроил 18 железных решеток в окнах основного и фондовых зданий²⁷ стоимостью 1759 руб.

После войны, в 1946 г., для ремонта здания горисполком назначил шефом музея ОСМУ-2 (строительное управление), а музей, в свою оче-

редь, обязывали «наладить культурно-массовую работу и наглядную агитацию в общежитиях и предприятиях ОСМУ-2». Городские власти применяли эту привычную советскую практику — обязывали разные предприятия вкладывать свои средства, если в городской казне их не было. В конце пятидесятых весь город усиленно озеленяли. Перед Домом Зворыкиных посадили деревья. Из тощих прутиков быстро вымахали лохматые кроны ясеней и американских кленов, которые не стригли, не формировали, и они полностью закрыли фасад. Сфотографировать здание стало невозможно.

Только в 1960-е годы дошла очередь до реконструкции. На доме обновили крышу. Внутри разобрали временные перегородки, реконструировали лестницы. Из перекрытий второго этажа убрали земляную засыпку еще тех времен, когда дом был двухэтажный. Заменяли электропроводку. Провели водопровод — акт об установке водомерного счетчика составлен 10 января 1966 г. — а водопровод-то в Муроме открыт сто лет назад. Поставили пожарные краны. Появился санузел, впрочем, не рассчитанный на поток посетителей. Тогда, да и много позже, комфорт для посетителей и работников не считался необходимым. Музей избавился от печей. Смонтировали водяное отопление от собственной котельной, топившейся углем. Следующие четверть века, пока не подключили к городским теплосетям, к каждой зиме в музейном дворе вырастал угольный террикон, который постепенно ссыпали в подвал котельной.

Ил. 7. Дом Зворыкиных. 1936 г. Вход в музей был на западном фасаде, справа. МИХМ. М-14603. Ф. 16-03-01

Ил. 8. Дом Зворыкина. Восточный фасад. Фото: Д. А. Егоров. 1948 г. Из серии его фотографий Муром. Подлинники — Государственный музей архитектуры имени А. В. Щусева. В МИХМ — эл. копия. Б/н. Старый сад вымерз во время войны. Территория сада засажена картошкой

Двор оказался теперь в поле зрения посетителей. Вход пришлось сделать со двора, т. к. прежний с фасада оказался ниже выросших тротуаров и заливался водой. О системах безопасности речь и не шла. Первые сигнализации монтировали через двадцать лет, а железные двери появились еще позже.

Во время ремонта экспонаты из музея не вывозили, выставки разбирали поочередно. Не обошлось без потерь. В декабре 1966 г. в недавно сооруженной системе водяного отопления случилась авария, ночью были затоплены несколько залов, и, самое опасное, — подмокла электропроводка. Некоторые экспонаты — мебель, ткани, портрет П. Уваровой и др. — были подпорчены водой.

Завершение ремонта планировалось к 50-летию советской власти в 1967 г. Работы вела Владимирская реставрационная мастерская. Проектные решения тогда были минимальными, экспертиз в современном представлении вообще не было. Дело двигалось медленно. Для контроля исполком назначил комиссию, в которую вошли: инспектор исполкома Г. В. Хлебов (который ранее был директором музея), пенсионер И. Т. Демидов, от госпознадзора А. Ф. Горшков, директор школы № 3 В. П. Силин. Едва ли она могла быть эффективна и имела реальные полномочия.

После капитального ремонта выселены последние жильцы и музей получил максимум экс-

позиционных площадей в доме — около полутора тысяч квадратных метров. В 1970-90-е на первом этаже начиналась и продолжалась на втором экспозиция по древней истории Муромского края, а советская история была представлена на третьем. Половину второго этажа занимала выставка художественных коллекций. Библиотеке с читальным залом отводилось три комнаты. Часть помещений занимали хранилища экспонатов.

Как раз в период капитального ремонта музей посетил Владимир Зворыкин. В книге отзывов от 9 сентября 1967 года осталась запись: «После пятидесятилетнего перерыва посетил мой родной дом. Очень отратно видеть его не только в сохранности, но и в периоде реконструкции. Особенно отратно видеть, как дом, в котором родился, так заботливо реставрируется для музея под руководством Александра Анатольевича Золотарева. Спасибо. В. К. Зворыкин». Он вспоминал позже, что приехал как турист во Владимир, а оттуда на такси «махнул» в Муром. Разрешения он не спросил, но компетентные органы (КГБ) не дремали. Это событие в городе, куда запрещали въезд иностранцам, было неординарным. Экскурсию по Мурому для ученого провел главный архитектор города Н. А. Беспалов. Ему доверили принимать и угощать дальнего гостя.

В 1989-м, в год столетия со дня рождения В. К. Зворыкина, наконец позволено было чество-

вать ученого-эмигранта. Время было «горбачевское», началась «перестройка». На родном доме изобретателя установлена мемориальная доска. Родственники Зворыкиных, жившие в СССР, съехались в Муром со всей страны. Музей выступил с инициативой создания памятника знаменитому земляку, но понадобилось еще более двадцати лет, чтобы это осуществилось. Скульптурная композиция (скульптор П. Щелов, земляк изобретателя) изображает, как и предлагали музейщики, студента Петербургского технологического института, сидящего на скамейке возле родного дома. Долго пришлось искать средства на установку памятника, объявляли счет для сбора пожертвований, но тщетно. Спонсоры нашлись при содействии Первого канала центрального телевидения — предприятие «Российская телевизионная и радиовещательная сеть». Памятник в Муроме открыли 31 июля 2013 года. На два дня раньше в Москве на фоне Останкинской телебашни поставили первый в России памятник Владимиру Зворыкину.

К этому времени по предписанию надзорных органов музейный Дом Зворыкиных уже был закрыт с 2011 года для посетителей.

Там сохранялись экспозиции, создававшиеся от начала 1970 годов. На первом этаже — открытые в 1974 году археологические разделы

и Муром в период древнерусского государства; на втором через десять лет делали продолжение — XVIII-XIX вв. Выставка художественных фондов, созданная А. А. Золотаревым после капитального ремонта и занимавшая сначала все залы на втором этаже, а позднее то менее, то более половины, просуществовала дольше всех экспозиций, до конца века, и всегда была самой востребованной у приезжих туристов. В 1998 году по грантам сделали большой выставочный проект «Семья в музейном интерьере», представлявший повседневную жизнь в старинном купеческом доме. Тогда такой проект был актуален, он возвращал в забытое прошлое Дома Зворыкиных. Эти выставки воссоздавали интерьеры с подробностями, были нацелены на имитацию «эффекта присутствия». Витрин не хватало, многое оказалось почти «в открытом доступе», как в 1930-е — за веревочкой. Теперь уже, учитывая современные требования к безопасности и сохранности музейных предметов, такого эффекта получить нельзя. Впечатления у посетителей оставались самые теплые. Экспозиции третьего этажа представляли советский период истории края. Много там было уникальных документов, порой и подлинников, но идеологические приоритеты не позволяли никаких интерпретаций событий, кроме утвержденных сверху. Плоскостная невыразительная экспозиция

Ил. 9. Площадь перед музеем (Домом Зворыкиных). Фото: Е. М. Салов. 19 августа 1962 г. — день юбилея города Муром. Подлинник — семейный архив Саловых-Лебедевых. Из цифрового архива А. Р. Комлева. Деревья у фасада чуть видны

Ил. 10. Дом Зворыкиных. 2007 г. МИХМ. Убраны деревья с фасада в 2007 г. МИХМ. Электронный архив

по XX веку не выдерживала конкуренции с художественными коллекциями. Туристы обычно не доходили до третьего этажа. Во второй половине 1980-х, когда идеологическое давление рухнуло, советские экспозиции разобрали и почти все залы заняли произведениями древнерусского искусства. Зал с колоннами использовали для временных выставок, для конференций и концертов.

Настал период, когда пришлось демонтировать экспозиции. За последние сорок лет текущих ремонтов было немало, и охранные меры принимались, и сигнализации совершенствовались. Полумеры не спасали. Проводка не выдерживала новых нагрузок, отопительная система не справлялась с температурно-влажностным режимом, сигнализация срабатывала почти каждую ночь из-за ветхих рам в окнах. Все коммуникации изнашивались и не соответствовали современным нормативам. Работы по подготовке проекта реставрации велись с начала 1990-х, но в стране долго не доходила очередь до музейных объектов. Памятник архитектуры «Усадьба купцов Зворыкиных» включили в целевую программу «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002-2010 годы)», но потом оказалось, что деньги потрачены, а проекта нет. Разумеется, деньги те были не музейные, не городского бюджета. Распоряжались совсем в иных инстанциях. Музей как учреждение считали будущим пользователем и только. Появились фантастич-

ные проекты — под усадьбой планировались подземные помещения. Музейщики с этим не могли согласиться и ничего подобного не собирались подписывать. Кто фигурировал в качестве заказчика проекта, покрыто тайной. Неуловимая контора проектировщиков оказывалась то в Москве, то в Санкт-Петербурге, то в Тамбове. Дом ветшал, на его спасение не выделялось ни копейки. Муромский музей был городским учреждением культуры, и денег, выделяемых ему из местной казны, не хватало даже на охрану, не то, что на реконструкцию.

Не секрет, что в стране основные решения принимаются личным волевым усилием сверху. На экскурсию в Муром приехала делегация от полномочного представителя президента в Центральном федеральном округе. Увидев плачевное состояние музейных помещений, высокие гости ужаснулись и пообещали помочь. Вскоре М. Е. Швыдкой, тогда руководитель федерального агентства по культуре, обратился к владимирскому губернатору с «просьбой» взять Муромский музей в областную собственность. С 2007 года музей стал областным учреждением культуры. Проектная эпопея пошла заново под патронатом области.

Масштаб реконструкции Дома Зворыкиных огромный. Музей будет оснащен всеми современными средствами коммуникации, освещения, сигнализации, климат-контроля и пр. Пред-

Ил. 11. Дом Зворыкиных. 2014 г. МИХМ. Электронный архив

стоит укрепить склоны оврагов, которые еще с XVIII века искусственно дорастивали, и теперь они осыпаются. Предшествуют реконструкции усадьбы раскопки на прилегающей территории. При капитальном ремонте 1960-х гг. археологического обследования территории не производилось. Тогда еще не было столь жестких законодательных мер по этому поводу. Место, где стоит Дом Зворыкиных, с древности было привлекательно для поселения, а, значит, теперь чрезвычайно интересно для археологов. Все земляные работы — подведение коммуникаций, устройство площадки под памятник В. К. Зворыкину — предварялись исследованиями археологов. В результате определено, что территория впервые освоена в эпоху бронзы, от раннего средневековья остались следы пребывания племени мурома, обнаружен ров периода древнерусской колонизации муромских земель, в XVI-XVII вв. здесь появились захоронения городского христианского некрополя, а в XVIII в. на участке начали возводить жилые и хозяйственные постройки, которые сгорели в одном из пожаров на рубеже XVIII-XIX вв. Только после всех этих событий могло начаться строительство здания, которое и стоит до сих пор.

Главным зданием музея суждено оставаться Дому Зворыкиных. Выставочных площадей там будет значительно меньше, чем раньше. Придется перестроить лестницы, часть территории займут технические устройства. После реконструкции на первом этаже будет входная зона: кассы, гардероб, магазины сувениров; второй и третий этажи

— экспозиции. Будет новый музей для нового поколения посетителей.

Дом-музей академика живописи И. С. Куликова²⁸

Ул. Свердлова (бывшая Полевая), 9

Решение о создании мемориального музея академика живописи Ивана Семеновича Куликова (1875-1941) было принято местными властями вскоре после его кончины, еще во время войны. Экспозицию открыли в 1947 году.

Небольшой в три окна дом построен в 1883 г. отцом художника Семеном Логиновичем Куликовым. Когда Иван учился в Академии художеств, дом переделали по его проекту, устроив помещение для работы художника. Для летней мастерской построили деревянный павильон со стеклянной крышей, но он не сохранился. В Оценочной книге Мурома записано: «Мещ. <анки> Александры Семеновны 1/7 часть и сыну худож. <нику> Акад. <емии> художеств Ивану Семеновичу Куликовым. Деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землей»²⁹.

Улица называлась Полевая, она до сих пор не совсем еще утратила прежний облик.

Экспозиционная площадь составляла около 100 кв. м, в остальной части дома жили родственники. На музейной территории было плотно размещено около 180 произведений мастера (живопись и графика), часть из них принадлежала семье, а часть была выкуплена городом. Предприятия и колхозы обязали выделить средства для закуп-

ки картин. Первым откликнулся Энский завод (ныне — Приборостроительный), купив натюрморт И. С. Куликова. Его примеру последовали другие заводы и даже небольшие артели.

С момента основания и до 1973 г. музей посетило 100 тысяч человек. Более тридцати лет единственным его сотрудником и хранителем была вдова художника — Елизавета Аркадьевна. Большой вклад в поддержание музея внесла дочь Татьяна Ивановна, также проработавшая здесь до конца своих дней.

В 1974 Муромский краеведческий музей стал филиалом во Владимирском объединении музеев, а городской мемориальный музей И. С. Куликова вошел в состав Муромского филиала. Специалистами Владимирского музея в 1970-е годы была перестроена экспозиция, которая обновлялась и дополнялась. Два зала на первом этаже документально рассказывали о жизни и творчестве художника; на втором — воссоздана мастерская. Экспозиционные помещения были небольшие, тесноватые, но посетителям нравилась уютная атмосфера дома-музея. В мастерской все выглядело так, как будто художник собрался писать картину на одну из своих любимых тем о красавицах в расписных теремах: натянута холст с начатым эскизом, расставлена старинная посуда, открыты сундуки с нарядами.

В 2007 году музей вынужден был закрыть экспозиции. Дом — это частное владение внуков

и правнуков художника. В советское время позволялось из бюджета полностью отапливать, освещать и охранять дом, но в новых правовых условиях это было недопустимо. Ресурсы старинного дома давно истощились и требовались работы по ремонту и оборудованию. Городские власти предлагали несколько вариантов переселения семьи и передачи дома городу под музей. Дом не сохранился в первоначальном виде, к нему была сделана поздняя пристройка из силикатного кирпича. Во дворе остались старинные хозяйственные постройки. Интересно было бы восстановить усадьбу, летнюю мастерскую художника. Наследники не смогли отказаться от родового гнезда. Статус памятника федерального значения накладывает ряд ограничений в эксплуатации здания, требует проектных решений и экспертиз для ремонтов, а государство не спешит выделять средства. В подобных ситуациях очень непросто сохранить исторический объект. Жалко было расставаться с музейным объектом: земляки до сих пор упрекают за закрытие музея. Наследие И. С. Куликова — и живописные полотна, и замечательное этнографическое собрание — востребовано, постоянно используется в экспозициях. Несколько лет путешествовала по стране выставка из работ и коллекций Ивана Семеновича Куликова, побывала до Сахалина, побывала во Владивостоке.

Ил. 12. Дом-музей И. С. Куликова. Дом построен в 1883 г. Фото не позже 1963 г. фотоателье в Муроме по заказу музея. МИХМ. НВ 3317. Ф. 16-03-12. Записан в НВ в 1963 г.

Николо-Набережная церковь³⁰*Ул. Плеханова**(бывшая Троицкая), 2-а*

Не раз поднимался вопрос о размещении музея в церковных зданиях. В 1920-е годы планировали художественные коллекции перевезти в школу Троицкого монастыря, рассматривали вопрос о размещении экспозиции по древнерусскому искусству в Богородицком соборе. В 1969 г. исполком горсовета принял решение о музеефикации памятников: Николо-Набережной (планировали под музей реки Оки), Смоленской церкви, Троицкого собора (древнерусское искусство), Казанской надвратной церкви (древнерусское шитье), церкви Бориса и Глеба в селе Борис-Глеб (крестьянского быта), Управы, квартиры в доме, где жил Н. Гастелло (мемориальный музей). Музейный бум так и не состоялся.

Несколько лет Николо-Набережная церковь использовалась музеем как фондохранилище. Это печальный опыт. Здание совершенно не было пригодно для музейного хранения. Строилась церковь в начале XVIII в., была закрыта в 1940 г. В 1950-1960-х годах в храме размещалась птицефабрика (инкубатор цыплят), склад Пищеторга. В акте 1967 г. музейная комиссия во главе с директором А. А. Золотаревым отмечает, что двери церкви разбиты и сорваны. Сторожижа Пищеторга рассказала, что нахулиганили подростки. От арендаторов избавились, отдел культуры выделил ставку сторожа, и еще десять лет в со-

Ил. 14. Николо-Набережная церковь. Западный портал с вывеской «Инкубатор». Фото: А. Г. Чинякова. 1950. Из цифрового архива А. Р. Комлева

Ил. 13. Николо-Набережная церковь. 1717 г. В 1967-1977 гг. — хранилище музея. Фото 1960-х гг. МИХМ. М-12536. Ф.07-12-07

вершенно не приспособленной Николонабережной церкви хранились экспонаты, в основном из дерева. Золотарев надеялся создать там музей Оки. Но однажды весной по реке поплыла золоченая деревянная резьба от церковных иконостасов. Теперь новое поколение подростков-вандалов развлекалось, взламывая двери Никольской церкви. Акт 1977 г. сообщает: «Сбиты замки, настежь открыты двери и внутри находящаяся деревянная резьба побита, повалена, следы поджога. Эти неоднократные „варварские нападения“ участились после снятия Управлением культуры дворника-хранителя в 1974 г.». Ставка сторожа, видимо, была сокращена в городском бюджете, поскольку музей перешел в ведомство Владимиро-Суздальского музея-заповедника. На этом пришлось расстаться с ненадежным хранилищем.

До начала 1990-х г. храм пустовал, потом там возобновились православные службы.

**Смоленская церковь³¹ —
Выставочный зал музея**

Ул. Мечникова

(бывшая Козьмодемьянская), 1

Первые выставки местных художников проводились в клубах, с весны 1920 года — в Доме Зворыкиных, с 1977 г. — в Смоленской церкви.

Церковь была построена на горе над Окой на месте деревянной в 1804 году на средства купца М. И. Елина. В 1832 г. возведена колокольня, которая до сих пор считается самой высокой вертикалью в городской архитектуре. В 1838-м пристроили теплую трапезную, объединившую колокольню и саму церковь в единое здание. Церковь во имя Смоленской иконы божьей матери стала преемницей древнего Козьмодемьянского храма, закрытого в 1868 г. в связи с обрушением шатровой крыши. Отсюда второе ее название — «Ново-Козьмодемьянская». В 1930-м году церковь была закрыта в числе восьми муромских церквей решением Нижегородского крайисполкома. Большинство церквей с тех пор чаще всего использовали под склады.

К 1977 году в Смоленской церкви были закончены реставрационные работы и ее передали музею под выставочный зал. Это был едва ли не лучший зал во всей области — более 200 кв. м, снабженный отопительной системой, сигнализацией. За двадцать лет здесь было представлено множество выставок — привозных и из фондов музея. Зал располагался в стороне от оживленного центра, на старинной улице, сохранявшей облик XIX века. Это привлекало посетителя, придавало особый лиризм месту. Посещение выставочного зала входило в стандартную программу осмотра достопримечательностей города. Выставиться здесь считали за честь не только муромские художники, но и известные столичные мастера. За двадцать лет существования зала было представлено множество выставок из фондов музея «Муром далекий и близкий» к 1125-летию города (1987), «Древнерусское искусство. К тысячелетию принятия христианства» (1988); «К 150-летию изобретения фотографии» (1989). Замечательная акустика позволяла проводить выступления камерных хоров и устраивать вокальные вечера. Муромские ценители живописного и музыкального искусства приходили сюда на концер-

ты. Выступал в зале ансамбль «Мурома», пела романсы Г. Карева, играл выдающийся пианист О. Бошнякович.

18 мая 1980 г. Муромский музей присоединился к международному Дню музеев, который в мире отмечается с 1977 года. В Смоленской церкви была устроена демонстрация исторических костюмов. Шествие в старинных нарядах произвело неизгладимое впечатление на собравшую публику. Следует признать, что музейные работники нарушили и этические нормы, и нормативные документы, надев «исторические предметы». Прошло сорок лет, и чем дальше отодвигается от нас эпоха, тем бережнее мы относимся к предметам-свидетелям. Современные технологии позволяют изготовить абсолютно идентичные вещи, которые могут отличить от подлинников только специалисты.

21 июля 1995 г. в шпиль колокольни ударила молния, он загорелся и рухнул. Начавшийся пожар был потушен, экспонаты не пострадали. Церков-

Ил. 15. Смоленская церковь. В 1977-1995 гг. — выставочный зал музея. Фото: Б. С. Косой. 1977. МИХМ. Цифровой архив. Фотолетопись Муром. ВХ 245-46

Ил. 16. Здание бывшей Городской управы. Выборы сельсоветов. Фото. 1927 г. МИХМ. М-12637

ные здания в тот период уже активно передавались верующим. Молнию посчитали буквально «знаком свыше», и Смоленская церковь была возвращена Русской православной церкви. Служить в ней стал отец Николай (Абрамов), член Союза художников России. При его участии храмовый интерьер восстанавливался с большим вкусом и тщанием. Взамен под выставочный зал музея власти пообещали прекрасный особняк на центральной улице.

Городская управа³² —

Художественная галерея музея

Ул. Первомайская (бывшая Никольская), 6

Управа — это ближайшее здание к музейному Дому Зворыкиных, и еще в начале двадцатых обсуждалось, как его приспособить под музей.

На старом радиальном плане Муром 1769 года³³ около большого моста под номером 26 обозначен городской магистрат. По регулярному плану, подписанному Екатериной II, город должен был полностью перестраиваться. Пожары начала XIX века «пошли ему на украшение» — город начал строиться по новым предписаниям. «Дома для казенной надобности» полагалось строить каменными. Двухэтажное здание городского магистрата на Торговой площади было заложено 15 июня 1813 г. при городском голове В. Т. Суздальцеве на пожертвованный обществен-

ный капитал. «На площади у гостинного двора дом каменный, 2-х этажный. В длину по лицу 10 саж., ширину 6 саж. 2 арш., под железной крышею... При доме: надворные постройки... Дом этот выстроен в 1815 г. на городской земле на пожертвованный обществом капитал и передан во владение Думе в 1815 г.»³⁴

Автор проекта реставрации 1990-х гг. В. Ю. Проничкин, исследуя здание, предположил, что это не то строение, поскольку в нем сохранились следы архитектуры усадебного дома. Он считал, что упомянутое выше здание 1815 г. стояло в другом месте площади, а это позднее из усадебного дома приспособлено для Управы. На Конфирмованном плане оно

не указано, нет его и на плане 1792 г. Однако, есть немало документов первой половины XIX в., купчих, где как ориентир указано здание городского управления: «На Квасницкой горе за градским общественным домом» — 1835 г.; «шед с Торговой площади на р. Оку позади городского общественного дома» — 1835; «в г. Муроме близ церкви Николая Чудотворца за рядами при входе от общественного городского дома к реке Оке на левой стороне» — 1829 г. Действительно, как отметил Проничкин, здание расположено не в главной части площади, и парадного входа не имеет, и лестница чугунная великолепная, но как-то втиснута в несоответствующее пространство. Все это могло измениться при ремонтах в течение десятилетий эксплуатации. Муромские краеведы-хроникеры XIX века не преминули

Ил. 17. Комсомольская площадь перед музеем. Вид на бывшую Городскую управу. Фото: И. В. Пенкин. 1964. МИХМ. Цифровой архив. Фотолетопись. ВХ-14-17. Ф. 06-03-07

бы упомянуть о перемещении городской Управы, если бы такое событие произошло.

С 1815 года городские чиновники разместились в просторных кабинетах «для присутствия» в здании у большого моста, соединявшего Соборную и Гостинодворскую площади. Здесь до революции располагалась постоянно работавшая Городская управа, и периодически проходили заседания выборного органа правления — Городской думы. Здание построено в классическом стиле, с простым строгим фасадом. Основным украшением интерьера служит чугунная ажурная лестница художественного литья начала XIX столетия. Возможно, она была выполнена на одном из заводов братьев Баташевых в Выксе. В музейной библиотеке хранятся подборки журналов заседаний Городской думы, отчеты и доклады Управы, по которым можно представить всю панораму общественной жизни Мурома. После революции все прежние органы власти были ликвидированы. В советское время здесь располагались городские учреждения: телеграф, биржа труда, эксплуатационно-технический узел связи (ЭТУС).

В середине 1980-х здание освободилось. Директор музея О. А. Лукина сумела убедить руководство города в необходимости передачи здания именно музею, что и было сделано в 1987 году.

Состояние помещений оказалось плачевным: множество перегородок для кабинетов, всюду разруха, потолков не было, чугунная лестница полуразбита, отсутствовало центральное отопление, стены поражены грибком. Как раз началось разделение структур Владимиро-Суздальского музея-заповедника, «муромские» проблемы стали заботой только муромского музея. В сложные 1990-е годы шел процесс реставрации. Министерством культуры были выделены сорок пять миллионов для оснащения здания современной сигнализацией и почти столько же, чтобы оплатить срочную реставрацию девяти произведений искусства. Трудно соотносить эти суммы с современными деньгами, но, несомненно, городскими силами подготовить новое здание было невозможно. В те годы еще не была забыта традиция поддержки учреждений культуры промышленными предприятиями, которые, между тем, сами начали распадаться. Реконструкция чугунной лестницы досталась тепловозостроительному заводу им. Ф. Э. Дзержинского.

По проекту зданию Городской управы возвращался исторический облик. Позднее пришлось искать компромиссное решение, поскольку по нормам безопасности должен быть дополнительный выход из экспозиции со второго этажа. Пожарную лестницу «вписали» на восточном фасаде со двора.

Ил. 18. Художественная галерея музея. Фото: Ю. М. Смирнов. 2007 г. Электронный архив МИХМ

Ремонт закончился в 1995 году. Прибавилось у музея 496,7 кв. м площади. Оказалось, это совсем немного — половину заняли экспозицией, на первом этаже едва удалось выкроить уголок для кассы и гардероба, кабинеты директору и экскурсионному отделу. Позднее на первый этаж переместили музейную библиотеку, читальный зал, архив, открыли художественный салон.

Художественное решение экспозиционных залов подготовили муромские художники И. В. Сухов и К. А. Ляпин. Они сделали небольшой объемный макет залов и миниатюрные макетики всех основных экспонатов. Это был первый опыт, который позволил продумать и просчитать размещение предметов, не прикасаясь к подлинникам, не передвигая тяжелой мебели. Торжественное открытие Художественной галереи музея состоялось 25 января 1996 года. В четырех залах второго этажа представлены лучшие художественные коллекции музея — собрание русского и западноевропейского искусства XVII-XIX веков: живопись, графика, гарнитуры мебели, предметы декоративно-прикладного искусства из бронзы, мрамора, керамики, фарфора и стекла — большая часть из дворца графов Уваровых в Карачарове. За прошедшие двадцать лет изменилось немного: что-то отправлено на реставрацию, что-то добавилось после реставрации, уточнены атрибуции, проведены ремонты, выполнено несколько рубежей сигнализации. Экс-

позиция стоит почти четверть века и не оставляет ощущения анахронизма, настолько удачно она вписана в заданное пространство (экспозиционер А. А. Сиротинская).

В XXI веке каждый музей заботится о комфортной среде для посетителей. В Художественной галерее планируется сделать более удобный холл первого этажа и добавить небольшую экспозицию, посвященную русским ученым графам Уваровым.

Дом Голубева³⁵ — Выставочный центр Ул. Московская, 13

Теря выставочный зал в Смоленской церкви, музей надеялся, что скоро получит Дом Голубевых, но стране опять было не до музейного строительства. Многие объекты культуры были «заморожены» или просто брошены незавершенными.

Дом стоит в первом квартале города. Здесь по екатерининскому плану полагалось строить только каменные дома самых именитых граждан. Участок земли на столь завидном месте постоянно переходил из рук в руки. До 1836 г. он принадлежал полковнику А. С. Языкову, который продал его П. Т. Засухину, тот — мещанину И. М. Шаганову, а уж он — купчихе А. А. Чепаревой. Предположительная дата постройки дома 1835 год. Сначала это был каменный флигель с мезонином, примерно в два раза меньше своего

Ил. 19. Почтовая карточка. Муром. Московская улица. Дом Голубевых — первый слева (угловой). Ступени парадных крылец выходят вдоль стен дома (на тротуар). 1914 г. МИХМ. М-17057-63

Ил. 20. Дом Голубева. С 1999 г. — Выставочный центр музея. Улица Московская. Фото: А. В. Нитецкий. 2019. МИХМ. Цифровой архив

нынешнего объема. Богатый дом был построен в 1840-е годы XIX в. ее мужем купцом третьей гильдии Ф. Н. Чепаревым. Бельэтаж дома занимали для проведения дворянских собраний. В 1859 году во дворе начался пожар, в котором сгорел весь квартал. «Обгорелый с мезонином дом, заключающийся в одних стенах»³⁶ продан купцу второй гильдии Деомиду Львовичу Голубеву в 1864 г. Ныне существующий дом строили и перестраивали Голубевы. В 1879 г. первый квартал Московской опять выгорел. Голубевы были состоятельные купцы, торговали лесом, имели оптовые склады, участвовали в общественной деятельности и сумели быстро восстановить особняк.

Сохранилась подробнейшая опись дома Голубевых 1886 года, где указано все в подробностях: около тридцати комнат, шестьдесят окон, столько же дверей и десяток лестниц: «В г. Муроме в 1 квартале на углу Московской улицы и Вознесенской площади каменный 2-х этажный дом с подвалами и антресолями, крытый железом... В верхнем этаже 12 комнат, 2 коридора и ватерклозет оштукатурены; комнаты оклеены обоями и в четырех комнатах полы паркетные; 27 окон с двойными рамами; дверей столярных двухстворчатых — 14, одностворчатых — 6; печей голландских белого изразца — 7, две лежанки; в одной

устроен камин <с> чугунной решеткой с мраморной доской и зеркало. При верхнем этаже пристроена комната с итальянским на площадь окном и одной столярной дверью; а также к первой половине этажа устроена стеклянная галерея, крытая железом и при ней деревянная лестница во двор. В нижнем этаже 11 комнат, 2 коридора и ватерклозет штукатурные; 19 окон с двойными рамами; дверей столярных двухстворчатых — 6, одностворчатых — 12; печей голландских белого изразца — 5, и русская одна с плитой. Для входа в нижний этаж две лестницы, одна деревянная, а другая — белого камня. Дверей: 1 железная и 4 деревянных и зонт железный, а также со двора для входа в верхний этаж парадное крыльцо с каменной лестницей и 2 двери столярные, из коих одна со стеклами. В подвальном этаже 7 помещений под сводами, в них 3 окна; дверей 7 железных и 6 деревянных со стеклами. Для входа в помещение с улицы устроены лестницы из белого камня с железными зонтами. В доме с подвальным этажом баня с предбанником; в ней одно окно с железной решеткой, 3 двери, из коих одна со стеклами, печь с паровиком. На Вознесенской площади к дому каменная 2-х этажная пристройка, крытая железом; в ней в верхнем этаже 4 комнаты, 7 окон с двойными рамами, дверей: одна двух-

створчатая и 4 одностворчатых; печей одна голландская изразцовая с лежанкой и одна русская кирпичная с плитой. Внутри комнаты деревянная винтовая лестница с дверью. Антресоли, в них одна комната, 6 окон с двойными рамами, одна печь голландская изразцовая с лежанкой и лестницей на чердак. На чердаке чулан, окно и дверь. И все это строение оценено в 10 тысяч рублей»³⁷. Сложное устройство предусмотрено, т. к. дом использовался многофункционально: жилые комнаты, хозяйственные и торговые помещения, сдаваемые в аренду.

В Оценочной книге Муром записано: «Голубева Василия и Александра Деомидовичей купцов, первый из них ныне уже умерший [зачеркнуто и исправлено красным:] Василия [дописано] наследников Василия Диомидовича Голубева камен. 2х эт. дом, заним. торгов. заведением и дерев. дворов. Постройки». Оценены строения и земля: с 1913 г. — 7931; с 1915 — 10 000; на 1917 — 40 000 р. За 1919 г. там же отмечено: «Домовладелец Голубев А. Д. Помещение занимаемое вооруженной кавалерийской командой — 2-й этаж; жилье 8, 9; пустующие 3, 4, 5, 6; музыкальная команда — 10, 11; мезонин 12»³⁸. Куда пришлось отправиться Голубевым в советское время — неизвестно.

В 1970-е годы в верхних этажах размещались коммунальные квартиры, в подвальном помещении старожилы еще помнят овощной магазин. В начале 1980-х дом расселили из-за ветхости, в 1990-м местные власти продали было его за 32 350 руб. владимирской фирме «ЭКО»³⁹, которая взялась отреставрировать и использовать, но, оценив затраты, отказалась. Городские власти

Ил. 21. Дом жилой XIX века. Московская, 38. Фото 2008 г. В 2009-2014 (?) гг. временно размещались кабинеты сотрудников музея

в 1992 году приняли решение провести аукцион, но состоялся ли он — неизвестно. Дом стоял в руинах как после пожара столетней давности. В 1993 году его передали музею. Помещения пообещали оборудовать под выставочный зал, предусматривалось и кафе в цокольном этаже, и два гостиничных номера для гостей музея. Ремонт начался, но не завершился буквально «до скончания века», поскольку иссякло финансирование. Сразу же появилось много желающих заполучить почти отремонтированное здание в центре города. Летом 1999 года музей, опасаясь потерять обещанные замечательные залы, срочно открыл в незавершенном объекте выставку муромских художников. Осенью 2001 г. за свой счет вставили несколько недостающих дверей и окон и разместили в здании кабинеты сотрудников и администрацию.

Музею достался один из красивейших домов города. Это почти дворец. Подобные дома разрабатывались в связи с реализацией регулярных планов городов, утвержденных Екатериной II. Архитектурное решение дома классическое, с элементами эклектики. Посередине находится арка, которая делит его на две части. Второй этаж украшен колоннами ионического ордера. Два парадных входа в обе части здания дополнены высокими крылечками, лестницы от них выходили раньше прямо на проезжую часть улицы, а теперь — на тротуар.

Двадцать лет Дом Голубевых встречает музейных посетителей. Здесь проходят выставки, концерты, съезды, научные конференции. Реконструкция его и приспособление продолжаются. Расширится со временем зона приема, увеличатся экспозиционные площади. Планируется устройство подъемника, чтобы экспозиции второго этажа стали доступны посетителям с ограниченными возможностями передвижения.

Здание торгово-промышленного банка⁴⁰ — Фондохранилище музея

Ул. Советская

(бывшая Вознесенская, Банковская), 16

Музей в последние годы живет в период большой реконструкции, работы идут по всем музейным адресам. Дом Зворыкиных закрыт с 2011 г., но ремонт откладывался, так как необходимо было подготовить здание для фондохранилища, куда можно эвакуировать коллекции. Получить

Ил. 22. Здание Торгово-Промышленного банка. Построен 1880-е гг. Фотокопия с фотографии 1900-х гг. МИХМ. М-11940. Ф.06-08-01

в городе здание под хранилище оказалось не так просто. Не раз пришлось обследовать и отвергать деревянные, ветхие, отдаленные строения. Например, дом купца Киселева (Дом пионеров по улице Первомайской, 23) уже и домом назвать было нельзя — один остов оставался. Деревянный дом по улице Воровского, 18 (детский сад) использовать под хранилище было бы слишком рискованно. Здание по ул. Московской, 38а (Казначейство) вполне подошло бы для музейного хранения, но освоить его не пришлось, поскольку имущественные вопросы между городом и областью не удалось урегулировать — музей в областном подчинении, а здание в городском имуществе. Новое фондохранилище необходимо было музею навсегда, а не только на время реставрации Дома Зворыкиных. Только в 2018 г. начался перевоз коллекций в специально оборудованное фондохранилище, первое в области.

Здание торгово-промышленного банка на пересечении улиц Советской (бывшая Вознесенская) и Льва Толстого (Касимовская) передано музею в 2014 году. Это дом со сложной строительной судьбой, дважды достраивался с увеличением объема, в нем неоднократно производились перепланировки, менялись входы, перемещались лестницы, были и пожары, причем последний — в 2001 году. Каменный двухэтажный дом в семь окон с достаточно простым решением фасадов и традиционной планировкой, с надворными по-

стройками построен в 1880-1882 гг.⁴¹. Принадлежал Александре Федоровне Казанской, жене потомственного почетного гражданина, и по купчей крепости 1 мая 1915 года⁴² перешел к Русскому торгово-промышленному банку. После революции в доме сначала располагалась почта, с середины 1960-х гг. — «Союзпечать», затем междугородный переговорный пункт, радиоузел. В начале 1990-х здание пытались продать, но не нашлось желающих на ветхое строение. С 2002 года помещения отремонтировал и арендовал Муромский филиал Московского психолого-социального института.

Реконструкция и приспособление для хранения экспонатов музея заняли три года: проектирование, экспертизы, строительные работы. Здание теперь оснащено необходимым хранильским оборудованием, вентиляционной, охранной, противопожарной системами, современными системами коммуникации. В хранилище плотно разместились коллекции: керамика; фарфор, фаянс; ткани; кость, камень, гипс; стекло, хрусталь; археология; книги редкие рукописные, старопечатные; филокартия; лубки, плакаты; бонистика; живопись; графика; темперная живопись; документы; фотографии; гербарий; дерево, мебель; оружие, нумизматика. Резервных площадей не осталось, опять места маловато. Все музейные

Ил. 23. Фондохранилище музея. Передано МИХМ в 2014 г. С 2019 г. — фондохранилище музея. Фото 2019 г. МИХМ. Цифровой архив

Ил. 24. Дом Фурсовых, ул. Воровского (бывшая Нижегородская), 17. Передан музею в 2019 г. Ранних фотографий пока не выявлено. Фото из электронного ресурса

фонды не вместились. Для хранения габаритных экспонатов, мебели, предметов из дерева переоборудован бывший гараж (до 1990-х — гараж горкома КПСС, затем музейный) на территории, примыкающей к Дому Зворыкиных. На этой усадьбе в перспективе возможно оборудование еще одного хранилища в бывших хозпостройках, но и это не полностью решит проблему хранения. Общее количество предметов музейного фонда приближается к 100 тысячам. Музей не закрылся в период перемещения фондов. Каждый экспонат был упакован, в том числе и мельчайшие бусинки, и иконы, и картины, и стекло-хрусталь, и фотодокументальный архив, и мебель, и ткацкий стан и т. д. На новом месте каждому предмету определено постоянное место жительства.

Дом Фурсовых⁴³

Ул. Воровского (бывшая Нижегородская), 17

В год своего столетия музей получил в безвозмездное пользование еще одно здание: небольшой двухэтажный особняк — Дом Фурсова. Временно в него переместятся технические службы и склады из помещений на усадьбе Зворыкиных, где идет ремонт. В дальнейшем планируется организовать реставрационные мастерские музея.

Имение «Фурсова Василия Ивановича кр<естьянина> с. Б.<большое> Окулово» в Оценочной книге описано так: «Деревянный 2-х этажный флигель и деревянные дворовые постройки и каменный 2-х этажный флигель». Эта запись перечеркнута и добавлено: «В 1914/15 г. построен 2-х эт. камен. дом вместо флигеля, а также новые дворовые службы. В 1916-1917 гг. построен еще камен. 2-х этажн. дом с торговым помещением в нижнем этаже и дворовые службы». Все недвижимое имущество было оценено в 1916 году на 3569 руб., в 1917 г. на 25 тыс. рублей⁴⁴. Из этой записи видно, что каменных дома было два, оба сохранились. Музею достался тот, что построен позже.

Дом использовался под производственные и торговые нужды. В. И. Фурсов занимался каретным делом. За время существования здание утратило историческую планировочную структуру, дворовую пристройку, деревянные части и элементы, водосточные и дымовые трубы. Значит, музею предстоит еще одна реконструкция объекта культурного наследия.

⁴¹ В «Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» представлено: «Усадьба Зворыкиных. Адрес: Муром, улица Первомайская, 4. Номер объекта: 300515000. Описание: XIX — нач. XX в. Памятник архитектуры. В этом доме в семье купца первой гильдии родился основоположник современного телевидения В. К. Зворыкин (1888-1982). XIX в. Дом жилой — 3300515001. XIX — нач. XX в. Хозяйственная постройка — 3320998000. Каретник. XIX в., XIX в. сторожка // // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>.

Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Владимирской области указывает в Списках объектов культурного наследия Владимирской области по состоянию на 2019 г. Объекты культурного наследия округа Муром: «Дом Зворыкина», XIX в. — 3321000000. Реги-

онального значения. Памятник градостроительства и архитектуры. Постановление Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия администрации Владимирской области от 20.07.2018 № 18 «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия». Хозпостройка, каретник, сторожка — в процессе подготовки регистрации. Постановление Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия администрации Владимирской области от 31.07.2018 № 19 «О внесении изменений в постановление от 20.07.2018 № 18». 331611257130005. Регистрационный номер в ЕГР ОКН Постановление Совета Министров РФ от 30.08.1960 №1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://giokn.avо.ru/okn>.

- ² Зворыкин В. Мемуары изобретателя телевидения // Парфенов Л. Зворыкин Муромец. — М., 2011. — С. 92-93.
- ³ Об этом сообщает ее дочь Вера Алексеевна Сытова (Наливкина) в письме в Муромский музей от 8 февраля 2002 г.
- ⁴ План топографический города Муром. Пылаев. 1769 г. В копии И. П. Мяздрикова, с его дополнениями из разных источников. 1917 г. // МИХМ. — Ф27-01-08. — М-12 225.
- ⁵ План города Муром Владимирской губернии (к. в. к.) Карты, планы и чертежи Петербургского Сенатского архива (коллекция) // РГИА. — Ф. 1399. — Оп. 1. — Д. 282.
- ⁶ План Владимирского наместничества города Муром за 1792 г. // ГАВО. — Ф. 417. — Оп. 4. — Д. 3387.
- ⁷ План городу Мурому с обозначением дворовых мест. XVIII в. Копия второй половины XIX в. // МИХМ. — М-12212.
- ⁸ ГАВО. — Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 9855. — Л. 6. Цит. по проектной документации: Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Владимирской области. Архив Инспекции. Вл. обл. г. Муром, ул. Первомайская, д. 4. Памятник градостроительства и архитектуры «Дом Зворыкина, XIX в.». Научно-проектная документация на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Историко-архивные и библиографические исследования. Раздел 2. Подраздел. 1. Шифр Д-46-12-НПР-4. Инв. № 02047. — Владимир. 2013.
- ⁹ ГАВО. — Там же. — Л. 15.
- ¹⁰ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 25. — Л. 27.
- ¹¹ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муром // Памятная книжка Владимирской губернии, 1900 г. — Владимир, 1900.
- ¹² Рябиков Г. Переправа Николая I через Оку 12 октября 1834 г. Издана А. А. Титовым в 1836 // МИХМ. — М-10 646.
- ¹³ Неизвестный художник. Вид города Муром. Сер. XIX в. 68х98 // МИХМ. — М-6896.
- ¹⁴ ГАВО. — Ф. 101. — Оп. 1. — Д. 110 а. — Л. 155.
- ¹⁵ Там же. — Д. 113. — Л. 95об.
- ¹⁶ Там же. — Д. 138. — Л. 44.
- ¹⁷ Там же. — Ф. 403. — Оп. 2. — Д. 5. — Л. 42-43.
- ¹⁸ Там же. — Оп. 1. — Д. 328. — Л. 6.
- ¹⁹ Там же. — Д. 328. — Л. 6об.
- ²⁰ В мемуарах В. К. Зворыкина сказано, что он приехал в Муром из Киева через месяц после кончины отца. Здесь же он пишет о послереволюционных событиях. Из контекста следует, что отец умер в 1918 году — это не так. См.: ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 2. — Д. 30. — Л. 5; «Доложено о смерти директора банка К. А. Зворыкине» // Журнал Муромской городской думы 10 февраля 1916 г.; см. также: «Напольное кладбище. Зворыкин Козьма Алексеевич — 1849-4.2.1916.02.04» // Некрополи г. Муром. — Владимир, 2011. — С. 87.
- ²¹ ГАВО. — Ф. 394. — Оп. 3. — Д. 50.
- ²² Улица № 1 Никольская. п/п. 104. Оценочная книга города Муром на 1915 г. — Кн. 1. — Л. 51 // МИХМ. М-23323.
- ²³ Елена Николаевна Зворыкина умерла 26 июля 1918 года.
- ²⁴ Биостанция выехала в 1928 г.
- ²⁵ Суд и быт. Дочь купца Зворыкина // Приокский рабочий. — 1929. — 21 сент. — С. 4.
- ²⁶ Протоколы заседания Совета Муромского музея местного края. 1920 г. // МИХМ. — ВА. — Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 1.
- ²⁷ Отчеты Муромского Городского Краеведческого Музея за 5-ую пятилетку 1951-1955 г. // МИХМ. — ВА. — Ф. 2. — Оп. 4. — Ед. хр. 6. — Л. 17.
- ²⁸ «Дом Куликова Ивана Семеновича, в котором он жил с 1882 г. и умер в 1941 г.», 1882 г., 1941 г. Памятник истории федерального значения. Регистрационный номер в ЕГР ОКН 331510340380006 // Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327. Включен в реестр по постановлению «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».
- ²⁹ Ул. № 20 Полевая. Квартал 5, № пп 5. Оценочная книга Муром на 2015 г. — Ч. 2. — Л. 574об. // МИХМ. М-23324.
- ³⁰ «Церковь Николо-Набережная», 1700-1717 гг. Памятник градостроительства и архитектуры федерального значения — № 331510343250006 // Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».
- ³¹ «Церковь Косьмодамиановская (новая)», 1804 г. Памятник градостроительства и архитектуры регионального значения — 361310011480005 // Там же; Решение исполнительного комитета Владимирского областного совета депутатов трудящихся от 05.10.60 №754 «Об улучшении охраны памятников культуры Владимирской области».
- ³² «Здание бывшей Городской управы», 1815 г. Памятник градостроительства и архитектуры Регионального значения — 331510342020005 // Решение Владимирского областного совета народных депутатов от 02.12.1988 № 611-п «О сохранении памятников истории, архитектуры, культуры и природы».
- ³³ План топографический города Муром. Пылаев. 1769 г. В копии И. П. Мяздрикова, с его дополнениями из разных источников. 1917 г. // МИХМ. — М-12225. — Ф27-01-08.
- ³⁴ Цит. по: Проничкин В. Ю. Проект реставрации и приспособления здания бывшей городской управы. Архитектурно-строительная часть // Архив Госцентра по учету, использованию и реставрации памятников истории и культуры. — Инв. № М/121. — Т. II. С. — 10.
- ³⁵ «Дом купца Голубева», XIX в. Памятник градостроительства и архитектуры регионального значения — 331510339630005 // Решение Законодательного Собрания Владимирской области от 13.01.1995 № 5 «О постановке на государственную охрану и снятии с охраны памятников истории и культуры Владимирской области».
- ³⁶ ГУП ВО «Областное проектно-изыскательское архитектурно-планировочное бюро» Научно-проектная документация на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия «Дом купца Голубева, XIX в.». Раздел 3. Эскизный проект реставрации и приспособления объекта культурного наследия для современного использования. г. Владимир. 2016 г. ПЗУ. — С. 21-26.
- ³⁷ Хранится в ГАВО, ул.: Чернышев В. Я. Московская улица (Социально-экономическая история XVII — нач. XX вв.).

– Муром, 2005. – Кн. первая.

³⁸ Ул. № 10 Московская. Кв. 1. № пп 7. Л. 287. Оценочная книга Мурома. Кн. 1 // МИХМ. № М-23323.

³⁹ Это зафиксировано в техпаспорте дома по адресу Муром, Московская, 13, хранящемся в ГПУ ВО «БТИ».

⁴⁰ «Здание торгово-промышленного банка», конец XIX века. Памятник градостроительства и архитектуры регионального значения – № 331510343210005 // Закон Владимирской области «Об объявлении объектов недвижимости памятниками истории и культуры регионального значения» от 8 октября 1998 года № 44-ОЗ.

⁴¹ РИЦ. ООО «Региональный инженерный центр». Научно-проектная документация для производства работ по сохранению объекта культурного наследия «Здание торгово-промышленного банка кон. XIX в.» по адресу Владимирская область, г. Муром, ул. Советская, д. 16. Раздел II

Комплексные научные исследования. Историко-архивные и библиографические исследования. 22-2014 КНИ-1. – Т. 2. 2014 г. – Л. 36. Цифровая копия МИХМ.

⁴² Ул. № 22 Вознесенская. 21 квартал, № пп 63. Оценочная книга города Мурома за 2015 г. – Ч. III. – С. 22 // МИХМ. – № М-23 325.

⁴³ «Дом Фирсовых» (правильно: Фурсовых – так в «Оценочной книге города Мурома на 1915 год». – Т. К.). XIX в. Памятник градостроительства и архитектуры регионального значения – № 331510248810005 // Решение Законодательного Собрания Владимирской области от 13.01.1995 № 5 «О постановке на государственную охрану и снятии с охраны памятников истории и культуры Владимирской области».

⁴⁴ Нижегородская улица (ул. Воровского). № п/п 8. Кв. 19. Ул. № 11. Оценочная книга города Мурома за 1915 г. – Ч. I. – Л. 254об. // МИХМ. № М-23323.

С. В. Очеретина (Владимир)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2018 ГОДА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА МУРОМА

История археологического изучения древнего Мурома начитывает более ста лет, но по-прежнему вопросов больше, чем ответов. Древний Муром — сложный и интересный памятник археологии. В научной литературе до сих пор не существует единого мнения о том, что представлял собой Муром в древности: был ли он единым протогородским комплексом в дославянский период или совокупностью отдельных поселений, концентрирующихся на окской террасе в пределах исторического центра современного города. Если верно второе утверждение, то с севера на юг на указанной территории выделяются селище Кожевники, Николо-Набережное селище, Кремлевская гора, Богатырева гора, плато от Богатыревой горы до Спасо-Преображенского монастыря, Пятницкое селище¹.

Археологические работы каждого полевого сезона способствуют накоплению данных о древней истории города.

В октябре 2018 года экспедицией, организованной Владимирским областным центром археологии при ВЛГУ были проведены археологические раскопки в юго-восточной части исторического центра Муром. Участок исследований располагался в 150 м к югу от Спасо-Преображенского монастыря.

На территории Спасо-Преображенского монастыря единственные археологические раскопки на площади 36 м² проведены в 1996 году экспедицией Владимирского Госцентра по учету, охране и реставрации памятников истории и культуры во главе с Ю. Э. Жарновым. В раскопе был зафиксирован полностью переотложенный культурный слой. Тем не менее, была исследована яма 2, содержащая вещевого и керамического материала домонгольского времени².

На основании полученных в ходе раскопок материалов был сделан вывод о том, что мыс, на котором располагается монастырь, ограниченный с севера и юга глубокими оврагами, был заселен еще в домонгольское время. Тип поселения не определен, незначительность количества

материала говорила, вероятно, о периферийности исследованного участка поселения³.

Территория памятника археологии «Культурный слой г. Мурома X-XIX вв.» вытянута вдоль высокого левого берега р. Оки, изрезанного оврагами. На каждом мысу, ограниченном двумя оврагами, сложилась своя археологическая ситуация.

Участок археологических работ 2018 года располагался неподалеку от Спасо-Преображенского монастыря, но на мысу, отделенном от него глубоким оврагом. Раскопки проведены на площадке, ограниченной с севера оврагом, по которому проходит съезд Лакина, с юга — оврагом, по которому спускается к Оке ул. Набережная.

Территория между этими оврагами очень слабо изучена археологически. Дважды здесь проводились археологические работы в форме наблюдений: в 2009 году под руководством В. В. Родина и в 2012 году под руководством В. В. Бейлекчи.

В ходе этих работ был выявлен культурный слой мощностью 1,3-1,9 м, значительную часть которого занимают культурные напластования XX — начала XXI вв. Тем не менее, были зафиксированы слои, содержащие керамический материал XVIII-XIX и XVI-XVIII вв. В переотложенном виде встречены фрагменты древнерусской керамики и фрагмент стеклянного браслета XII-XIII вв.⁴

В. В. Бейлекчи, исходя из результатов работ, предположил, что в домонгольский период рассматриваемая территория оставалась за пределами города и была покрыта лесом. Начало ее хозяйственного освоения он относит к периоду позднего средневековья и связывает со строительством Крестовоздвиженской церкви⁵.

Более полные данные об истории освоения данной территории могли быть получены при проведении археологических раскопок значительной площади.

В октябре 2018 года охранные археологические раскопки были проведены на площади 400 м² на участке, отведенном под строительство нового дома на ул. Красногвардейской, 4а.

Ил. 1. Фрагменты фаянсовой посуды с клеймами советских заводов (20-30-е гг. XX в.)

Из письменных источников известно, что в XIX — начале XX вв. участок исследования, находившийся в 65-м квартале Мурома, принадлежал семье муромских купцов Суздальцевых. В «Городской обывательской книге г. Мурома» за 1835 г. владельцем участка указан Ларион Тимофеевич Суздальцев. После его смерти в 1843 г. домовладение перешло к его сыну Алексею Ларионовичу. В 1897 г. в 65-м квартале располагались три дома потомственного почетного гражданина Алексея Алексеевича Суздальцева и два дома потомственного почетного гражданина Михаила Алексеевича Суздальцева. Кроме того, здесь находились ткацко-полотняная фабрика и три сада⁶.

На участке, исследованном методом археологических раскопок, был зафиксирован культурный слой мощностью 75-120 см, состоящий из современного техногенного слоя мощностью 30-75 см; слоя темно-коричневого суглинка, связанного с функционированием на данной территории сада или огорода, мощностью 40-100 см; слоя обесцвеченного легкого подзолистого суглинка мощностью 1-15 см.

На раскопе исследованы 52 ямы, 12 канавок и 49 столбовых ям, относящиеся к различным хронологическим периодам.

В результате проведенных археологических раскопок были выделены основные этапы освоения данной территории.

Активно данный участок осваивался на протяжении XX в. К этому периоду времени относятся 19 исследованных ям, траншея теплотрассы, остатки фундаментов пристройки к снесенному дому. Среди ям интересны подполья сараев советского времени, датированные довоенным периодом, благодаря находкам в них фрагментов фаянсовой посуды с клеймами фабрик, входивших в Центрофарфорофаянстрест, который существовал в 1923-1930 гг. (Ил.1).

Ряд исследованных на раскопе ям датируется рубежом XIX-XX вв. по находкам в них фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды с клеймами заводов-производителей. В коллекции находок представлены фрагменты посуды многих предприятий Российской империи: завода Гарднера (2 фрагмента клейм), различных заводов Товарищества М. С. Кузнецова (12 фрагментов), заводов И. Е. Кузнецова (3 фрагмента). В коллекцию находок входят 3 фрагмента посуды с клеймами фарфоровых фабрик Варшавской губернии: фабрики Якова Тейчфилда в г. Прушкове и Влоцлавской фабрики Леопольда Чаманского (Ил. 2).

В этих же ямах найдены стеклянные флаконы из-под фармацевтической, парфюмерной продукции, уксусной эссенции, сапожного крема и т. д. производителей Р. Кёллера, П. Е. Луковникова, Калиниченко, Н. Прейса.

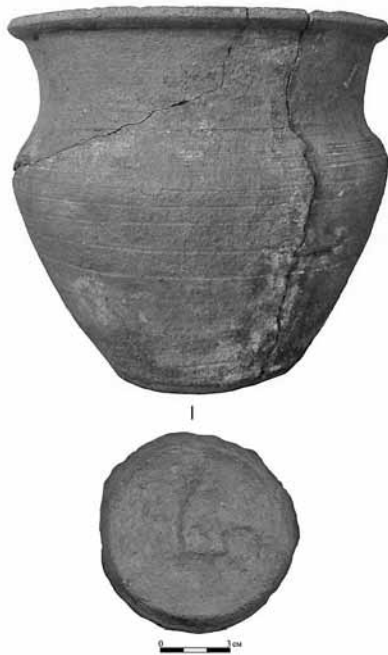

Ил. 2. Фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды заводов Российской империи (кон. XIX — нач. XX вв.)

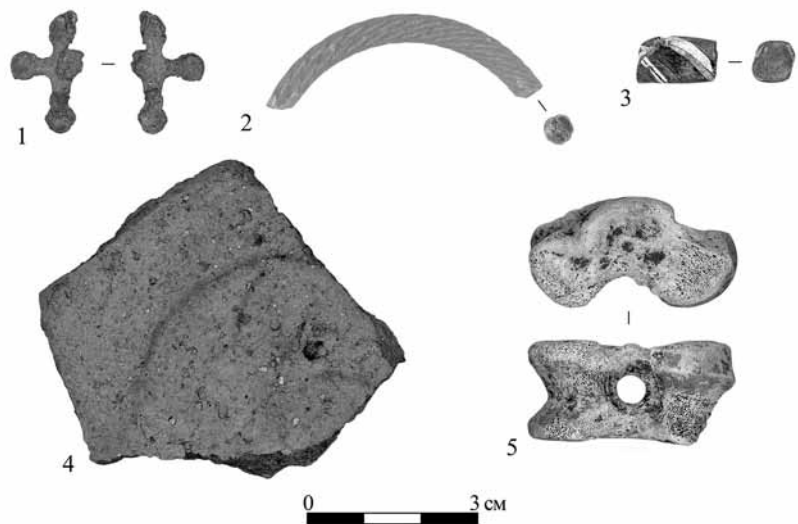
Более ранний период освоения данной территории датируется концом XVII-XIX вв. К этому времени относится слой темно-коричневого суглинка, связанный с функционированием сада или огорода и 12 канавок, проходивших через всю его площадь параллельно и перпендикулярно современной ул. Красногвардейской. Канавки были интерпретированы как остатки заборов, обозначавших границы земельных участков. Таким образом, на раскопе зафиксирован процесс межевания земель и перенос границ земельных участков. В ходе археологических работ были исследованы канавки как минимум от 6-ти заборов.

Обращает на себя внимание тот факт, что на исследованном участке отсутствуют слои и ямы, содержащие материал XV — начала XVII вв.

При разборке культурных напластований, ям и канавок, кроме керамики нового и новейшего времени, повсеместно встречены фрагменты древнерусской керамической посуды

Ил. 4. Горшок красноглиняный ранний с примесью песка в тесте XII-XIII вв. из ямы 51

Ил. 3. Находки из ямы 49: 1. Крестик нательный (медный сплав); 2-3. Браслетов стеклянных фрагменты; 4. Донца горшка красноглиняного раннего с примесью песка с клеймом в виде трезубца фрагмент; 5. Альчик (кость)

(красноглиняная и белоглиняная ранняя керамика с примесью речного песка в тесте). Однако стратифицированного слоя древнерусского времени обнаружено не было.

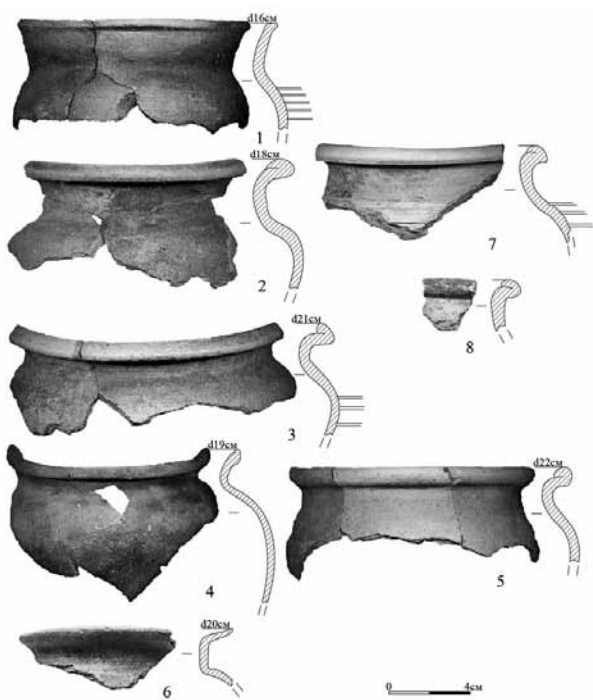
В ходе археологических работ были обнаружены и исследованы несколько ям, содержащих древнерусский материал, датирующихся XII — началом XIII вв.

В северном углу раскопа была исследована яма 49, вошедшая в раскоп небольшой своей частью. Дно ямы зафиксировано на глубине —403/—408. На дне обнаружены столбовая яма в углу и две подходящие к ней канавки.

По конструкции яма является жилой постройкой больших размеров четырехугольной формы, ориентированной по сторонам света. В раскопе исследован южный угол постройки. Зафиксированы следы деревянной обшивки стен, крепившейся на угловых столбах.

В яме были найдены предметы, относящиеся к домонгольскому времени: нательный крестик четырехконечный равносторонний с кругом в средокрестии и шариками на концах, два фрагмента стеклянных браслетов, альчик (надкопытная кость овцы или барана), фрагмент донца сосуда с клеймом, изображающим трезубец прямоугольных очертаний, вписанный в окружность (Ил. 3).

Крестики, подобные найденному, по материалам других древнерусских городов датируются

Ил. 5. Венчики гончарных сосудов XII-XIII вв. из ямы 51 (верхний слой: 1 – E1; 2,7 – E7; 3-5 – E8; 6 – E17(?); 8 – E11; 1-6 – красноглиняные ранние с песком; 7-8 – белоглиняные ранние с песком

XI-XIII вв.⁷ Пик бытования стеклянных браслетов в древнерусских городах, подвергшихся монголо-татарскому нашествию, приходится на XII – первую половину XIII вв.⁸ Клейма на донцах гончарной посуды в виде трезубца различных очертаний в окружности по материалам городов Владимиро-Суздальской Руси бытовали со второй половины XII до середины XIII в.⁹

В нескольких метрах к юго-западу от ямы 49 была исследована яма 51, имевшая хозяйственное назначение. В ней были обнаружены находки и керамический материал домонгольского времени.

В яме были найдены: фрагменты железных цилиндрических замков, 2 железных ножа, 3 фрагмента стеклянных браслетов, стеклянная прямоугольная вставка коричневого цвета, фрагмент донца сосуда стеклянного светло-желтого прозрачного. По материалам Новгорода стеклянные сосуды из прозрачного желтоватого стекла появляются в середине XI в. и исчезают в середине XIII в.¹⁰

В ходе обработки керамического материала был реконструирован горшок красноглиняный с примесью песка в тесте (Ил. 4). Венчик горшка слегка отогнут наружу без заворота чернового

края. Основное время бытования подобных венчиков XII-XIII вв.¹¹ На тулове горшка нанесен линейный орнамент. На донце имеется клеймо в виде трезубца прямоугольных очертаний с отогнутой наружу вершиной одного из зубцов. Клейма-трезубцы бытовали в городах Владимиро-Суздальской Руси с конца XI до конца XIII в.¹²

Керамический материал ямы представлен исключительно фрагментами сосудов древнерусского времени: красноглиняных и белоглиняных ранних с примесью песка (Ил. 5). Кроме того, в яме найдены 3 фрагмента лепной керамики с примесью крупнозернистого шамота и органического раствора (навоза?) в тесте (склейка стенки сосуда) (Ил. 6).

Таким образом, итоги археологических работ 2018 года в юго-восточной части исторического центра Мурома позволяют сделать вывод о том, что территория к югу от Спасо-Преображенского монастыря начала осваиваться еще в домонгольский период. Культурные напластования этого времени были полностью переработаны в более поздние периоды освоения территории. Сохранившиеся ямы, датированные домонгольским временем, расположены вблизи южной кромки оврага, отделяющего исследованный участок от мыса, на котором располагается Спасо-Преображенский монастырь.

Ил. 6. Фрагменты лепного сосуда из ямы 51

- ¹ Бейлекчи В. В. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). — Муром, 2005. — С. 119.
- ² Михайлова Л. А., Чернышев В. Я. Некоторые итоги раскопок в Спасо-Преображенском монастыре г. Мурома // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — С. 242.
- ³ Там же. — С. 244.
- ⁴ Заключение о проведенных археологических исследованиях на объекте археологического наследия «Культурный слой древнего Мурома X-XIX вв.» на участке строительства блока 2-х ярусных гаражей по адресу: Владимирская обл., г. Муром, ул. Пролетарская, район жилого дома № 16 // Владимирское научно-производственное ОАО «Владимир-реставрация». — Владимир, 2009.
- ⁵ Краткий научный отчет об археологических работах по сохранению объекта археологического наследия «Культурный слой г. Мурома X-XIX вв.» в границах земельного участка по адресу: Владимирская обл., г. Муром, ул. Экземплярского, 4а. // ООО «Нижегородское историко-археологическое бюро „Артефакт“». — Муром, 2012.
- ⁶ Информация приводится согласно Архивной справке ГБУ-ВО «ГАВО» № Т-1222 от 15.09.2017 г.
- ⁷ Станюкович А. К. и др. Тысячелетие креста. — М., 2003. — С. 122-123.
- ⁸ Древняя Русь. Быт и культура. — М., 1997. — С. 89.
- ⁹ Кадиева Е. К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2007. — Вып. 3. — С. 184.
- ¹⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982. — С. 171.
- ¹¹ Майорова Е. В. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 году // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. — М.-СПб., 2011. — Вып. 3. — С. 144.
- ¹² Кадиева Е. К. Указ. соч. — С. 184.

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ДРЕВНЕГО МУРОМА

(ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУРОМСКОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ)

Клейма на донцах керамических сосудов появляются вслед за освоением гончарного круга, являясь неременным атрибутом древнерусского гончарного производства примерно со второй половины X века¹.

Дискуссия о назначении клейм на древнерусской посуде сводится к трем гипотезам: определение клейма как знака мастера²; определение клейма как знака заказчика/владельца³; и, наконец, определение клейма в качестве магического знака-оберега⁴.

Граф Уваров опубликовал статью о славянских клеймах, в которой показал широкое распространение керамики с клеймами, указал широкие аналогии на западнославянской круговой керамике с восточнославянскими клейменными сосудами. В статье он без особой аргументации согласился с гипотезой о том, что клейма — это знаки мастеров⁵. В последние десятилетия большинство исследователей склоняются к пониманию клейма как знака-оберега, поскольку первая и вторая гипотезы исключаются фактом повсеместного распространения однотипных знаковых образов на всей территории расселения славян⁶.

На территории Древней Руси достаточно устойчивые традиции клеймения посуды наблюдались в южных регионах, а в Северо-Западном регионе практически не получили распространения. Территории Северо-Восточной Руси потенциально могли подвергнуться влиянию и тех, и других. Северо-Восток Руси в отношении изучения гончарных клейм привлек большое количество исследователей во Владимире, Суздале, Рязани, Ростове, Ярославле и близлежащих территориях. Однако клейма, найденные в Муроме и его окрестностях, практически не опубликованы.

Между тем Муром является одним из старейших городов Руси, впервые упоминаемый в летописи в 862 году, хотя для этого времени еще не следует говорить ни о славянском городе, ни о городе вообще. Летописец скорее имел в виду «град» в качестве некоего укрепления муромы, ко-

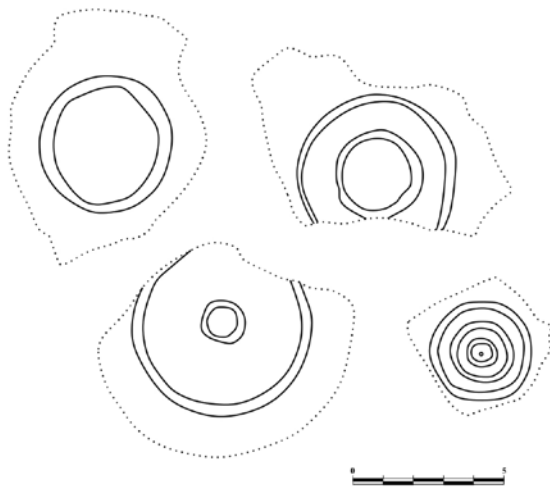
торое функционировало в IX веке, однако при раскопках оно пока не обнаружено. Славяне закрепились на Нижней Оке в результате походов Святослава на Оку и Волгу в 965 году и Владимира Святославича на Волжскую Булгарию в 985 и 997 годах. Город же возник не позднее второй половины X века как опорный пункт княжеской власти. Славянская колонизация земель шла довольно медленными темпами, тем не менее, в середине X — начале XI вв. происходил процесс постепенного смешения славянского и финского населения. Рост ремесленного производства сопровождался постепенным вытеснением предметов муромской самобытной культуры. На смену лепной посуде приходят гончарные, иногда клейменные, сосуды.

Все клейма, что хранятся в коллекции археологии МИХМ, проанализировать пока не удалось, потому остановимся на уже оцифрованных находках. Было изучено 140 фрагментов древнерусской керамики со следами клеймения из 16-ти коллекций предметов археологии. В основном это коллекции с раскопок на территории Окского парка, (Воронин 1946, Чалых 1980-е, Бейлекчи 1998), а также коллекции Пятницкого селища (1939-40), усадьбы Уваровых (Майорова 2010), городского рынка и дома Зворыкиных (2016). Из них 34 фрагмента невозможно точно атрибутировать, и, поскольку фрагменты слишком мелкие, нельзя точно понять, что же там было изображено.

Отметим, что подавляющее большинство исследованных клейменных дниц принадлежит к посуде из красножгущейся глины. Большая часть исследованных клейм относится к домонгольскому времени⁷.

Для начала исследований было решено систематизировать имеющиеся клейма на основе определения «характера рисунка оттиска». Такое распределение клейм подразумевает анализ графических последовательностей и учет денотата знака⁸.

Поскольку на данный момент не существует единой классификации гончарных клейм для Древней Руси, все клейма, найденные в Муроме

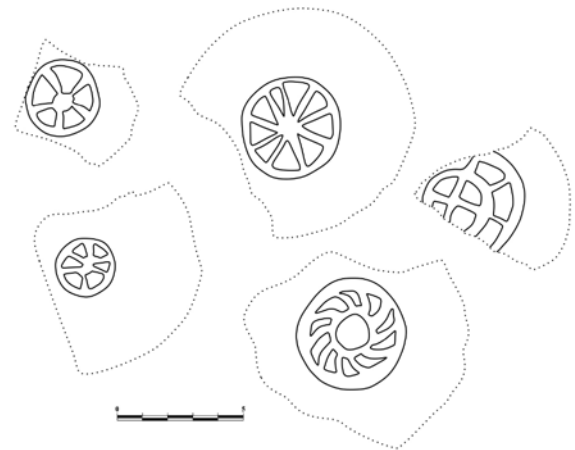

Ил. 1. Геометрические клейма. Тип: окружность
разделили на 4 основных группы, предложенные Е. К. Кадиевой⁹ для Северо-Восточной Руси: геометрические, геральдические, буквенные, предметные. Группы клейм подразделяются на типы, а те, в свою очередь, на варианты.

Группа геометрических клейм — самая распространенная повсеместно. Всего к группе геометрических клейм из 106 штук можно отнести 96.

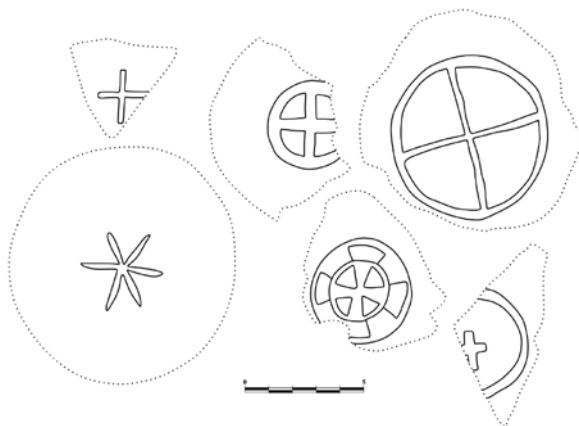
Первый, самый широко распространенный тип — это окружность — 32 клейма (Ил. 1). Сюда относятся как простые окружности, так и знаки, где окружность является основным смысловым элементом — это, например, частые у нас концентрические окружности. Они встречаются во всех коллекциях и вообще повсеместно распространены у славян. В Северо-Восточной Руси они бытуют от XI до середины XIII веков.

Следующий тип — колесо (Ил. 2). В фондах археологии МИХМ пока изучено 17 штук. К зна-

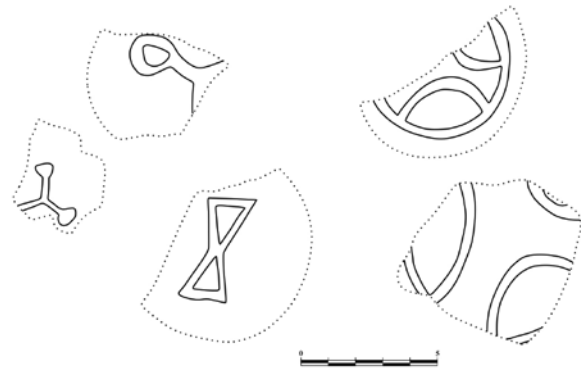

Ил. 2. Геометрические клейма. Тип: колесо
ку колеса отнесены простые колеса с прямыми спицами, «вращающиеся» колеса и сложные колеса — две концентрические окружности со спицами. Большое количество подобных клейм встречается на Владимиро-Суздальской земле и немного в Ростовской округе и Ярославском Поволжье с XI до первой половины XIII веков. Интересно, что «вращающиеся» колеса довольно редки (обнаруженное в Муроме — из Окского парка). Они известны в Суздале и Семьинском городище (Юрьев-Польский район) и датированы уже: XII — первой половиной XIII века. Двойное же колесо встречается чаще во Владимиро-Суздальской и Ростовской землях в контексте второй половины XIII века. Таким образом, знаки с рисунком колеса постепенно усложнялись.

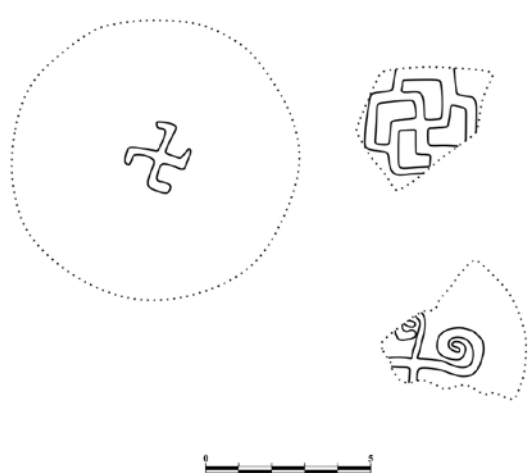
У нас обнаружено несколько клейм, в основе рисунка которых лежит окружность, но которые сложно четко отнести к какой-либо группе; два из

Ил. 3. Геометрические клейма. Тип: крест

Ил. 4. Геометрические клейма. Типы: розетки, треугольники, дуги

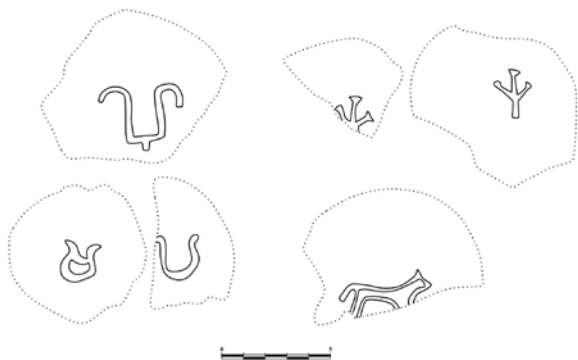

Ил. 5. Геометрические клейма. Тип: свастики

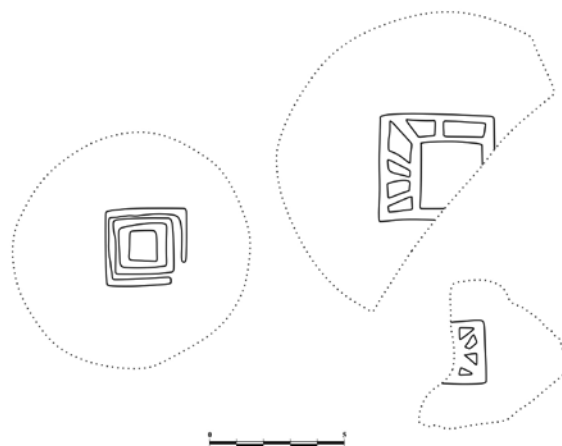
них скорее возможно отнести к сложному колесу.

Третий тип геометрических клейм — это крест (Ил. 3). Сюда включены простые изображения четырех-, шести- и восьмиконечного креста, а также изображение креста, вписанное в одну или две концентрические окружности. Кресты, вписанные в окружность, вообще имеют наиболее длительное бытование — XI–XIV века. Изображений простых крестов в Муроме 5, один из них шестиконечный. Крестов в окружности 19, и один из них в концентрических окружностях.

Четвертый тип — розетка (Ил. 4). Розетками называют изображения, включающие в себя два основных элемента: прямые или слегка изогнутые линии, выходящие из одной точки, и окружности или овалы, которыми эти линии оканчиваются. В Муроме пока обнаружены две трехчастные розетки (Окский). Они интересны тем, что встречаются исключительно на Владимиро-Суздальской земле, причем большая часть — во Владимире. А. Г. Лапшиным и А. В. Бисеровой¹⁰ опублико-

Ил. 7. Геральдические клейма. Тип: двузубцы и зооморфные изображения

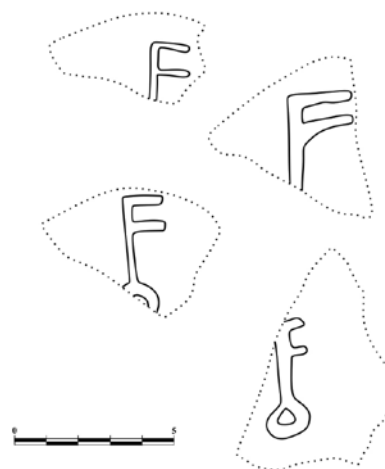
Ил. 6. Геометрические клейма. Тип: прямоугольники

вано исследование, посвященное конкретно этому клейму; там упоминается 207 клейм с такими изображениями. Датировка — вторая половина XI — третья четверть XIII вв.

Следующий тип — треугольники, соединенные вершинами — «песочные часы» (Ил. 4). Вообще такой знак довольно распространен у славян, но в Муроме пока только одно такое клеймо, найденное на территории усадьбы Уваровых.

Окружность со вписанными в нее дугами (Ил. 4) выделяется Кадиевой¹¹ в отдельный тип, который у нас представлен пока тремя клеймами. Время бытования — середина XII — начало XIII вв.

В отдельный тип выделены изображения свастики (Ил. 5). Кадиева выделяет простую свастику и свастику, вписанную в окружность. У нас, кроме трех простых свастик, есть две, вписан-

Ил. 8. Предметные клейма: изображения ключей

ные в крест. Соответствия найдены в публикации у Е. В. Каменецкой: одно клеймо с таким знаком, обнаруженное в Смоленске в 50-е годы¹². Также на Пятницком селище было обнаружено интересное клеймо со спирально закрученными краями — «завитушками», отнесенное пока к свастикам по очевидным причинам — аналогично отогнутым краям. В целом изображения свастик не слишком распространены. Датировать их можно XII — началом XIII века.

Завершает перечисление геометрических клейм еще один не слишком распространенный тип — прямоугольные (Ил. 6); в Муроме их 3, все в Окском парке. Датированы они второй половиной XII — третьей четвертью XIII веков.

На территории Мурома обнаружено 6 геральдических клейм (Ил. 7), то есть тех, что расцениваются исследователями как «знаки Рюриковичей» или княжеские тамги. Один двузубец прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу вершинами зубцов; такие изображения датируются концом XII — первой половиной XIII вв.

Также в коллекции МИХМ находятся три «птички». В группу «птичек» Кадиева включает как знаки в виде перевернутого колокола без от-

рога в основании фигуры, так и галочковидные изображения. В Муроме все колоколовидные, две простые и одна с перекрытием. Аналоги последней встречаются во Владимире.

Также в Муромском музее хранятся два клейма в виде птичьих лапок. В. Ю. Коваль предлагает причислять такие изображения к зооморфным¹³, О. И. Хижняков¹⁴ относит их к княжеским знакам — стилизованным трезубцам.

Справедливо будет отнести к зооморфным изображениям клеймо, найденное в Окском парке. На нем схематично изображена предположительно лошадь.

К третьей группе клейм Кадиевой отнесены буквенные клейма. До недавнего времени у нас таких не было, но этим летом было найдено клеймо с буквой «ферт». Оно пока не поступило в коллекцию музея.

Четвертая и последняя группа — предметные изображения (Ил. 8). В Муроме они представлены четырьмя изображениями ключей. Вообще на территории Древней Руси за исключением Среднего Поочья, Старой Рязани и Мурома изображения предметных клейм редки¹⁵.

¹ Кадиева Е. К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. — М., 2007. — Вып. 3. — С. 172.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 175-181.

³ Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах // СА. — 1963. — № 2. — С. 121-130.

⁴ Тухтина Н. В. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. — М., 1960. — Вып. 37. — С. 148-155.

⁵ Уваров А. С. Клейма на сосудах // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. — М., 1910. — С. 107-108.

⁶ Тухтина Н. В. Указ. соч. — С. 154.

⁷ Воронин Н. Н. Муромская экспедиция // КСИИМК. — М., 1947. — Вып. 21. — С. 136-139; Бейлекчи В. В. Родин В. В. Новые археологические исследования в Муромском кремле // Уваровские чтения — V. — Муром, 2002. — С. 9-17.

⁸ Лапшин А. Г. Бисерова А. В. Гончарные клейма древнего

Владимира (опыт систематизации) // Археология Владимира-Суздальской земли. — М., 2016. — Вып. VI. — С. 272-287.

⁹ Кадиева Е. К. Указ. соч. — С. 175.

¹⁰ Бисерова А. В., Лапшин А. Г. Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки из Владимира: опыт трасологического исследования // Краткие сообщения Института археологии. — М., 2018. — Вып. 251. — С. 145-157.

¹¹ Там же. — С. 176.

¹² Каменецкая Е. В. Керамические клейма из Смоленска // СА. — 1983. — № 2. — С. 244-246.

¹³ Коваль В. Ю. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2002. — Вып. 4. — С. 129.

¹⁴ Хижняков О. И. Новгородские гончарные клейма // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2002. — Вып. 4. — С. 140.

¹⁵ Кадиева Е. К. Указ. соч. — С. 187.

**РАЗВИТИЕ ГОНЧАРНОГО РЕМЕСЛА
В АРЗАМАССКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ОСНОВЕ КОЛЛЕКЦИИ КЕРАМИКИ
МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО ЦЕНТРА АРЗАМАССКОГО РАЙОНА)**

С XVII века Нижегородское Поволжье стало одним из центров гончарного производства. По всему региону была популярна глиняная посуда из Городца, Юрина, Василевой слободы. Обилие дарового сырья — хорошей глины, дешевого топлива, наличие удобного сбыта способствовали тому, что многие мужчины в свободное от земледельческого труда время изготавливали глиняную посуду¹. Активное развитие гончарного ремесла также происходило и в Арзамасском крае.

В Арзамасском уезде изготовлением керамики занимались в селах Казаково и Забелино, а так же в деревне Бритове Костянковской волости². Гончарство было развито и в селе Виняеве, которое на момент XIX века относилось к Степановской волости Ардатовского уезда³. В советский период село стало относиться к Арзамасскому району, потому керамика Виняева также может считаться местной.

Центры гончарного производства отличаются глинами, которые используются в работе. От качества глины зависит качество продукции, а следовательно, и спрос на продукцию того или иного села.

Глина добывалась в особых ямах-копях — «глинницах». Брали ее за территорией села, заготавливали, в целях безопасности, зимой, так как глиняные ямы были глубокие и могли обрушиться на глинокопа. В труде фольклориста А. В. Карпова «Кустарные промыслы Ар-

замасского уезда» этот процесс описывается так: «Ямы роют сажени в 4, роют зимой, когда земля замерзнет, из опасения, чтобы земля, обваливаясь, не придавила роющих (что и бывает иногда). На дне глубоких ям выступает вода, которая мешает рыть. Глина привозится поздно осенью и складывается кучками под окнами»⁴. Музейно-выставочным центром (МВЦ) Арзамасского района была совершена экспедиция в село Виняево, где изучены глинницы; сейчас они выглядят как поросшие травой ямы.

В археологических раскопках по адресу г. Арзамас, ул. Свободы д. 12 обнаружены черепки разной степени фрагментарности. Они представлены в основном горшками, кувшинами, крынками, мисками (сковородами), крышками и рукомями. В отдельных случаях встречаются фрагменты изразцов, светильников и кумганов⁵ (Ил. 1).

По этнографическим сведениям, собранным за XIX в., в Арзамасском крае изготавливались жаровни, горшки, кувшины, тарелки, сковороды, блюда, кружки, чашки, масленки, опарницы, корчаги для масла и круп, а также «гончарки» — колена для дымовых труб^{6 7}. Село Виняево специализировалось также на игрушках⁸. Это частично подтверждается коллекцией керамики МВЦ, в которой присутствуют миски, горшки разного объема, кувшины, крышки, виняев-

Ил. 1. Керамика с раскопа г. Арзамас ул. Свободы д. 12

ская свистулька, а так же кюхля. В конце XIX — начале XX века преобладающей была керамика двух типов: белоглиняная поливная и красноглиняная с красно-коричневой (прозрачной) поливой (Ил. 2).

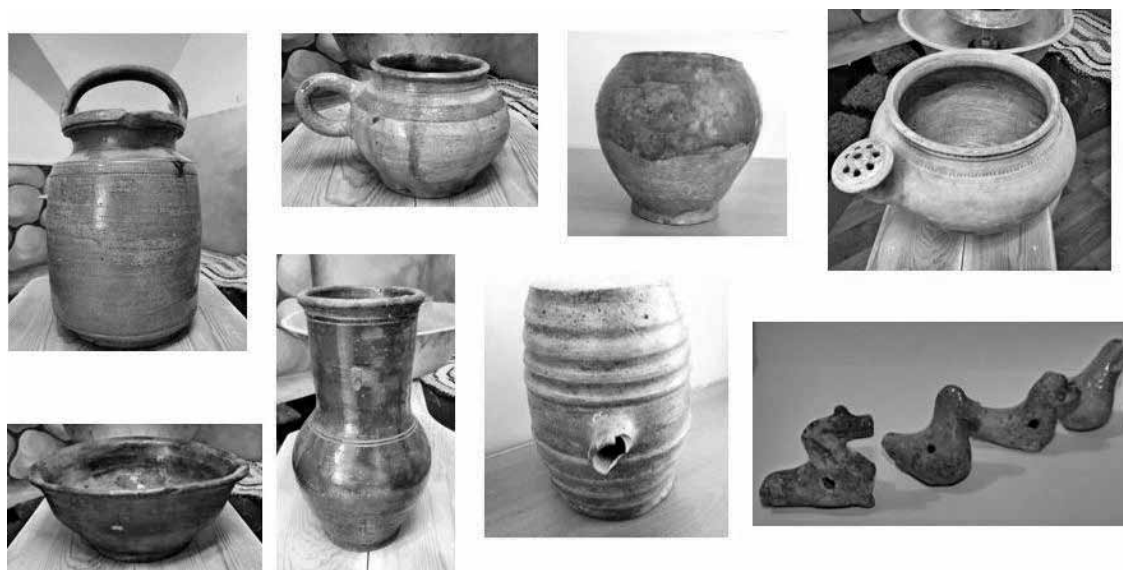
В селе Казакове, где делали преимущественно синюю и белую горшечную посуду, делалась в небольшом количестве крашенная посуда, и называлась она там «муравленой». Красили суриком, обмазывая им, разведенным в воде, внутреннюю часть посуды; такая посуда получалась красно-коричневого цвета. Синий же окрас керамика приобретала, если ее на шесть часов засыпали навозом или землей. В селе Бритове треть посуды была муравленая или «обливная». В Забелино почти вся изготавливаемая посуда была муравленой⁹. В Виняеве красили суриком — для окраски внутренней части изделий в желтый цвет, медянкой — для окраски внешней части изделий в зеленый цвет¹⁰.

Виняево как один из центров гончарного ремесла впервые письменно упоминается в 1869 году, позднее это подтверждается источниками 1894 и 1925 годов, в них же отмечается активное развитие глиняного производства еще до отмены крепостного права в 1861 году¹¹. Появление промысла было связано, прежде всего, с потребностью иметь дешевую домашнюю утварь¹². Освобождение крестьян, совпавшее с запрещением свободного доступа в помещичьи леса, подняло цену дров, следовательно, уменьшило выгоду горшечной работы, при которой необходимы дрова. Промысел пошел несколько хуже

прежнего из-за дороговизны дров, а также из-за конкуренции горшечников Арзамасского уезда и увеличившегося привоза хорошей горшечной посуды из с. Богородского (Горбатовского уезда, Нижегородской губернии).

Гончарное ремесло в первой половине XX века было уже не столь популярным, и им занималась всего пара семей. В военный период большинство мастеров ушло на фронт и не вернулось. Также стала распространяться дешевая фабричная стеклянная посуда. После Отечественной войны в Казакове был открыт горшечный завод. Спрос на посуду был большой, и колхоз держал в Арзамасе свой посудный ларек, который продавал гончарные изделия в окрестных селениях и в Дивеевском районе. Предприятие прекратило свое существование в конце 40-х годов: очень подорожали привозные дрова. По словам жителя села Виняева А. С. Глухова, окончательно промысел был заброшен в 1965 году¹³.

Сбыт товара в каждом селе происходил по-разному, но можно выделить два варианта: продажа оптом скупщику или частная продажа в розницу. Большая часть казаковской горшечной посуды продавалась по окрестным селениям, далеким от базаров, в обмен на хлебные продукты. Горшки продавались также в Арзамасе самими мастерами рознично или оптом арзамасским торговцам горшечным товаром, которых в конце XIX — начале XX века было около десяти. Розничная продажа была выгоднее, но не всегда у мастера было время так сбывать горшки¹⁴.

Ил. 2. Коллекция керамики МВЦ

В 1901 году в Нижегородской губернии горшечным промыслом занималось 1145 человек. В 1915 году в Арзамасском уезде работало 45 гончарных заведений. Всего промыслом в крае в конце XIX — начале XX в. занималось до 150 человек¹⁵. Гончарные изделия (кувшины, молочницы, песочницы, горшки для каши, цветочницы, аптекарские емкости) выставлялись на Всероссийской промышленной выставке в 1896 г. Так, на выставке 1896 года село Забелино представлял Петр Андреевич Горшков, который представил глиняные аптекарские банки, которые вмещали до 20-ти фунтов. Его дело продолжил эго потомок — Павел Иванович Горшков (1908 года рождения, фронтовик) со своим учеником Валерием Анатольевичем Муравиным из Булдакова. Мастерство передавалось от поколения к поколению и дошло до начала XXI века.

Новым источником информации, рассказывающим о развитии гончарства, являются материалы работы Комплексного отряда по изучению гончарства (КОИГ), который был создан А. А. Бобринским в Институте археологии АН СССР (Москва) в 1968 году. Отряд действовал до 1982 года, проводил анкетирование населения, в результате чего было собрано свыше 3000 писем как от представителей местных властей и учителей, так и от самих гончаров и членов их семей¹⁶. Непосредственный сбор анкетного материала был начал А. А. Бобринским в 1959 году, письма арзамасских гончаров, отправленные исследователю, датируются 1961 годом.

В этих письмах даны ответы на самые важные вопросы по изучению гончарного ремесла: кто занимается ремеслом, где добывают глину, как выглядит горн, как делают посуду, на каких кругах, как заготавливают глину и т. д.¹⁷ Называются имена и адреса мастеров гончарного дела. Жители Арзамасского района направили шесть писем с подробным описанием гончарного ремесла в крае, а также рисунками горна и разных кругов.

В одном из писем дается развернутый ответ на все вопросы АОН и предоставляются новые, ранее неизвестные, факты. Так, например, гончар из села Забелина П. А. Аляпин (1907 г. р.), рассказывает, как проверялось, пригодна ли глина к обработке или нет: «Возьмешь кусочек глины и раскусываешь ее зубами, если же на зубах будет

много песку, то она плохая, а если его нет или есть в малом количестве, то она хорошая». Проверку глины описывает и корреспондент из села Виняево: «Как говорят старые гончары, на проверку глины приезжала комиссия еще с бывшей Горьковской губернии и ими было выяснено, что эта глина идет на добычу фарфора».

Предоставленные письма представляют большой интерес в изучении гончарного ремесла периода конца XIX — середины XX вв. и требуют дальнейшего подробного изучения.

В Музейно-выставочном центре имеется фотография, на которой изображен Павел Иванович Горшков в 1992 году на Арзамасском рынке во время продажи своих изделий. Эта фотография является последней фотофиксацией династии гончаров Арзамасского района (Ил. 3). Последнее же упоминание о гончарстве как о промысле и о Павле Ивановиче сдержится в газете «Арзамасская правда» от 22 декабря 1993 года¹⁸. После его смерти существование гончарного промысла в Арзамасском крае прекратилось. Соответственно, этнографических данных, описывающих особенности местного производства, практически не осталось.

Династии гончаров Арзамасского края прекратили свое существование в конце XX века, вместе с ними пропали и их гончарные традиции. Теперь изучить особенности местного гончарства можно только путем этнографических или археологических изысканий.

Статистический анализ керамического материала, полученного в результате археологических раскопок по адресу: ул. Свободы д. 12 подтверждает этнографические данные, сохранившиеся

Ил. 3. П. И. Горшков на базаре. 1992 год

до нас. Однако некоторые факты, описанные А. В. Карповым, (синяя керамика), еще требуют подтверждения. Следовательно, вопрос соотно-

шения этнографических и археологических данных требует дальнейшего изучения.

¹ Варенцова Л. Ю. Ремесла и промыслы Нижегородского Поволжья в XVI-XIX веках. — Н. Новгород, 2003. — С. 10-11.

² Еремеев П. В. Арзамасские мастера. — Н. Новгород, 1992. — С. 2.

³ Там же. — С. 74.

⁴ Карпов А. В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда. — Арзамас, 2010. — С. 283.

⁵ Кузьмина А. И. Характеристика керамического материала культурного слоя г. Арзамаса в XVIII-XIX вв. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cdot-ntnu.ru/basebook/sbornik_nauka_molodyh/nauka_molodyh/assets/basic-html/page1002.html.

⁶ Еремеев П. В. Указ. соч. — С. 74.

⁷ Карпов А. В. Указ. — С. 284.

⁸ Маслова Е. И. Забытый промысел: изготовление глиняной

посуды и свистулек в селе Виняево Арзамасского района // Карповские чтения. — Арзамас, 2017. — Вып. 7. — С. 70.

⁹ Карпов А. В. Указ. соч. — С. 284-286.

¹⁰ Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. — Н. Новгород, 1894. — С. 198.

¹¹ Пестов М. П. Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии. — Н. Новгород, 1869.

¹² Плотников М. А. Указ. соч. — С. 204-206.

¹³ Маслова Е. И. Указ. соч. — С. 74.

¹⁴ Карпов А. В. Указ. соч. — С. 284-285.

¹⁵ Еремеев П. В. Указ. соч. — С. 75.

¹⁶ Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. — М., 2017. — С. 101.

¹⁷ Там же. — С. 19.

¹⁸ Не боги горшки обжигают // Арзамасская правда. — 1993. — № 203.

К ИСТОРИИ МУРОМСКОГО СЛУЖИЛОГО ГОРОДА. СПИСОК С РАЗБОРНОЙ ДЕСЯТНИ МУРОМЦЕВ 1649 Г.

Одним из наиболее важных источников по истории русского служилого сословия XVI-XVII вв. являются десятины — списки дворян и детей боярских, составлявшиеся для каждого служилого города раз в несколько лет с целью определения реальной боевой готовности городской корпорации («разборные»), назначения поместных и денежных окладов («верстальные») и выдачи жалования («денежной раздачи»).

Ситуация с освещенностью муромской корпорации в сохранившихся десятинях носит двойной характер. С одной стороны, обе дошедшие до наших дней в подлиннике муромские десятины 1597 и 1605 г. относятся к числу древнейших, составленных еще до воцарения Романовых. С другой — ни одна разборная десятина, то есть наиболее полная, детально фиксирующая вооружение и боевые качества служилых людей, по Мурому, очевидно, в подлиннике не сохранилась.

Восстановить некоторые сведения из погибших десятиен позволяют другие источники. Особую ценность среди них имеют копии и списки с десятиен, в отличие от различного рода фрагментарных выписок дающие комплексное представление о реальных размерах, боевой готовности, других аспектах жизни служилого города.

К числу таких источников относится публикуемый ниже Список дворян и детей боярских г. Муром с разборной десятиной 1649 г.¹ Судя по вступительной части, документ был состав-

лен вскоре после разбора и верстания служилых людей во Владимире, проведенного 15 февраля 1649 г., и представлял собой сокращенную копию десятины, использовавшуюся в служебных целях.

Установить степень полноты приводимой в списке информации можно, сопоставив ее с выписками из оригинальной десятины, сохранившимися в фонде Московского Разрядно-Сенатского архива. Например, Таблица 1.

Как видно, составителя списка интересовали только текущие поместный и денежный оклад, факт выдачи и размер жалованья, уровень подготовленности к службе (со слов самого служилого человека, заверенных окладчиками) или, в других случаях, причины неявки. Таким образом, несмотря на значительное сокращение, документ в целом сохраняет свое значение важного источника для комплексного изучения муромской служилой корпорации середины XVII века.

Важным материалом для установления степени полноты Списка с точки зрения персонального состава муромцев является Алфавит³ (Алф.), то есть именной указатель к оригинальной десятине, составленный сотрудниками Разрядно-Сенатского архива в конце XVIII века.

Сопоставление Списка с Алфавитом указывает на высокую степень соответствия между двумя документами⁴. Особенно это касается первой половины десятины, в которой перечисляются муромцы, уже находившихся на государственной службе —

Таблица 1

Список:	Выписка из десятины ¹ :
200 чети Денег з городом 7 рублей Матвей Дмитриев сын Лупандин. Государево жалованье дано в Володимире десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, пара пистолей.	Матюшка Дмитриев сын Лупандин. По ево скаске будет он на государеве службе на мерине, с саблею, пара пистолей. Поместья за ним прожиточного отца ево в Муромском уезде 182 чети, крестьянских и бобыльских двора <неразб.>. Был на государеве службу в Одоеве. А окладчики сказали Матвей Лупандин на государеве службе в Одоеве был, а в Курску и в Новом Цареве-Алексееве городе не был за бедностью. А впредь на государеве службе против своей скаски будет. По верстанью в Володимире боярина князя Юрья Петровича Буносова-Ростовского да дьяка Ларионова и по окладчиковым скаскам учинен Матвею помесной оклад, денег з городом семь рублей имано. Государево жалованье десять рублей дано в разборе Володимерскаго стола.

первые 122 лица из Списка полностью совпадают с фигурирующими в Алфавите, за исключением одного отсутствующего. Полностью аналогичен и порядок их упоминания в обоих документах. В дальнейшем, при перечислении служилых и неслужилых новиков и недорослей, синхронность нарушается. Составитель Списка, судя по всему, по неким причинам изменил порядок следования отдельных групп новиков и недорослей, а также перенес некоторых лиц из группы в группу. В последних разделах (недоросли, не поспевшие в службу, и муромцы, отставленные со службы) количество лиц и порядок совпадают, за исключением пяти последних фамилий в Алфавите, отсутствующих в Списке.

Особенностью Алфавита является то, что он содержит лишь фамилии служилых людей, без указания имени и отчества⁵. Это затрудняет восстановление точного порядка муромцев в оригинальной десятне. Отчасти решить данную задачу позволяет использование другого источника — сохранившегося Разрядного списка, то есть текущего перечня дворян и детей боярских, хранившегося в Разряде и служившего своего рода заготовкой

при составлении новой десятки⁶. В ряде случаев порядок лиц в Разрядном списке совпадает с Алфавитом более точно, чем в Списке, что дает возможность с высокой степенью вероятности восстановить оригинальную очередность. В итоге не представляется возможным установить лишь 8 лиц из Алфавита, отсутствующих в Списке.

Документ издается по следующим правилам. Вышедшие из употребления буквы заменяются современными, обозначающими тот же звук, знак «ъ» в конце слов опускается. Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения, при этом мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Для удобства для каждого поименованного лица (за исключением лиц, служащих «в место» родственников) добавлен порядковый номер в скобках. Исправления, сделанные по смыслу, и реконструкции поврежденных участков текста заключены в скобки. Для более легкого восприятия в текст добавлена современная пунктуация.

¹ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 9. — Столб. 1108.

² РГАДА. — Ф. 388. — Оп. 1. — Кн. 867. — Л. 436.

³ РГАДА. — Ф. 210. — Указатель 7д. — Л. 366-367об.

⁴ Многочисленные различия в вариантах написания фамилий (Ногаткин/Нагаткин, Чаадаев/Чаадаев, Мертвой/Мертвого и т. п.) не учитываются.

⁵ Алфавит также не фиксирует случаи упоминания нескольких представителей одной фамилии на одном листе, а иногда, наоборот, дважды указывает одно и то же лицо, упомянутое на двух листах.

⁶ РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 15. — Столб. 37.

СПИСОК С РАЗБОРНОЙ МУРОМСКОЙ ДЕСЯТНИ

1649 Г. (РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 9. — Ст. 1108)

Л. 21. Список муромцом дворяном и детем боярским с розборные десятни денежные роздачи розбору в Володимере боярина князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского да дьяка Ивана Ларионова нынешнего 157-го году¹ по розрядному списку, государево жалованье которым дано на Москве и которым дано по розбору в Володимере, и по верстанью новиком учинены поместные и денежные оклады по окладчиковым скаскам, и которые новики были на государевых службах з городом до отпуску и валовое дело делали, поверстав поместными и денежными оклады, по государеве грамоте государево жалованье дано по указным статьям, а неслужилых новиков поместными и денежными оклады поверстали и в десятни их написали, а государево жалованье тем неслужилым новиком в Володимере не дано, и хто на чом и с чем вперед на государеве службе будет на добрых лошедах, в саадаках, с сабли, с карабины и с пистольми и что за кем служилых людей на конех и на меринах, с сабли, с карабины и з долгими пищальми и то писано в сем списке подо вся

Л. 22. кою статью

Муром

Выбор

850 чети, денег из чети 28 рублей

(1). Иван Юрьев Осорбин. В ево место служит сын ево Григорей. Государево жалованье дано на Москве.

По ево скаске будет он Григорей на государеве службе на коне, с саблею, в саадаке, человек с простым конем на меринке, с пистолью, с саблею, человек в кошу.

700 чети

(2). Степан Иванов сын Скрыпин. Государево жалованье дано на Москве. А у розбору в Володимере окладчики сказали Степан Скрыпин в выборе на Москве.

Л. 23. По 650 чети, денег из чети 20 рублей

(3). Богдан Осипов сын Нагаткин. По ево скаске будет на государеве службе в ево место сын ево Гаврило на коне, с саблею, с пистолью, с карабином. Государево жалованье дано ему в Володимере 14 рублей.

(4). Дмитрий Юрьев сын Осорьгин². У розбору не был, а окладчики сказали, Дмитрий на Москве был в выборе. Государево жалованье дано на Москве. Денег из чети 31 рубль.

(5). Иван Григорьев Чертков. В ево место сын ево Степан. Государево жалованье дано на Москве. Будет по ево скаске на государеве службе сын ево Степан на коне, с саблею, в саадаке, да человек на мерине, с саблею, с конем с простым.

Л. 24. 600 чети, денег из чети 9 рублей

(6). Степан Осипов сын Нагаткин. По ево скаске будет в ево место на государеве службе сын ево Лукьян на коне, с саблею, пара пистолей, карабин, а он де Степан от государевы Смоленские службы отставлен, а в ево место написан сын ево Лукьян. Государево жалованье Степану дано в Володимере четырнатцать рублей.

По 550 чети, денег из чети по 15 рублей

(7). Князь Петр княж Иванов сын Болховской. Государево жалованье дано на Москве. По ево скаске будет он на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на коне, с простым конем, с саблею, в саадаке.

(8). Иван Петров сын Власьев. Государево жалованье дано на Москве. По ево скаске будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на коне, с саблею, в саадаке, с простым конем.

Л. 25. (9). Елисей Протасьев сын Лачинов³. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, в юмшане, и в наручах, и в шапке-мисюрке, с саблею, в саадаке, да человек на коне, с простым конем, с саблею, в саадаке, на простом коне полаш, два человека на конех — человек в пансыре, с саблею, в саадаке, в шапке-мисюрке, да человек в толстом тигиляе, в саадаке, с саблею да с рогатиною.

По 500 чети

денег из чети 14 рублей

(10). Субота Семенов сын Чаадаев⁴. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, человек за ним на коне, с простым конем, с саблею да с карабином, человек в кошу с пиццалью.

денег из чети 15 рублей

Л. 26. (11). Дмитрий Федоров сын Борисов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, два коня простых, на простых конях пистолы, а люди с простыми на конех, с саблями, с пистольми, да за ним будет четыре человека на [кон]ех, с саблями, и с пистольми, и с карабины.

денег из чети 12 рублей

(12). Степан Иванов сын Оксентьев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе сын ево Матвей на коне, с саблею, с пистолью и с карабином. А он Степан за старость и за увечья от службы отставлен.

денег из чети 15 рублей

(13). Корман Мешков сын Кровков. Государево жалованье [дано] на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, человек за ним с простым конем, на меринке, с карабином.

Л. 27. денег из чети 12 рублей

(14). Федор Гарасимов сын Дурасов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, человек на коне, с саблею, в саадаке, с простым конем.

денег из чети 13 рублей

(15). Кузьма Протасьев сын Лачинов⁵. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, в пансыре, в шапке в мисюрке, в наручах, с саблею, в саадаке, да человек на коне, с простым конем, с саблею, в саадаке, да два человека на конех — человек в пансыре, в саадаке, с саблею, в шапке в мисюрке, да человек в толстом тегияле, в саадаке, с саблею.

(16). Иван Микитин сын Опраксин. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, да человек в кошу, с саблею, с рогатиною.

Л. 28. (17). Иван Иванов сын Дубенской. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, два пистоля, человек с конем с простым.

Денег из чети 13 рублей

(18). Василей Протасьев сын Лачинов⁶. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, в пансыре, в шапке в мисюрке, в наручах, с саблею, в саадаке, человек с простым конем, на коне, с саблею, [в саа]даке, да человек на коне, в шапке в мисюрке, с саблею, в саадаке.

По 450 чети

денег из чети десять рублей

(19). Илья Иванов сын Юматов. Государево жалованье дано ему в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, и с пистолью, да человек на меринке с саблею, с пистолью, с конем с простым.

Л. 29. денег из чети 11 рублей

(20). Роман Иванов сын Юманов⁷ (sic! — А. К.). Государево жалованье ему дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на меринке, с саблею, с пистолью, с конем с простым.

денег из чети 12 рублей

(21). Яков Семенов сын Чаадаев⁸. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пист[олей], да человек за ним на коне, с простым конем, с саблею, да с карабином, да человек в кошу с пицалью.⁹

денег из чети 11 рублей

(22). Федор Петров сын Арапов. Государево жалованье дано ему в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек за ним на меринке, с саблею, с карабином, с простым конем.

Л. 30. (23). Афонасей Гарасимов сын Дурасо[в]. Государево жалованье дано ему в Володимере четырнатцать рублей. Будет он на государеве службе на коне, с саблею, с карабином, с пистолью, человек на мерине, с саблею, с карабином, с конем простым.

денег из чети 10 рублей

(24). Селиверст Афонасьев сын Стольпин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, человек на меринке, с простым конем, да человек за ним на меринке, с саблею да с карабином.

(24-25). Семен да Любим Булатовы дети Репьева. Государево жалованье дано им на Москве. Будет Любим на государеве службе на коне, с саблею, в пансыре, в саадаке, да человек с конем с простым, на мерине, с пицалью да с саблею, да человек в кошу.

Л. 31. А Семен будет на государеве службе на коне, в саадаке, с саблею, человек с конем с простым, на мерине, с пистолью, с саблею, а на простом коне пара пистолей, да человек в кошу с пицалью.

денег з городом 14 рублей

(26). Микита Иванов сын Мецеринов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе в ево место сын ево Михайло на коне, с саблею, да с пистолью.

денег из чети 17 рублей

(27). Дмитрий Ондреев сын Ивашев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на мерине, с конем простым, с саблею, с пистолью.

Л. 32. денег из чети 13 рублей

(28). Иван Микитин сын Языков. Государево жалованье дано ему в Володимере 14 рублей. Будет он на государеве службе на коне, в бахтерце, да в шапке в мисюрке, в наручах, с саблею, пара пистолей, человек с простым конем, на коне ж, с саблею, да с карабином, на простом коне карабин, да два человека на конех же, человек в латах, в шишаке, с саблею, да с пицалью з долгою, да человек с саблею, да с пистолью, да с карабином.

Денег из чети 11 рублей

(29). Степан Ондреев Ивашев. Государево жалованье дано на Москве. Будет он на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью, да человек на мерине, с простым конем, с саблею да с пистолью.

Л. 33. Денег з городом 15 рублей

(30). Тимофей Иванов сын Борисов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на мерине, с конем с простым, с саблею, с пистолью.

(31). Григорей Максимов сын Репьев. Государево жалованье дано на Москве. Будет он на государеве службе

на коне, с саблею да с карабином, конь простой, человек с конем с [про]стым, на меринке, в саадаке, с саблею, человек в кошу.

Денег з городом 10 рублей

(32). Максим Нежежин сын Репьев. Государево жалованье дано на Москве. Будет он на государеве службе на коне, с саблею, с карабином, да человек на меринке, с саблею, в саадаке, с конем с простым, да человек в кошу.

Денег из чети 12 рублей

Л. 34. (33). Павел Михайлов сын Романов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на мерине, с конем с простым, с саблею, в саадаке.

Денег из чети 9 рублей

(34). Семен Иванов сын Юматов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью.

400 чети

Денег из чети 8 рублей

(35). Матвей Ондреев сын Ивашев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на меринке, с простым конем, с саблею, с пистолью.

Денег из чети 9 рублей

Л. 35. (36). Офонасей Петров сын Арапов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, да человек на коне, с простым конем, с саблею, с карабином, да человек с пиццалью.

(37). Афонасей Петров сын Аристов. Окладчики сказали, Офонася они не знают.

Денег из чети по 10 рублей

(38). Иван Васильев сын Всеволодцкой¹⁰. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на коне, с конем с простым, с саблею, в саадаке.

Л. 36. (39). Федор Савин сын Мертвой. Государево жалованье[e] дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, в бахтерце, в шапке мисюрке, в наручах, с саблею, с карабином, да человек с простым конем, на простом коне пистоль, а человек на коне, с саблею, с пистолью, да человек в кошу с карабином, да с тово ж поместья человек даточной за отца ево на коне, в кольчюге, да в шишаке, с саблею, в саадаке.

Денег из чети 12 рублей

(40). Дмитрий Петров сын Копнин¹¹. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью, да человек в кошу.

Л. 37.

Денег з городом по 14 рублей

(41). Стахей Иевлев сын Дурасов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек с простым конем, на меринке, с саблею, с пистолью, да на простом коне карабин.

(42). Гаврила Иванов сын Чертков. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, в саадаке, человек на мерине, с саблею, с конем с простым.

(43). Федор Григорьев сын Юматов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, да человек на коне, с конем с простым, с саблею, да с карабином.

350 чети

(44). Офонасей Андреев сын Дурасов. В сотниках у стрельцов на Москве. У розбору не был.

Л. 38.

250 чети

(45). Харитон Осипов сын Борисов. Государево жалованье дано на Москве. В головах в Яблонове.

Дворовые

По 450 чети

Денег (sic! — А. К.) 14 рублей

(46). Прокофей Ондреев сын Шибанов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(47). Ортемей Иванов сын Осоргин¹². Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 14 рублей

(48). Иван Иевлев сын Норово¹³. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на меринке, с саблею, в саадаке.

Л. 39.

По 400 чети

Денег из чети 8 рублей

(49). Петр Васильев сын Юматов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Денег из чети 11 рублей

(50). Микифор Петров сын Дурасов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью.

(51). Борис Богданов сын Ворыпаев. У розбору не был. Государево жалованье ему в Володимере не дано. А окладчики сказали, Борис Ворыпаев в Муроме в губных старостах.

Денег з городом 12 рублей

Л. 40. (52). Данило Осминин сын Дурасов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с карабином.

(53). Афонасей Григорьев сын Лукин. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью, да человек в кошу.

По 350 чети

Денег из чети 8 рублей

(54). Тихон Власов сын Костылев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек в кошу.

Л. 41. (55). Сила Власов сын Костылев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 12 рублей

(56). Нагай Степанов сын Нагаткин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, с карабином.

Денег из чети 8 рублей

(57). Иван Данилов сын Дурасов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, с карабином.

Л. 42. (58). Ортемей Михайлов сын Романов. Государева жалованья в Володимере не дано, потому что он слеп. От службы отставлен.

Денег из чети 9 рублей

(59). Иван Федоров сын Шишелов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Денег з городом по 12 рублей

(60). Степан Григорьев сын Лукин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(61). Богдан Иванов сын Власьев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек на коне, с саблею, с пищалью.

Л. 43.

Денег из чети 11 рублей

(62). Данило Васильев сын Языков. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, с карабином.

(63). Родька Рюмин сын Репьев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе сын ево Микифор на коне, с саблею, с пистолью, человек в кошу.

(64). Сергей Максимов сын Чмутов. Государево жалованье дано на Москве. У розбору не был. А окладчики сказали, что Сергей болен.

(65). Микита Максимов сын Репьев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, в саадаке, да с саблею, человек в кошу.

Л. 44.

По 300 чети

Денег з городом 10 рублей

(66). Яков Иванов сын Борисов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на меринке(?) с конем с простым, с саблею, с пистолью.

Денег из чети 9 рублей

(67). Григорей Семенов сын Нагарин¹⁴. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с карабином.

Денег з городом 10 рублей

(68). Сава Семенов сын Савин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Л. 45.

По 250 чети

Денег з городом 7 рублей

(69). Максим Иванов сын Борисов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.¹⁵

Денег из чети 12 рублей

(70). Плакида Яковлев сын Лупандин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(71). Григорей Ондреев сын Мячков. Государево жалованье дано на Москве. У розбору не был. А окладчики сказали, Григорей Мячков болен.

Л. 46.

Городовые

500 чети

Денег из чети 12 рублей

(72). Семен Степанов сын Пороватой (sic! — А. К.)¹⁶. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек в кошу.

По 400 чети

(73). Григорей Васильев сын Чертков. А окладчик сказал, Григорей умре.

Денег из чети 8 рублей

Л. 47. (74). Иван Федоров сын Карачев. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей, человек на коне, с конем с простым, да человек в кошу с пицалью.

Денег з городом 14 рублей

(75). Василей Микитин сын Опраксин. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, да человек в кошу.

По 350 чети

(76). Василей Иванов сын Талызин. У розбору в Володимере не был. А окладчик сказал, Василья он не знает, и с ними з городом он не служивал.

Л. 48. (77). Ондрей Яковлев сын Лупандин. Окладчики сказали, Ондрей Лупандин с ними не служит, а служит по Отемару.

(78). Семен Васильев сын Чертков. Окладчики сказали, Семен на Москве в розбойном деле.

Денег з городом 12 рублей

(79). Александр Иванов сын Дурасов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с пистолью.

(80). Федор Васильев сын Ивашев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на меринке, с простым конем.

Л. 49. (81). Семен Перфильев сын Сыропятой. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с карабином.

Денег з городом 12 рублей

(82) Бухлан¹⁷ (sic! — А. К.) Левонтьев сын Лихарев¹⁸. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пицалью.

Денег з городом 13 рублей

(83) Осан Левонтьев сын Лихарев¹⁹. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с пистолью, с саблею.

По 300 чети

Денег з городом по 10 рублей

Л. 50. (84). Иван Федоров сын Языков. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с карабином.

(85). Яков Иванов сын Ворыпаев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пицалью.

(86). Молчан Иевлев сын Норов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с пистолью, с саблею.

По 250 чети

Денег з городом по 8 рублей

Л. 51. (87). Федор Борисов сын Пансырев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, в саадаке.

(88). Ортемей Осипов сын Бозин. Окладчики сказали, Ортемей умре.

(89). Осип Микифоров сын Болдырев. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

(90). Богдан Оксентьев сын Крокозов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 10 рублей

(91). Василей Замятнин сын Языков. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, да с карабином.

(92). Томило Костянтинов сын Болдырев. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

Л. 52.

Денег з городом по 11 рублей

(93). Иван Иванов сын Кононов. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

(94). Иван Иванов сын Загирин²⁰. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 10 рублей

(95). Матвей Микифоров сын Загирин²¹. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с карабином.

По 200 чети

Денег з городом 7 рублей

(96). Костянтин Ильин сын Лукин. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 10 рублей

(97). Любим Федоров сын Крокозов. Государево жа

Л. 53. лованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(98). Иван Дружинин сын Лупандин. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

Денег з городом 6 рублей

(99). Ортемей Трофимов сын Мещереинов²² (sic! — А. К.). Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе службе (sic! — А. К.) на коне, с саблею, с пистолью.

(100.) Иван Васильев сын Крокозов. Городом сказали, что он ворует, а окладчики в Володимере у розбору сказали, Ивана Крокозова в Муроме нет, помещьем ево владеет самаренен Михайла Филатов.

150 чети

Денег з городом 5 рублей

(101). Федор Матвеев сын Своробоярской. Государево жалованье дано в Володимере

Л. 54. четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

(102). Из житья неверстан Володимер Семенов сын Киселев. Сказали городом, что с ними не служит и на службе нигде не бывал.

(103). Гаврило Федоров сын Щедрин. А окладчики сказали, Гаврила был в розбое.

По 300 чети

Денег з городом по 10 рублей

(104). Иев Микитин сын Мещеринов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(105). Офонасей Богданов сын Нагаткин. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, с карабином.

Новики ж 155-го году

По 350 чети

денег з городом по 12 рублей

(106). Василей Иванов сын Дурасов. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет

на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

Л. 55. (107). Иван Григорьев сын Дурасов. Государево жалование дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистольюю.

(108). Иван Ондреев сын Лукин. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

(109.) Иван Осминин сын Дурасов. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

(110). Офонасей Иевлев сын Дурасов. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю, человек с конем с простым, на мерине, с саблею, с пистольюю, на простом коне карабин.

По 300 чети

Денег з городом по 10 рублей

(111). Ондрей Третьяков сын Муромцов. Государево [ж]алование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

Л. 56. (112). Марко Замятнин сын Языкков. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, в саадаке.

(113). Лаврентей Ондреев сын Лукин. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

(114). Ортем Федоров сын Муромцов. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с карабином, человек в кошу.

Денег з городом 9 рублей

(115). Агей Михайлов сын Савин. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей.

Л. 57. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

По 250 чети

Денег з городом по 8 рублей

(116). Федор Иванов сын Борисов. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с пистольюю, с саблею.

(117). Василей Александров сын Крокозов. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

(118). Микита Киреев сын Пансырев. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, в саадаке.

(119). Федор Аминин²³ сын Лупандин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Федор умре.

(120). Федор Яковлев сын Лупандин. Государево жалование дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю.

Л. 58. По 150 чети

(121). Семен Васильев сын Своробоярской. Государево жалование дано ему в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистольюю.

(122). Матвей Васильев сын Своробоярской. Государево жалование дано ему в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистольюю.²⁴

Л. 59. Из недорослей с отцовских поместей в службу

(123) Гришка Григорьев сын Аристов²⁵. Государево жалование дано на Москве. В Володимере окладчики сказали, что они ево не знают.

(124). Афонасей Терентьев сын Аристов²⁶. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с карабином. В Володимере поместным и денежным окладом не верстан.

(125). Матюшко Петров сын Муромцов²⁷. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с карабином. Поместным и денежным окладом в Володимере не верстан²⁸.

(126). Петрушка Иванов сын Кравков²⁹. В Володимере окладчики сказали, Петрушка в житье. Государево жалование дано на Москве. У розбору не был.

(127). Гришка Ондреев сын Василисов. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, в саадаке. В Володимере поместным и денежным окладом

Л. 60. не верстан³⁰.

(128). Ортомонко Максимов сын Репьев³¹. Государево жалование дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистольюю, человек в кошу.

Л. 61. Муромцы ж новики, которые были на государеве службе по верстанью в Володимере боярина князя Юрья Петровича Буйносова Ростовского да дьяка Ивана Ларионова нынешнего 157-го году и по окладчиковым скаскам учинены поместные и денежные оклады.

По 350 чети

Денег з городом по 12 рублей

(129). Кузьма Федоров сын Савин. Государево жалованье дано на Москве. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью.

(130). Иван Васильев сын Глебов³². Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью³³.

По 300 чети

Денег з городом 10 рублей

(131). Петр Григорьев сын Лукин³⁴. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, с карабином, человек в кошу.

Л. 62. (132). Степан Григорьев сын Борисов³⁵. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на меринке, с саблею, с карабином, с простым конем.

(133). Борис Михайлов сын Борисов³⁶. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью³⁷.

(134). Федор Иванов сын Ворыпаев³⁸. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, пара пистолей.

(135). Федор Борисов сын Ворыпаев³⁹. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на мерине, с саблею, с простым конем, на коне карабин.

(136). Гаврило Петров сын Немчинов⁴⁰. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе

Л. 63. на коне, с саблею, с пистолью⁴¹.

(137). Мирон, прозвище Любим, Иванов сын Ворыпаев⁴². Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек на мерине, с саблею, да с карабином, с простым конем.⁴³

(138). Родион Тимофеев сын Немчинов⁴⁴. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

(139). Михайла Михайлов сын Ворыпаев⁴⁵. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

По 250 чети

Денег з городом по 9 рублей

(140). Яков Григорьев сын Аристов⁴⁶. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на меринке, с саблею, с пистолью⁴⁷.

Л. 64. (141). Гаврила Васильев сын Ананьин⁴⁸. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на меринке, с саблею, с пистолью.

(142). Петр Михайлов сын Василисов⁴⁹. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью⁵⁰.

(143). Осип Плакидин сын Лупандин⁵¹. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на коне, в саадаке, с саблею, с пистолью.

(144). Иван Ильин сын Пансырев⁵². Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на коне, с саблею, с пистолью, человек в кошу⁵³.

(145). Федор Микифоров сын Загарин⁵⁴. Государево жалованье дано в Володимере четырнатцать рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью.

Л. 65. (146). Федор Иванов сын Загарин. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, с пистолью⁵⁵.

200 чети

Денег з городом 7 рублей

(147). Матвей Дмитриев сын Лупандин⁵⁶. Государево жалованье дано в Володимере десять рублей. Будет на государеве службе на мерине, с саблею, пара пистолей.

Новик, на государеве службе не был

200 чети

Денег з городом 7 рублей

(148). Василей Борисов сын Жуков⁵⁷. Государева жалованья в Володимере не дано. Будет на государеве службе на меринке, с саблею, с пистолью.

Л. 66. В розрядном же списке написано, из недорослей с отцовских поместей в службу, а у розбору в Володимере окладчики про них сказали

(149). Клишко Григорьев сын Лукин⁵⁸. Служит в Астрахани. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Клишко служит в Астрахани.

(150). Микитка Иванов сын Кайсаров⁵⁹. Служит за брата. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Микитки оне не знают и по Мурому с ними не служивал.

(151). Михайло Ильин сын Пансырев. За бедностью не служит. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Михайла службу не будет⁶⁰.

(152.) Матюшка Титов сын Муромцов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, что ево не знают⁶¹.

(153). Князь Федор княж Данилов Болховской. А у розбору в Володимере окладчики сказали, князь Федор умре.

Л. 67. (154). Михайло Осминин сын Дурасов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Михайло в службу не пошел.

(155). Андрюшка Михайлов сын Мертвой. А у розбору в Володимере окладчики сказали, что он служит по Орзамасу⁶².

(156). Ивашко Петров сын Онаньин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, служит по Казани⁶³.

(157). Гришка Климов сын Ковардицкой. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Гришка служит по Казани⁶⁴.

(158). Михайло Михайлов сын Василисов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Михайло умре.

(159). Степан Федоров сын Крокозов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Степан ворует.

(160). Костка Микифоров сын Ананьин⁶⁵. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Костка по Мурому не служит.

Л. 68. (161). Левка Дмитриев сын Копнин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Левка за бедностью не служит.

(162). Ивашко Иванов сын Оксентьев. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Ивашко в службу не пошел.

(163.) Ивашко Лаврентьев сын Аристов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Ивашко служит по Казани.⁶⁶

(164). Сенка Иванов сын Борисов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Сенка за бедностью не служит.

(165.) Тихонко Перфильев сын Сыропятой. А у розбору в Володимере окладчики сказали, за бедностью не служит.

(166). Гаврилко Офонасьев сын Плотцов⁶⁷. Служит в понизовых городах. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Гаврилко служит по Свияску.

Л. 69. (167). Степан Иванов сын Осоргин⁶⁸. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Степан служит по Самаре.

(168.) Александр Омелянов сын Тимонин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Александр за бедностью не служит.

(169). Игнашка Лукьянов сын Тимонин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Игнашки оне не знают.

(170). Андрюшка Григорьев сын Муромцов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Ондрюшки оне не знают.

(171.) Бориско Иванов сын Жуков. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Бориско умре.

(172). Меркулко Иванов сын Ананьин⁶⁹. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Меркулко за бедностью не служит.

Л. 70. (173). Микитка Кузьмин сын Сьянов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Микитка у розбору не был, а на государеве службе в Курске и в Новом Цареве Алексееве городе был и валовое дело делал.

(174). Митка Иванов сын Кровков. А окладчики сказали, Митка с ними з городом не служит, где он и не тово оне не ведают.

(175). Гришка Григорьев сын Колцов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Гришка с ними по Мурому

не служит, а служит по Чебоксару⁷⁰.

Л. 71. (176). Федька Григорьев сын Аристов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Федька в службу не поспел.

(177). Осипко Михайлов сын Мертвой. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Осипко по Мурому не служит, а служит па (sic! — А. К.) Орзамасу.

(178). Якушко Петров сын Муромцов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Якушко в службу не поспел.

(179). Куземка Лазорев сын Кравков⁷¹. А у розбору окладчики сказали, Куземки они не знают⁷².

(180). Сенка Григорьев сын Дурасов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Сенка в службу не поспел⁷³.

(181). Васька Ондреев сын Лукин. У розбору в Володимере не был. А окладчики сказали, зачем Васька у розбору не был, тово они не ведают.

Л. 72. (182). Филатка Иванов сын Ворыпаев. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Филатка в Володимере был и поехал к Москве⁷⁴.

(183). Гарасим Петров сын Немчинов. У розбору в Володимере не был, окладчики сказали, Гарасимка за бедностью службу не будет.

(184). Михайло Григорьев сын Дурасов. У розбору в Володимере окладчики сказали, Михайло умре.

(185). Петрушка Понкратьев сын Кровков⁷⁵. У розбору в Володимере не был. А окладчики сказали, Петрушка служит по Свияску⁷⁶.

(186). Гришка Иванов сын Ворыпаев. У розбору в Володимере не был.

В розрядном же списке написаны муромцы недоросли, в службу не поспели

(187). Ивашко Кузьмин сын Сьянов. 14 лет. У розбору в Володимере окладчики сказали, Ивашко в службу не поспел.

Л. 73. (188). Степанко Микитин сын Мещеренинов. (sic! — А. К.) 14 лет. А у розбору в Володимере окладчики сказали, в службу не поспел.

(189). Микитка Иванов сын Дурасов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Микитка умре.

(190-191.) Миронка да Гришка Понкратьевы дети Кровкова. Миронка 11 лет, Гришка И 8 лет. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Миронка и Гришки оне не знают.

(192-193). Лучка да Гришка Ивановы дети Лупандина. Лучка 9 лет, Гришка 6 лет, а у розбору в Володимере окладчики сказали, Лучки и Гришки не знают.

(194-195.) Стенка да Федька Левонтьевы дети Караулова. Степанко 14 лет, Федько 10 лет. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Степанка и Федьки они не знают.

Л. 74. Муромцы ж за старость и за увечья от государевы службы отставлены

Выбор

По 900 чети

(196). Григорей Петров сын Чертков. А у розбору в Володимере Григорей сказал, что он от службы отставлен, а с поместья ево и вотчины служат из житья дети ево Алексей да Иван.

(197). Алексей Григорьев сын Чирков. А у розбору в Володимере не был. А окладчики сказали, Алексей от службы отставлен.

650 чети

(198). Иев Петров сын Дурасов. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Иев от службы отставлен.

500 чети

(199). Сава Иванов сын Мертвой. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Сава от службы отставлен.

Л. 75.

Дворовой

550 чети

(200). Дружина Юрьев сын Осорьин. А у розбору в Володимере окладчики сказали, Дружина урме (sic! — А. К.)⁷⁷.

¹ Сам разбор и верстание состоялись 15 февраля 1649 г.

² Алф. — Осорьин.

³ По РС — «из мещерян».

⁴ Алф. — «Чеадаев».

⁵ По РС — «из мещерян».

⁶ В РС отсутствует, но, очевидно, тоже мещерянин.

⁷ Алф. — «Юматов».

⁸ Алф. — «Чеадаев».

⁹ По Алф. далее следует Скрыпин.

¹⁰ Алф. — «Всеволодской».

¹¹ Алф. — «Копин».

¹² Алф. — «Осорьин».

¹³ Алф. — «Норов».

¹⁴ Алф. — «Нагин».

- ¹ В Алф. далее следует еще один Борисов, очевидно ошибочно.
- ¹⁶ В Алф. так же. В РС — «Нороватой».
- ¹⁷ В прочих списках, в т. ч. десятнях 1597 и 1605 гг. Бухвал.
- ¹⁸ Алф. — «Лихорев».
- ¹⁹ Алф. — «Лихорев».
- ²⁰ Алф. — «Загарин».
- ²¹ Алф. — «Загарин».
- ²² Алф. — «Мещеринов».
- ²³ В РС — «Осминин».
- ²⁴ В Алф. далее Немчинов (вероятно, № 138) и затем — № 149-175.
- ²⁵ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ²⁶ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ²⁷ В Алф. № 125-127 следуют после № 175.
- ²⁸ В Алф. далее Савин (вероятно, № 129).
- ²⁹ Алф. — «Кровков».
- ³⁰ В Алф. далее Лупандин (не установлен) и Глебов (вероятно, № 130).
- ³¹ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ³² См. примечание к № 127.
- ³³ В Алф. далее Аристов (№ 176).
- ³⁴ См. примечание к № 151.
- ³⁵ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ³⁶ См. примечание к № 179.
- ³⁷ В Алф. далее Дурасов (№ 180).
- ³⁸ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ³⁹ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁴⁰ См. примечание к № 155.
- ⁴¹ В Алф. далее Онаньин (№ 156).
- ⁴² В Алф. — следует за № 180.
- ⁴³ В Алф. далее Лукин (№ 181).
- ⁴⁴ См. примечание к № 122.
- ⁴⁵ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁴⁶ См. примечание к № 144.
- ⁴⁷ В Алф. далее Болховской (№ 153).
- ⁴⁸ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁴⁹ См. примечание к № 156.
- ⁵⁰ В Алф. далее Ковардицкой (№ 157).
- ⁵¹ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁵² См. примечание к № 152.
- ⁵³ В Алф. далее Аристов (вероятно, № 140).
- ⁵⁴ См. примечание к № 157. В РС порядок двух Загариных другой — № 146, 145.
- ⁵⁵ В Алф. далее Василисов (№ 158).
- ⁵⁶ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁵⁷ Точное соответствие в Алф. неясно.
- ⁵⁸ См. примечание к № 122.
- ⁵⁹ Алф. «Койсаров».
- ⁶⁰ В Алф. далее Лукин (вероятно, № 131).
- ⁶¹ В Алф. далее Пансырев (вероятно, № 144).
- ⁶² В Алф. далее Немчинов (вероятно, № 136).
- ⁶³ В Алф. далее Василисов (вероятно, № 142).
- ⁶⁴ В Алф. далее два Загариных (№№ 145-146).
- ⁶⁵ Алф. — «Онаньин».
- ⁶⁶ В Алф. далее Лукин (в Списке не установлен, в РС — Долмат Андреев сын Лукин) и № 164.
- ⁶⁷ Алф. — «Платцов».
- ⁶⁸ Алф. — «Осорьин».
- ⁶⁹ Алф. — «Онаньин».
- ⁷⁰ См. примечание к № 125.
- ⁷¹ Алф. — «Кровков».
- ⁷² В Алф. далее Борисов (вероятно, № 133).
- ⁷³ В Алф. далее Ворыпаев (№ 137).
- ⁷⁴ В Алф. далее Репьев (не установлен) и № 183.
- ⁷⁵ В Алф. отсутствует, по РС — объединен вместе с № 190-191.
- ⁷⁶ Далее порядок совпадает с Алф.
- ⁷⁷ В Алф. далее следуют Борисов, Ворыпаев, Лупандин, Ворыпаев, Жуков (не установлены).

В. Е. Ершов (Муром)

ТЕРРИТОРИЯ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ МУРОМСКОГО УЕЗДА ПО СОСТОЯНИЮ НА КОНЕЦ 20-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

1. Введение

Впервые Муромский уезд как часть Российского государства встречается в исторических документах в середине XV столетия¹. Частое упоминание о нем в источниках, территориальный разброс поселений, упомянутых в них, говорит о значительной территории этого уезда и его немалой роли в средневековой истории Российского государства.

В течение нескольких лет я занимался определением территории Муромского уезда по состоянию на начало XVII века (составлением карты) и характеристикой землевладения уезда в XV — первой трети XVII веков.

Исходя из этих целей, я поставил перед собой следующие задачи:

- определить структуру, территории ста-

Ил. 1. Территория Муромского уезда в начале XVII века

нов и всего Муромского уезда в первой трети XVII века;

- установить примерные границы уезда, его соседей; составить карту уезда первой трети XVII века;

- определить историю землевладения уезда; выявить землевладельцев и их землевладения по состоянию на конец 20-х годов XVII века;

- отдельно установить муромских детей боярских, имеющих вотчины и поместья в уезде;

- проанализировать состояние землевладения уезда (сравнить поместные и вотчинные землевладения; состояние светских, монастырских и церковных вотчин);

- выявить крупнейшие землевладения уезда, определить владельцев совместных землевладений (вотчинных и поместных дач);

- сравнить структуру и состояние землевладения Муромского уезда со структурой и состоянием землевладений других уездов;

- проанализировать систему землепользования уезда.

Для решения этих задач были исследованы следующие источники: «Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда 1628-1630 годов»²; «Список с переписной книги дворов и в них людей города и посада, поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 года»³; «Список с писцовых книг вотчинных земель Троице-Сергиева монастыря в станах Муромского уезда 1594 года»⁴; «Подлинная дозорная книга вотчины Троице-Сергиева монастыря в станах Муромского уезда 1616 года»⁵; «Отдельные, отказные, раздельные, обыскные и меновые книги поместий и вотчин Муромского уезда 1629-1650 годов»⁶; «Выписи из дозорных книг 1611-1612 годов на вотчины Борисоглебского монастыря в Муромском уезде»⁷; частные и правовые грамоты XV – первой половины XVII веков, находящиеся в фондах Поместного, Сысского и Монастырского приказов.

В настоящей статье изложены основные результаты исследований.

2. Территория Муромского уезда

по состоянию на конец 20-х годов XVII века

В первой трети XVII века Муромский уезд, состоявший из пяти станов, занимал обширную

территорию по обоим берегам реки Оки. После определения территорий каждого стана была составлена карта всего уезда (Ил. 1). На карте видно, что в середине уезда, как на левом, так и на правом берегах Оки располагались земли Дубровского стана (1). Севернее Дубровского стана на левобережье Оки находился Замотренский стан (2), а на правобережье Стародубский стан (4). Южнее Дубровского стана на правом и на левом берегах Оки были земли Унженского стана (5). На левом берегу Оки западнее Дубровского стана располагался Куземский стан (3).

Соседними с Муромским уездом, начиная с севера и далее по часовой стрелке, были земли Суздальского, Гороховецкого, Нижегородского, Арзамасского, Мецкерского и Владимирского уездов. Город Муром находился в центре уезда. Дубровский и Унженский станы являлись крупнейшими в Муромском уезде. Несколько меньшими были территории Куземского и Замотренского станов, а самую малую территорию в уезде занимал Стародубский.

В первой трети XVII века отдельными анклавами, находящимися на некотором удалении от единой территории уезда, являлись села Ярымово, Мартево с деревнями⁸; деревни Иванково и Конаньево на реке Клязьме⁹; пустошь, что была деревня Бабурино Верхнее¹⁰.

Кроме этого, некоторые землевладения, числящиеся в одном стане Муромского уезда, фактически находились на земле другого стана. Так, село Старое Загарино и деревня Шолоково, числящиеся в Дубровском, фактически располагались в пределах Стародубского стана¹¹.

Наиболее населенными, что видно на карте, являлись участки местности, расположенные на берегах рек, в первую очередь Оки, а также ее притоков Ушны, Илевны, Мотры, Кутры, Тужи, Реута и Ружи. Малонаселенными были заболоченные участки, расположенные на правом берегу Оки выше Мурома, а также в верховьях рек Вельтымы, Теши и Сережи.

3. Характеристика землевладения Муромского уезда в конце 20-х годов XVII века

В конце 20-х годов XVII века в Муромском уезде было 272 феодальных землевладения. При этом 82 землевладения состояли только из вотчин, 139 землевладений только из поместий, в составе

остальных 51 землевладения были вотчины и поместья. Для сравнения: в соседнем Суздальском уезде 72 землевладения состояли из вотчинных и поместных земель¹².

Среди 347 землевладельцев уезда было 5 бояр, 11 князей, 10 стольников, 1 окольников, 1 стреляный, 1 чарошник, 1 медынец, 2 стряпчих, 4 дьяка, 1 подьячий, 76 служилых людей, 110 детей боярских муромцев, 53 иногородних детей боярских, 27 жильцов, 6 недорослей, 10 неслужилых детей боярских, 32 вдовы и 6 девок. По общему количеству землевладельцев Муромский уезд значительно уступал Суздальскому, в котором примерно 600 светских землевладельцев владели дачами на вотчинном и поместном праве¹³.

Всего в конце 20-х годов XVII века в Муромском уезде было 578 поселений (сел, деревень, починков и т. д.) и 1082 пустоши. При этом около половины всех поселений располагались в Унженском и Куземском станах (по 23 % в каждом). В Дубровском и Стародубском находилось 38 % поселений (по 19 % в каждом), остальные 16 % были в Замотренском стане. В среднем на каждое землевладение выходило по 0,17 села, 0,34 сельца, 1,5 деревни и около 4 пустошей.

Крупнейшими землевладениями тогда были вотчины боярина Ивана Никитича Романова, князя Алексея Ивановича Воротынского, Троице-Сергиева монастыря, патриарха Филарета, князя Никиты Ивановича Одоевского; поместье боярина Михаила Борисовича Шеина. В числе средних можно определить вотчины муромского Спасского монастыря, Борисоглебского монастыря, боярина Юрия Яншеевича Сулешева, князя Василия Яншеевича Сулешева; поместье князя Василия

Михайловича Болховского, а также совместные владения (вотчины и поместья) Михаила и Осипа Григорьевых детей Елизарова, Степана Осипова сына Караулова, Григория Андреева сына Плещеева, Степана, Тимофея, Якова и Агея Ивановых детей Борисова и т. д.

Только в семи землевладениях насчитывалось более 10 поселений, в восьми — от 5 до 10 поселений, в составе девяноста девяти владений было от 1 до 5 поселений. Остальные 158 землевладений состояли из частей поселений и пустошей или одних пустошей. Сравнивая количества поселений в вотчинах и поместьях, видим, что около 67 % всех поселений располагались в вотчинных землевладениях (см. диаграмму № 1).

В конце 20-х годов XVII века в Муромском уезде во всех феодальных землевладениях стояло 5419 жилых и 951 пустых дворов. Половина жилых домов находилось в Дубровском и Стародубском станах (по 25 % в каждом), в Куземском и Унженском — 40 % дворов (по 20 % в каждом), остальные 10 % располагались в Замотренском стане. В среднем на каждое землевладение выходило: двор вотчинника или помещика; 0,5 двора приказчика; 10,8 крестьянских, 6 бобыльских и 3,5 пустых двора (Ил. 2).

Сравнение количества жилых дворов в вотчинных поселениях с количеством дворов в поместных поселениях показывает явное превосходство вотчин, в которых стояло около 71 % всех жилых дворов. В это же время в Суздальском уезде за различными владельцами было закреплено порядка 10 500 крестьянских и холопских дворов¹⁴. Даже если учесть, что в Муромском уезде, по сравнению с Суздальским, землевладений было

Диаграмма 1

в два раза меньше (600 и 300), налицо меньшая заселенность владений нашего уезда.

В конце 20-х годов XVII века в Муромском уезде насчитывалось более 91 000 четвертей пашни паханной, перелугу и поросшей лесом пашни. Кроме этого, в уезде было еще около 2000 четвертей порозжей (вымороченной) земли, той, у которой во время описи не были установлены владельцы¹⁵.

Больше всего пашни паханной, перелугу и поросшей лесом пашни находилось в Унженском стане (27 %), далее следовали Дубровский (24 %) и Куземский (23 %). Меньше всего такой земли было в Замотренском стане (9 %).

Анализ определенного во время описи качественного состояния земель показывает, что большая часть всей пашенной земли писалась как середняя. Например, в Замотренском стане такими определялись 90 % всех земель. В Унженском — более 80 %, в Дубровском — около 70 %, в Стародубском и Куземском станах более 65%. Больше всего пашни паханной, перелугу и поросшей лесом пашни доброй земли, а именно 33 % всей пашенной земли, было в Стародубском стане. Наибольшее количество пашни паханной, перелугу и поросшей лесом пашни худой земли (около 31 % пашенной земли) числилось в Куземском стане. Соотношение пашни паханной, перелугу и пашни, поросшей лесом добрых, средних и худых земель Муромского уезда по состоянию на конец 20-х годов XVII века отражено в диаграмме № 2.

При этом в Муромском уезде «пашня паханная» составляла в вотчинах около 40 %, а в поместьях около 30 % всех земель. Для сравнения: в Суздальском уезде «распашка земли была

на достаточно высоком уровне — в поселениях разных типов доля „пашни паханной” составила от 53 до 60 % к общей площади угодий»¹⁶.

В качестве землевладельцев в Муромском уезде встречаем представителей 36 муромских родов, среди которых были князья Болховские, владеющими 5-ю земляными наделами. Лидерами по количеству землевладений среди других «муромцев» были Борисовы (14 землевладений), далее следовали Опраксины и Языковы (по 13 землевладений), Юматовы (11 землевладений), Дурасовы и Кравковы, Плещеевы (по 10 землевладений). Власьевы, Волынские, Ворыпаевы, Елизаровы, Ивашевы, Киселевы, Ковардицкие, Карауловы, Копнины, Лихоревы, Лунины, Мертвые, Мецериновы, Опраксины, Плотцовы, Савины, Своробоярские, Чертковы и т. д. имели менее 10 землевладений на род.

4. Заключение

Значимым результатом данной работы является составление карты Муромского уезда конца 20-х годов XVII века. Сравнивая полученную карту с картой Муромского уезда по состоянию на конец XVIII века, мы видим, что на последней уже нет Унженского и Куземского станов. Современный Муромский район располагается на небольшой части левобережной территории Дубровского стана.

Сопоставление ее с современными картами Владимирской, Нижегородской и Рязанской областей позволяет сделать вывод о преемственности старых границ при определении рубежей современных территориально-административных образований.

Соотношение добрых, средних и худых земель в Муромском уезде в конце 20-х годов XVII века (в %)

Таким образом, можно говорить:

- в первой трети XVII века Муромский уезд являлся крупным территориальным образованием Русского государства;

- в целях эффективного проведения поместной политики он был поделен на пять станов;

- основной формой землевладения в уезде являлись вотчинные, поместные и дворцовые земли;

- по сравнению с поместьями вотчины были

более хозяйственно развитыми:

- крупнейшими в уезде являлись боярские, княжеские, патриаршие и монастырские землевладения;

- представители муромских родов имели около 45 % всех вотчин и более 30 % всех поместий, занимая весомое место среди землевладельцев Муромского уезда.

¹ Жалованная льготная и несудимая грамота Великого князя Василия Васильевича Матвеем Александровичу Осорьину на его вотчину село Степаньково и сельцо Сухмен с деревнями в Муромском уезде. Акт интерпретирован // Известия генеалогического общества. — СПб., 1900. — Вып. 1. — Отд. 111. — С. 26, 27 (по списку XVII века).

² Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 284.

³ Список с переписной книги дворов и в них людей города и его посада, и поместных и вотчинных сел, деревень и дворов в станах Муромского уезда 1646 г. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 11 834.

⁴ Список с писцовых книг вотчинных земель Троице-Сергиева монастыря в станах Муромского уезда 1594 г. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 703.

⁵ Подлинная дозорная книга вотчины Троице-Сергиева монастыря в станах: Дубровском, Куземском, Унженском и Замотренском 1616 г. // РГАДА. — Ф. 281. — Оп. 1. — К. 498.

⁶ Отдельные, отказные, раздельные, обыскные и меновые книги поместий и вотчин Муромского уезда. 1629-1650 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Д. 11 845.

⁷ Выписи из дозорных книг 1611-1612 гг. на вотчины Борисоглебского монастыря в Муромском уезде // РГИА. — Ф. 834. — Оп. 3. — Д. 1917.

⁸ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 284. — Л. 138-149.

⁹ Там же. — Л. 861.

¹⁰ Там же. — Л. 508.

¹¹ Там же. — Л. 893.

¹² Черненко Д. А. Структура землевладений в Суздальском уезде в первой трети XVII века // История и культура Ростовской земли. — Ростов, 2011. — С. 223.

¹³ Там же. — С. 222.

¹⁴ Там же. — С. 223.

¹⁵ Подлинная писцовая книга поместных и вотчинных земель в станах Муромского уезда. 1628-1630 гг. // РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — К. 284. — Л. 689.

¹⁶ Черненко Д. А. Сельское расселение и землевладение центральных уездов России в XVII-XVIII вв. (по материалам писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. — М., 2004. — С. 16.

МУРОМСКИЕ РЕЛИКТЫ В ШАТУРСКОЙ И ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В историческом Муромском регионе были территории, сейчас себя с Муромом уже не ассоциирующие и приобретшие иные идентичности. Такова и местность на пересечении Гусь-Хрустального района Владимирской области, городского округа Шатура (бывшего Шатурского района) Московской области и Клепиковского района Рязанской области. Условно назовем нашу окраину средневекового Мурома Западным Муромом.

Автор данной статьи столкнулся с этим при изучении Гусь-Хрустального района, его история написана преимущественно с XVIII в., история ранее не сформулирована. Привлекались изданные, архивные источники и отчеты археологических экспедиций. Оказалось, что исследуемая территория принадлежала не к т. н. «мещере», а к Мурому.

Наше исследование объемом около 23,5 п. л. пока не издано. Здесь излагается ряд сюжетов «Муромского княжества» (при том, что в свою бытность оно так не называлось, называясь «Муромом», «Муромской землей», «...волостью», «...областью») оттуда, это — история до 1393 г. и муромские сюжеты после того, как Муром был присоединен к Москве. Обнаружена возможность альтернативных взглядов-«линз», либо поставлены, сформулированы новые проблемы.

Границы государства Мурома

Не стоит поддерживать негласно устоявшуюся позицию, будто в средневековье не было границ, и люди не знали окружающую территорию. Средневековье, при его основанности на земельном ресурсе (сельское хозяйство, охота, рыбная ловля), предполагает в чем-то даже более детальное знание территории, чем сейчас. Без проговаривания средневековыми людьми древних финно-угорских названий удаленных от крупных населенных пунктов того времени мелких водоемов и урочищ эти названия бы не смогли дойти до XVII-XXI вв. Существование границ, пусть иначе осмысленных, понятно, т. к. всегда после захода на чужую территорию следует конфликт. Границы государства Му-

ром ранее реконструировались Д. И. Иловайским¹ и М. К. Любавским². Полезны знания о границах уездов, волостей и станов нач. XVII в. у В. Е. Ершова³, Я. Е. Водарского⁴ и Н. В. Давыдова⁵. Так как сохранились подробные актовые документы о землевладении нач. XVII в. уже после присоединения Мурома, Рязани, Коломны к Москве, дробление на волости и станы того времени относительно известно. Судя по передаче волостей Шатур и Муромского сельца Иваном III из Муромского во Владимирский уезд, даже при таких редких изменениях границ уездов границы волостей и станов не менялись, и с момента присоединения к Москве они оставались неизменными до 1778 г.

С северной стороны на карте М. К. Любавского⁶ (а за ней — во всех школьных материалах) граница избыточно сдвинута на юг — нынешняя д. Тихоново Гусь-Хрустального района никогда не входила в Клеков стан, он был севернее при нашей принадлежности в XVII в. к стану Муромское сельцо (крайние северные и южная точки: д. Сулово ныне Гусь-Хрустального района и место впадения р. Ялма в р. Пру). Аналогично высока вероятность избыточного сдвига на юг границ административных образований Владимирского уезда нач. XVII в. Остров, Лиственский, Судогодский и Медушский стан. Д. И. Иловайский считал владими́ро-муромской границей р. Клязьму, что верно не на всем протяжении, т. к. местности под Медушем, Стародубом, Ярополчем и Гороховцом — это чисто владимирские сущности, т. к. про них сохранились сведения, которые говорят об их принадлежности Владимиру. При том, что документы и летописные сведения до нач. XVII в. о Москве, Владимире, Стародубе, Гороховце сохранились более (на их подробности зиждутся все реконструкции исследователей), чем о Муроме (нет актовых документов о Западном Муроме ранее нач. XVII в. помимо малоподробных духовных грамот московских князей), по наличию сохранившейся документации можно установить принадлежность той или иной территориальной

единицы нач. XVII в. в период независимости Муром. Так нами предложен предварительный (для более точного необходим следующий цикл исследований по документам поместной системы XVII-XVIII вв.) вариант, как границу государства Муром можно реконструировать.

Таблица 1

Сторона, с кем граница, источник сведений	Описание границы
Северная, с Владимирской землей; наша реконструкция по границам административных образований Владимирского уезда XVII в.	В Муроме — Остров, Клеков стан; возможно — части Ильмехотского и Опольского станов на южном берегу р. Клязьма; Лиственский и Судогодский станы — Владимирского уезда XVII в. и Муромский уезд XVII в. полностью. Во Владимире — Сенег, Ильмехотский и Опольский станы (минимум — с северного берега р. Клязьмы, максимум — полностью), Боголюбовский, Медушский станы, территории бывших уделов Стародуб (границы реконструированы М. И. Давыдовым по р. Кестромка и Тара ⁷), Ярополч, Гороховец — Владимирского уезда XVII в. Граница по р. Поля — притоку Клязьмы — реконструируется по границе местностей Западного Муром, переданных Иваном III из Муромского во Владимирский уезд, состав которых изложен в духовных грамотах московских князей ⁸ и актов документации нач. XVII в. ⁹ Здесь предложенной М. К. Любавским ¹⁰ границы по р. Большой Ушме не было, т. к. стан Сенег (между реками Поля и Большая Ушма) принадлежал Владимиру. За р. Поля Мурому принадлежала только та территория, которая в XVII в. называлась Шатурской волостью.
Восточная, с Половецким Полем (Дешти Кипчак), В. Е. Ершов.	Как граница Муромского уезда XVII в.
Далее авторская реконструкция.	По р. Оке до устья р. Цны — притока р. Оки в ныне Пителинском районе Рязанской области (т. к. г. Городец Мещерский (Касимов) мог быть основан в XV в. только на территории московских князей — следовательно, его территория ранее была муромской).
Южная, с Половецким Полем (Дешти Кипчак), Д. И. Иловайский.	В Муроме/Рязани XII в.: Кадом, Елец. Во 2-ой пол. XI — нач. XII в.: — по р. Прони (и, видимо, после ее устья по р. Оке). В кон. XIII — нач. XIV вв.: по р. Дон, Хопер, Ворона.
Западная, с Черниговом, Д. И. Иловайский	До истока р. Осетр и по р. Осетр до ее устья.
Западная, Владимирские земли, Я. Е. Водарский и М. К. Любавский ¹¹ .	В Муроме: Коломенский уезд XVII в. полностью со включением территорий по р. Гжелка и Гнилуша с притоками.
После разделения единого княжества в Муроме на Муром и Рязань, Я. Е. Водарский.	В Муроме: Владимирский уезд XVII в. В Рязани: Коломенский и Рязанский уезды XVII в. Версия А. Л. Монгайта ¹² : граница шла по р. Пра. Коломенско-муромская граница по р. Цне — притоку Оки с устьем в ныне городском округе Луховицы Московской области, изложена у Д. И. Иловайского и М. К. Любавского ¹³ .
Граница Западного Муром и территорий, оставленных в Муромском уезде во время Ивана III Васильевича.	В переданном во Владимирский уезд Западном Муроме: Мичевская волость, Гусская волость, Колпский стан, Лиственский стан, Судогодский стан нач. XVII в. Остались в Муромском уезде: дворцовая Унженская волость и Унженский, Куземский, Дубровский, Замотринский станы

Границу княжеств Рязани и Пронска невозможно реконструировать, т. к. нет информации о территориальной дифференциации между ними.

Территории в долине р. Протвы — притока Оки (Лужа, Боровск, Веря, Новый городок)¹⁴ и «купель» московских князей XV в. (между

р. Ока и Осетр)¹⁵ мы не включили в границы Рязани, т. к. источники показывают, что эта территория, если и была у рязанских князей, то незначительное время, вероятно, в силу захвата у соседних княжеств.

Детали муромской государственности

После изучения летописей в их связи с «та-тищевскими известиями», опираясь на институ-

циональный подход к исследованию государства, нами выделены следующие периоды в истории Муромской государственности:

Таблица 2

Период	Основание для выделения	Хронологические рубежи
Эпоха первых муромских князей.	Государство в Муроме только складывается, после смерти Глеба в 1023 г. Муром принадлежит Киеву, с 1023 по 1054 г. — Тмутаракани, с 1055 по 1095/1097 г. — Чернигову, с 1097 по 1129-1143 г. княжит Ярослав Святославич, при котором государство в Муроме выглядит сложившимся.	Вокняжение Глеба (XI в.) — смерть Ярослава Святославича (1129-1143).
Домонгольское время.	Муром в качестве политики с самостоятельным престолом явно дифференцирован от Киева и Чернигова — «золотой век» истории муромской государственности и культуры.	Все летописные события между смертью Ярослава Святославича и вторжением князя Бату (Батые) (1131-1232).
Период монгольского нашествия.	Муром утрачивает государственность, здесь образуется квазигосударственная «буферная зона» между Владимирской (позднее — княжествами, на которые она распалась: Москва, Владимир, Стародуб, Городец) и Рязанской землями и Улусом Джучи (Золотой Ордой).	Вторжение князя Бату (1237) — смерть князя Василия Ярославовича (1345-1346).
Период деградации государственности и татарских конфликтов.	Муром возобновлен в качестве самостоятельной политики, однако в силу постордынского влияния — борьбы князей за господство на Русских землях, межкняжеских и татарских вооруженных конфликтов восстановление муромской государственности и культуры не оказалось возможным.	Смерть князя Василия Ярославовича (1345-1346) — присоединение к Москве (1393).

В летописях часто упоминаются «муромские князья» во множественном числе — необходимо отказаться от представления о том, что Муром был некоей «абсолютной монархией» все время с единственным князем во главе. В средневековом Муроме в отдельные периоды истории имела место специфическая коллегиальная форма правления нескольких князей с механизмом представительства, не нашедшая интерпретации исследователей. Представление, будто правитель должен быть один и быть некоей сакрально-главной фигурой могло прийти в историографию со времен абсолютизма XVIII в., когда историки осмысливали прошлое в рамках современных им представлений о правлении и власти. Эта проблема затрагивалась при попытке реконструкции муромского и рязанского веча¹⁶. При заключении мира в 1096 г. Мстислав заключил его с Муромом и Рязанью, когда Рязань еще не дифференцировалась в отдельное княжество. Это значит разграничение предметов ведения (федерализм), при котором часть государственных решений принимает общегосударственная муромская власть, часть — местные муромская и рязанская, как в данном случае. Также А. Л. Монгайт¹⁷ обратил внимание

на упоминание в этом и других летописных контекстах «муромцев» и «рязанцев», под которыми понимал знать — бояр и мужей. И. Я. Фроянов считал, что под ними следует понимать все население¹⁸. Это мало отличалось от новгородского веча и говорит о существовании в средневековом Муроме некоего федеративного монархически-республиканского синкретизма, при котором князь или во множественном числе князья учитывали интересы своих земель по своеобразной модели федеральных отношений и представительства. Исторически в Муроме не обнаруживается традиция сакрализации власти или властно-религиозного синкретизма.

Так же стоит пересмотреть значение «вокняжения» в 1095-1096 г. в Муроме князя Изяслава Владимировича. Оно не согласуется с правом наследования тех времен (Мономахович пришел на землю Святославичей), — это более вторжение, пусть и поддержанное муромцами (данный сюжет в летописи имеет параллель со многими сюжетами муромских повестей, где в Муроме нет князя и правят некие «муромцы», вечники¹⁹). Сидящий в Муроме князь Изяслав не означает, по нашему мнению, обретения в 1093-1095 гг.

Муромом самостоятельности от других княжеств; но он «сделал вклад» в институционализацию отдельного государства в Муроме тем, что обратил внимание черниговских князей Святославичей на эту окраину своей территории, которые ею с этих пор более озаботились.

После монгольского вторжения с переписью населения 1257 г. Муром как независимое государство прекращает существовать. Бату поставил здесь свой властный и военный аппарат, иерархично оказывающий насилие над местным населением. Исчезновение Мурома из летописей до 1345-1346 г. доставляет сложности изучения этого периода. Мы приняли концепцию буферной зоны К. А. Аверьянова²⁰.

Невозможно считать государственность одинажды рождающейся и, развиваясь, остающейся навсегда. Государство, общество, политика, могут возникать и исчезать. В Муроме после 1237-1257 гг. произошло исчезновение государства, т. к. государственные институты в Муроме до 1345-1346 г. не были сформированы. Неизвестно, сохранился ли род муромских князей в это время: они не упоминаются, но из этого не следует, что их не было: родственные связи и рождения детей далеко не у всех муромских князей описаны в летописях даже за пределами монгольского нашествия.

В эпоху монгольского нашествия на территории бывшего и будущего государства Муром была особая форма квазигосударственности во главе либо с «баскаками великими владимирскими», либо рязанскими, находившимися на территории Мурома: но вряд ли в г. Муроме или, что важно, в нынешнем с. Борисоглебе Муромского района²¹ ввиду близости к р. Оке — риска набегов. Единое государственное управление в Муроме и какая-либо столица вряд ли могли тогда существовать. Муром до 1351 г. описывался как «запустелый», что не всеяет веру в возможность каких-либо «резиденций» до этого времени, скорее баскаки кочевали по малоллюдной территории Мурома. Точно не могло существовать право и его исполнение, значит, если некая государственность была, то весьма непостоянна и условна, мы называем это «квазигосударственностью». Однако именно этим, под игом, безгосударственным временем, экспедиция В. П. Глазова²² датирует гончарный центр (белоглиняная керамика) около с. Заколпье и с. Константиново Гусь-

Хрустального района и керамику на территории завода «Стекловолокно» в г. Гусь-Хрустальном, что не делает те места «столицами», но подтверждает идею, что в Муроме в то время кто-то жил. Также интересно недатированное Юрьевское городище у с. Уляхино — его толкование затруднено отсутствием культурного слоя.

В дополнение к реконструкции «буферной зоны» важно оговорить, что вероятность присутствия на Муромской земле именно владимирских баскаков маловероятна, т. к. Муром исторически имеет большую связь с Рязанью, чем с Владимиром, с 1355 г. с вокняжением Федора Глебовича рязанского происхождения от нее был зависим²³. Эта зависимость должна была состояться на базе тяготения к Рязани в нач. XIV в. при соперничестве с Москвой, которая Муром в качестве своего владения не описывала. В 1393 г. Муром был присоединен к Москве лишь с позиции московского мировоззрения, ведь Рязань продолжала воспринимать Муром как своего зависимого, с чем связаны соответствующие записи Никонской летописи и Лицевого летописного свода под 1396, 1400, 1401, 1408 гг. — они описаны так, как будто Муром продолжает существовать как отдельное княжество²⁴.

Речка Мировщина, деревня Шестимирово и перемирие 1096 г. в честь битвы 6 сентября

Под 6604²⁵ (6603²⁶, 6630²⁷, 6627²⁸, 1096²⁹) г. отмечено перемирие после битвы Изяслава Владимировича и Олега Святославича 6 сентября. Новгородский князь «иде Мурому» и заключил мир с «муромцами и рязанцами», вернувшись в Суздаль. Люди должны были бы встретиться на каком-то месте, удобном для встречи прибывших и отправляющихся в Новгород, Суздаль, Муром и Рязань того времени. Если принять во внимание географические свойства долин рек Пра, Бужа/Поля и местности между ныне Гусь-Хрустальным районом и г. Муром; название речки Мировщина³⁰ (значит — место торжества в честь заключения мира³¹), давшей название д. Шестимирово (до пожара 1938 г. деревня была в нынешнем ур. Городок в 900 м на ЮВ); и дату убийства Изяслава 6 сентября, то с очень высокой вероятностью можно считать, что встреча произошла где-то в районе речки Мировщина и д. Шестимирово, которые наименованы в честь этого события.

Средневековая модель самовосприятия Мурома и «Повесть о водворении христианства в Муроме»: необходимость нового прочтения

Нужно отметить роль Муромского музея в исследовании этой проблематики на материале икон (МИХМ М-6608, М-6607, М-6613, М-6788, М-6787, М-6604)³². Иконы интересны тем, что содержат изображения Мурома, отражая его самовосприятие в средневековье.

В Муроме не было каменных стен, но он изображается с красными или белыми стенами. Это значит то же, что под «мраморными стенами» имеется в виду в «Повести о водворении христианства в Муроме»³³ — Муром показан как «чистый», праведный. Здания имеют красный и зеленый цвета, на фонах есть оттенки коричневого и золотого. Если здесь есть символика цвета — это описание самовосприятия Мурома средствами XVI в., когда во время Ивана IV актуализировалась муромская историческая память. Все здания изображены каменными при том, что каменного строительства в Муроме в то время не было — это символ твердости. Изображены многоэтажные здания, что символизирует «устремленность вверх», т. е. к Богу. Помимо этого есть иные явления.

На иконах изображен не только Муром, но и Муромские и Рязанские земли. Сюжеты из жития святых, образ с. Ласкова на иконах отображены такими же: с той же символикой. Даже здания в сельской местности на иконах выглядят как многоэтажные каменные: как г. Муром, так и окружающие Муромская и даже Рязанская (другое государство) земли, мыслились средневековыми муромскими людьми как в равной степени чистые, красивые и воспроизводящие жизнь.

Больше света проливает «Повесть о водворении христианства в Муроме». Ранее имели место разного рода дискуссии о личности князя Константина. Нельзя исключать вероятность смешения в исторической памяти прежних столетий Ярослава Святославовича и князя новгородского Константина Добрынича, сосланного Ярославом Мудрым в Муром 1019-1020 г. Также не стоит отождествлять князей муромских Глеба и Константина, т. к. память о Глебе более закреплена, чтобы быть перепутанной, и в «Повести» они противопоставляются. Константин — сын Святослава,

внук Ярослава — родственные связи обоих совпадают. Датировка княжения Константина 1223-1232 гг. — результат путаницы при составлении в «Повести» с другим муромским святым князем — Давидом-Петром Юрьевичем (муж Февронии).

Источники такого типа не могут толковаться буквально в силу особенностей жанра и исторического контекста возникновения и назначения таких текстов. При их толковании следует одновременно учитывать три предпосылки для толкования: контекстуальную, метафорическую и фактическую³⁴.

В начале повести есть фраза «во дни древняя создания града имея стены камены и мраморныя, и оттого нарицается Муром». Фраза полностью несет символический характер. «Древние» — годы, удаленные от написания повести (XVI в.), для автора 1223 г. — время, в которое Муром выполнил «миссию» в борьбе за праведность как твердый праведный город — хранитель Веры. Название города, как и имя человека, в христианском восприятии того времени оказывалось смыслом, через который люди после крещения предстают перед Богом. Идея переноса Мурома на другое место может предполагать намек на то, что он должен вернуться к идеалам тех времен, вспомнить о своей миссии.

Имена Константин, Федор, Михаил, Ирина не говорят о том, что были конкретно три лица с такими именами и родственными связями. Все становится ясно, если перевести эти имена: князь Стойкий (лат. Константин) пришел в Муром с Таким-Как-Бог (евр. Михаил) и Божьим Даром (греч. Федор). Речь идет не о трех лицах, а о Троице: Константин здесь символизирует Отца, Михаил — Сына, Федор — Святого Духа. Ирина — греческое имя, означающее «Мир». Таким образом, суть повести в том, что князь Стойкий пришел в Муром с Таким-Как-Бог, Божьим Даром и Миром. Возможно, Ирина здесь имеет какой-то символ Божией Матери. Константин описывается как сын Святослава, внук «Ярослава, крестившего Русскую Землю». По сути рассуждения автора повести, крестил Русские земли не князь Владимир I, а Ярослав Мудрый. Это не соответствует основной «официальной» сюжетной линии летописей. Скорее всего, ранее имелось многообразие точек зрения на то, кто крестил Русские земли, в Муроме крестителем считали Ярослава Мудро-

го. Такое отличие в XVI в. является серьезным подспорьем единства самовосприятия Москвы и Мурома и говорит об отличном представлении об историческом процессе в Муроме. В «Повести» эта «муромская» идентичность хорошо видна.

В «Повести» муромцы убили Михаила в городе и бросили его тело в лесу зверям на съедение — здесь идет отсылка к «страстям апостольским». Лес для автора — место «хаоса», язычества, опасностей. Обряд погребения муромских язычников совпадает с погребальным обрядом буртасов, описанным у Ибн Русте. Михаил уподобляется Иисусу перед Распятием, т. к. муромцы хотели убить князя Константина и выгнать из города. До конца повести Константин и Федор остались живы, пока в 1232 г. не умерли своей смертью, а Михаил неоднократно показывается как «агнец», жертва, мученик.

В конце «Сказание о обновлении града Муром» выводит читателя из сюжета о Константине, Михаиле, Федоре и Ирине, более мифичного, чем следующий сюжет. Таким образом, обеспечивается взаимосвязь Муром 1223-1232 гг. и современного автору XVI в., и подчеркивается абстрактность первого сюжета при большей конкретности второго.

В повести неполная аналогия со Священным Писанием: Константин, Ирина, Михаил и Федор уподобляются персонажам из Священного Писания, но не тождественны им. Они — земной «отпечаток» небесных библейских персонажей, местность Муром — это «отпечаток» небесной местности. Такое миропонимание похоже на миропонимание Августина Аврелия, описанное в его книге «О граде Божиим».

Ранее мы имели гипотезу уподобления средневекового Муром Иерусалиму, однако, эту идею не пришлось поддержать, т. к. «иерусалимский» дискурс о Муроме имеет место лишь как наслоение мировоззрения эпохи Ивана IV на иконе МИХМ М-6608. В подтверждение этой идеи факт присутствия «московского» элемента мировоззрения на этой иконе (О. А. Сухова нам разъяснила, что князь Давид на троне здесь изображен как символ Ивана IV; а уподобление своего государства Израилю — его черта). Планировка Муром домонгольского времени с планировкой Иерусалима не имеет явных совпадений³⁵.

Два Преображенских монастыря на озерах Святых

В то время, когда Муром присоединился к Москве, на очень близкой территории в волости Сенеж Владимирского уезда на берегу Сенежского озера (ныне с. Андреевские выселки городского округа Шатура Московской области, оз. Святое) находилась резиденция московских митрополитов (Киприан Киевский и Фотий) — ныне не существующий Преображенский монастырь. Киприан был проводником философии исихазма в Русские земли. Поэтому упомянутое село ныне имеет все основания считаться наследником средневекового «островка образованности» (занимался писательством Киприан именно здесь, в уединении на природе), а Западный Муром — быть соседом той местности. Более того, привлекательность места — Преображенского монастыря на оз. Сенеже (Святом), по-видимому, повлияла и на возникновение позднее другого Преображенского монастыря тоже на оз. Святом (Сенеж), входящим в систему рек Бужа или Поля и Пра на территории бывшего государства Муром. Другой монастырь находился около нынешней д. Погостище городского округа Шатура Московской области. Это означает подражание второго монастыря митрополичьей резиденции и культ образованности в прежние времена не только в резиденции митрополита, но и в широких окрестностях, в т. ч. в Западном Муроме.

Под 6860/1352 г. в летописях³⁶ помещено «рукописание Магнуша» — повесть-подделка. В ее версии по Львовской летописи³⁷ Магнуш был в «Муромской» земле в монастыре святого Спаса на реке «Полной». Монастырю Святого Спаса на «полной реке» около «Мурьманской» земли (т. е. Норвегии), по мнению А. Накадзавы, соответствует более Валаамский монастырь, однако в списках XV-XVIII вв. нет никаких оснований отождествлять «Святого Спаса на полной реке» и Валаамский Спасский монастырь³⁸. Это произведение может быть интересно тем, что в случае, если нарочно ли или случайно в одной из версий «рукописания» упомянули монастырь святого Спаса на Полной реке в Муромской земле — мог иметься ввиду ныне не существующий Преображенский монастырь на оз. Дубовое около нынешней д. Погостищи городского округа Шатура Московской области (участок р. Бужа/Пра, которая

ранее южнее д. Ягодино ныне Гусь-Хрустального района называлась «Поля»). Однако, ввиду противоречивости и неясности самого произведения, вымышленности его сюжета, здесь мало средств для продолжения толкования, исключая только тот факт, что при переписывании летописей Погожский монастырь в Муромской земле могли перепутать с Валаамским.

Передача Западного Мурома во Владимирский уезд

и рудименты муромской идентичности

Некоторое время после присоединения к Москве Западный Муром входил в Муромский уезд, но позднее он был реорганизован, и Западный Муром перешел во Владимирский уезд. Однако память о том, что ранее эта территория была «в Муроме», сохранялась за счет того, что очень долго она административно относилась к «сельцу Муромскому» — ныне с. Дмитровский Погост городского округа Шатура Московской области³⁹.

Ни одного документа, в котором четко указывается, что исследуемая территория переходила из Муромского уезда во Владимирский, нет, но, тем не менее, это выводится из косвенных упоминаний в духовных грамотах московских князей⁴⁰. Переход устанавливается по названию «Муромское Сельцо» — одной из перешедших волостей. В духовных грамотах московских князей можно видеть, что со временем изменяется описание этого населенного пункта и его волости (последнее упоминание как о волости в 1609 г., позднее в XVII в. — стан⁴¹). Сначала оно описывается как некое нарицательное сельцо в Муроме (т. е., как бы сейчас выразились, — «под Муромом»), затем описывается как территориальная единица «Муромское Сельцо» во Владимире («под Владимиром»).

Между 1461-1462 и 1497-1498 гг. имела место какая-то нам неизвестная, не оформленная в источниках дата, когда Западный Муром был переведен из Муромского уезда в соседний Владимирский. Зачем это сделали — установить невозможно; видимо, это надолго останется загадкой. Последний актовый документ, в котором исследуемая территория относится к Муромскому уезду — Духовная грамота Василия II 1461-1462 гг. Первый документ, в котором территория выглядит относящейся к Владимирскому уезду

— Жалованная грамота Ивана III Даниле Козлу Терентьеву сыну Милославского на волость Поле Кривальдино Владимирского уезда от 1497-1498 г.⁴² (ныне с. Кривандино городского округа Шатура Московской области).

Для истории исследуемой местности чрезвычайно важны даты 6995/1487 г.⁴³ и 6996/1488 г.⁴⁴ — 6997/1489 г.⁴⁵ — в то время «в Муроме», т. е. в Муромском уезде, получили поместья многие вышедшие из Великого Новгорода «бояре, житыи люди и гости». Видимо, в эти годы следует предположить факт перевода Западного Мурома во Владимирский уезд по причине борьбы с действительным либо вымышленным новгородским сепаратизмом после присоединения Великого Новгорода к Москве. В подтверждение этого события, среди прочего, историческое название р. Бужа и Поля в Гусь-Хрустальном районе — Поля (это почти новгородская Пола), которая впадает в оз. Имлес, во всех документах XVII-XVIII в. называвшееся «Ильмень». Так же можно поставить гипотезу 1483 г., когда московский и рязанский князья подписали договорные грамоты, и имело место перекроение московско-рязанской границы⁴⁶.

В «Синодике опальных»⁴⁷ числится Федор Сысоевич Палицын, который, согласно тому документу, «убит», однако в 1609 г. он назначен воеводой в Белоозеро⁴⁸. Такое эпатажное несоответствие в источниках должно стать причиной для сомнения в «Синодике опальных». По более достоверным актовым документам XVII в. С. Бахрушин установил, что в 1609 г. Ф. С. Палицын был жив. Мы проверили родословные росписи Палицыных⁴⁹ и исключили риск существования в то время нескольких людей с такими именем и фамилией. Ф. С. Палицын интересен тем, что он — отец помещика д. Избищи ныне Гусь-Хрустального района нач. XVII в. А. Ф. Палицына. У Палицыных и многих других, имевших в Западном Муроме поместья в нач. XVII в., — новгородское происхождение. По всей видимости, есть вероятность встретить еще случаи жизни в Западном Муроме «казненных» Иваном IV Грозным новгородцев и их потомков.

В первой половине XVII в. в Западном Муроме ведется активное строительство новых населенных пунктов и православных приходов, по-

гостов (места сбора налогов, поэтому погост — это также место государственного контроля над подчиненной территорией). Кажется загадкой, почему Муромское Сельцо (понятие «сельцо» значит отсутствие церкви) относилось к Владимиру с 1461-1462 — 1497-1498 г., а систему погостов стали строить только в XVII в. Скорее всего, это связано с тем, что в это время исследуемая территория и ее широкие окрестности стали заселяться, население многократно увеличилось. Также подозрительно возникновение большого количества погостов не где-нибудь, а именно на территории, которая в 1393 г. пришла из Мурома. Исследователи XIX в. перечисляют⁵⁰ эти приходы и монастыри. Однако эти данные не согласуются с тем, что в документах поместной системы есть подписи священников погоста Ерлекс (ныне с. Эрлекс Гусь-Хрустального района), датировать которые возможно 1630⁵¹, 1638-1648⁵², 1637-1644⁵³ гг. Возможно, имела место оставшаяся «муромская» идентичность, препятствовавшая управлению этой территорией из Владимира. После Смуты имело место усиление авторитарных тенденций для защиты власти нового правящего рода, и для борьбы с возможным или надуманным сепаратизмом власть еще сильнее разрывала исторические связи Западного Мурома с Муромом.

Западный Муром в новое время имел очень серьезные территориальные изменения. Шли губернские реформы, все из них затронули исследуемую местность. В 1778 г. из названия нашей административно-территориальной единицы последний раз исчезла память о Муроме. На месте бывшего стана Муромское Сельцо образовалось несколько более мелких образований Судогодского и Егорьевского уездов.

Есть два документа со свидетельствами особенностей восприятия людьми своей территориальной принадлежности. В 1700 г. стан Муромское Сельцо в сказке помещика д. Арефинской Судогодского уезда (ныне д. Тихоново Гусь-Хрустального района) почему-то назван «Меренским»⁵⁴. В документе о 1775 г. д. Избищи⁵⁵ (ныне Гусь-Хрустального района) стан Муромское Сельцо называется «Муромским». По нашему мнению, через такие ошибки или описки можно узнавать прежнюю еще оставшуюся в то время «муромскую» идентичность того времени, когда

исследуемая территория мыслилась окраиной Мурома, однако детали люди уже забывали. В очерке А. В. Смирнова 1885 г.⁵⁶ отражена историческая идентичность XIX в. — тогда не было какой-либо памяти о т. н. «мещере», как сейчас; а наследие Мурома не было забыто. На идентичность Западного Мурома повлияла построенная в 1910-е гг. железная дорога Люберцы-Арзамас. Наша местность называлась «муромскими лесами» в советское время⁵⁷ и в 1990-е гг. (пока с г. Муромом было прямое пригородное сообщение). Но эта муромская идентичность здесь — «новая», т. к. люди в нашей местности не интересовались прошлым в раннесоветское время — любая дореволюционная память была стерта.

Вместо заключения: к вопросу о значении Мурома в средневековье

Приведенные сюжеты наводят на мысль, что Западный Муром — это не «дикий лес на территории Владимиро-Суздальской Руси», к которой он не имеет никакого отношения, будучи присоединенным ко Владимиру в XV в. Вероятно, это произошло в ходе довольно жестокой административной реформы, связанной с предотвращением действительного или надуманного новгородского или муромского сепаратизма после присоединения этих земель к Москве. Эта территория, будучи «капиллярной зоной» (если представить Муром как кровеносную систему), была включена во многие исторические контексты. Ввиду того, что история традиционно писалась преимущественно во Владимире, затем — в Москве, значение Мурома, вероятно, оказалось не до конца осмысленным: оно по умолчанию показывается как некая окраина «Владими́ро-Сузда́льской Руси», всегда и во всем ей подчиненная.

Муром в свою бытность средневековым государством — достаточно самостоятельная и независимая историческая сущность. Представление о «подчиненности» Мурома Владимиру, по всей видимости, связано с тем, что в позднее время (XV-XX вв.: сакрализация владимирской/московской власти как «собираетеля земель», канонизация святых Владимиро-Суздальской земли — Сергей Радонежский, Андрей Боголюбский, Дмитрий Донской) искусственно сакрализировалась власть Владимира и позднее — Москвы, перенимавших монгольские институты господ-

ства над территориями. Из инструментального использования владимирской истории в позднее время, по всей видимости, выросла традиция непонимания в отечественном сознании универсальной чести и достоинства, на почве чего потом постепенно выросла дистанция между властью, подменяющей государство, общество и политику, и народом; и, как следствие, — досадные явления вроде крепостного права. До этого ни в Муроме, ни во Владимире не было ничего подобного: не было властно-религиозного синкретизма. Так же это представление усугубила отечественная историография, к сожалению, сложившаяся ввиду деятельности Н. М. Карамзина не как история народа или территории, а как история власти.

Впечатляет состав земель, оставленных в нами предполагаемом 1483/1487-1489 г. в Муромском уезде (1/3 земель) и переданных во Владимирский (2/3). Новая граница, разрезавшая девственно подлинный исторический Муром, прошла так, что Владимирский уезд к началу XVII в. имел почти половиной своей площади исконно муромские присоединенные территории. Волости Гусская, Муромского сельца и Шатур, ушедшие во Владимирский уезд, оказываются одними из самых богатых лесными и рыбными ресурсами территорий Мурома, среди них — самые ценные земли, входившие позднее в число дворцовых земель и Опричнину⁵⁸.

¹ Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. — М., 2008. — С. 62-65.

² Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности: заселение и объединение центра. — Л., 1929.

³ Ершов В. Е. Территория и землевладение Муромского уезда на правом берегу реки Оки по состоянию на конец 20-х годов XVII века // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/histgeography/index.html?id=7361>.

⁴ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. — М., 1977. — С. 248-249, 250-251, 258-259.

⁵ Давыдов Н. В. Шатурский край при царе Михаиле Федоровиче в письмах и мерах князя В. П. Кропоткина — М., 2010.

⁶ Любавский М. К. Указ. соч. Карта.

⁷ Давыдов М. И. Стародуб Ряполовский в XIII — 70-х гг. XVI в.: политическое развитие, административно-территориальное устройство, эволюция структур землевладения [Диссертация... кандидата исторических наук]. — Владимир, 2004. — С. 115-130.

⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. — М.-Л., 1950.

⁹ Список с писцовой книги поместных, вотчинных и проезжих земель в волостях: Гусской, Черной-Гостиловской, Тумской и Муромского Сельца, письма и меры князя Василья Кропоткина и Дьяка Игнатя Лукина // Давыдов Н. В. Указ. соч. — С. 135-222.

¹⁰ Любавский М. К. Указ. соч. — С. 87-88.

¹¹ Там же. — С. 33-36, 40-42.

¹² Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 126-128.

¹³ Там же. — С. 87-88.

¹⁴ Договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича с рязанским великим князем Олегом Ивановичем // Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внеш-

неполитические договоры. — М. 2003. — С. 223-270, 343-345.

¹⁵ Аверьянов К. А. Загадка завещания Ивана Калиты: присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в. — М., 2018. — С. 230-235.

¹⁶ Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля: Очерки социально-политической истории XI — начала XIII вв.: по материалам повестей. — Гатчина, 2003.

¹⁷ Монгайт А. Л. Указ. соч. — С. 345.

¹⁸ Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 39.

¹⁹ Кривошеев М. В. Указ. соч. — С. 51.

²⁰ Аверьянов К. А. К вопросу о «белых пятнах» в средневековой истории Мурома // Уваровские чтения — V. — Муром, 2003. — С. 66-70.

²¹ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 62.

²² ИА РАН. — Ф. 1. Р-1. — Оп. 1. — Д. 4451. — Л. 92-116, 126-169.

²³ Широкоград А. Б. Альтернатива Москве. Великие княжества Руси. — М., 2018. — С. 199.

²⁴ ПСРЛ. — Т. 11. — С. 163, 184, 204; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга. 11. 1393-1402 гг. — М., 2009. — С. 320-321, 490, 509; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга. 12. 1403-1424 гг. — М., 2009. — С. 155.

²⁵ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 107-109; Т. 2. — С. 281-282; Т. 7. — С. 10-12; Т. 9. — С. 127-129; Т. 15. — Стб. 183-184; Т. 20. Первая половина. Ч. 1. — С. 98; Т. 23. — С. 26; Т. 25. — С. 17-19; Т. 26. — С. 45; Т. 27. — С. 28; Т. 28. — С. 179; Т. 30. — С. 52-53; Т. 38. — С. 93-94; Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. — М.-Л., 1950. — С. 181-184.

²⁶ ПСРЛ. — Т. 24. — С. 71; Т. 34. — С. 71.

²⁷ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. — Т. 7. — С. 242.

²⁸ ПСРЛ. — Т. 27. — С. 232.

²⁹ Татищев В. История Российская. — М., 2003. — Т. 2. — С. 114-116.

- ³⁰ См. документальное упоминание: РГАДА. — Ф. 1355. — Оп. 1. — Д. 1212. — Л. 59об.
- ³¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. — М., 1998.
- ³² Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — М., 2006.
- ³³ Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы, издаваемые Графом Григорием Кушелевым-Безбородко. — СПб., 1860. — Вып. 1. — С. 229-238.
- ³⁴ См. о герменевтическом подходе: Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004.
- ³⁵ См. подробно: Бейлекчи В. В. Историческая топография древнего города Муром // Россия, Запад и Восток: традиции, взаимодействия, новации. — Владимир, — 2009. — С. 28-29; Смирнов Ю. М. Город Муром и его кремль // Русская старина. — Сочи, 2013. — № 2 (8). — С. 80-90 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ejournal15.com/journals_n/1406979926.pdf.
- ³⁶ ПСРЛ. — Т. 23. — С. 111; Т. 24. — С. 120-121; Т. 25. — С. 178-179; Т. 26. — С. 116; Т. 27. — С. 66.
- ³⁷ ПСРЛ. — Т. 20. Первая половина. Ч. 1. — С. 186.
- ³⁸ Накадзава А. Рукописание Магнуша. — СПб., 2003. — С. 70-74.
- ³⁹ Список с писцовой книги... — С. 135-222.
- ⁴⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.
- ⁴¹ Давыдов Н. В. Указ. соч. — С. 136.
- ⁴² Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. — М., 1996. — С. 232.
- ⁴³ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга. 17. 1483-1502 гг. — М., 2009. — С. 68.
- ⁴⁴ ПСРЛ. — Т. 27. — С. 288.
- ⁴⁵ Лицевой летописный свод XVI века... — С. 86-88; ПСРЛ. — Т. 6. — С. 37; Т. 8. — С. 218; Т. 12. — С. 220.
- ⁴⁶ Широкопад А. Б. Указ. соч. — С. 271.
- ⁴⁷ Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 года. Синодик опальных царя Иоанна Грозного. — Нижний Новгород, 2009; Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 года) (Реконструкция текста) // Скрынников Р. Г. Иван Грозный. — М., 2005. — С. 488-495.
- ⁴⁸ Бахрушин С. Андрей Федорович Палицын (русский интеллигент XVII в.) // Века. — Пг., 1924. — Т. 1. — С. 84.
- ⁴⁹ Станиславский А. П., Мордвина С. П. Родословные росписи дворян Палицыных // Археографический ежегодник за 1989 г. — М., 1990. — С. 288-289.
- ⁵⁰ Добронравов В. Г., Березин В. М. Историко-статистическое описание храмов и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1897. — Вып. 4; Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX столетия и библиографическим указателем. — Рязань, 1891. — Т. 4.
- ⁵¹ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 12616. — Л. 57.
- ⁵² РГАДА. — Ф. 1301. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 359/863. — Л. 77.
- ⁵³ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 12 617. — Л. 154об.
- ⁵⁴ РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 78. — Д. 45. — Л. 1.
- ⁵⁵ РГАДА. — Ф. 423. — Оп. 3. — Д. 719. — Л. 1-17.
- ⁵⁶ Смирнов А. В. Описание Ягодинской волости (Судогодского уезда Владимирской губернии) в санитарно-статистическом отношении. — Владимир на Клязьме, 1886. — С. 8-9.
- ⁵⁷ Чем будет пахнуть «архиерейка»? / ИСРАГЕО: Журнал географического общества Израила // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://isrageo.wordpress.com/2013/11/01/000uha018/>.
- ⁵⁸ ПСРЛ. — Т. 13. Вторая половина. — С. 395.

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ ОСОРЬИНЫХ В ОПУБЛИКОВАННЫХ ДОКУМЕНТАХ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Занимаясь генеалогией своей семьи более десяти лет, я обнаружила кровные родственные связи по женским линиям с такими известными фамилиями, как Аксаковы, Нагаткины, Осоргины и другие. Считая, что роды Аксаковых¹ и Осоргиных² уже хорошо изучены, я в течение долгого времени занималась другими фамилиями, особенно Нагаткиными³. Если попадалась информация об Осоргиных, я собирала и ее. В основном это были документы и публикации, касающиеся оренбургско-самарской ветви Осоргиных XIX века, и сведения о потомках Александры Федоровны Нагаткиной (Осоргиной) в XX и XXI веке. Стоорокалетний юбилей писателя Михаила Андреевича Осоргина — потомка рода Осоргиных, отмечавшийся в октябре 2018 года, и предстоящий столетний юбилей Муромского историко-художественного музея послужили определенным толчком для данного исследования. Не последним аргументом был и повод посетить места, где жили мои предки.

Несколько лет назад была опубликована серия «Памятники истории Мурома» из семи сборников интереснейших документов по Мурому со второй четверти XVII века по начало XX века⁴. Изучая эти документы в связи с Нагаткиными, жившими в Муроме в XVII веке, я решила просмотреть их и по поводу упоминаний, связанных с родом Осоргиных, и попытаться дополнить поколенную роспись, составленную А. Я. Моторкиным по материалам У. С. Самариной⁵. Упоминания об Осорьиных имеются в документах с 1623 по 1649 годы, со второй половины XVII века их нет:

1) Василий Семенов сын Осорьин — 1623/1624 (получается, что умер между 1624 и 1637);

2) Овдотья Васильевская жена Осорина 1637/1638; 1644, 1649 (вдова на 1637 г., умерла не ранее 1649);

3) Дружина Юрьев сын Осорьин — 1623/1624; 1637/1638; как губной староста упоминается — 1625, 1632, 1640; 1637/1638; 1646;

4) Муромец Иван Юрьев сын Осорина — 1620, 1623/1624 назван старым человеком; 1637/1638;

5) Сын боярской Иван Осорьин — 1637/1638;

6) Дружина да Иван да Дмитрий Юрьевы дети Осоргина — 1623, 1637, 1649.

Здесь упоминаются три Ивана Осорьина (в т. ч. один без отчества). Это может быть один человек, а может быть и нет! Но тот, что упоминается вместе с братьями Дружиной и Дмитрием, несомненно, сын Ульяны Устиновны и Юрия Васильевича Осориных.

Из перечисленных персонажей в поколенной росписи Моторкина/Самариной с 1623 по 1649 годы с V по VII колена только в VII колене встречаются Иван Юрьевич, 1552-1584, нижегородский и муромский помещик, убитый своим собственным холопом; Калистрат-Дружина Юрьевич, муромский и нижегородский помещик, 1640 — в Муромских десятинах 112, 114, 116 и 130 г. верстан в детях боярских; Дмитрий Юрьевич, муромский и нижегородский помещик, 1641 — в муромских десятинах верстан в детях боярских.

Самый первый из списка по муромским документам — Василий Семенов — отсутствует. Однако ранее, в IV поколении росписи, встречается Семен Степанович Осорьин, владимирский помещик, жалованный в 1552 г. грамотой на деревни во Владимирском уезде. Теоретически он мог быть отцом Василия Семеновича. Есть вероятность, что Василий Семенович является тем неизвестным персонажем из пятого поколения, который в Росписи обозначен под № 14, с комментарием «владимирский помещик — жалован в 1552 г. грамотою на деревни во Владимирском уезде». Известно, что Василий Семенов умер между 1624-м и 1637-м годами, а его жена Евдокия упоминается как вдова и в 1649 году.

Об убитом Иване Юрьевиче в комментариях отмечено его верстание в муромских десятинах 112, 114, 116 и 130 г. (соотв. 1604, 1606, 1608

и 1622 г.). Таким образом, комментарий относится к какому-то другому лицу, поскольку человек, умерший в 1584 г., не мог быть на службе в 1604. По приведенным выше данным из муромских документов видно, что Иван Юрьевич Осорьин (брат Дружины и Дмитрия) здравствовал и в 1649 году! В родословной Осоргиных, составленной А. А. Сиверсом, даты рождения и смерти Ивана не обозначены, нет и информации о его убийстве холопом⁶. Если же обратиться к фундаментальному труду Н. П. Лихачева «Грамоты рода Осоргиных»⁷, то в нем приводятся 7 грамот, относящихся к XVII столетию. Авторами одного документа от 8 августа 1649 года являются Богдан Иванов сын Осорьин и его отец Иван Юрьев сын.

Следующий персонаж VII поколения, встретившийся и в муромских документах, и в поколенной росписи — Дружина. В комментариях к росписи добавлено, что он написал житие своей матери св. Иулиании Лазаревской-Муромской. Совместно с братом Дмитрием владел землей и рядом селений. Сведения о Дружине могут быть дополнены выписками из муромских документов, где с 1623 по 1649 годы он числится как житель Мурома, губной староста. К его служебной деятельности отнесем документы из пятого выпуска ПИМ «Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы», адресованные губным старостам Борису Варыпаеву да Дружине Осорьину от царя Михаила Федоровича.

Еще один вопрос, возникающий при работе с росписью А. Я. Моторкина, вопрос о старшинстве братьев. Родословная роспись — это специфический документ, в котором нумерация персонажей имеет значение, и принято располагать и нумеровать братьев в порядке их рождения. Это согласуется и с тем обстоятельством, что в дореволюционных документах братья также указывались в порядке рождения. В «наших выписках» и у Сиверса старшим указан Дружина, а у Моторкина — Иван.

Третий персонаж, сведения о котором имеются в обоих видах рассматриваемых нами документов, — Дмитрий Юрьевич. По Сиверсу он упоминается также в десятиях 1608 и 1622 года как житель Мурома, а по нашим наблюдениям вплоть до 1649 года.

В Поколенной росписи имеются еще два сына Юрия Васильевича и Ульяны: Никита (№ 30) и Юрий (№ 32). Если с Юрием все понятно: он умер в 1615 году и не мог попасть в документы, ограниченные периодом 1623-1649 гг., то с Никитой такой ясности нет.

В комментарии указано, что он верстан в новиках в 1666 г. Дворяне и боярские дети вступали в военную службу в 15 лет. До 15 лет их в документах называли недорослями, а только что вступивших на службу и до 18 лет — новиками. Иулиания умерла в 1604 году. Если Никита ее сын, то в 1666 г. ему должно быть не менее 60 лет, а он записан в новиках, что представляется сомнительным! Никита Юрьевич не мог быть сыном Ульяны и Юрия, уж скорее внуком! Этот персонаж явно попал в роспись Моторкина из росписи, составленной Сиверсом (в которой он также присутствует). Никита Юрьевич принадлежит либо к другому поколению, либо к другой ветви рода, и его место в поколенной росписи предстоит определить в будущем.

Таким образом, с одной стороны полученные сведения о ряде персоналий напрямую касаются семьи Иулиании Устиновны Осорьиной, с другой — выявлены неточности в поколенной росписи. Неточности и ошибки в поколенных росписях дворянства — нередкая ситуация. В дореволюционное время при составлении документов для подтверждения дворянства бывали факты намеренных подтасовок с целью приобщиться к известному роду, а наличие в роду Осоргиных столь знаковой фигуры, как Иулиания Лазаревская, вполне могло быть тому причиной. Еще одной причиной ошибок при составлении родословных является недостаток документов, а также то, что более поздние составители не всегда критически и с должным вниманием изучали документы предшественников, и ошибки тиражировались из издания в издание. В этой связи показательно предисловие А. А. Сиверса к составленной им росписи Осоргиных: «Мой отъезд из Самары прервал мои занятия в Архиве Самарского дворянского Депутатского собрания, и работа по обследованию дела о роде Осоргиных осталась незаконченной главным образом в отношении имеющейся в деле справки Разрядного Архива. Тем не менее, сделанные выборки дали возможность составить поколенную роспись рода,

в основание которой положена представленная в 1792 г. в собрание дворян Уфимского наместничества подпоручиком Федором Васильевичем Осоргиным родословная, собственноручно им подписанная»⁸.

Сведения о детях Иулиании Лазаревской имеются в материале А. В. Колодина: «В семье Г. В. Осорбина и праведной Иулиании было 13 детей, из которых семь дожили до совершеннолетия. Известны имена пятерых сыновей: Григорий (родился раньше 1574 г.), Каллистрат (Дружина; родился в 1578 г.), Иван (родился в 1580 г.), Георгий (родился в 1587 г.) и Дмитрий (родился в 1588 г.), последним ребенком была дочь, впоследствии принявшая схиму (родилась в 1590 г.)»⁹. Однако на сайте не приведены ссылки на источники, а связаться с автором мне не удалось.

Дополнительные сведения об Осорбиных находятся в других работах. М. Г. Кротов, подробно прослеживая биографию Дружины Юрьевича, определяет время его рождения около 1547 года, а «в 1598 г. он был записан в десятне по Мурому в числе служилых новиков — дворовых детей боярских»¹⁰. 8 февраля 1611 г. датирована Указная грамота царя Владислава Сигизмундовича в Муром губному старосте Дружине Осорбину¹¹.

Из двух ввозных грамот 1589 и 1590 гг. «Юрию Васильеву сыну Осорбина с детьми Дружиной, Иваном, Юрием, Дмитрием и дочерью на поместье его погибшего старшего сына Григория д. Ярцово Чирьево и сщ. Олисеевское с пуст. в Березопольском ст. Нижегородского у.» известно, что Григорий был убит на службе, и глава семейства просит оставить поместье за ним до достижения его сыновьями совершеннолетия. Таким образом, гибель одного из сыновей Ульяны на службе, описанная Дружиной в «Житии» своей

матери, получило документальное подтверждение. Кроме того, становится известным имя и возраст погибшего сына — Григорий. В документе 1590 года называется возраст всех четырех, живых на тот момент, сыновей Юрия Васильевича¹².

Таким образом, получается, что на 1589 год Дружине — 12 лет (род. ок. 1577); Ивашке — 10 (род. ок. 1579); Юшко — 3 (род. в 1586); Митке — 2 (род. в 1587).

Суммируя сведения о персоналиях рода Осорбиных, попытаемся уточнить примерные годы жизни персонажей.

В V колоне: исходя из того, что Василий Семенов мог быть жалован поместьем лишь уже будучи совершеннолетним, следует, что Василий Семенов (в поколенной росписи под № 14) родился ранее 1537, умер между 1624 и 1637 гг.; его жена Авдотья (ум. после 1649).

В VI колоне: Юрий Васильевич в 1598 отставлен от службы.

В VII колоне: (имя неизвестно) Юрьевич по преданию был убит холопом на охоте, умер до 1689 г. (можно предположить, что этот сын Ульяны и Юрия умер до совершеннолетия, т. к. иначе поступил бы на службу и встречался в документах);

Григорий Юрьевич родился около 1574, ум. 1589;

Дружина Юрьев сын (в поколенной росписи под № 22) родился около 1577, умер позже 1649. Упоминается как губной староста Мурома с 1611-1646 гг.

Иван Юрьев сын (в поколенной росписи под № 21) родился около 1579, умер позже 1649);

Юрий Юрьев сын (в поколенной росписи под № 23) родился около 1586, умер в 1615;

Дмитрий Юрьев сын (в поколенной росписи под № 29) родился около 1587, умер после 1649 г.

¹ Aksakoff.ru - Древний дворянский род Аксаковых // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.webviki.ru/aksakoff.ru>.

² Моторкин А. Я. Родословие Осоргиных — прямых потомков святой праведницы Иулиании Лазаревской, Муромской // Уваровские чтения — VI. — Муром, 2006. — С. 437-444; Сухова О. А. Образ Юлиании Лазаревской в искусстве Древней Руси и церковных произведениях XIX — нач. XXI в. // Милостивая. Праведная Иулиания Муромская (Лазаревская). — Муром, 2004; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Иулиания Лазаревская, Муромская. — М., 2012.

³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://Nagatkin.ru>.

⁴ Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. — Владимир, 2010; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. — Владимир, 2010; Список с переписной книги г. Мурома 1646 г. Список со строевой книги г. Мурома 1649 г. — Владимир, 2010; Документы по истории Муромского посада второй половины XVII в. — Владимир, 2011; Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы — Владимир, 2011; Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. — Владимир, 2011; Некрополи г. Му-

рома: материалы для изучения истории и генеалогии муромских семей конца XVIII – начала XX вв. / Авт.-сост., коммент. В. Я. Чернышев. – Владимир, 2011.

⁵ Моторкин А. Я. Указ. соч.

⁶ Сиверс А. А. Генеалогические разведки. – СПб., 1911.

⁷ Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Известия Русского генеалогического общества. – СПб., 1900. – Вып. 1. – С. 28 и далее.

⁸ Сиверс А. А. Указ. соч.

⁹ См.: Культура Веры. Путеводитель сомневающих // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religiocivilis.ru/kontakt.html>.

¹⁰ Кротов М. Г. Новое об авторе «Жития Улиянии Лазаревской» // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. – М., 1987.

¹¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. – М., 1997-2002. – Т. 4. – № 518.

¹² Там же. – Т. 2. – С. 298, № 337; С. 299, № 338.

ПОСАДСКИЕ ЖИТЕЛИ Г. МУРОМА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОЙ РЕВИЗИИ)

Одним из самых бурных периодов в истории России стала первая четверть XVIII в. Проведение Петром I целой серии реформ (военных, государственно-административных, социально-экономических, а также в сфере культуры) приводило ко все возрастающим расходам. Была даже введена специальная должность «прибыльщиков», чьей задачей стало изыскание новых видов платежей. Так появились хомутейный, трубный, пчельный, шапочный и прочие экзотические сборы (включая налог на бороду). Однако кардинально они проблеме нехватки денег в казне не решали.

Дополнительным фактором стала длительная война со Швецией, вызвавшая новые налоги — рекрутские, драгунские, подводные, корабельные и проч. К этому следует добавить строительство Санкт-Петербурга, многочисленных укреплений, дорог, прокладку каналов. Бюджет государства не справлялся с увеличением расходов, ежегодный дефицит доходил до 13 %. Это и стало одной из главных причин реформирования системы налогообложения, предпринятого в первой четверти XVIII в.

В представленной статье рассматривается состав посадского населения г. Муром в период проведения первой ревизии. Источниковой базой работы послужили переписные книги из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Данные переписные книги интересны тем, что в них имеются указания на подворную перепись 1710 г., что дает возможность для отслеживания социальной мобильности посадского населения.

В отличие от других городских посадов Владимирского края первой четверти XVIII в. (Владимира, Суздаля), разные аспекты истории муромского посада уже были предметом изучения в ряде работ В. Я. Чернышева¹.

Реформа налогообложения прошла несколько этапов. Первоначально для упорядочения сбора налогов в 1710 г. была проведена подворная перепись. В ходе ее осуществления выяснилось, что после аналогичного мероприятия 1678 г. ко-

личество дворов сократилось почти на 20 %. В то же время произошел относительный прирост населения². В результате тщательной проверки были обнаружены значительные нарушения. Владельцы договаривались с переписчиками об утайке дворов³. Поэтому в 1716-1717 гг. была проведена дополнительно так называемая ландратская перепись⁴. По ее итогам стало ясно, что двор — не слишком удачная фискальная единица. Количество работоспособного населения во дворах могло значительно различаться, а размер подати оставался одинаковым. В результате чрезвычайных обстоятельств дворы могли запустеть, там, помимо владельца двора и членов его семьи, могли проживать совершенно посторонние люди. Поэтому было принято решение перейти от подворной системы налогообложения к подушной.

Впервые идея подушного налогообложения была предложена В. В. Голицыным еще в период правления Софьи. Тогда это предложение не было реализовано. М. Клочков, изучая документы переписей, обнаружил, что вскоре после неудачи 1710 г. появился указ о взимании сборов «с числа людей, а не с дворового числа». Подати следовало взимать со всех, кто был зафиксирован в писцовых книгах, в возрасте от 10 до 60 лет «с числа обоих полов»⁵.

Подушная подать с лиц обоего пола также не была введена.

В ноябре 1718 г. появился указ, требовавший переписать все сельское пахотное население. Сначала его поняли так, что речь идет только о владельческих крестьянах. Однако затем потребовались сведения и о дворовых, проживавших в деревнях. Предписывалось «взять сказки у всех (дать на год сроку), чтоб правдивыя принесли». Предполагалось собирать подати с каждой «души мужского пола»⁶. К установленному времени сведения поступили лишь в незначительном количестве и составленные по большей части недобросовестно.

Сенат постановил отправить на места гвардейцев, которым было дано грозное предписание

«заковать в железа» губернаторов вместе с чиновниками и до тех пор держать их на цепи, пока не будет закончено составление всех ведомостей. Чтобы ускорить процесс, к проверке («ревизии») подключили даже приходское духовенство. Священнослужителям совместно с гвардейцами следовало заняться выявлением утаенных «душ». В очередном указе 1719 г. чиновникам вменялось в обязанность переписать «всех, не обходя от старга до самого последнего младенца»⁷.

Специальный указ о переписи собственно горожан появился в феврале 1721 г., хотя составление городских «сказок» началось уже в 1719 г. Учитывать следовало не только посадских людей, но и «прикащиков, сидельцов, крепостных и наемных людей порознь по именам с летами»⁸. Первоначально Петр I в структуре городского населения предполагал выделить «цеховых» и две гильдии купцов. «Подлых» людей, живущих «черною работою», следовало записать отдельно⁹.

В указе 1722 г. разъяснялось, что горожане должны «верстаться между собою по богатству». В составлении переписных книг в городах заодно с местными властями также должны были участвовать гвардейцы. Сроки предоставления сказок опять не выдерживались, и работы удалось завершить только в 1724 г.

Первая ревизия зафиксировала 169,5 тыс. душ м. п., что равнялось приблизительно 3 % податного населения страны на тот период¹⁰.

Все материалы переписей 1710-1718 гг. направлялись в Камер-коллегию. Она осуществляла раскладку и сбор налогов. В архиве коллегии сохранилась коллекция документов, известных в настоящее время как «Ландратские книги и ревизские сказки» фонда 350 РГАДА.

Переписная книга г. Муром невелика по объему — всего 52 листа (л. 1-52), и включена в дело 1884¹¹. Книга написана одним почерком (одним человеком), исправлений и зачеркиваний не имеет. Это позволяет предположить, что книга — это вторичный документ, составленный на основе более ранних данных. Дворы учитывались по церковным приходам — Вознесенский, Дмитровский, Рождественский, Николы Мокрого и т. д. — всего 17 приходов.

Подобная форма фиксации посадского населения свидетельствует, что в ревизии сведений

переписи 1710 г. в Муроме активное участие принимало духовенство, возможно, священнослужители составляли и первичные сказки. Это логично, поскольку именно в церкви фиксировались все основные события в жизни человека (рождение, брак, смерть). Церковный учет населения в России был хорошо налажен. Церковь имела наиболее полные сведения о населении, т. к. «вся жизнь средневекового горожанина проходила под сенью церковных куполов и крестов»¹². Участие в акции именно духовенства, а не чиновников, косвенно подтверждается еще тем, что в самой переписной книге не перечисляются указы, на основе которых она была сформирована.

Основной задачей во время переписи было выявление всех «душ мужского пола» для определения в подушный оклад. Однако структура «сказок» в период проведения первой ревизии еще не сформировалась окончательно. Так, в переписной книге г. Суздаля отдельно были выделены те, кому «в окладе быть не надлежит». Это «отставные с пашпортами» и дети, родившиеся после составления «сказок» 1719 г.¹³ В переписной книге г. Владимира содержится дополнительная информация о выбывших из города посадских людях после проведения подворной переписи 1678 г.¹⁴

В заголовке переписной книги указано, что «свидетельство» в г. Муроме «дворового числа» и «мужеска полу душ» в 1723 г. производил господин полковник Коробов «с присудствующими господами унтер и обер афицеры»¹⁵. Эта запись повторяется неоднократно, но имена унтер и обер-офицеров не названы. Фамилия Коробова фигурирует и в «сказках» Суздаля и Владимира.

Основная часть книги — подворная фиксация посадских людей (мужского пола). Каждый раз, описывая население двора, чиновник делал ссылку на подворную перепись 1710 г.: «А в переписных новых книгах 710 году отец его и он, Матфей, написаны», или «а в переписных новых книгах 710 году отец ево написан, а он, Иван, не написан для того, что он, Иван, до оной переписи из Муромы сошел и жил в других городех»¹⁶.

Указывались имена, возраст, родственные связи, род деятельности, наличие работников: «Во дворе Никифор Михайлов сын Мяздриков сорока семи лет, у него приимыш вместо сына муромской посацкой человек Михайло Борисов

сын Емельянов осми лет, да по записи живет на урочные году муромец посацкой человек Иван Алексеев дватцети четырех лет, имеет купечество и винной в Муроме завод, и оной Мяздриков записан в Муромской приказной канцелярии в раскол под двойной оклад, а в переписных новых книгах 710 году он Никифор и приемыша его отец и работник Иван Алексеев написаны»¹⁷.

Всего по переписной книге в г. Муроме на посаде было учтено 422 двора. В них проживало посадских жителей 1292 «души мужского пола», которым положено быть в подушном окладе, в том числе — 16 раскольников, положенных в двойной оклад¹⁸.

Жители посада практиковали самые разные виды деятельности. Больше всего — 267 чел. — существовали за счет «огородной усадебной работы», 107 чел. «имели купечество», т. е. занимались преимущественно торговлей. Среди ремесленников самыми многочисленными были кузнецы (19 чел.), кожевники (16 чел.), калашники (16 чел.). По несколько человек были представлены портные, сапожники, рукавишники, плотники, крашенинники. Было 2 колокольных мастера и 2 серебряника, 3 чел. писали иконы. «Мясным промыслом» занимались 13 чел., рыбным — 8. Имелось также два сыроварника. Всего на посаде было представлено более двадцати ремесленных специальностей.

В отдельных случаях отмечено, что близкие родственники — взрослые братья (родные и двоюродные), племянники, «свойственники», зятья дворовладельца — проживали с ним в одном дворе. Иногда указывалось, что родственники обитали «отдельной избой» или «в соседях»¹⁹. Наличие подобных семей позволяет предположить, что жители города не торопились обособляться и жить отдельной семьей, чтобы избежать налогообложения. Встречаются сведения и о посадских людях, живущих «по крепости на урочные годы по найму» или живущих «в работниках»²⁰. Всего по первой ревизии в г. Муроме зафиксировано 15 «дворовых крепостных людей»²¹.

После учета населения, постоянно проживавшего на муромском посаде, почти в каждом приходе были зарегистрированы вновь прибывшие. Посад был заинтересован в новых, желательных зажиточных, тяглецах. Соборное Уложение определяло принадлежность к посаду так называемой «посадской стариной», т. е. посадским человеком

считался тот, чьи родители были членами посадской общины. Вместе с тем, к ней было можно приписывать новых членов из других сословий, поселившихся «своими дворами и при домах хозяйских» в городской черте с обязательным условием участия в торговле или промыслах²². Соответственно правительство разрешало запись в посад состоятельных тяглецов, чтобы обеспечить исправное поступление налогов.

Состав «вновь приписавшихся из разночинцов» к муромскому посаду довольно пестрый. Всего учтен 51 чел. Это — бывшие крестьяне дворцовых волостей, выходцы «из церковников» («подъяческий сын», «из поповичев», «из пономаревых детей»), солдатские дети, бывшие дворовые («были дворовые люди») и дети дворовых («отец был дворовой человек») ²³. Из этих «приписавшихся» только четверо занимались торговлей («имеет купечество»). У остальных указано «кормитца работою» или имеет какое-либо «мастерство» — «калашное», «рукавишное» и др. Трое «вновь приписавшихся» перевелись из других городов: Москвы, Ярославля, Луха²⁴.

Отдельную группу в 20 чел. составляли «муромцы ж посадские люди», которые «явились из бегов, а дворов своих не имеют». Причину бегства «бездворных» можно установить по их «скасам»: «За скудостью сошли», «бродили по миру», «кормилися Христовым именем»²⁵.

Интересная информация приведена в книге о посадском человеке Иване Григорьевиче Стулове. Он был записан в муромской «приказной канцелярии в раскол под двойной оклад». На момент ревизии И. Стулов имел жену и пять сыновей. У него был кожевенный промысел, в котором ему помогали «крепостные люди» — Савва Иванов и Алексей Васильев. В то же время отмечено, что с 1708 г. И. Стулов «з женою и з детьми» по указу его императорского величества «за кабальной долг» отдан «в зажив» «имянитому человеку» Григорию Дмитриевичу Строганову.

«Зажив» — это принудительная работа должника на кредитора до погашения суммы долга с процентами. Должник не имел права уйти от своего хозяина, иначе мог оказаться на каторге. По закону человек, попавший в «зажив», в течение года мог отработать всего 24 руб., из которых на погашение долга шла лишь половина,

вторая часть — на личное содержание и уплату податей. Если сумма долга была значительной, то «зажив» превращался фактически в форму долгового рабства²⁶.

Именно такая ситуация и зафиксирована у И. Г. Стулова, попавшего в «зажив» вместе с семьей на 20 лет.

Книга подписана теми, кто нес ответственность за ее составление: «Майор Иван Баранов, полковник Коробов, за секретаря Иван Лебедев, подканцелярист Ефим Измалков»²⁷.

Изучение материалов демографического учета, к которым относятся переписные книги, предоставляет информацию по генеалогии городского населения. Фамилии муромских посадских людей, зафиксированные в первой ревизии, известны впоследствии в составе купечества по обывательским книгам и документам магистрата конца XVIII — первой половины XIX вв. Это — Смольяниновы, Мяздриковы, Парины, Названовы, Гундобины, Зворыкины и др.

¹ Чернышев В. Я. Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в. — Владимир, 2011; он же. Муромские купцы Зворыкины и их вклад в социально-экономическую и культурную историю города XVII — нач. XX вв. — Владимир, 2013; он же. Топография расселения посадских семейств г. Мурома XVII — первой половины XIX вв. // Культурно-историческое наследие русского города. — Плес, 2001. — С.114-121.

² Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. — Л., 1982. — С. 36.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. — М., 1989. — С. 116-118.

⁴ Ландратами называли выборных представителей от дворянства, которые по указу 1713 г. должны были составлять совет при губернаторе. Они принимали непосредственное участие в управлении губерний до 1719 г. и контролировали проведение переписи.

⁵ Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения (1678-721). — СПб., 1911. — Т. 1. — С. 426.

⁶ ПСЗ-I. — Т. V. — № 3245. — С. 497.

⁷ Там же — № 3287. — С. 618.

⁸ Там же — Т. VI. — № 3747. — С. 365.

⁹ Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. — Чебоксары, 2015. — С. 76.

¹⁰ Ключевский В. О. Указ. соч. — С. 127, 130.

¹¹ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1884. —

Л. 1-52.

¹² Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. — Самара, 1993. — Кн. 1. — С. 101.

¹³ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1810. — Л. 768об.-774об.

¹⁴ Там же. — Л. 705-705об.

¹⁵ Там же — Ф. 350. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1884. — Л. 1об.

¹⁶ Там же. — Л. 2об., — 3об.

¹⁷ Там же. — Л. 2об.

¹⁸ Там же. — Л. 52.

¹⁹ Там же. — Л. 3, 4, 4об., 6об.

²⁰ Там же. — Л. 2, 5об.

²¹ Там же. — Л. 52.

²² Смирнов Ю. Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII — середина XIX вв.: дисс. ... док. ист. наук. — М., 1999. — С. 234.

²³ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1884. — Л. 4об, 8, 12об., 15, 36.

²⁴ Там же. — Л. 12об., 22об, 36.

²⁵ Там же. — Л. 46об., — 51об.

²⁶ Кушева Е. Н. Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. — М., 1952. — С. 250-251.

²⁷ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Ч. 1. — Д. 1884. — Л. 52.

О МАРКИРОВКЕ СУНДУКОВ МУРОМСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

История развития муромского сундучного промысла в настоящее время известна лишь в самых общих чертах, хотя в нескольких работах вкратце освещены ее основные периоды, рассмотрены некоторые виды сундуков, проведены параллели с другими центрами сундучного дела, опубликованы биографические сведения о мастерах¹.

Весьма перспективным направлением работы является исследование особенностей маркировки муромских сундучных изделий. Но эта тема почти не получила освещения в литературе. Лишь в монографии автора настоящей статьи, в которой обобщены и проанализированы сведения по истории сундучного промысла Муромского уезда, затрагивались особенности маркировки сундуков². Однако информация об этом имела исключительно вспомогательный характер — данные о клеймах и этикетках были приведены в целях лучшего освещения истории промысла, многие частности остались вне обзора. Поэтому сегодня назрела необходимость дополнить сведения, приведенные в названной книге.

При работе над настоящей статьей использовались материалы статистической и краеведческой литературы, а также изделия из коллекций различных музеев, в частности, Музея истории художественных промыслов Нижегородской области, Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Муромского историко-художественного музея, Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Российского этнографического музея и других.

* * *

В производстве сундуков во Владимирской губернии во II половине XIX — начале XX века господствовала мануфактура³, по своей сути являющаяся, как известно, промежуточным звеном между мелким ремеслом и фабрикой. После революции 1917 года мануфактура была заменена артелью⁴. Артели в уезде были организованы на основе частных заведений (использовали их

помещения и материалы). Некоторое время они существовали параллельно, отношения между ними были весьма напряженными.

Частные мастерские и артели придерживались одинаковых принципов клеймения. В целом маркировка сундуков Муромского уезда отвечала дореволюционному законодательству⁵. В «Уставе о промышленности фабричной и заводской» указано (изд. 1857 г., ст. 74, 77): «Клеймение или неклеяние российских разного рода фабричных и мануфактурных изделий предоставляется на волю каждого производителя», «Клеймо должно содержать в себе означение имени и фамилии фабриканта, хотя начальными буквами, и места, где фабрика находится. Клеймо должно быть означено прочно и явственно: буквы на оном должны быть непременно российские»⁶. Маркированным изделиям предоставлялись льготы при прохождении через таможенную.

В настоящее время выявлено приблизительно три десятка клейм и этикеток на муромских сундуках⁷ (это значительно больше, чем на изделиях других центров⁸). Несмотря на то, что среди сундуков местных мастеров часто встречаются не маркированные, количество изделий, так или иначе свидетельствующих о принадлежности какому-либо заведению или артели, весьма велико. Наличие большого числа клейменных вещей облегчает изучение промысла, ибо в некотором смысле «материализует» информацию, содержащуюся в статистической и краеведческой литературе. При сопоставлении сохранившихся сундуков со сведениями из различных источников возможно не только расширить представление о конкретных сундучных мастерских, но и представить общую картину развития промысла во II половине XIX — середине XX столетия.

Различные виды маркировки соответствовали конкретным типам сундуков (можно предположить, что клейменные изделия предназначались для заграничного покупателя⁹). На изделиях муромских мастеров встречается несколько типов маркиров-

Ил. 1. Клеймо сундучного заведения И. В. Овсова
ки: клейма, нанесенные белой краской с помощью трафарета; прямоугольные бумажные этикетки; чернильные штампы; клеймо, награвированное на жестяном листе (это скорее исключение, чем правило); буквенные обозначения, выполненные в технике тиснения на внутренней стороне крышки сундука. Рассмотрим их по порядку.

Клейма, нанесенные на сундуки трафаретом и краской, — самые распространенные в промысле. Они встречаются на крышках и боковых стенках сундуков среди розеток, также нанесенных с помощью трафарета или штампа трафаретом или штампом. Поэтому клейма не сразу заметны. Они бывают разной формы: широко распространен круг, составленный из точек и/или изображений лавровых листьев, внутри которого под буквой Ф («фабрики») помещены инициалы и фамилия хозяина заведения. В качестве примеров можно указать на клейма мастерских Петра Трофимовича Дворянкина, Александра Ивановича Желтикова, Ивана Васильевича Овсова (Ил. 1) и других. Иногда в круг помещались не только инициалы и фамилия хозяина, но и слово «завода» и краткий адрес заведения. Пример — клеймо мастерской Надежды Семеновны Тебекиной: «завода Н. С. Тебекиной», «адрес озябликово»¹⁰. Не исключено, что изображение лаврового венка, которое можно усмотреть при анализе внешнего вида этого типа муромских клейм, имеет своим истоком один из декоративных мотивов ампира. Вероятно, именно с таких клейм после 1830 года началась история маркировки муромских сундуков.

Не менее широко распространены клейма, форма которых зависит от того, что именно хозяин хотел указать о себе и своем «торгово-промышленном заведении»: линия из точек (или треугольников и других геометрических фигур) просто обводит строки той или иной длины. Вследствие этого форма такого вида клейм бывает довольно сложной. Например, в клейме Семена Васильевича Рудакова указано: «С. В. Руд сплемяни» («С. В. Рудаков с племянниками»), а в клейме Акима Савельевича Ягунова — «Ф старшаго А. С. Ягунова».

Еще раз подчеркнем, что этот вид маркировки сегодня встречается чаще других. Его же после 1917 года использовали местные артели: «Приокский прогресс», «Чулковская сундучная артель» и проч.

Наряду с ним (порой — вместо него) хозяева заведений использовали прямоугольные бумажные этикетки, которые помещались на внутренней стороне крышки сундука. Такие этикетки, которые, по сути, были рекламой, по сравнению с вышерассмотренными клеймами предоставляли возможность дать более расширенную информацию о мастерской¹¹. Например, на сундуках А. И. Желтикова встречается большая наклейка с тремя печатными надписями, обрамленными изящными виньетками: «Заведение разных сортов сундуков Александра Ивановича Желтикова», «Адресъ село Павлово Нижегород. г. съ передачею въ дер. Крѣуши, А. И. Желтикову», «Торговля въ Нижегородской ярмарке, близъ шоссе, Сундучный рядъ, и торговля и приѣмъ заказовъ при заведеніи» (Ил. 2). Хозяин другого сундучного заведения, Егор Николаевич Мальшев, указывал: «Е. Н. Мальшев в с. Варежъ Владимірской губер. Муромск. уезда», «Основныя правила моей тор-

Ил. 2. Этикетка сундучного заведения А. И. Желтикова

говли: лучший товар, недорогая цена, аккуратное исполнение заказов», «Адрес: село Павлово Нижегород. губ.». Третий, Василий Иванович Смолин, считал необходимым указать в этикетке среди гирлянд цветов (кроме адреса мастерской): «Товарь работаю собственноручно. Все заказы исполняются добросовестно и по самым дешевым ценам». Не менее содержательные этикетки были у заведений Дмитрия Михайловича Корешкова и Николая Васильевича Маркова. Их орнаменты целиком выдержаны в стиле модерн и могут рассматриваться как самостоятельное произведение прикладного искусства.

Представляется, что одним из главных источников декоративных мотивов муромских рекламных этикеток был русский плакат конца XIX — начала XX века, который, в свою очередь, испытал разнообразные влияния. Е. Д. Климова писала: «На процесс эволюции этого вида прикладной графики оказывали влияние самые разнообразные факторы, как из области изящных искусств, так и из сфер, казалось бы, далеких от нее», — и далее: «Плакаты стиля модерн были адресованы, в основном, привилегированной части общества. Однако многие композиционные приемы, выработанные в ту эпоху, нашли впоследствии широкое применение в графической рекламе, независимо от того, к какому социальному слою общества она была обращена»¹². Надо отметить, что заимствовались лишь орнаментальные рамки рекламных плакатов, а изображения внутри них исключались¹³. Возможно, некоторую роль здесь также сыграло декоративное оформление и клеймение русской жестяной упаковки рубежа XIX-XX веков. Просматривается общность композиций и декоративных мотивов¹⁴.

В рекламной этикетке важны художественная и коммерческая составляющие. Крайне редко, когда муромская этикетка ориентируется на равное сочетание этих двух принципов или, тем более, на превалирование первого — в большинстве случаев она нацелена на решение чисто коммерческих задач. Поэтому надо указать на подчеркнута практическое отношение к этикетке со стороны сундучников как к средству эффективного привлечения покупателей, а также исключительно «поверхностное» использование модного на тот момент стиля (что представляет собой обычную

попытку «облагородить» свой товар). Именно здесь кроется причина удручающего однообразия муромских этикеток. Например, этикетка заведения В. И. Смолина аналогична одному из видов этикетки А. И. Желтикова (различаются только тексты). Этот случай не единичный: этикетка мастерской Д. М. Корешкова подобна этикетке Е. Н. Малышева. Не исключено, что они печатались в одной и той же типографии¹⁵.

Отметим, что оформление не только этикеток, но и непосредственно сундуков (особенно отдельных их видов, предназначенных для состоятельного покупателя) соответствовало основным стилевым тенденциям эпохи. Например, многие орнаментальные мотивы сундуков заведения А. И. Желтикова явно вдохновлены утонченной декорацией модерна. Возможно, что золотистый цвет жестяных листов и фигурные ножки муромских сундуков есть ни что иное, как подражание дворянской мебели (купцы и состоятельные мещане не могли себе позволить дорогую мебель).

Следует подчеркнуть, что подобное декоративное оформление этикеток не было принадлежностью исключительно муромского сундучного промысла — оно встречается на рекламных этикетках заведений, располагавшихся в других губерниях России и торговавших не сундуками, а другим товаром (например, заведение А. Н. Белоусова-Хорева из г. Устюжны, специализировавшегося на торговле хлебными, колониальными и прочими товарами¹⁶).

Особого внимания заслуживает рекламная этикетка товарищества Ивана Федоровича Платонова и Ивана Матвеевича Семишина из д. Лохани Арфинской волости. Хозяева использовали привычные декоративные мотивы, однако среди них встречаются изображения пятиконечных звезд. Они выполнены очень неуверенно. Вероятно, в ту пору они еще не вошли в арсенал широко распространенных орнаментальных мотивов.

Такие же этикетки (но несколько более простые) использовали после революции артели Муромского уезда. Мастера Полянкой сундучной артели указывали на своих этикетках: «Полянская сундучная артель принимает заказы на выработку сундуков всех сортов и размеров и исполняет скоро и аккуратно», «Почтовый адрес: Озябликово Владимирской губ., Полянская сундучная артель».

Ил. 3. Клеймо артели «Знамя труда», 1950 г.

Артельщики «Приокского прогресса» просто указывали название организации и ее адрес.

На некоторых муромских сундуках встречаются редкие на настоящий момент типы маркировки. Речь идет о награвированном на жестяном листе сундука клейме заведения П. Т. Дворянкина, которое является, скорее, исключением, чем правилом. Также надо упомянуть о буквенных обозначениях, выполненных в технике тиснения и встречающихся на внутренних крышках сундуков. Как правило, они состоят из трех больших букв, заключенных в фигурную рамку. Сверху — буква М, вероятно, обозначающая «мастер».

В постреволюционную эпоху и далее, вплоть до 1950-х годов, получили распространение обыкновенные чернильные штампы, в которых указывалось название организации, ее адрес, год создания сундука. В качестве примера можно привести изделия артели «Знамя труда» (Ил. 3). Иногда вместо этикетки просто приклеивался прямоугольный кусок бумаги, на котором были напечатаны название артели, тип и размеры сундука, планы производства, а также стояла печать организации и ниже — подписи ее руководителей.

Как видно из этого краткого обзора, маркировка муромского сундука претерпела со временем значительные изменения: внимание к художественности постепенно уступило место содержательности, т. е. на первый план вышла не красота этикетки как части прикладного искусства, а «технические» сведения о сундуке и организации, выпустившей его. Зависимость от стилевых тенденций времени, которая ранее проявлялась в оформлении клейм и этикеток (что, разумеется, далеко не всегда обеспечивало им статус произведений графического искусства), постепенно исчезла и была заменена исключительно «паспортной» информацией. Упор на количество изделий, имеющий место после 1917 года и зачастую обезличивающий продукцию муромских сундучников, проявился и здесь.

Роль клейм и этикеток в атрибуции сундучных изделий Мурома представляется несколько ограниченной по сравнению с другими центрами (например, уральским и макарьевским). На них отсутствуют изображения выставочных медалей и прочих элементов, свойственных маркировке сундуков названных центров. По этой причине для атрибуции муромских изделий немалое значение приобретают дополнительные данные, почерпнутые из архивов и краеведческой литературы (например, годы жизни хозяев сундучных «фабрик»).

Несмотря на то, что в некоторых заведениях встречаются разные варианты клейм, проследить их эволюцию, а, тем более, использовать эти изменения как датирующий признак, в настоящее время не представляется возможным. Причина этого — «застылость» форм и орнаментов муромских сундуков в рассматриваемый период. Тем не менее, исследование клейм и этикеток остается крайне важным подспорьем при изучении истории сундучного промысла Муромского уезда.

¹ Добрынкин Н. Кустарная промышленность в Муромском уезде. Делание сундуков и укладок // Владимирские губернские ведомости. — 1882. — № 4, часть неофиц. — С. 2-4; А. С. П. Артель кустарей-сундучников в Муромском уезде // Владимирская газета. — 1902. — № 20. — С. 3; Лепеев Ф. Помыслы о вачских промыслах: промыслы и ремесла Нижегородской области. — Нижний Новгород, 2014. — С. 104-110; Пудов Г. А. Муромский сундук в до-революционный период // Наше Ополье. Краеведческий сборник. — 2017. — № 4 (21). — С. 38-46; он же. Из истории сундучного промысла Муромского уезда Владимирской

губернии (послереволюционный период) // Уваровские чтения — X. — Владимир, 2018. — С. 345-349, и др. работы.

² Пудов Г. А. Сундучный промысел Муромского уезда Владимирской губернии (II половина XIX — I половина XX века). — СПб., 2017. — С. 15-17, 57-64.

³ Существовали и мелкие семейные мастерские, ориентированные исключительно на местный рынок, но не они определяли историю промысла.

⁴ Хотя попытки ее организовать предпринимались и значительно раньше (См.: Положение сундучного промысла

в Муромском уезде // Доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1903 года. По экономическим вопросам. – Владимир, 1903. – С. 40, 43).

⁵ Панкова М. Н. Эволюция и развитие законодательства о средствах индивидуализации в России // Вестник Военного университета. – 2011. – № 3 (27). – С. 156-163.

⁶ См.: Неболсин А. Г. Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границею. – СПб., 1886. – С. 52, 53.

⁷ Пудов Г. А. Сундучный промысел Муромского уезда Владимирской губернии. – С. 57-64.

⁸ См. подробнее: Пудов Г. А. О клеймах и надписях на уральских сундуках и шкатулках // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. – 2014. – № 9. – С. 128-132.

⁹ Как одну из особенностей промысла можно назвать тот факт, что муромские сундучники крайне редко участвовали в выставках.

¹⁰ В других ее клеймах просто указывалось: «завода Н. С. Тебекиной».

¹¹ Не исключено, что такие этикетки не только наклеивались на сундуки, но и раздавались потенциальным покупателям.

¹² Климова Е. Русский рекламный плакат: становление жанра // Рекламный плакат в России. 1900-1920-е / Альманах. – СПб., 2010. – Вып. 275. – С. 6, 9. См. также: Боровский А. Д. Плакат модерна. На материале музейных собраний // Музей 10. Художественные собрания СССР. – М., 1989. – С. 116-126.

¹³ См., например: Снопков А. Е., Снопков П. А., Шклярчук А. Ф. Русский рекламный плакат. 1868-1917. – М., 2014. – С. 18, 30, 46, 55, 104, 156-157, 208-209.

¹⁴ См.: Сладкая жизнь. Жестяная упаковка кондитерских фирм России. Конец XIX – начало XX века. – СПб., 2006. – С. 43, 45, 46, 48, 54, 109.

¹⁵ На этикетке Е. Н. Малышева обнаружена надпись, свидетельствующая о том, что она была напечатана в типографии Якова Михайловича Сорокина. Эта типография располагалась в с. Павлово Горбатовского уезда, документально зафиксировано ее существование все первое десятилетие XX века (с 1897 года). Благодарю за содействие Н. Б. Федотова, директора Павловского исторического музея.

¹⁶ См. ил.: Воротынцева Е. А. Старинная Устюжна: из истории города и края с древнейших времен до начала XX века. – Вологда, 2018. – С. 329.

Е. С. Бутрин (Иваново)

ДЕЛО ОБ ОГРАБЛЕНИИ МУРОМСКОГО КУПЦА П. В. ЦЫБУЗГИНА В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ С. ИВАНОВО В СЕРЕДИНЕ XIX В.

К середине XIX в. с. Иваново Шуйского уезда со своим «отпрыском» — Вознесенским посадом, располагавшимся на другом берегу р. Уводи, — приобрело уже всероссийскую известность как крупнейший центр текстильной промышленности. В 1855 г. в селе проживало 5400 чел., еще более 3,5 тыс. ежегодно являлись в нем в качестве сезонных фабричных рабочих. В селе имелось 64 текстильных фабрики, 4 граверных, механический и литейный заводы, годовой оборот базарной торговли составлял до 10 млн. руб. В Вознесенском посаде к 1859 г. проживало 1595 чел. и более 5 тыс. сезонных рабочих, имелось 34 фабрики (в том числе 6 химических заводов). Торговые обороты в посаде простирались до 2 млн. руб.¹ Обратной стороной этих коммерческих достижений стало постоянно нараставшее социальное расслоение и формирование промышленного пролетариата. Одной из особенностей этого процесса является образование устойчивой группы люмпен-пролетариата, представители которой, потерявшие социальную опору, балансируют на грани нищеты, вследствие чего склонны к включению в криминальную деятельность. Посадский голова Я. П. Гарелин так характеризовал ивановский пролетариат в докладе от 12 июля 1866 г.: «Большая часть мужчин давно уже потеряли необходимые нравственные и семейные основания»².

Следует также заметить, что бурное торгово-промышленное развитие с. Иванова сформировало в нем устойчивые криминальные традиции: еще во второй половине XVIII в. «составилась партия недовольных обогащением своих земляков, грабежи и убийства усиливались с году на год».³ Сельский управляющий владельца села гр. Д. Н. Шереметева Я. Я. Гофман в целях «крайней заботливости об отвращении всяких драк и безчинств» попытался ввести в селе вотчинную полицию. Ее создание было санкционировано 18 мая 1817 г., но в результате целого ряда острых конфликтов с

крестьянским обществом к осени 1820 г. она была ликвидирована⁴. Ее недолгая жизнедеятельность только обострила криминальную ситуацию: недовольные появлением полиции элементы «разбежались по окольным дорогам»⁵.

Подобная ситуация привела к тому, что Шуйский уезд в первые пореформенные годы XIX в. стабильно держал второе место в губернии (после столичного — Владимирского) по числу лиц, осужденных за преступления против собственности: в 1861 г. за воровство в нем было осуждено 25 чел., в 1862 г. — 4 чел. за грабеж и 38 чел. за воровство, в 1863 г. — 3 чел. за грабеж и 25 чел. за воровство, в 1864 г. — 1 чел. за грабеж и 31 чел. за воровство. Лишь в 1863 г. Шуя пропустила вперед Вязники и Суздаль — 50 и 29 чел., осужденных за воровство⁶. Я. П. Гарелин в 1883 г. сетовал, что в г. Иваново-Вознесенске «самыми обыкновенными делами являются мелкие кражи и покушения на воровство», причем их интенсивность «зависит от хода фабричных дел»: при сокращении производства криминальная активность резко увеличивается⁷. Направляя 5 мая 1886 г. ходатайство об открытии отделения окружного суда в г. Иваново-Вознесенске, городская дума мотивировала его в том числе «значительным числом уголовных дел из Иваново-Вознесенска»⁸. Тем интереснее остановиться на особенностях функционирования ивановского криминалитета середины XIX в. Подобную возможность предоставляют материалы уголовных дел фонда Шуйского уездного суда.

В 9 часов вечера 31 января 1860 г. поверенный Шуйского питейного откупа муромский купеческий сын 3-й гильдии Павел Васильевич Цыбузгин возвращался после обхода питейных заведений села, собрав внушительную выручку — до 800 руб. серебром. В этот момент в глухом переулке ему встретились двое неизвестных. Один немного отстал, пропустив его вперед, а второй

схватил Цыбузгина за грудь, закричав: «Вот он!». Товарищ немедленно бросился к ним. Вместе они постарались свалить муромца с ног, причем один из нападавших нанес ему удар в правый глаз. «Видя прямой их умысел на грабеж», Цыбузгин поднял крик, на который явились его сослуживец откупной поверенный Л. М. Зайцев и крестьянин И. А. Икрянистов. Зайцев немедленно вызвал десятских, которые арестовали нападавших и доставили в станковую квартиру, где Цыбузгин «в азартном виде» сделал заявление о попытке ограбления. Неизвестные оказались жителями с. Иванова — купеческим сыном Осипом Кондратьевичем Коруновым и крестьянином Иваном Гавриловичем Бурьиным. Выдвинутое против них обвинение было весьма серьезным — Цыбузгин полагал, что агрессоры покушались на казенную сумму, находившуюся при нем.

Но в результате допросов других участников конфликта выяснилось, что муромский купец явно сгустил краски. Изложенную пострадавшим версию подтверждал лишь его коллега Зайцев (дворовый человек сц. Жемчужина Муромского уезда). Он утверждал, что услышал крик товарища по пути из Большого питейного дома в Подпушечный и увидел, что один из нападавших держал Цыбузгина за ворот, а второй помогал повалить его. Подойдя к месту событий, он сам оказался схвачен за ворот и лишь появление И. А. Икрянистова предотвратило дальнейший конфликт. Крестьянин «отвел» нападавших от муромцев, которые немедленно направились в питейный дом и объявили о происшествии десятским. Но главный обвиняемый, И. Г. Бурьин, отводил показания этого свидетеля, вполне справедливо указывая, что Цыбузгин и Зайцев «между собою состоят товарищами». Сам он ничего о происшествии не помнил, утверждая, что в сумерки 31 числа зашел к своему зятю Корунову, вместе с которым они направились на свадьбу крестьянина В. М. Галкина, а затем к знакомому Бурьиному — харчевнику Ивану Гаврилову на именины. «Посидев несколько времени у харчевника» (Гаврилов утверждал, что не более 10 мин.), Бурьин «сделался весьма пьян» и из дальнейших событий помнил лишь задержание его десятскими. Однако он «утвердительно говорил», что умысла на грабеж у него быть не могло, поскольку подобными

делами он не занимается, а пострадавшего и вовсе увидел впервые.

Второй задержанный, К. Е. Корунов, утверждал, что от харчевника они направились по домам, вследствие чего разошлись — он продолжил движение по улице, а Бурьин свернул в Кабацкий переулочок. Услышав крик, Корунов бросился в переулочок, где увидел двоих неизвестных, державших за ворот Бурьиного (это были Цыбузгин и Зайцев). Он сообщил неизвестным, что они не имеют права задерживать Бурьиного, и те вынуждены были отпустить его. Товарищи направились в харчевню, чтобы за чаем обсудить происшествие, но дойти до нее не успели — были задержаны «набежавшими из Подпушечного питейного дома людьми» и отправлены к приставу. Показания свидетелей прояснить картину не помогли: Икрянистов «ссоры и драки» вовсе не видел — по его словам, четверо участников конфликта просто «крупно разговаривали». Десятские арестовали Корунова и Бурьиного по просьбе Зайцева за «обиду» Цыбузгина, а самой ссоры также не видели. Задержанные содержались в станковой квартире до вечера 1 февраля, поскольку при первом допросе ни в чем не сознались и были «довольно выпивши». Никаких орудий и подозрительных предметов при них не оказалось. Через четыре дня они вновь были приглашены в станковую квартиру, где провели еще четверо суток в ожидании депутата по делу от Конторы питейного откупа. Несмотря на просьбу пристава от 6 февраля, «питейный» депутат в полиции так и не появился, а поскольку собранными сведениями обвинения против задержанных не подтверждались, 8 февраля они были отпущены под подписку. Земский суд по рапорту о происшествии от 12 февраля 26 февраля сообщил приставу, что для прояснения истинной картины событий ему необходимо «учинить строжайшие меры исследования». Но дальнейшее расследование было возможно лишь при посредничестве «питейного депутата», который был назначен лишь 9 марта.

Затяжка дела вызвала бурное возмущение Цыбузгина: в прошении от 11 марта он утверждал, что вопреки его просьбе, расследование «по горячим следам» проведено не было, а виновные оказались отпущены. 20 марта аналогичное заявление в земский суд было направлено уже от имени

Конторы питейного откупа. Лишь 22 марта состоялся первый официальный допрос Корунова, на следующий день были допрошены Икрянистов, Гаврилов и Зайцев. Через два дня ивановские крестьяне дали сказки о хорошем поведении обвиняемых, которые «в предосудительных поступках никогда замечены не были». В тот же день состоялась и очная ставка, на которой Цыбузгин обвинил Бурюлина в том, что он ударил его в глаз, а после задержания дважды пытался бежать от десятских — «следовательно, не так был пьян, что не мог ничего помнить». Собранных данных для суда оказалось недостаточно, и 11 апреля дело было направлено на следствие. Муромский поверенный между тем не успокаивался — 18 апреля он обратился уже к губернскому прокурору, обвиняя пристава в освобождении нападавших, которые «пользуясь совершенной свободой, могли сговориться к однообразному показанию». Десятские К. А. Микеров и Е. А. Плишин 12 мая показали, что при задержании Бурюлин даже не мог твердо стоять на ногах и позднее бежать не пытался. Попытка уличить их на очной ставке ничего не дала. Для выяснения мелких разноречий 24 июня вновь были допрошены все фигуранты, исключая пострадавшего. Но было уже ясно, что доказать факт нападения на Цыбузгина, да еще и с умыслом грабежа, просто невозможно. В результате 13 января 1861 г. Владимирская палата уголовного суда «не нашла достаточных оснований по обвинению Бурюлина и Корунова ни в причинении обиды Цыбузгину, ни в намерении его ограбить». Фигуранты были освобождены от ответственности, хотя и оставлены «в подозрении».⁹

Следующий разбираемый нами случай гораздо более прозрачен. 20 августа 1862 г. в 11 часов утра рабочие красильни А. А. Напалкова крестьяне д. Шишиловой Гороховецкого уезда Федосей Иванов и д. Высокова Нерехтского уезда Матвей Васильев задержали ивановского крестьянина Акинфа Антоновича Волкова при попытке «подорожного грабежа» крестьянина д. Соболево Ковровского уезда Федора Андреянова. Занимаясь работой в мытилке на левом берегу р. Уводи, недалеко от моста между Дмитровской и Вознесенской слободами, они услышали крики: «Батюшки, грабят! Подайте помощь!». Поднявшись в гору, они увидели двоих: кричавшего

Андреянова и убежавшего от него Волкова и немедленно схватили последнего, а подбежавший мальчик И. И. Карпов сообщил, что видел попытку грабежа своим глазами. Волков был доставлен приставу 2-го стана и посажен под арест.

Сорокашестилетний пострадавший сообщил, что проживал в селе с весны, работая по найму у различных хозяев. На последнем месте работы — кирпичном заводе купца Е. П. Крутовского — он получил по расчету 2 руб. Отметив с товарищами в питейном доме окончание работы, он был намерен направиться домой, но по дороге в Дмитровскую слободу к нему подошел неизвестный. Передвигаясь рядом с ним, он несколько раз сказал: «Ты кажется, впивши, смотри не ложись, а то тебя оберут!». Деньги у Андреянова находились в кожаном кошельке на шее. Неизвестный дважды хватался за него со словами: «Смотри, не потеряй!», — а уже на мосту потерпевший почувствовал, что спутник его «тащит сзади кошельки за веревочку». Андреянов схватил кошельки и выкрикнул: «Караул!», — после чего был сбит с ног сильным ударом в нос. Зажав ему рот полкой поддевки, Волков вырвал кошельки и бросился бежать «с мосту в гору». Окровавленный потерпевший с криком кинулся за ним. Далеко нападавшему уйти не удалось, но при обыске кошелька у Волкова найдено не было — едва увидев людей, он выбросил его в болото. Уже по дороге к приставу Волков выкинул в реку и орудие, которым нанес удар Андреянову — «штопор с ручкой и винтом», а также «неоднократно нагибался замывать в ямах от дождя свои руки от крови».

На вопрос рабочих он в ограблении не признался, хотя на лице задержанного был замечен «страх и дрожание в руках». Но избавившись от явных улик, на допросе в полиции он заявил, что увидел на Дмитровском мосту драку двоих неизвестных, один из которых при его появлении сбежал. Он подошел ко второму, но тот вместо ответа схватил его с криком: «Ты меня ограбил!». Волков оттолкнул его и зашагал в слободу, не обращая внимания на вопли преследовавшего его человека. На этот крик и прибежали двое рабочих. Он действительно имел шанс избежать наказания, поскольку самого ограбления рабочие не видели, а задержали ивановца лишь по указанию потерпевшего. Но на сцене возник еще один свидетель

— четырнадцатилетний муромский мещанский сын И. И. Карпов, который проживал на фабрике у купца Д. П. Кокушкина и в момент нападения караулил на поле хозяйских гусей. Он еще во время преследования кричал рабочим, указывая на Волкова: «Вон он, ловите его, я видал, как он грабил человека!». А после задержания он подробно рассказал о происшедшем полиции. По его словам, Волков начал избивать «старика» еще на мосту. Карпов приблизился к ним и видел, как сидевший верхом на Андреевове Волков отнимал у него кошелек. На его крик: «Что ты грабишь старика!» — нападавший ответил: «Молчи, сукин сын, а то и тебе достанется!».

В целом картина оказывалась ясной, несмотря на запирательство подозреваемого. 22 августа опрошенные сторонние люди (15 чел.) дали «неодобрительную» сказку о поведении Волкова: проживая отдельно от отца, он «занимался празднотатательством и нередко замечаем был в нетрезвом виде». Работу он не мог найти «по беспечности и нетрезвому образу жизни» и «пропитывался неизвестными средствами». Волков действительно оказался типичным социальным элементом: жена ушла от него к родителям «по неимению средств к ее содержанию», а сам он за неделю до нападения потерял работу на фабрике. Сомнений в его виновности у суда не возникло — 28 сентября 1862 г. он был приговорен к лишению прав состояния, наказанию пятьюдесятью ударами плетью, клеймению и ссылке на восьмилетнюю каторгу¹⁰.

Сложнее оказался другой криминальный эпизод, случившийся 5 апреля 1854 г. с крестьянами д. Коринова Ковровского уезда Л. А. Орловым и Ларионом Семеновым. Они оказались в харчевне при Подпущечном питейном доме, где увидели неизвестного мальчика, которого приняли за служащего заведения и попросили приобрести для них «косушку вина». Выпив и закусив, они вознамерились выпить чаю, для чего направились в трактир, который мальчик показал им. Вечером он же вызвался проводить их и до квартиры. На дороге товарищам попались трое неизвестных, обратившихся к ним с грозным вопросом: «Что вы за люди?». Получив ответ: «Ковровские!», — один из встречных заявил, что прохожих ввиду позднего времени «следует доставить

в становую квартиру», после чего схватил за ворот и повалил Орлова, сорвав висевший у него на шее кошелек с деньгами. Двое других таким же путем лишили кошелька Семенова, после чего немедленно убежали. Вместе с ними исчез и мальчик-проводчатый. В кошельке Орлова находились 13 руб. 18 коп., а у Семенова — 3 руб. Орлова (он планировал послать их домой) и 5 руб. самого хозяина. Таким образом, ущерб от неожиданного нападения оказался достаточно велик. Но, если Семенов отбыл домой уже на следующий день, то оставшийся в селе Орлов верно определил, что мальчик-проводчатый должен иметь отношение к происшествию, являясь «наводчиком» грабителей. Поскольку мальчик от промысла отказываться не собирался, Орлову вскоре удалось отыскать его: 9 апреля он представил предполагаемого наводчика приставу 2-го стана М. С. Лопатину.

Показания пятнадцатилетнего крестьянского сына с. Иваново Д. М. Бородулина (именно он оказался «мальчиком из харчевни») изобличали в нем опытного преступника. Испытав очевидный шок при задержании, он не стал отпираться от участия в происшествии с Орловым, но лишь в качестве постороннего наблюдателя. По его словам, он не навязывался ковровским крестьянам, они сами позвали его на помощь и даже дали ему 3 коп. за то, что он согласился указать им путь домой. Нападение произошло, едва они отошли от трактира на 20 саж. Он заявлял, что в качестве нападавших выступили всего два человека, которых он вскоре догнал и получил от них 2,5 руб. за молчание. Одного из участников он хорошо знал — это был крестьянин д. Рылихи. Бородулин утверждал, что нападавших не «наводил», хотя заметил их внимание к ковровским крестьянам и в питейном доме, и в харчевне и предполагал, что они «вознамерились ограбить их». Свою вину в недонесении он признавал и заявлял, что в своем поступке «ныне чистосердечно раскаивается». Таким образом, Бородулин представлял себя жертвой обстоятельств, виновной лишь в недоносительстве.

В тот же день, 9 апреля, был арестован и указанный им участник нападения — рылихский крестьянин В. И. Каменев. По его словам, в харчевне к нему подошел знакомый крестьянин Иван — недавно рассчитанный рабочий чугунного

завода. Они распили бутылку пива, после чего Иван предложил ограбить отдыхавших тут же Орлова и Семенова. Нападение пошло успешно — быстро справившись со своим «клиентом», Иван помог Каменеву оставить без кошелька и второго. У дома Конопляникова компания разделила добычу — Каменев и Бородулин получили по 2,5 руб., остальные деньги забрал организатор акции. Каменев также убеждал суд, что нападение произошло спонтанно. О роли Бородулина он не догадывался. Итак, два фигуранта были арестованы, и требовалось найти организатора. Владелец завода В. С. Калашников сообщил, что его рабочий Иван Дорофеев, крестьянин с. Великого Ярославской губернии, действительно был уволен еще в январе и в настоящее время его местонахождение неизвестно.

Полиция обратилась в родное село подозреваемого, но получила сведения, что срок паспорта он не продлевал. Остаться инкогнито Дорофееву все же не удалось — он был задержан за «бесписьменность» в Шуе и 4 июня допрошен в земском суде, но «учинил во всем заперательство». Не помогла и очная ставка с Каменевым и Бородулиным. Таким образом, признания от организатора нападения добиться не удалось. Не было найдено улик при обыске домов всех трех подозреваемых, зато Каменев и Бородулин сдали приставу деньги, полученные от Дорофеева. Сказки о поведении обоих нападавших оказались «одобрительными»: 14 апреля о «хорошем поведении» Каменева заявили 23 крестьянина д. Рылихи, а 13 мая аналогичные сведения о Дорофееве дали 16 крестьян с. Великого. Зато к Бородулину ивановские крестьяне оказались не столь благосклонны — он обвинялся в «худом поведении», так как «множественно был замечаем в воровстве». В результате приговора суда 9 июля 1854 г. Каменев как раскаявшийся получил легкое наказание: лишение прав состояния, десять плетей и «ссылку на поселение в местах Сибири не столь отдаленных». Бородулин же был направлен на военную службу, хотя прямое его участие в нападении осталось недоказанным¹¹.

Если в этом случае решающую роль сыграли действия самого пострадавшего, то в последнем, попавшем в наше поле зрения происшествии, отличились родственники преступников. 7 декабря

1853 г. крестьянин д. Белькашева Нерехтского уезда Федор Веденеев завершил подряд по извозу сена на ивановском базаре и направился «в свое отечество». Когда его сани спустились с горы к Вознесенской слободе, к ним подбежали трое неизвестных, остановили лошадь и полностью обообрали Веденева, забрав не только сани с лошадью и упряжью, но и всю его одежду — по два халата и полушубка, рукавицы с варежками и кошелек. Общий ущерб оценивался им в 50 руб. Избитый, раздетый и потерявший ориентацию в пространстве Веденеев кричал, но никто не отзывался. Наконец, он направился к людям, увидев огонь в одном из домов на горе. Лишь через 200 саж. он достиг возжеленного пристанища и в 11 часов вечера постучался в дом Скиподоры Герасимовой, сидевшей за работой с малолетними детьми. «Довольно выпивший» человек в одной рубашке, лаптях и шапке попросил у нее погреться. На вопрос о причине своего положения, он едва смог ответить, что подвергся ограблению. Герасимова отправилась сообщить о нем в полицию, а пострадавший согрелся на печи и заснул. Явившийся вскоре десятский забрал Веденева в станovou квартиру.

В тот же день в 11 часов ночи к сотскому Е. Я. Киселеву явилась крестьянская жена Ефросинья Кондратьевна с жалобой на мужа, И. М. Преснякова. Она сообщила, что супруг пришел пьяным уже ночью — согнал больную старуху-тещу с печи, а саму ее выгнал вон. Домой он принес овчинный полушубок, серый халат и ветхий кушак. Киселев сразу заподозрил неладное, но в ходе осмотра территории сотни «без чувств обобранного человека» так и не нашел. Зато на следующее утро он сразу узнал о неизвестном, взятом в доме Герасимовой. На вопрос о сохранности вещей супруга Преснякова ответила, что полушубок муж уже унес и заложил в харчевню, кушаком подпоясался, а халат все еще лежит дома. Забрав из арестантской Веденева, Киселев во главе целой делегации (двое сотских, по трое десятских и крестьян, а также рассыльщик) направился к харчевнику В. Г. Леонтьеву. В харчевне Веденеев опознал вещи, заложенные Пресняковым, но хозяин без уплаты денег выдать их отказался. После этого делегация направилась к Преснякову, которого они застали во время ужи-

на. В его доме обнаружился шерстяной кушак, также опознанный Веденевым. Официальный обыск у Леонтьева и Преснякова был проведен и. о. пристава Н. В. Вахрушевым 13 декабря, но новых вещей у них обнаружить не удалось.

Сам обвиняемый естественно, факт сбыта краденых вещей не подтверждал. По его словам, 7 декабря он еще с утра оправился на базар, зашел к знакомому торговцу, занял у него 20 коп., а уже в сумерки направился в Подпущечный питейный дом, выпил «косушку» вина и пошел домой. Леонтьева он знал, но 8 числа ничего ему не закладывал и даже не смог выпросить у знакомых в его заведении стакан вина. Собираясь в стантовую квартиру с Киселевым, он подпоясался злосчастным кушаком, немедленно опознанным потерпевшим. Сам Пресняков утверждал, что нашел его «проходя калашными рядами». Супруга его в целом подтверждала версию сотского, за исключением полушубка — по ее словам, вечером 7 числа муж принес лишь «худой серый халатишко», а полушубок Леонтьеву он заложил свой собственный. Никаких «подозрительных гостей» за прошедшие два дня у мужа не было, а о его личных делах Ефросинья знала очень немного «ибо он занимается пьянством и, приходя домой, буянит».

Харчевник Леонтьев показывал, что действительно принимает в заклад у знакомых людей одежду и вещи, давая «на нужду денег, равно и на хлеб, как это нередко случается в чернорабочем классе народа». Преснякова он хорошо знал, поскольку тот неоднократно закладывал и выкупал свою одежду. 8 декабря утром он заложил у Леонтьева овчинный полушубок, за который получил 50 коп. «на хлеб», а вечером он принес халат, заложив его за 25 коп. Эти вещи сам крестьянин называл собственными, и не верить ему у Леонтьева оснований не было. Следствию он их передал лишь с условием взыскания с обвиняемого денег за заклад. Жена подтверждала, что утром просила у супруга денег на хлеб, и тот велел ей прийти в питейный дом, где и передал 10 коп. Остальные вырученные за полушубок деньги ушли на вино, которым Пресняков тут же отметил удачную сделку. Встретив своего товарища, П. И. Глазкова, Пресняков предложил продолжить возлияния. В поисках средств на это они отправились к нему, забрали халат и двинулись

обратно. На вырученные деньги друзья приобрели полштофа вина, которое и употребили. Глазков пытался отрицать совместное застолье с подозреваемым, утверждая, что вином его угостил В. И. Полушин. Но на очной ставке под напором свидетелей — В. И. Полушина и К. А. Кочина — он был вынужден признаться в контакте с Пресняковым.

Е. К. Преснякова на очной ставке с сотским также признала, что в первом заявлении упоминала не только «халатишко», но и полушубок с кушаком, оправдываясь «незнанием и робостью». А вот супруг ее держался крепко. На всех очных ставках он стоял на своем, утверждая, что никакого имущества домой не приносил, деньги жене дал из занятых 20 коп., а напился «у разных людей пьющих». Он уступил лишь относительно кушака — все свидетели утверждали, что его обнаружили на полке, а не когда он собирался им подпоясаться. Показания «сторонних людей» для обвиняемого оказались неутешительными: по словам соседей, ведущий нетрезвую жизнь Пресняков «замечаем был прежде в маловажных кражах», тогда как Глазков «был хорошего поведения». Все следственные действия уложились в весьма короткий срок: показания и очные ставки были собраны 17-20 декабря, а 15 марта 1854 г. было вынесено решение — виновный в укрывательстве преступников Пресняков был лишен прав состояния и наказан сорока ударами розог, тогда как Леонтьев и Глазков оказались оправданы¹².

Таким образом, исследование криминальной практики в с. Иваново середины XIX в. выявляет несколько характерных видов грабежей: если в случае с Федором Андреяновым имело место спонтанное нападение на пьяного, то два других происшествия представляют собой более сложные виды преступлений. Ковровские крестьяне д. Корикова подверглись ограблению по наводке (роль наводчика была отведена пятнадцатилетнему Д. М. Бородулину), а Федор Веденев — разбойному нападению из засады. Такое разнообразие криминальных практик свидетельствует о существовании в селе разветвленного преступного сообщества. Причем сложность организации преступления была обратно пропорциональна возможности его раскрытия. Если А. А. Волков попался на спонтанном грабеже с полным набом

ром улик, то раскрытие нападения на крестьян д. Корикува явилось следствием действий одного из пострадавших — Л. А. Орлова, сумевшего вычислить и задержать наводчика, оказавшегося самым слабым звеном в преступной группе. А ограбление Федора Веденева и вовсе осталось нераскрытым — был осужден лишь один его участник, явно выполнявший вспомогательную роль. Здесь следует заметить, что все участники грабежей показали себя опытными преступниками: полностью отрицали обвинения даже при наличии неопровержимых улики, не давали слабины и на очных ставках со свидетелями. В случае же признания они стремились максимально обелить себя в глазах следствия. Из стройного ряда выбивается лишь неудавшееся ограбление П. В. Цыбузгина — поскольку в данном случае речь следует вести не о криминале, а о бытовом конфликте, одна из сторон в котором попыталась

использовать служебное положение для наказания обидчиков. Но в отличие от всех остальных разобранных случаев, где в качестве обвиняемых представляли явные маргиналы (не работающие, «занимающиеся пьянством» или мелким воровством), Цыбузгин попытался привлечь к ответственности весьма достойных и состоятельных членов общества. Достаточно сказать, что отец К. Е. Корунова, согласно описи 18 июля 1874 г., имел двухэтажный каменный дом на ул. Кабацкой с целым комплексом деревянных строений и трехэтажным каменно-деревянным фабричным корпусом (общей стоимостью в 5648 руб.) и капитала на 12 001 руб.¹³ Естественно, попытка обвинить в преступлении столь известных граждан вызвала резкий отпор и ивановского сельского общества, и местной полиции. Перед этим единством оказались бессильны все грозные прошения Цыбузгина в различные инстанции.

¹ Гарелин Я. П. Село Иваново в историческом и статистическом отношении // Труды Владимирского губернского статистического комитета. — Владимир, 1866. — Вып. 5. — С. 35-37; он же. Вознесенский посад в историческом и статистическом отношении // Труды ВГСК. — Владимир, 1864. — Вып. 3. — С. 63-88; он же. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. — Шуя, 1884. — Ч. 1. — С. 224-225; он же. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. — Шуя, 1885. — Ч. 2. — С. 16-17.

² ГАИО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 723. — Л. 27-28об.

³ Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск... — Ч. 1. — С. 188-189.

⁴ Бутрин Е. С. Ивановская вотчинная полиция в 1817-1818 гг.: первые шаги // Бурыйлинский альманах. 2017. — № 2. — С. 7-17; он же. Ивановская вотчинная полиция

в 1819-1820 гг.: окончание деятельности // Бурыйлинский альманах. 2018. — № 1. — С. 20-31.

⁵ Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск... — Ч. 1. — С. 189.

⁶ Тихонравов К. Н. Материалы для уголовной статистики о числе и роде преступлений во Владимирской губернии с 1861 по 1865 гг. // Труды ВГСК. — Владимир, 1874. — Вып. 10. — С. 1-31.

⁷ Гарелин Я. П. Город Иваново-Вознесенск... — Ч. 2. — С. 88.

⁸ ГАИО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 2038. — Л. 1-1об.

⁹ Там же. — Ф. 291. — Оп. 1. — Д. 4729. — Л. 1-143.

¹⁰ Там же. — Д. 4472. — Л. 1-140.

¹¹ Там же. — Д. 3648. — Л. 1-104об.

¹² Там же. — Д. 3647. — Л. 1-138.

¹³ Там же. — Ф. 23. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 1-8.

ФОТОГРАФИИ ВОЛОСТНОГО СТАРШИНЫ Ф. Е. КУЛИКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Жизнь и деятельность должностных лиц крестьянского самоуправления в пореформенной России можно реконструировать не только на основе делопроизводственной документации сельского, волостного, уездного и губернского уровней. Другие архивные материалы (метрические книги, исповедные ведомости, хозяйственные переписи), а также фотографии и воспоминания позволяют получить дополнительную информацию для создания объективной картины функционирования сельского и волостного самоуправления. Общая характеристика всех указанных видов источников была дана в работах, посвященных жизни и деятельности волостного старшины Порецкой волости Можайского уезда Московской губернии Ф. Е. Куликова (1842-1889)¹. Можайские крестьяне Куликовы до отмены крепостного права принадлежали графам Разумовским и Уваровым, а после 1861 года занимали высшие должности в образованной Порецкой волости, вступая по долгу службы в контакт с представителями рода Уваровых и их окружением.

Фотографии крестьян первых пореформенных десятилетий являются редким и малоизученным источником. Их распространенность в крестьян-

ской среде того времени была минимальной, что было связано с особенностями традиционного менталитета тружеников села, недостаточной распространенностью фотографии в провинции и относительной дороговизной новшества. Для исследователей особую трудность представляет атрибуция фотоматериалов того времени. В этом плане коллекция фотографий волостного старшины Федора Ермолаевича Куликова, собранная автором работы, является уникальной. Три снимка 1870-1880-х годов представляют различные аспекты жизни и деятельности Ф. Е. Куликова, сохранившись в едином комплексе.

На наиболее ранней фотографии Ф. Е. Куликов представлен в окружении своей семьи: мать Марья Гаврилова (1819-1894), жена Аксинья Яковлева (1844-1928) и пятеро из двенадцати детей: Михаил (1866-1945), Матвей (1869-1896), Тихон (1871-1917), Филипп (1874-1957) и Наталья (1879-1956)². Сам тридцатисемилетний волостной старшина, глава семьи, занимает место в центре композиции, сидя на диване. На нем сапоги и пальто, фуражка находится в левой руке. По правую руку от Федора сидит его тридцатипятилетняя жена Аксинья Яковлева. Между ними

Ил. 1. Семья Ф. Е. Куликова, 1879 г.

стоит второй сын Михаил (13 лет) и сидит четвертый сын Тихон (8 лет). Справа от старшины — его мать Марья Гаврилова (60 лет), держащая на руках младенца — свою внучку и крестницу Наталью (третья дочь Федора и Ксении). В правой части композиции стоят Матвей (10 лет) и Филипп (5 лет), третий и пятый сыновья, соответственно. В руках Матвея и Тихона папки, происходящие, видимо, из здания волостного правления. Если учесть, что дочь Наталья родилась 25 августа 1879 года, то можно датировать указанный фотографический снимок рубежом 1879-1880 гг. Этой датировки (1879 год) придерживался и первый исследователь истории семьи Андрей Филиппович Куликов (1915-1992), внук Федора Ермолаевича. Он же кратко прокомментировал героев композиции, ошибочно указав даты рождения (особенно) и смертей некоторых из них. Видимо, в распоряжении исследователя были, в основном, данные устной традиции. Кроме этого, А. Ф. Куликов отметил, что «предки Федора Ермолаевича были выходцами из села Большчево Можайского уезда» и «еще до войны 1812 года переехали в дер. Заполье Куликовы, Белоусовы, Шуваловы, Анюткины (Добровы теперь)». Действительно, Куликовы, к которым, кстати, относятся и Анюткины (Добровы), переселились в Заполье в конце 1780-х годов. Родина Куликовых — Карачаровский церковный приход: в нем они жили еще в 1715 году. Из Большчево, находящегося недалеко от Карачарова, происходили Шуваловы, появившиеся в Заполье в 1796 году.

Согласно семейным воспоминаниям, фотография была выполнена в большом доме Федора Куликова в центре деревни Заполье, однако ее создание в селе Поречье не исключено. В силу неизвестных обстоятельств на фото отсутствуют дядя старшины Антон Афанасьев (1807-1888) и старший сын начальника волости Иван (1863-1939), проживавшие также в усадьбе старшины. Дядя Антон был воспитателем Федора, который в шесть лет лишился отца Ермолая Афанасьева, скончавшегося от чахотки в тридцатилетнем возрасте³. Крестной матерью Федора в 1842 году стала жена Антона Марья Васильева⁴. Согласно семейным преданиям, А. А. Куликов в старости был слепым. Недуг или традиционный менталитет семидесятидвухлетнего крестьянина могли поме-

шать участию дяди Антона в семейном мероприятии. Старший сын Федора Иван, согласно архивным материалам, работал при отце рассыльным по делам волостного правления⁵. Не исключено, что в день создания семейного фотопортрета он был вынужден отсутствовать в родительском доме по служебным делам.

На миниатюрной фотографии перед нами предстает суровый и физически развитый мужчина с окладистой бородой — Ф. Е. Куликов⁶. На рассматриваемом снимке Федор Ермолаевич сидит на стуле (видны только фигурные ножки этого предмета мебели), положив левую руку на изящный столик, а в правой руке держа небольшую книгу. Скорее всего, это издание носит светский характер и является аксессуаром московской фотомастерской. Однако не исключено использование Библии: должностные лица Российской империи, начиная с принесения присяги, были особым образом связаны с православной церковью. О социальном положении крестьянина говорит

Ил. 2. Ф. Е. Куликов с должностным знаком волостного старшины, 1883 г.

должностной знак, расположенный на его груди. Знак носился на тонкой бронзовой цепочке. Мы не имеем возможности рассмотреть изображение и надпись на этом атрибуте власти, но они хорошо известны специалистам⁷. На лицевой стороне знака в центре изображен герб Московской губернии, а по окружности расположена надпись «волостной старшина». На оборотной стороне изображен вензель императора Александра II, увенчанный короной, а по окружности расположена надпись с датой «19 февраля 1861 года» (отмена крепостного права в России). Знак волостного старшины выделял в крестьянской среде представителя коронной власти. Согласно историческим свидетельствам, крестьяне при виде старшины с должностным знаком на груди снимали шапки и кланялись, а также вели себя исключительно пристойно.

На оборотной стороне снимка есть фирменная зеленого цвета наклейка студии «Фотография В. Мартынова на Пятницкой улице в доме Рожнова в Москве». Дом С. Н. Рожнова с каменным низом и деревянным верхом был построен еще в 1817 году. На этом месте сейчас стоит четырехэтажный дом № 17, построенный в 1903 году. Над наклейкой студии Мартынова есть надпись синими чернилами, оставленная внуком старшины А. Ф. Куликовым: «Дед наш Куликов Федор Ермолаевич (1853-1899, 5/XI)».

День смерти волостного старшины указан точно (5 ноября), но даты жизни даны с ошибками: Федор Куликов родился в 1842 году и прожил 47 лет, скончавшись в 1889 году. В записках А. Ф. Куликова, в т. ч. и в комментарии к семейной фотографии 1879 года, неоднократно фигурирует 1889 год, но здесь, видимо, была допущена описка, которая привела и к искажению даты рождения старшины. Точную дату смерти Ф. Е. Куликова его внук мог знать, скорее всего, из архивного источника (метрической книги), хотя не исключен факт ее сохранения в семейной памяти

как знакового события в истории рода. В пользу второго предположения говорит тот факт, что в метрической книге указан возраст скончавшегося Федора Ермолаева (47 лет), т. е. очевидно, что старшина родился в 1842 году, однако в альбомных комментариях Андрей Куликов исправляет ошибочную дату рождения на 1843 год. Фото в форменной одежде с бронзовым знаком волостного старшины, возможно, было изготовлено в мае 1883 года во время поездки Федора Куликова в Москву для участия в торжествах, посвященных коронации Александра III. Документы, подтверждающие участие Ф. Е. Куликова в знаменитой делегации волостных старшин, запечатленной на монументальном полотне И. Е. Репина⁸, к настоящему времени не выявлены. Скорее всего, волостной старшина из Поречья не входил в нее, но мог участвовать в коронационных торжествах как полуофициальное лицо. Желая увековечить свой образ в праздничные дни мая 1883 года, он мог заказать на Пятницкой улице древней столицы рассматриваемую миниатюрную фотографию. Этот снимок, как и семейный фотопортрет, видимо, сохранялись в доме волостного старшины, следующим хозяином которого был Филипп Федорович Куликов. От него они перешли в распоряжение Андрея Филипповича — первого исследователя истории семьи.

Ил. 3. Ф. Е. Куликов с коллегами по работе, 1880-е г.

Третье фото представляет Ф. Е. Куликова, очевидно, в компании коллег по работе⁹. Оно, скорее всего, было выполнено в здании волостного правления или в трактире, находящихся в селе Поречье. Датировать снимок можно 1880-ми годами. Мальчик и один из мужчин в центральной части композиции занимаются сервировкой чайного стола с самоваром. Трое героев, играющих, видимо, значительную роль в управлении Поречской волости, пьют чай из блюдца: двое держат их в правых руках, Федор Куликов — только прикасается пальцами левой руки. Вполне возможно, что старшина был левшой. Федор Ермолаевич сидит в левой части снимка. На нем сапоги, штаны, рубаха и жилетка. Двое других мужчин выступают собеседниками Федора Ермолаевича, занимая правую часть фотографии. Можно предположить, что один из них — волостной писарь или кандидат старшины. Судя по возрасту второго мужчины справа, перед нами может быть волостной писарь (Никифор Тимофеевич Халютин или Алексей Гаврилович Слезкин) или кандидат волостного старшины (Николай Петров или Тимофей Кириллов). Судя по данным метрических книг, Ф. Е. Куликов поддерживал тесный контакт с писарями. Записи, подтверждающие близкое общение с кандидатами, не выявлены. Крайний справа мужчина мог представлять штат волостных судей (избирались тройками) или корпус сельских старост (состоял из 18-19 человек). Более точная датировка снимка могла бы сузить круг предполагаемых героев. Эта фотография, в максимальной степени отражающая профессиональную деятельность Ф. Е. Куликова, атрибутируется с большим количеством трудностей. Данный снимок принадлежал внуку старшины Василию Ивановичу

Куликову (1908-1977), которому мог достаться от Ивана Федоровича, старшего сына Федора Ермолаевича, работавшему вместе с отцом в Поречье. Вне всякого сомнения, Иван Куликов прекрасно знал собеседников отца, запечатленных на фотографии, но их имена не были сообщены в письменной форме, а любая попытка передать их устно не могла выдержать проверку временем.

Все три фотографии, рассмотренные в представленной статье, являются подлинными реликвиями можайского рода крестьян Куликовых, передающимися из поколения в поколение почти полтора столетия. Эти уникальные фотографии бережно сохранялись потомками Федора Ермолаевича в XX веке, несмотря на различные исторические испытания: революцию 1917 года, коллективизацию 1930-х годов, Великую Отечественную войну и др. Следует учитывать и пожары 1911 и 1946 годов, уничтожившие дома Филиппа и Ивана Куликовых — главных наследников семейных реликвий. Других источников, гарантированно относящихся к жизни и деятельности представителей рода Куликовых в то время, потомки Куликовых не имеют. Письменные источники по истории Поречской волости Можайского уезда и входящей в ее состав деревни Заполье хранятся в архивах.

Фотографии Куликовых 1870-1880-х годов представляют собой уникальный исторический источник, освещающий жизнь и деятельность представителей одного из крупнейших крестьянских родов Можайского уезда Московской губернии, тесным образом связанного с механизмом функционирования местного самоуправления в пореформенной России и графским родом Уваровых, оставившим заметный след в отечественной истории.

¹ Виноградов М. А. Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова (обзор источников) // Общество и власть в Императорской России, СССР и современной Российской Федерации. — М., 2018. — С. 322-326; он же. Жизнь и деятельность волостного старшины Федора Куликова в свете исторических источников // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. — М., 2018. — С. 91-99.

² Размер фото — 10x16,5 см. Приобретено автором работы у наследников А. Ф. Куликова в Москве.

³ ЦГА г. Москвы. ОХД до 1917 г. — Ф. 203. — Оп. 745. — Д. 1764а. — Л. 1408об.-1409.

⁴ Там же. — Д. 1588. — Л. 1377об.

⁵ Там же. — Ф. 589. — Оп. 1. — Д. 445. — Л. 2.

⁶ Размер фото — 5,5x8,5 см. Приобретено автором работы у наследников А. Ф. Куликова в Москве.

⁷ Мельник Г. К., Можейко И. В. Должностные знаки Российской империи. — М., 1993. — С. 161. Размер знака волостного старшины Московской губернии — 56x48 мм.

⁸ Соловьева С. В. Илья Репин. «Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве». — М., 2014.

⁹ Размер фото — 10,5x13,5 см. Снимок подарен автору работы Лидией Андреевной Новченковой (1923-2003) — внучкой И. Ф. Куликова и правнучкой старшины.

АРХИВНЫЕ ФОТОГРАФИИ ЧУДСКИХ ХРАМОВ

Ил. 1. Церковь в селе Чудь. Фото Г. Филимоновой. 2014 г. НРОФДК «Дать Понять»

В фокусе внимания Нижегородского регионального общественного фонда деятелей культуры «Дать Понять», формирующего интерактивную карту «мест памяти» Нижегородской области¹, оказался выявленный в 2000 году² объект культурного наследия регионального значения — храм в селе Чудь (в настоящее время это село входит в состав Навашинского городского округа Нижегородской области, ранее числилось в Муромском уезде Владимирской губернии). «Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области»³, причисляющие чудскую церковь к памятникам градостроительства и архитектуры, не атрибутируют ее ни по названию, ни по дате постройки. Они лишь датируют этот культовый объект XIX веком.

Экспедиции в село Чудь, осуществленные фондом «Дать Понять», показали, что расположенная на сельском кладбище кирпичная церковь в наши дни нуждается в реставрации: купол обрушился, штукатурка отвалилась, а внутри храма ра-

стут деревья (Ил. 1). Представление о том, как выглядел этот культовый объект в советское время, можно составить благодаря фотографии, хранящейся в государственном архиве аудиовизуальной документации Нижегородской области (Ил. 2).

Местные жители называют храм Успенским и вспоминают, что у села было два названия: Чудь и Успенское. Сведения о том, что в Чуди была построена церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы содержатся и в «Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии»⁴. Ссылаясь на Окладные книги 1676 года, этот источник отмечает, что в селе значится церковь Успения Пресвя-

той Богородицы, при церкви двор попа Карпа и двор дьячков; в приходе 5 дворов помещиковых, 4 двора задворных слуг, 16 дворов крестьянских и 1 бобыльский. В 1750 году помещик Роман Стефанович Каменский («дворцовой канцелярии комиссар») строит в селе новую деревянную церковь. В 1886 году эта церковь была обшита тесом, а внутри оштукатурена. Престол в храме был один, во имя Успения Пресвятой Богородицы. В 1870-

Ил. 2. Село Чудь. Внешний вид церкви (недействующей). Фото Е. Сидорова. 1979 г. ГКУ ГАрхАДНО

1890 годах приход по бедности был приписан к церкви в селе Монакове. В конце XIX века приход включал только село Чудь (98 дворов, в которых проживало 370 мужчин и 411 женщин)⁵. До наших дней деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы не дошла.

В фондах музея архитектуры им. А. В. Щусева (Москва) сохранилась фотография деревянной Успенской церкви в селе Чудь, стилизованной «под кирпич» (Ил. 3). Сделана она Московским археологическим обществом по изучению древностей России, к которым относился чудской храм XVIII века⁶. В «Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии», изданном в конце XIX века, в главе про село Чудь речь идет только об этой деревянной церкви и ничего не говорится о существовании в селе каменного храма, из чего следует, что в конце XIX века его еще не было, а был он построен в начале XX века.

Материалы комиссии по сохранению древних памятников Императорского московского археологического общества, изданные под редакцией ее секретаря И. П. Машкова в 1908 году, приводят протокол заседания комиссии от 15 июня 1906 года под № 15, позволяющий сделать более точную датировку каменного чудского храма. На этом заседании под председательством К. М. Быковского присутствующим (З. И. Иванову, Н. С. Курдюкову и секретарю комиссии

И. П. Машкову) было «доложено отношение Владимирской Духовной Консистории от 9 июня за № 7986 о том, что в селе Чуди Муромского уезда существует деревянный храм с колокольней, построенный в 1750 году. По свидетельству архитектора строительного отделения Владимирской губернии Правления П. Шитова, осматривающего храм 15 июня 1905 года, у колокольни нижние венцы сгнили, имеют наклон в северную сторону и как представляющие опасность, подлежат, по мнению Шитова, сломке. На основании сего причт, староста и прихожане церкви села Чудь ходатайствуют о сломке означенной колокольни. При этом консистория извещает, что, согласно данному разрешению, «вблизи деревянного храма построена новая каменная колокольня, с тем соображением, чтобы в будущем к ней пристроить и каменный храм»⁷ (Ил. 4).

Комиссия постановила «уведомить Консисторию, что в виду интереса представленного храма и колокольни, общество не находит возможным разрешить сломку древней деревянной колокольни. При этом обратить внимание Консистории на то, что опасность, на которую указывается в акте архитектора Шитова, легко может быть устранена подводкою сгнивших нижних венцов»⁸.

Однако протокол последующего в 1912 году заседания под № 756 от 22 мая 1912 года дает понять, что опасность исчезновения древнего памятника в Чуди решили не устранять. При-

Ил. 3. Успенская церковь в селе Чудь. Фото. Начало XX века. Музей архитектуры им. А. В. Щусева
Ил. 4. Деревянная Успенская церковь в селе Чудь и новая каменная колокольня. Фото. Начало XX века. Музей архитектуры им. А. В. Щусева

Ил. 5. Деревянная Успенская церковь в селе Чудь и новая каменная колокольня. Фото. Начало XX века. Музей архитектуры им. А. В. Щусева

Ил. 6. Деревянная Успенская церковь в селе Чудь и новая каменная колокольня. Фото. Начало XX века. Музей архитектуры им. А. В. Щусева

существовавшим Ф. Ф. Горностаеву, И. В. Рыльскому, В. В. Шейману и секретарю комиссии И. П. Машкову было «доложено отношение Владимирский Духовной Консistorии от 12 мая за № 9024 о том, что причт, церковный староста и прихожане села Чуди Муромского уезда просят Епархиальное начальство упразднить деревянный храм в их селе за постройкой нового каменного храма и на месте его построить часовню. Причины, заставляющие их просить об этом следующие: 1) храм пришел в совершенную ветхость, в зимнее время, несмотря на должную топку печей, служить затруднительно, в виду сильного холода, т. к. стены промерзали, некоторые углы сгнили и повалились, верх храма несколько накренился на бок, вообще состояние храма по устойчивости ненадежно, что удостоверяется актом архитектора Шитова; 2) деревянный храм стоит на расстоянии одного аршина от алтарной стены вновь выстроенного и освященного храма и совершенно загораживает единственное окно главного алтаря и 3) вновь выстроенный храм, в котором теперь совершается богослужение, требует значительных расходов на свое содержание, так что на поддержку ветхого храма средств не имеется. Сообщая о вышеизложенном, духовная консистория с препровождением двух фотографических снимков с древнего деревянного храма в селе Чуди (Ил. 5) и копии акта архитектора Шитова честь имеет просить Императорское Археологическое общество уве-

домить Консistorию, не имеется каких-либо препятствий со стороны Общества к упразднению названного храма»⁹ (Ил. 6).

Постановление комиссии было следующим: «Уведомить, что сломка храма разрешена быть не может, так как храм этот представляет большой художественный интерес, что же касается до того, что древний храм затемнил новый, то следует обратить внимание на то, что новый храм нельзя было строить так неудачно и на таком близком расстоянии от древнего храма»¹⁰.

Опираясь на приведенный выше протокол, можно утверждать, что к 1912 году постройка новой каменной церкви в Чуди была завершена. Судя по «Описи движимых имуществ церквей Муромского и Юрьевского уездов», составленной в 1915 году при ее страховании, освящена она была «во имя св. Троицы» и «крыта железом»¹¹. «Древняя деревянная во имя Успения Б. Матери с таковым же приделом во имя св. и чудотворца Николая»¹², оставшаяся без колокольни, также была «крыта железом» и застрахована.

1 мая 1924 года деревянная церковь была «снесена»¹³ бурей. 3 июня археологом Селезевым, художником Куликовым и председателем сельсовета Долговым был составлен акт осмотра церкви, который гласил: «Древностей не оказалось, кроме 2 железных крестов (наглавных), икон 18 века и плащаницы»¹⁴ (все было передано церковному совету). Музей направил запрос о дальнейшей

судьбе храма в Главнауку, но ответа не получил. 24 августа на общем собрании жителей села было решено разобрать церковь на дрова для местной школы. В тот же день Чудский сельсовет выслал протокол общего собрания в Монаковский волысполком, а волисполком на следующий день утвердил данное решение и выслал его в Муромский уездный исполком. Муромский УИК постановил: «Принимая во внимание, что церковь при с. Чуди развалилась и растаскивается, и основываясь на постановлении общества и заключении Завмузея — постановить возбудить ходатайство перед

Президиумом Губисполкома о разрешении произвести сломку означенной церкви, для употребления таковой на отопление школы села Чуди»¹⁵. 20 сентября 1924 года Владимирский губисполком, заслушав постановление Муромского УИКа и заключение Губкомиссии по реализации госфондов, утвердил ходатайство Муромского УИКа. Так в селе осталась только каменная Троицкая церковь, а представлявшая большой художественный интерес деревянная Успенская запечатлена лишь на архивных фотографиях, иллюстрирующих настоящую публикацию.

¹ Филимонова Г. В. Карта «мест памяти» Нижегородской области // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gtt.ru/map_NN/map_2009.htm.

² Приказ департамента охраны историко-культурного наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области от 24 апреля 2000 года № 5-ОД.

³ Государственные списки памятников истории и культуры Нижегородской области. Сост.: Ометова Г. Н. — Нижний Новгород, 2000.

⁴ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Меленковский, Муромский, Покровский и Судогодский уезды. — Владимир, 1897. — Вып. 4. — С. 273.

⁵ Там же. — С. 274.

⁶ Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского московского археологического общества. — М., — 1908. — Т. II. — С. 393.

⁷ Там же. — С. 57.

⁸ Там же.

⁹ Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Императорском московском археологическом обществе. — М., 1915. — Т. IV. — С. 47.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАВО. — Ф. 556. — Оп. 1. — Д. 4963. — Л. 54об.

¹² Там же.

¹³ ГАВО. — Ф. Р-31. — Оп. 2. — Д. 31. — Л. 208.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. — Л. 204.

МОЛЕННЫЙ ДОМ КРЕСТЬЯНИНА АЛЕКСАНДРА ТОЛУЗАКОВА В ДЕРЕВНЕ ИВОНИНО ТУЧКОВСКОЙ ВОЛОСТИ СУДОГОДСКОГО УЕЗДА ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Одной из острых проблем в дореволюционной России был вопрос об устройстве раскольниковских церквей и моленных домов в городах и населенных пунктах. В фондах Государственного архива Владимирской области встречаются отдельные делопроизводственные документы подобного плана. По описи Владимирской духовной консистории по 1 столу за № 52 хранится «Дело об устройстве раскольниковского моленного дома крестьянином села Иволина Судогодского уезда, Александром Егоровичем Тулузаковым». Судя по надписи на обложке, дело было начато и окончено в один день — 14 октября 1900 года, но характеризующий материал собирался не один день, его содержание состоит из двадцати текстовых листов¹.

Стоит отметить, что в данном деле имеются разночтения в написании фамилии владельца моленного дома, на обложке материала она написана как «Тулузаков», а далее встречается и как «Толузаков». При изложении архивных свидетельств автор статьи будет сохранять ее так, как она указана на том или ином подшитом листе.

12 июля 1900 года от станowego пристава 2-го стана Судогодского уезда Владимирской губернии за исходящим № 1541 во Владимирскую духовную консисторию было направлено краткое сообщение, где говорилось: «Имею честь препроводить при сем в духовную консисторию на распоряжение дознание об устройстве крестьянином Александром Егоровым Толузаковым в селе Иволине Судогодского уезда, моленного дома для раскольников.

Пристав Сав<ельев>». Уведомление было получено во Владимирской духовной консистории 14 июля 1900 года².

Как свидетельствуют письменные источники, скрепленные в деле, этому предшествовала определенная административно-правовая и проверочная работа правоохранительных органов с донесениями на имя официального духовенства,

которую было необходимо провести в отношении религиозной конфессии, подвергавшейся гонениям со стороны официальной русской церкви и государства.

7 июля 1900 года полицейским урядником 2-го участка 2-го стана Судогодского уезда Полозовым в присутствии понятых был произведен подробный осмотр Иволинской раскольниковской моленной Тучковской волости, которая принадлежала А. Е. Толузакову. Документ информирует в подробностях, что представляла собой раскольниковская моленная, где и что было расположено в строении. Его ценность заключается и в том, что до настоящего времени не сохранилось ни одного подобного религиозного раскольниковского объекта на территории Селивановского края. Отмечается, что «при сем по осмотру оказалось моленный деревянный двухэтажный дом, в длину 12 ар<шин> и в ширину 10 ар<шин> к нему пристройка вроде прихожей в шесть аршин, крыт железом, на каменном фундаменте с парадным крыльцом.

Внутреннее расположение и устройство моленного дома, следующее. Дом имеет одну входную с парадного крыльца дверь в прихожую, а из прихожей во внутрь моленной тоже одностворчатая дверь, одна печь (котромарка), шесть окон в задней стене моленного дома устроен иконостас, в три яруса вверх икон, а Царскими вратами, которые как видно принадлежали раньше церкви, т. е. старые, иконостас весь позолочен новым золотом, который устроен от пола до самого потолка. Иконы есть, а серебряными ризами, с левой стороны помещения устроен клирос, и ящик как видно для склада свеч и продает их. В прихожей стоит купель металлическая. Вообще, как видно Толузаков устроил моленную в виде домово́й церкви, только на крыше этого здания не имеется креста, которым можно было бы различать дом от церкви. Толузаков исполняет обряд

Св<ятого> Крещения, что и сам не отрицает. На вопросы мои Толузаков ответил, что он строит моленный дом, но не церкву, но устройство такого не имеет никакого разрешения. Посему урядник В. Полозов. Поняты: кр<естьяне> села Ивонино Петр Кузьмин Адестов, Вязниковский мещанин Семен Павлов Богданов, староста Лексей Бровенотьев.

Постановили: об этом записать в настоящий протокол, который представить на распоряжение господина пристава 2 стана Судогодского уезда.

По сему урядник В. Полозов.

1900 г. 21 июля под № 141 постановлено: представит он справки из указа Св<ятого> Синода последовавших в прошлом году, делах подобных настоящему»³.

На этом дознание не было закончено. 15 июля 1900 года уже пристав 2-го стана Судогодского уезда составил другой протокол, в который занес разные подробности относительно строения, принадлежащего А. Е. Толузакову, а также его уклончивые ответы относительно принадлежащего ему домовладения в качестве общественной молельной. Очень интересна концовка этого допроса, в которой, по словам пристава, владелец дома не отрицает факт, что здесь совершается обряд крещения новорожденных в купели. Данный документ свидетельствует, что информант был человеком, который хорошо владел грамотой, о чем свидетельствует хотя бы уверенная подпись, поставленная в конце документа.

Итак, перейдем к содержанию ставшей достоянием истории записи, где пристав зафиксировал, что «относительно молельни» указанного лица «оказалось в нижнем помещении дома Толузакова отделена одна комната, рядом с кухней, в коей по всей передней стене поставлены образа и перед ними повешены лампы, а также поставлены деревянные столики с книгами, в верхнем помещении также отделена комната, в которой производится устройство молельной комнаты, у передней стены устроен иконостас, но икон в нем еще нет, образа же стоят в разных местах комнаты.

Поэтому поводу крестьянин Александр Толузаков объяснил, что общественной молельни у него нет, а все устроенное только для себя и своего семейства, а также для родственников, даже между им и братьями не разделены иконы. Преимуще-

ственно в праздничные дни собираются молиться, случается кто заходит и из посторонних, но значения общественной молельни его дом не имеет. Купель для крещения он имеет потому, что к нему иногда приносят раскольники для крещения своих детей, чего он не желает отрицать. Александр Егоров Толузаков»⁴.

На этом протокол не заканчивается, а имеет свое продолжение, и здесь мы имеем дело уже с сельским официальным лицом, с которым пристав ведет беседу и развивает мысль относительно дома Е. А. Толузакова. Показания продолжают со слов сельского старосты села Ивонина Алексея Степанова Бровентьева, который «объяснил» приставу относительно дома Е. А. Толузакова свое виденье, но и в то же время дает некоторые интересные сведения о религиозной службе в молельном доме и об отношении к своим единоверцам. Пристав со слов А. С. Бровентьева записал, что этот дом устроен «лет шесть тому назад, с этого времени у него устроена тут и молельня. Все семейство Толузаковых, даже старуха мать слывут начетчиками, а вследствие сего молиться в их дом ходят с давнего времени. Посещают молельню Толузакова и в настоящее время как некоторые раскольники села Ивонина, так раскольники из других селений, последние преимущественно в большие праздники, когда приходят в гости, так как Толузаков и сам ходит молиться по праздникам в другие селения. Всякое украшение в молельне Толузаков делает на свой счет и никаких сборов на этот предмет с своих одноверцев не производит»⁵.

Этими данными протокол не исчерпывается, и в нем приводятся сведения еще со слов одного персонажа-очевидца — десятского села Ивонино Петра Кузьмина Адестова. Из показаний П. К. Адестова следует, «что в дом Толузакова раскольники собираются молиться с давнего времени, равно собираются и теперь в новый дом, выстроенный лет 6 тому назад. Собираются единоверцы каждую праздничную службу, а в большие праздники ходят и из других селений, так как Александр Толузаков слывет за начетчика. Толузаков производит крещение и венчание в своем доме»⁶.

В заключительной части протокола пристав 2-го стана «постановил: настоящее дознание, с описью, согласно 1004 и 1005 ст<атей>

Уст. ул. суд, препроводить на распоряжение Владимирской духовной консистории»⁷.

Нельзя обойти вниманием еще один уникальный документ, подшитый в деле: «Опись иконам и другим предметам, находящимся в моленных комнатах крестьянина с. Ивонина Александра Егорова Толузакова». Эта опись, составленная приставом, не имеет датировки, а подшита после седьмого листа, поэтому имеет смысл разобрать этот документ в делопроизводственной последовательности. Количество икон и других религиозных предметов, всяких других вещей просто впечатляет — такому убранству могла бы позавидовать любая официальная церковь, не говоря о том, что в моленных домах преобладали иконы старинного письма. Если бы эти изображения дошли до нашего времени, то, несомненно, представляли бы интерес для искусствоведов и историков, являли бы собой историко-культурное достояние Селивановского края, а может быть, и всей России.

Говоря о старообрядческой иконописи, нельзя обойти вниманием монографию двух современных авторов — Е. В. Быковой и М. П. Наговицыной «Старообрядческое искусство в Волго-Вятском регионе», изданную в 2016 году. Территория Селивановского района находится на достаточно близком расстоянии от Нижегородской области, и поэтому этот труд можно актуализировать в отношении нашей темы. Так, Е. В. Быкова следующим образом характеризует иконы раскольников: «Старообрядцы с особым благоговением относились к древним иконам, написанным до реформ патриарха Никона. Они готовы были заплатить большие деньги, лишь бы молиться на „истенные“ образа... Старобрядцы скупали и выменивали запрещенные образа из монастырей и церквей, считая их священными, сохранившими дониконианские традиции»⁸.

Не исключено, что в нижеприведенной «описи», когда ее составлял пристав, также имелись древние иконы; к сожалению, датировка изображений не указана, а идет обычное перечисление с указанием названий и материала, из которого они изготовлены.

Первой по списку идет нижняя комната, где располагалось множество самых разнообразных икон. Здесь значатся: «Большой деревянный киот, для 16 икон, в нем 7 образов: Казанской Божией

Матери; Петровской Б<ожией> М<атери>; Собор Михаила Архангела и др<угих> Св<ятых>; пяти Мучеников Евстратия и с ним других; Александра Невского, Иоанна Предтечи все в медных окладах, образ апостола Петра с другими Святыми.

Большой деревянный киот на 9 икон, в нем 8 образов разной величины в медных окладах: Св<ятого> Николая Чудотворца; Ангел Хранитель и Муч<еница> Прасковья; Казанской Б<ожией> М<атери>; Федоровской Б<ожией> М<атери> в ризах из бисера; Спасителя.

Большой образ деревянный Иоанна Предтечи. Малый образ Св<ятого> кн<язя> Владимира и Св<ятого> кн<язя> Александра Невского, в медном окладе.

Образ малый в киоте и в окладе Тольской Б<ожией> М<атери>. Образ Св<ятого> Николая Чудотворца без киота и оклада. Образ Казанской Б<ожией> М<атери> в окладе. Большой образ Успения Б<ожией> М<атери> без киота и оклада. Тоже Спасителя. Малый образ Спасителя в медном окладе. Образ Св<ятого> и Чудотворца Николая в серебряной ризе и киот с резьбой. Образ Божией Матери всех скорбящих радость, без киота. Образ снятия с креста, без киота. Образ две надсвятых праздников в киоте. Образ Спасителя без украшений. Образ трех святителей в киоте и окладе. Двадцать образов, малой величины, разных Святых, некоторые в медных окладах. Двадцать икон медных малых. Тринадцать лампад, из них 7 медных, а остальные стеклянные. Два деревянных стола для книг. Один аналой для книг.

В верхней комнате.

Иконостас в 3 ряда, золоченый, в нем большая икона Св<ятого> Пантелеймона и деревянные царские двери. Три образа в золоченной раме, в медных посеребрянных окладах, Ап<остолов> Павла и Иоанна, Матфея и Фомы, Луки и Филиппа. В таковой же раме два образа Василия Великого и Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Св<ятого> Николая Чудотворца.

В золоченой раме и окладах: Сергия Преподобного; Тихвинской Б<ожией> М<атери>, Смоленской Б<ожией> М<атери> без оклада. Св<ятого> Николая Чудотворца в окладе; образ дванадсвятых праздников, образ Спаси-

теля, Иоанна Богослова, Козьмы и Доминиана, Зосимы и Савватия, Св<ятого> Георгия Победоносца.

В окладе из финифти образ Св<ятого> и Чудотворца Николая. Деревянный крест с изображением распятия. В отдельном киоте, в медных окладах: вход Господень в Иерусалим; Воздвижение креста Господня, без оклада. В отдельном киоте с окладом образ Св<ятого> и Чудотворца Николая. В отдельном киоте в окладах: апостолов Якова и Иуды, Петра и Матфея, Андрея и Петра. В особом киоте Благовещения Пресвятые Богородицы, Рождества Христова.

В особом киоте в окладах Божией Матери, Архистратига Михаила, Спасителя, Иоанна Предтечи и Архистратига Гавриила, Воскресения Христова, образ Распятия. В особом киоте в окладах: Воскресителя Христова, Рождества богородицы. В особом киоте в окладах: Соломона и Царя Давида, Пророков Исаии и Осии, апостолов Варфоломея и Симеона.

Без киота икона Казанской Б<ожией> М<атери> в окладе. В киоте и окладах: Софрония и Даниила, Еремия и Аввакума, Самуила и Елисея. Образ Сретения Господня без киота и оклада.

В шкафе разных восковых свечей, около 2-х фунтов. Две книги в кожаных переплетах: беседы Апостольские и Маргарита, пять деревянных рам золоченых. В кожаном переплете книга Жития Феодора Едесского. Ладану 2 1/2. Подручников, называемых праздничных из разной материи 10. Два подручника из парчовых лоскутов, ситцевых подручников 22. Еще книги в кожаных переплетах Октай, Псалтир, Часослов, 12 книг минеи месячной, Злотоуст и Пролог. Гектографированная брошюра о падении Восточной церкви на славянском языке. Медная купель»⁹.

При составлении описи находились понятия из села Ивонина: Василий Михайлов, Иван Антонов Михайлов, за которого поставил подпись за отсутствием у последнего навыков грамотности другой присутствовавший при этом деле — староста означенного села Алексей Бровентьев. Интересно отметить, что все описанное приставом имущество принял сам владелец — А. Е. Толузаков¹⁰.

17.07.1900 года за № 1541 от станového пристава 2-го стана было направлено письмо уведо-

мительного характера во Владимирскую духовную консисторию, в котором говорилось, что «в дополнение к отношению моему от 12 сего июля за № 1541, имею честь препроводить в Духовную консисторию дознание по поводу открытия моленной крестьянином с. Ивонино Александром Егоровым Толузаковым, опись найденному в этой моленной и брошюру, гектографированную о падении Восточной церкви»¹¹.

После этого материал продолжает находиться в поле зрения гражданского и церковного чиновничества. В деле подшит еще один официальный документ на казенном бланке с гербом Российской империи и надписью: «МВД. Владимирский губернатор. Канцелярия» за подписью губернатора Николая Максимовича Цеймерна, который датируется 2 августа 1900 года № 5887 с чернильной припиской «1900 г. 4 авг. В консисторию. Платон Е. Муромский». На оттиске овальной печати отчетливо видно, что этот документ поступил во Владимирскую Духовную консисторию 4 августа 1900 года. Машинописный текст сообщает: «Ваше Высокопреосвященство. Милостливый Архипастырь. Судогодский уездный исправник донес мне, что в селе Ивонине, Тучковской волости, Судогодского уезда, в доме крестьянина Александра Толузакова обнаружена раскольническая моленная. По произведенному полицией дознанию оказалось, что Толузаков в своем доме, отстроенном лет 6 тому назад, имеет для моления две комнаты — в верхнем и нижнем этажах; в настоящее время моленье происходит только в нижнем помещении, где находятся по передней стене иконы разной величины, числом 68, в киотах и без киот, и перед ними имеются лампы; в верхнем же помещении моленная только устраивается; там поставлен по передней стенке новый золоченый иконостас, еще без икон, в котором имеются старые царские врата, купленные, по словам Толузакова, в прошлом году в Нижнем Новгороде; иконы в этом помещении устраиваются в новые киоты и лежат еще в беспорядке. В шкафе оказалось около 2 фунтов восковых свечей, ладан и 34 подручника; кроме того, в коридоре стоит купель для крещения детей. Сам Толузаков, объяснил, что моления в его доме происходят с давнего времени, — устраивались еще в старом доме его родителями, и молитвы ходят только его братья с своими семействами

и другие родственники; по просьбе, он исполняет у своих единоверцев крещение детей, чем занимаются и другие из раскольников; устройство новой моленной он производит на свой счет. Посторонние лица при дознании объяснили, что к Толузакову ходят молиться в праздники односельцы-единоверцы, не состоящие с ним в родстве, а в большие праздники приходят раскольники из других селений, так как семейство Толузакова считается начетчиками. В соседних с моленной комнатах Толузаковы проживают сами.

Дознание по настоящему делу пристав 2 стана Судогодского уезда направлено, на основании 1004 и 1005 ст. Уст. Уг. Суд., во Владимирскую Духовную Консисторию.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Высокопреосвященство.

Испрашивая Архипастырское благословение Ваше, с отличным уважением и совершенною преданностью имею честь быть.

Вашего Высокопреосвященства, Милостивого Архипастыря покорным слугой. Н. Цеймерн¹².

Вызывают неподдельный интерес справки, подшитые в деле, из которых можно почерпнуть дополнительную информацию относительно существовавших на то время правовых норм, предусмотренных для раскольников, которые строго регламентировали их деятельность в религиозном аспекте.

В первой «справке» имеется ссылка на циркулярное секретное отношение «канцелярии обер-прокурора Святого синода от 7 октября 1899 года за № 6596 на имя Его Высокопреосвященства», где, в частности, говорится, «что правительствующий сенат решением (по Уголовному кассационному департаменту) от 16 декабря 1897 года за № 52 разъяснил, что за изданием закона 3 мая 1883 года, дозволившего раскольникам отправлять общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам в частных домах и в особо предназначенных для сего зданиях, принадлежности раскольнического богослужения не могут подлежать отобранию, тем паче уничтожению, — а должны оставаться в распоряжении тех, кто, по законам гражданским, имеет на них право собственности или в чем фактическом владении он находится»¹³.

Из приведенных строк следует, что государство

на тот момент гарантировало право неприкосновенности принадлежащего раскольником культового имущества, в том числе и строений, которые использовались под религиозные нужды. Более того, на основании Устава о предупреждении и пресечении преступлений статья 48 гласила, что «раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам, как в частных домах, так равно в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь неперменным условием, чтобы при этом не были нарушены общие правила благочиния и общественного порядка. Независимо сего относительно часовен и других молитвенных зданий соблюдаются следующие правила:

1. Раскольникам предоставляется исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, с тем, чтобы общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем. На производство упомянутых работ, предварительно приступая к оным, испрашивается каждый раз разрешение губернатора или начальника области. В случае необходимости такой перестройки молитвенного здания, вследствие которой общий наружный его вид должен подвергнуться изменению, соблюдается порядок, указанный в пункте 3 ей статьи.

3 п<ункт>. В тех местностях, где значительное население раскольников не имеет ни часовен, ни других молитвенных зданий, дозволяется с разрешения министерства внутренних дел, обращать для общественного богомоления существующие строения. При этом наблюдается, чтобы обращаемому для сего строению не был придаваем внешний вид православного храма, и чтобы при нем не имелось наружных колоколов. Наддверные кресты и иконы над входом в часовню или другое молитвенное здание ставить не возбраняется.

Улож<ения> о наказ<ании> ст<атья> 206. За устройство раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ, виновные приговариваются: к заключению в тюрьме на время от восьми до одного года и четырех месяцев.

Виновные в построении нового раскольнического молитвенного здания или обращении в таковое, без разрешения министерства внутренних дел, существующего строения, приговаривают-

ся к заключению в тюрьме на время от четырех до 8-ми месяцев.

Решение Правительствующего Сената 1888, по делу Рябинина. Под „молитвенными зданиями”, о коих говорится в ст<атье> 206, должно понимать здания, особо предназначенные для публичного богослужения, а посему обращение части принадлежащего виновному дома в молельню для публичного богослужения по раскольническому обряду под действие ст<атьи> 206 Улож<ения> не подходит.

1900 г. 5 августа под № 157 становлено: предложить представить справки из прежних дел и раскольнических... кр. Толузакова»¹⁴.

В деле имеется еще одна «справка», которая свидетельствует о рутинной процедуре дознания в отношении раскольнических действий. Подобный документ выработан временем чиновничье-бюрократическим гражданским и церковным аппаратами в отношении оппозиционной веры. Это свидетельство лишний раз демонстрирует, за что могли преследовать человека, если он исповедовал другие религиозные каноны в монархической России. В данном случае в отношении А. Е. Толузакова не было доказано, что он занимался венчанием по раскольническим традициям брака между молодыми, но, тем не менее, это очень любопытный штрих к изучаемой теме. В частности, говорится, что «при отношении от 12 мая 1893 года за № 252 судебный следователь по 2 участку Судогодского уезда препроводил в Консисторию донесение священника села Копнина Алексея Чихачева о повенчании по расколу кр<естьянином> с. Ивонина Александром Егоровым Толузаковым крестьянского сына того села Ефима Григорьева, по приемном отце Козмина, с крестьянскою девицею Ксению Петровой. На произведенном по сему донесению, по распоряжению Епарх<иального> начальства, дознании свидетели показали, что Толузаков брака не венчал. Определением Консистории, состоявшимся 3 августа 1893 года по сему делу и утвержденным Его Высокопреосвященством 16 того же августа, постановлено было: „Как сам Козьма Лаврентьев, так и приемный сын его Ефим Григорьев ни разу в своей жизни, по уклонению в раскол не исполняли христианского долга исповеди и Св<ятых> таин причастия, а вступившая в раскольническое

сожительство с последним девица Ксения Петрова даже и не крещена в православной церкви, то дело о вступлении того Григорьева с сею Петровой в раскольническое сожительство оставить без последствий, предписав свящ<еннику> Чихачеву принять пастырские меры к присоединению к православию совратившихся в раскол. В дело № 46-1893 годах.

Определением Консистории, состоявшимся 23 февраля 1896 года по делу о совершении крещения кр<естьянином> с. Ивонина Судогодского у<езда>, Александром Толузаковым над младенцем Судогодского мещанина Ефима Ершова и утвержденным Его Высокопреосвященством, постановлено: из дознания видно, что мещанин Ершов давно уже уклонился от православия и неисполнение им христианского долга объяснялось в исповедных росписях с холодностью к вере и уклонением в раскол, а потому дело о крещении и погребении младенца его по расколу прекратить производством, тем более, что и сам Толузаков совершитель крещения и свидетели показали, что совращения в раскол при сих требованиях наставником раскола не производилось (дело № 55 — 1894 г.)»¹⁵.

В конце «справки» сделана приписка от 18 августа 1900 года с пометкой № 168, где уже другой рукой начертано требование указать «в каком расстоянии от приходского храма и какого именно села или погоста находится дер. Ивонино, кто священником в этом приходе, сколько раскольников по приложению к Испов<едным> росписям в деревне Ивонино»¹⁶. На основании этой приписки можно дополнить круг вопросов, которые интересовали гражданских и церковных чиновников для принятия борьбы с расколом. Причем, интересно отметить, что в поле зрения попадал казенный священник на территории того или иного прихода, где действовали старообрядцы, и, думается, настоятелю церкви приходилось нелегко держать удар, изворачиваться, как только можно, от вышестоящих над ним властей, а, может быть, даже давать ложную информацию о деятельности староверов, дабы не впасть в опалу.

Чуть ниже данной «приписки» от руки написана еще одна «справка», в которой указывается, что Казанская церковь села Ивонино является приписной церковью села Копнино и располагается на уда-

лении шести верст. Далее дается характеристика на священника Копнинской Казанской церкви и говорится о числе раскольников, где, в частности, отмечено, что «Алексей Чихачёв, 32 лет, окончил курс Владимирск<ой> семинарии, в 1892 г. 22 окт<ября> рукоположен во священника в 1899 г. Награжден набедренником. Положения весьма хорошего, судим и штрафован не был.

По исповедной росписи 1899 г. значится раскольников в с. Ивонине 10 м<ужского> п<ола> 13 ж<енского> п<ола> № 174». От руки канцелярщиком внизу начертано: «В с. Ивонине есть церковь»¹⁷.

Вслед за этим на обороте листа за 23-26 августа 1900 г. под № 174 в консистории потребовали от причта дать ответ с удостоверением благочинного. Здесь, в частности, записано, что «поставлено: запросить чрез Благочинного причт<а> с. Копнина, часто ли в приписной Ивонинской церкви совершается богослужение». 31 августа документ с отметкой № 9213 препровождается благочинному П. Лебедеву¹⁸.

Обращает на себя внимание «рапорт» исполняющего дела благочинного 3-го округа Судогодского уезда священника Павла Лебедева, который он подал во Владимирскую консисторию, судя по овальному консисторскому штампу с отметкой о получении, 11 октября 1900 года. П. Лебедев, ссылаясь на Указ Владимирской консистории № 9213 от 31 августа текущего года, объективно освещает в какое время здесь проходят богослужения и дает краткую оценку местному старообрядчеству, присовокупляет к сказанному и сведения священника А. Чихачёва: «Причтом села Копнина в приписной Ивонинской церкви богослужение совершается в летнее время большею частью через две недели в третью, несколько раз в великий пост, во второй день святые пасхи и в храмовые праздники, в зимнее же время службы не бывает совсем. Таковое совершение богослужения нельзя считать частым вообще, но особенно для прихожан села Ивонина склонных к расколу и где есть соблазн со стороны местных вожаков-спасовцев с имеющею у них моленною. К сему присовокупляю сведения от священника Копнина-Ивонинского прихода Алексея Чихачева»¹⁹.

Конкретно сказано, что А. Е. Толузаков принадлежал к так называемым спасовцам.

Среди раскольников было большое количество разных течений: федосевцы, филипповцы, часовенные и т. д. В нашем случае со всей определенностью можно сказать, что село Ивонино было одним из центров спасовского согласия. Позиции раскольников были сильны и в близлежащих селениях, таких, как Сеньково, Федосово, Волосатая, Рыково. «Спасовское согласие, или нетовщина, возникло на рубеже XVII-XVIII вв. в крестьянской среде Нижегородской губернии. Известно, что в XIX в. оно уже распространилось от Среднего Поволжья до Астрахани, на Урале и в Томской губернии. Изначально существенное отличие спасовцев (нетовцев) от других беспоповских согласий состояло в отрицании возможности для мирянина совершать какие-либо таинства. Эти „нет” сочетались с признанием истинности двух таинств: крещения и браковенчания, совершенных в „никоновской” церкви. Такая, на первый взгляд, двойственная позиция относительно отвергаемой церкви дополнялась духовным акцентом, упованием на постоянную помощь верующему от Спасителя — отсюда и самоназвание этого согласия»²⁰.

В свою очередь, в письме священника Копнино-Ивонинского прихода Алексея Чихачёва от 30 сентября 1900 года на имя благочинного 3-го округа Судогодского уезда Павла Григорьевича Лебедева, также ссылаясь на силу Указа Владимирской духовной консистории за № 9213, изложено, как происходили богослужения в приписной церкви села Ивонина. Этот аспект являлся одним из главных в борьбе и профилактике с раскольниками со стороны официальной церкви, хотя, если объективно оценить обстановку того времени, эта мера мало что решала, так как раскольники были очень убежденными людьми и твердо стояли на своих позициях, их нельзя было простым богослужением в казенной церкви сбить со своего пути.

Алексей Чихачёв по этому поводу пишет, «что богослужение в Казанской церкви села Ивонина совершается... в летнее время, так как церковь холодная, а именно: в Великом посте для причастников на второй день Св<ятой> Пасхи и с этого дня, по 22-е октября по просьбе прихожан и по соображению причта богослужение совершается не редко»²¹.

Надо отметить, что в данном деле прослеживается оттенок большой бюрократизированности, имеется множество резолюций. Одна из них от 11 октября 1900 года гласит: «Постановлено: представить справку, сколько душ в Копнине и отдельно в Ивонине и какое расстояние между этими селами. К сему добавить и о самих храмах того и другого села холодные они или нет»²².

В представленной «справке» по вышеприведенному постановлению приводятся интересные статистические данные по существу запроса за конец XIX века, где говорится, что в Копнинском приходе по клировой ведомости значатся за 1899 год: «389 душ мужского пола и 396 душ женского пола, в селе Ивонине и деревнях при том селе 283 мужского пола и 321 женского пола, в селе же Ивонине 138 мужского пола, 157 женского пола, село Ивонино от села Копнина в 6 верстах. Церковь в селе Копнине каменная, крепкая, в селе Ивонине церковь деревянная, крыта железом, холодная, ризницею, утварью и Святými иконами снабжена довольно недостаточно»²³.

Наконец, 14/16 октября 1900 года было вынесено окончательное постановление с разъяснениями и конкретными указаниями по религиозной и хозяйственной деятельности относительно Ивонинской раскольнической моленной, устроенной крестьянином А. Е. Толузаковым в своем «доме среди жилых помещений и хотя по обстановке своей имеет, а их домовая православная церковь, но преследованию за устройство ее согласно действующим законоположениям не может подлежать. Устроитель и владелец ее, равно и предметы находящиеся в моленной по тем же основаниям не подлежат отобранию, кроме рукописной книги о падении Восточной церкви, как составленной к вреду православия. В Ивонине православная деревянная без печи церковь, в которой причт с. Копнина в летнее время совершает богослужение. Консистория полагает предписать Благочинному, чтобы он внушил причту с. Копнина в летнее время совершать богослужение в Ивонинской церкви в воскресные и праздничные дни чередуясь с Копнинской и убедить Ивонинских прихожан построить печи в их церкви, чтобы богослужение могло беспрепятственно совершаться и в зимнее время; для этого Благочинный мог бы

обратиться к содействию участкового земского начальника. Можно быть уверенным, чтобы при энергии и заботливости местного священника обаяние Толузаковской моленной падет само собой среди жителей с. Ивонина. Благочинному представить, донести в консисторию о последующем. Рукопись отобранную в раскольнической моленной, передать в древлехранилище Братства»²⁴.

Под документом стоят краткие пометки от 19 октября и «от 24 октября и исполняющему» дела Благочинного Лебедеву указ № 11138. 25 октября» и подпись²⁵. Этим по существу исчерпывается перечень подшитых в деле свидетельств.

Говоря о прописанных в приведенном документе правилах, можно констатировать, что, на первый взгляд, раскольникам разрешалось совершать богослужения, но на основании действующего в тот период законодательства ограничивалась всякая свобода, вся «свобода» регламентировалась в рамках предписанных «правил».

Проблематика, связанная с устройством старообрядцами собственных моленных домов, актуальна и в сегодняшние дни, так как современная официальная РПЦ также ревниво относится к их устройству на территории Российской Федерации. Конечно, в наши дни нет таких жестких преследований, которые имели место на просторах Российской империи и, тем не менее, противоречия остаются. Причины уходят в глубь веков, во времена реформ патриарха Никона, которые, на первый взгляд, достаточно просты: старообрядческое движение стояло в твердой оппозиции в ответ на превращение церкви в государственной институт подавления всякого инакомыслия, а, с другой стороны, раскол породил множество течений, которые имеют целый ряд особенностей и различий между собой и не имеют общего единства в самом расколе.

Никоновская реформа как следствие создала условия для развития на просторах громадного государства большого количества религиозных протестов. Государство издало законы, которые регламентировали деятельность раскольников, и тем самым подготовило почву для протеста. Эти протесты имели разные формы, но в том числе и с социально-политической подоплекой. Региональные

документы областных архивов по расколу до сих пор остаются не разработанными для широкой аудитории, во многих даже нет подписей пользо-

вателей, поэтому данный пласт свидетельств имеет большие перспективы для изучения.

¹ ГАВО. – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 4177. – Л. 1.

² Там же.

³ Там же. – Л. 2, 2об., 3, 3об., 4.

⁴ Там же. – Л. 6, 6об.

⁵ Там же. – Л. 6об.

⁶ Там же. – Л. 6об., 7.

⁷ Там же. – Л. 7.

⁸ Быкова Е. А. Старообрядческое искусство Волго-Вятского региона. – Киров, 2016. – С. 147.

⁹ ГАВО. – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 4177. – Л. 8, 8об., 9, 9об.

¹⁰ Там же. – Л. 9об.

¹¹ Там же. – Л. 5.

¹² Там же. – Л. 10, 10об.

¹³ Там же. – Л. 11, 11об.

¹⁴ Там же. – Л. 11об., 12, 12об., 13, 13об.

¹⁵ Там же. – Л. 14, 14об., 15.

¹⁶ Там же. – Л. 15об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. – Л. 16, 16об.

¹⁹ Там же. – Л. 17, 17об.

²⁰ Островский А. Б. Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX–XX век: Формы общения. Ритуальная специфика: этнографические очерки. – СПб., 2011. – С. 200.

²¹ ГАВО. – Ф. 556. – Оп. 1. – Д. 4177. – Л. 18.

²² Там же. – Л. 18об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. – Л. 19, 19об., 20.

²⁵ Там же. – Л. 20.

С. С. Михайлов (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ АССИРИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ГОРОДЕ МУРОМЕ

Как, наверное, в большинстве крупных городов Центральной России, в Муроме уже в 1920-х гг. существовала небольшая диаспора ассирийцев. Мы пока не знаем ее точной численности ни во время пика ее развития, ни в остальное время, но, предположительно, она явно насчитывала всего от нескольких до, максимум, десятка семейств. Точной информацией, к сожалению, мы не располагаем и, учитывая многие моменты в специфике изучения истории российских городских ассирийских диаспор, вряд ли будем когда-либо располагать. Нам не известно ни время, когда в городе появился первый ассириец и его имя, ни ее численность в разное время истории, ни даже подробности ее жизни, за исключением эпизода с репрессиями 1938 г. Тем не менее, опираясь на эти скудные сведения, кое-что все же можно понять об истории этой небольшой муромской городской этнической общины.

Ассирийцы, которые обосновались в Муроме, были представителями волны беженцев, покинувших в 1915 г. горы Хякяри в Курдистане, на юго-востоке Турции, спасавшихся от чудовищного геноцида, развязанного по отношению к христианскому населению. Муромская диаспора, как и большинство других городских ассирийских диаспор Центральной России, что мы видим и по эпизодам жизни, связанным с известными нам фигурантами, так или иначе уже существовала в 1920-х гг., но начать формироваться она могла и ранее, возможно, что еще до начала Первой мировой войны и прибытия в Россию волны беженцев-ассирийцев. Ассирийцы-отходники, как с территории северо-западного Ирана, так и из турецких ассирийских уголков Ванского вилайета, к началу XX в. уже были не такими редкими гостями в российских городах, а кое-кто, по свидетельству некоторых семейных преданий, обосновывался на постоянное место жительства.

Люди, проживавшие в городе, должны были где-то в нем базироваться. На данный момент единственный муромский ассирийский адрес — это ул. Первомайская, дом 2, соседствовавший с домом Зворыкина, Муромским музеем. Этот адрес,

опираясь на материалы следственного дела арестованного в 1938 г. Тома, сообщил автору о Стефан (Садо), крупнейший специалист по истории своих соплеменников на территории России и государств, входивших прежде в СССР¹. От Ю. М. Смирнова автор получил информацию, что ранее по указанному адресу стоял одноэтажный деревянный дом. Проживала ли в этом доме одна семья, глава которой был Бела Тома, или же здесь обитала и семья его брата, которого звали Авика Тома, и другие муромские ассирийские семьи, мы не знаем. Осевшие в Муроме беженцы из юго-восточных районов Турции могли быть разбросаны по всему городскому центру — все зависит от того, когда та или иная из них приезжала в город, и какие жилые помещения на тот момент могли быть свободны, а, следовательно, предоставлены новым поселенцам властями. С другой стороны, ко второй половине 1930-х гг. некоторые семьи беженцев могли достаточно разбогатеть и взамен прежних более чем скромных «углов», которыми часто бывали полуподвалы, приобретать отдельные дома. Работа, связанная с обувью, с определенной свободой в плане заработка, весьма способствовала этому.

Не считая скудных сведений о том, что в послевоенные десятилетия в городе стояли как минимум три палатки чистильщиков обуви, которые можно считать индикатором присутствия семей ассирийцев волны беженцев времен Первой мировой войны, мы имеем только сведения о представителях этого народа, репрессированных в 1938 г. Но и они дают важную информацию о диаспоре, проживавшей в Муроме. К сожалению, мы знаем только о представителях только одной муромской ассирийской семьи, пусть даже и значимой в прошлом в рамках своей локальной группы. О двух ассирийцах — ее представителях, уже упомянутых нами выше братьях Бела Тома, 1912 г.р., и Авика Тома, 1914 г.р., иранско-подданных, уроженцев г. Урмия, чистильщиков обуви, арестованных в это время, известно из книги «Боль и память. Памятная книга жертв политических репрессий Владимирской области»². Еще один репрессиро-

ванный, в российской биографии которого присутствует Муром, их родной отец Димко Тома (он же раис Зайя Нази), 1873 г. р., фигурирует в «Мартирологе ассирийцев СССР», написанном архимандритом Стефаном (Садо), и вышедшем в 2017 году. В указанной книге, видимо, в силу разнящейся информации из разных используемых источников, в главке, ему посвященной, указаны и московский адрес, и факт его проживания в Муроме, где он якобы на тот момент также работал чистильщиком обуви³. Там же снова упомянуты и оба арестованные в 1938-м брата⁴.

В начале 2018 г. Стефан посетил Владимира и Иваново, где имел возможность подробно поработать со следственными делами своих соплеменников, репрессированных на территории двух областей. В ходе этой работы были выявлены новые сведения по жертвам политических репрессий, происходившим из ассирийского народа, в том числе и по членам семьи, связанной с Муромом. О. Стефан поделился информацией с автором этих строк и, пока она еще не введена в научный оборот в ходе нового издания книги, мы будем ссылаться на устное сообщение этого неутомимого исследователя. В сообщенных новых сведениях ничего не сообщается про младшего брата, Авику Тома, но дает интереснейшие данные про Белу, их отца Зайя (он же Димко), а также еще одного брата, который на каком-то этапе также краткое время проживал в Муроме — Камбар Рустам-оглы. Сразу скажем, что Тома-старший в книге упомянут дважды — в первый раз под своим настоящим именем, а второй — как проживавший и арестованный в Иваново «Биткаш Том Дымко (он же Биткаш Захар Афанасьевич», родившийся «в 1876/1886 г. в г. Ван, Турция (обл. Джилу)»⁵. Здесь же показан и Биткаш Семен Семенович, 1891 г. р., происходивший будто бы также из г. Ван⁶. В новых же сведениях о Стефане мы видим, что последний и есть старший сын Димко Тома.

Зайя Нази был раисом, т. е. главой группы, населявшей село Алсан и до сих пор именующейся в ассирийской среде «аласная». Чаще ассирийцы называли эту должность «малик-раис». Это был не просто глава селения, а нечто среднее между выборным старостой и мелким князьком, т. е. безусловно представителем знати. Малик-раи-

сы избирались, как правило, из представителей одной семьи. Таким образом, Муром для проживания был выбран членами достаточно знатного семейства из горского племени джилвая, обладавшего до 1915 г. статусом «независимого» или «аширетного» («би-ашират»). После перехода с большой группой подчиненных ему односельчан российской границы, в 1917-1919 гг. он жил в Екатеринодаре (современный Краснодар), после чего перебрался в Москву. Там он поселился по адресу ул. 2-я Брестская, д. 39 кв. 23⁷. В Москве сложилась одна из двух крупнейших диаспор выходцев из с. Алсан, и раис поселился с односельчанами, видимо, дабы не терять свою власть над ними. О «маликах и стариках», которые в 1920-х гг. продолжали влиять на «темных» ассирийских беженцев-горцев и всячески мешали проводить среди них советскую работу, известно из некоторых публикаций того времени⁸. Димко Тома как раз относился к таким «маликам». Противодействие попыткам советизации односельчан закончилась арестом 6 сентября 1930 г. с обвинением в контрреволюционной агитации. Через три месяца раиса приговорили к выдворению за пределы СССР в Иран, гражданином которого тот официально являлся. Там Зайя Нази пробыл очень недолго, и где-то в 1931/1932 гг., точная дата подобного события просто не могла быть зафиксирована в следственном деле, он нелегально перешел советскую границу. Получив документы на другое имя — Захара Афанасьевича Биткаш (Том Дымко Биткаш, был изменен и год рождения), — он какое-то время жил в Тифлисе, Богородске (судя по всему — Богородск Нижегородской области, город с 1923 г. — С. М.), Муроме, в 1932-1934 гг. в Выксе, а осенью 1934 г. перебрался в город Юрьевец Ивановской обл. В Муроме он задержался очень ненадолго. Поменяв за 1932 год четыре города, раис-нелегал, скорее всего, пытался замести следы на случай слежки со стороны компетентных органов. В Муроме жили два его сына. Жили ли какие-то другие выходцы из Алсана в Богородске и Выксе, мы не знаем, но скорее всего, наш герой перемещался по городам, где его могли прикрыть, если не односельчане, то какие-то другие выходцы из Джилу. Известно, например, что в 1929-1930 гг. в Выксе, в перерыве между двумя периодами проживания в Москве,

Ил. 1. Малик из Джилу с семьей. Фото из книги Е. Лалаяна «Айсоры Ванского вилайета». К сожалению, здесь не поясняется присутствует ли здесь малик — правитель — одного из маликств, существовавших к началу XX в. на территории области Джилу, или же малик-раис одного из сел этого микрорегиона, таковой, каким был и Зайя Нази

жил и работал почтальоном Иосиф Барыкша Савришев, уроженец села Зирини (группа зерная) в том же маликстве Джилу Горта⁹. В Тбилиси таковых (джильвая) было немало, в Муроме же мы видим не только односельчан, но самых близких родственников. Что привело раиса в маленький и достаточно отдаленный от крупных центров Юрьевец, пока непонятно — там могли проживать джильвая из с. Алсан (выше по Волге, в Кинешме и Костроме, они были, включая и семью одного из диаконов-шамаша алсанской церкви — Матвея Ишо¹⁰). Возможно, перемещаясь по российским городам, от знакомых, не обязательно ассирийцев, он мог узнать про тихий городок, где ему ничего не будет угрожать. В Юрьевце Зайя Нази жил по адресу ул. Энгельса, д. 10, где задержался до своего ареста в 1938 г.

Стефан ссылается на «Книгу памяти Ивановской области» и ответ из областного архива ФСБ от марта 2013 г., Юрьевец здесь не упоминается. Арестовали этого человека 2 марта 1938 г., «вместе с сыном» и стандартно обвиняли в шпионаже и прочих прегрешениях. Что это был за сын, Стефан не поясняет, но Камбар Рустам-оглы, о котором пойдет речь чуть ниже, к тому

моменту уже почти месяц как содержался в тюрьме. В 1930 г., во время первого ареста и приговора к депортации, у сына раиса Камбара упомянут брат Яко Рустамо, в возрасте двадцати трех лет, с двадцатилетней супругой Соней и годовалой дочерью Верой, но Яко вроде бы не упоминается как арестованный и высланный в Иран. Скорее всего, он, зная о проживании с подложными документами в Юрьевце отца и брата, не мог открыто переехать к ним — это закончилось бы раскрытием и арестом обоих. Возможно, в документах следственного дела было что-то напутано, и речь идет о Камбаре, но не исключено, зная о куче несоответствий в ассирийских документах того времени, что у раиса мог быть еще один сын. В деле об аресте в 1930 г. у Зайя Нази упомянуты только два сына — Камбар и Авика, — тогда как точно был в это время Бела и, как мы видим, еще и Яко. Между арестом и вынесением приговора прошло достаточно много времени — полгода. 28 сентября 1938 г. Зайя Нази (Захар Афанасьевич Биткаш) был приговорен к высшей мере наказания.

Старший сын раиса Зайя Нази изначально фигурирует в официальных сведениях под тюркскообразным именем Камбар Рустам-оглы (его брат носил фамилию Рустамо). Скорее всего, тюркская фамилия попала в иранский паспорт во время следования семьи через территорию этой страны. Информация предоставлена автору о. Стефаном по результатам его работы в архивах ФСБ в Иваново и Владимире начала 2018 г., в книге 2017 г. о нем нет ничего. Он родился в 1898 г., согласно данным из иранского паспорта, в г. Урмия, в Иране, а по выясненным сведениям — в с. Алсан, обл. Джилу, Турция. Так же, как и отец, Камбар в 1917 г. попадает в Екатеринодар, из которого в Москву переезжает на шесть лет позже отца — в 1924-м. Там он живет по тому же адресу — 2-я Брестская, д. 39, кв. 23, так же 6 сентября 1930-го арестовывается и высылается через три месяца в Иран. Примерно в 1931/1932 гг., явно вместе с отцом, Камбар нелегально возвращается в СССР и обзаводится другим паспортом, по которому стал именоваться Семен Семенович Биткаш и «постарел» на семь лет — год рождения теперь значился 1891-й. Его последующие перемещения по стране в материале Стефана показаны в последовательности,

несколько отличной от того, что мы видели у предыдущего фигуранта: «Тифлис, Краснодар, Выкса, Богородск, Муром, Юрьевец». Мы не знаем, «путешествовал» ли он с отцом, или же они скрывались каждый по своей «программе». Годы, когда Камбар оказывался в том или ином из перечисленных городов, включая и интересующий нас Муром, нам не сообщают. Мы не знаем, и когда он обосновался в Юрьевце, одновременно с отцом, или же позже (раньше?). Стефан сообщает только, что Камбар Рустам-оглы жил по тому же адресу, что и отец — Энгельса, 10. В материалах об аресте в 1930 г. упоминается состав его семьи на то время: жена Марта, 28 лет, а также дети: трехлетний сын Михаил и шестимесячная дочь Роме. В деле 1938 г. упомянута только семилетняя дочь Надежда — супруга не названа. Как показывает опыт выяснения биографий репрессированных ассирийцев, приговоренных к высылке в Иран, члены их семей, а именно жены и дети, как правило, оставались в СССР. Это же явно произошло с семьей Камбара. Возможно, нелегально вернувшись в страну и получив новые документы, он решил «начать новую жизнь» даже в плане семейных отношений. Не исключено, что Камбар не хотел «подставлять» жену и детей и не поддерживал с ними никакой связи. Интерес здесь представляет и возраст Надежды на момент ареста отца, февраль 1938 г. Даже если день рождения у девочки был в январе-феврале, она все равно должна была родиться не позже начала 1931 г., т. е. времени, когда отец находился в Иране. Точное время перехода раисом и его сыном границы неизвестно, и в следственных делах обоих было показано условно — 1931/1932. Возможно, Надежда — младшая дочь Камбара и Марты, зачатая до ареста и родившаяся вскоре после высылки отца. По какой-то причине вернувшийся в страну Камбар взял жить к себе именно этого ребенка, оставив остальных с супругой в Москве. О том, как складывались события на самом деле, могут рассказать только потомки, которых не выявлено.

Арестовали этого ассирийца 5 февраля 1938 г. и уже через месяц вынесли смертный приговор. Если бы Зайя Нази и его сын Камбар к началу волны репрессий против ассирийцев 1938 г. оказались не в Юрьевце, входившем в состав Ивановской области, а в одном из городов тог-

дашней Горьковской области, где они проживали в 1930-х, все бы закончилось не так трагически. От представителей ассирийских диаспор Владимира и Иванова, чьи родственники также прошли через маховик репрессий, автору известно, что в Иваново в то время свирепствовал следователь Сафонов, любивший выносить смертные приговоры. Благодаря ему большинство арестованных ассирийцев из городов Ивановской области были приговорены именно к высшей мере. В других областях ситуация была иной: например, в Калининской (ныне — Тверской) обладателей иранских паспортов чаще всего приговаривали к высылке. В Горьковской смертные приговоры пачками не выносились: среди нескольких десятков арестованных ассирийцев по Горькому, Арзамасу, Бору, Лукоянову, мы не нашли ни одного приговоренного к расстрелу и увидели только сроки от нескольких лет высылки в Казахстан до восьми-десяти лет лагерей¹¹.

Фамилии Биткаш, которую взяли раис и его сын, является производным от «Бит-Каша» («бит» = «дом», «каша» = «священник»), что означает «из дома священника». Она нередко встречается у ассирийцев нашей страны, причем большинство ее носителей происходят из «отжах» (рода, клана) Биткаш, одного из трех основных родовых подразделений в селении Телана, которое также находилось в области Джилу, но входило в другое маликство — Джилу Сорта (Малая Джилу). Соплеменники-джильвая, которых после 1915 г. немало поселилось и в Грузии, а вначале после возвращения отец и сын побывали в Тифлисе, могли помочь в получении этих паспортов и посодействовать появлению в них своих фамилий.

Два младших сына раиса Зайя Нази и брата Камбара Рустам-оглы — Авика и Бела Тома, как мы уже сообщили выше, жили в Муроме и здесь же были арестованы. Бела Тома родился в 1912 г., по данным из иранского паспорта, — в г. Урмия, в Иране¹². На деле же он, как его отец, происходил из с. Алсан в области Джилу. «Ассириец, иранско-поданный, сын старшины села, малограмотный, быв. торговец, ч/обуви». В своем новом материале о Стефан упоминает, что в Россию Бела прибыл беженцем с родителями и братом в 1917 г. У «старшины села», вместе с сыном

Бела, было как минимум четыре сына. Возможно, здесь упоминают только Камбара, который на момент пересечения русской границы уж точно был совершеннолетним. В Екатеринодаре Бела, а, скорее всего, и вся семья, пробыл всего два месяца. В сведениях о Зайя Нази и Камбаре, т. е. в информации об их перемещениях, этого эпизода нет, пятилетний ребенок вряд ли мог перемещаться по России без родителей даже и с какими-то родственниками. В 1917-1918 гг. Бела, явно с родителями, находился во Владимире(!), после чего снова попал в Екатеринодар, в котором жил до 1923 г. Также в следственном деле Бела Тома о. Стефан нашел и то, что в Екатеринодаре умирает его мать, следовательно, мать Камбара и Авика Тома, супруга раиса. Точного указания на дату смерти нет, поэтому осмелимся предположить, что это могло произойти в 1923 г., после чего Бела уезжает (отправляется или привозится братом Камбаром?) к отцу в Москву. Здесь он живет всего три года, по уже известному нам адресу — 2-я Брестская ул., д. 39, кв. 23 и в 1926 г. попадает в Муром. Здесь он проживал в доме № 2 по Первомайской ул., в соседнем здании с домом Зворыкиных, т. е. с одним из зданий Муромского музея.

В Муроме Бела Тома женится, причем, что в то время было достаточно редким случаем для ассирийцев из горских групп, на русской. О. Стефан в новом материале сообщает об Анне Дмитриевне Гущиной, 1907 г. р., а также об их дочери Леоноре (явно производное от Элеонора), которой на момент ареста отца было шесть лет, т. е. она родилась где-то в 1931 г. В Муроме, при произнесении фамилии «Гущины», как правило, сразу возникает ассоциация с Гущинными из села Карачарова, которых считают потомками известнейшего уроженца села — былинного богатыря Ильи Муромца. Однако в России эта фамилия не является эксклюзивной, и о том, имела ли какое-то отношение супруга ассирийца — чистильщика обуви к карачаровским Гущинным, мы не знаем. Муром к тому моменту был достаточно большим промышленным городом, куда приезжало много выходцев из разных регионов, среди которых также могли быть носители этой фамилии. Скорее всего, Анна Гущина к известной семье отношения не имела, хотя ответ на вопрос сможет дать информация от потомков. Мы пока не знаем, в каком году был заключен брак; с учетом возраста на 1938 г. возраста

дочери, это произошло с промежутком 1926-1930 гг.

Бела Тома был арестован в ночь с 26 на 27 января 1938 г. по стандартному обвинению в контрреволюционной агитации. Его очень долго держали в Горьковской тюрьме, и приговор был вынесен только 11 октября 1939 г. Скорее всего, молодой ассириец все это время отказывался признавать предъявляемые ему нелепые обвинения. Б. Тома был приговорен к пяти годам ссылки в Северный Казахстан. Видимо, вместе с ним намеревались выслать семью, но супруга избежала этого, поскольку успела расторгнуть брак и выйти замуж за какого-то другого человека. О. Стефан не сообщает о дате этого брака, но вероятно, это произошло, когда Бела уже долгое время находился в тюрьме. В октябре 1943 г. он умер от туберкулеза легких в местах ссылки.

Младший брат Б. Тома, Авика Тома, который также жил в Муроме, в новых материалах о. Стефана, предоставленных автору, почти не упоминается, и мы будем ссылаться только на книгу 2017 г., в которой приведены, прежде всего, сведения из книги «Боль и память...». Авика родился в 1914 г., по официальным данным — в иранской Урмии. На деле же известно о его происхождении из с. Алсан в области Джилу в горах турецкого Курдистана. «Ассириец, иранко-подданный, малограмотный, ч/обуви. В Россию прибыл с родителями в 1917 г. как беженец. Проживал: г. Муром Владимирская (Горьковская) обл...»¹³. Из новых материалов следует, что, по крайней мере в 1930 г., когда арестовали и выслали из страны его отца и брата Камбара, он упомянут в составе семьи первого. Следовательно, он жил в Москве на 2-ой Брестской ул., д. 39, кв. 23. Возможно, сразу после их ссылки Авика был вынужден покинуть Москву и перебрался к брату Бела в Муром. С тем же успехом он мог какое-то время пожить в столице, где оставался его брат Яко с семьей, мог какое-то время провести с другими родственниками в ином городе. В сведениях о. Стефана 2018 г. Авика показан в следственном деле в составе семьи брата. Это говорит только о том, что в начале 1938 г. он жил в доме № 2 по Первомайской ул. и, скорее всего, еще не создал свою семью, хотя ему было около двадцати четырех лет. Авика был арестован 5 февраля 1938 г. и, также, как его брат, долгое время провел в тюрьме в ожидании приговора — тот

Ил. 2. Свадьба в Москве, в доме возле Тишинского рынка, где проживала часть столичной диаспоры аласная. Фото из частного архива, приблизительно 1950-х гг. На снимке присутствуют аласная из Москвы и других городов — соплеменники и родственники живших в Муроме, а, возможно, есть кто-то из приехавших на свадьбу и из Мурома

был вынесен тоже 11 октября 1939 г. Как и брат, он получил пять лет высылки в Северный Казахстан¹⁴. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Несоответствие указаний на места рождения фигурантов, а именно паспортные сведения с упоминанием иранской Урмии и информация о настоящих местах рождения фигурантов, объясняется тем, что у значительной части ассирийцев, происходивших в территории Турции, которые шли в Россию через Иран, на руках оказывались паспорта этой страны. Ее власти, традиционно соперничавшие с турками, претендовали на земли Курдистана, включая и ассирийские области. Мечтая в дальнейшем использовать христиан-беженцев в своих целях, персы раздавали им, зачастую не имевшим до этого в родных горах вообще никаких документов, свое гражданство. Для этого была необходима небольшая формальность — указать какое-то место рождения на иранской территории. Беженцы из Турции чаще всего называли наиболее известное им место проживания своих иранских соплеменников — город Урмия. Так последняя оказалась у ассирийцев и в иранских паспортах, и затем в советских. Работая же с локальными группами ассирийцев в России, легко определить реальную принадлежность и исходную историю той или иной ассирийской семьи. В на-

стоящее время иногда можно столкнуться с тем, что поколение внуков и правнуков ассирийских беженцев из Турции уверено в иранском происхождении деда или прадеда. Такое бывает только в случае, если семья оторвана от национальной среды и уже достаточно сильно ассимилирована. В Москве, к примеру, наоборот, поколение современной молодежи, которая так или иначе задействована в жизнь локального ассирийского сообщества, на вопрос, к каким ассирийцам они относятся, всегда четко ответят: «джильвая», «аласная», «дизная», «гьяварная» и т. п.

Село Алсан, откуда происходили осевшие в Муроме ассирийцы, до весны 1915 г. находилось в небольшой горной ассирийской области Джилю, население которой составляли представители локальной группы («миллет», что на русский язык чаще всего переводят просто термином «племя»), именованной джильвая. Последние относились к категории т. н. «независимых» или «аширетных» (ассир. — «би-ашират») ассирийских племен, сохранявших подчинение лишь собственным маликам и патриарху из рода Мар-Шимунов, являвшемуся и духовным, и светским лидером ассирийского народа. К началу XX в. в Джилю существовало два княжества-маликства, именованных по числу входивших в них селений Джи-

лу Горта (Большая Джила) и Джила Сорта (Малая Джила). С. Алсан находилось в Джила Горта, его жители являли собой локальную группу ассирийцев-джильвая, именуемую аласная. По сведениям русского вице-консула в г. Ван, В. Т. Маевского, по состоянию на 1899 год в с. Алсан было 80 «домов»¹⁵. Преемник Маевского на указанной дипломатической должности Р. Термен таковых насчитал уже 90¹⁶.

Аласная в России стали одной из многочисленных сельских ассирийских групп. К 1920-м гг. они создали две достаточно большие диаспоры, из нескольких десятков семей каждая, в Москве и Казани. Небольшие группы от одной-двух до нескольких семей каждая поселились в Твери, Туле, Орле, Серпухове, Подольске, Коломне, Рязани, Рязске, Мичуринске, Касимове, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Ярославле, Костроме, Кинешме, Коврове. До какого-то времени их семьи жили в Иванове, Владимире, Гусе-Хрустальном, Муроме и Юрьевце. Полагаем, что это не вся география их расселения и представители рассматриваемой группы жили в каких-то еще городах. Это явно больше 80 семей из упомянутых домов. Скорее всего, у Маевского и Термена представлена информация о «домах» в значении «бит», т. е. о родовых группах, семейных кланах, о родах-«отжах», которые составляли население с. Алсан. В реальности их могло быть не точно 80 или 90. Автору известны следующие отжах из рассматриваемого села, представители которых жили в городах Центральной России: Би-Шавлу, Би-Шадуси, Би-Адам, Бебешу (Би-Бешу), Би-Ишунни, Би-Джаджи. Об этих группах информация была получена от жителя г. Твери Станислава Салимовича Адамова, 1950 г. р., относящегося к группе аласная.

Выходцы из села Алсан, каковых мы увидели в Муроме, могут считаться одной из наиболее старых ассирийских групп, обосновавшихся в городах Центральной России. По сведениям того же В. Т. Маевского, ассирийцы-отходники из племен би-ашират активно посещали крупные города России, прежде всего Москву и Санкт-Петербург, уже в конце XIX в. В последних у них были своеобразные неофициальные подворья с церквями¹⁷. Какие-то семьи аласная жили в ряде крупных русских городов и перед Первой мировой войной.

Косвенным подтверждением этого может служить, к примеру, то, что один из репрессированных ассирийцев в городе Калинин (советское название Твери), Георгий Тумасов, появился в этом городе сразу после пересечения русской границы в 1915 г.¹⁸ Большая часть беженцев в это время концентрировалась в Закавказье или городах юга России, где пытались дождаться благоприятного исхода событий, а некоторые семьи целенаправленно ехали вглубь вроде бы чужой и незнакомой страны. Явно им было к кому ехать.

Неизвестно, когда первые представители семейства Тома прибыли в Муром, но в таком достаточно развитом городе они могли появляться и до 1914 г. Сюда идет железнодорожная ветка от Коврова, по которой отходники могли попадать в рассматриваемый город уже в конце XIX ст. В 1912 г. через Муром прошла ветка Люберцы-Арзамас, которая еще более упростила связь с Москвой.

Краткое пребывание Бела Тома в 1917-1918 гг. во Владимире может быть связано и с муромской ассирийской историей. То, что представители ассирийского семейства, да еще и семьи раиса большого села, уже на раннем этапе своего нахождения в России попадают в этот далекий от южных границ город, может свидетельствовать о том, что там уже жил кто-то из их родственников или односельчан. В 1994 г., во время своего первого знакомства с ассирийской диаспорой Владимира, автору довелось услышать, что раньше, годах в 1920-х, в этом городе жило достаточно много ассирийцев-джильвая, которые потом выехали.

В 1926 г., Бела Тома, четырнадцатилетним подростком, когда его отец и старший брат жили в Москве, переезжает в Муром. Явно он ехал к кому-то из родственников, кто мог дать ему приют. Эти люди также могли происходить из села Алсан и из отжах, к которому принадлежали раисы этого села. Когда они обосновались в городе, мы вряд ли узнаем, но, учитывая факт проживания аласная в 1917 г. в губернском Владимире, у них могло быть своеобразное «подворье» и в Муроме. К сожалению, такая информация не зафиксирована ни в архивах, ни в опубликованных источниках.

Не совсем понятна причина, по которой несовершеннолетний мальчик, без отца и старшего брата (его мать умерла в Екатеринодаре) уезжает на жительство в другой город. Вполне возможно,

что над семьей раиса в 1926 г. стали сгущаться тучи по причине его деятельности в среде соплеменников, которую советская власть считала неприемлемой. Поэтому ребенка надо было отправить куда-то в безопасное место. Почему же тогда в Москве оставался другой несовершеннолетний сын, Авика? Зная достаточно непростой нрав горцев-джильвая, можно предположить, что у подростка из не такой уж простой семьи, могли возникнуть проблемы в школе или еще где-то, что заставило отца срочно отправить его из Москвы.

Мы полагаем, что члены семейства Тома были не единственными ассирийцами в городе, и здесь могли проживать какие-то еще семьи аласная, а, возможно, и других групп. На последнее дает намек упомянутое выше проживание в 1929-1930 гг. в Выксе уроженца с. Зирини. Село, как и Алсан находилось в маликстве Джилу Горта, но имело куда большее значение — в нем проживали сами малики, т. е. оно было столицей Большой Джилу. Хотя в Зирини, по данным В. Маевского на 1899 г., находилось порядка 200 «домов»¹⁹, его уроженцев — зерная, — в России оказалось мало. Их редкие семьи поселились в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Мичуринске и, предположительно, в ряде других городов. Часто, например, в тех же Москве и Рязани, зерная селились

рядом с более многочисленными аласная и быстро ассимилировались ими. Беседы со старожилками этой группы, к сожалению, пока никаких сведений об их родственниках или просто односельчанах в Муроме и Выксе не дали. Еще одной группой джильвая, которая небольшим числом выходцев представлена в Москве и ряде городов, расположенных не очень уж далеко от Мурома (Рязань, Коломна, Мичуринск), являются уроженцы села Миди — медная. Они поселились среди аласная и в течение непродолжительного времени ассимилировались последними. В настоящее время память о принадлежности к этой группе сохраняется, однако и ее потомки, и аласная чаще всего считают медная одной из родовых групп (отжах), которая проживала в с. Алсан. Исключать поселение медная, пусть даже и весьма малым числом семей, в Муроме, мы также не должны.

Возможно, в Муроме, в разные периоды местной ассирийской истории были представлены и какие-то другие ассирийские локальные группы. Здесь мы что-то можем почерпнуть исключительно из полевых источников — архивный материал на эту тему вряд ли существует, да и никаких исследований на темы, которые так или иначе могли затронуть ассирийцев, не проводилось.

¹ Информация была выявлена о Стефаном во время поездки во Владимир и в работе с материалами местного ФСБ в самом начале 2018 г., еще не вошла в его книгу, и мы пока можем ссылаться на нее как на устные сведения, предоставленные автору этих строк.

² Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области. — Владимир, 2003. — Т. 2. — С. 129.

³ О. Стефан. — С. 551.

⁴ Там же. — С. 550-551.

⁵ Там же. — С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 551; информация, полученная автором в 2018 г. от о. Стефана.

⁸ Либерман М. Н. Неизжитое. — М., 1931. — С. 33-46; Скоробогатов В. Айсоры в СССР // Просвещение национальностей. — М., 1931. — № 1. — С. 69-70.

⁹ О. Стефан. — С. 498.

¹⁰ Там же. — С. 364.

¹¹ Там же. — С. 55, 99, 114, 131, 155-156, 164, 190, 221, 237, 247, 257-258, 264, 277, 287, 292, 297, 305, 325, 343-344, 364, 377, 383, 403-404, 410, 439, 450, 467, 479, 497, 498, 512, 518, 522, 536, 588, 608, 638, 639, 643, 644.

¹² Там же. — С. 551.

¹³ Там же. — С. 550.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Маевский В. Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. — Тифлис, 1904. — Приложения. — С. 80.

¹⁶ Термен Р. И. Отчет о поездке в санджак Хеккиари Ванского вилайета в 1906 году. — Тифлис, 1910. — С. 222.

¹⁷ Маевский В. Т. Указ. соч. — Приложения. — С. 85.

¹⁸ О. Стефан. — С. 554.

¹⁹ Маевский В. Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов... Приложения. — С. 80.

Н. Ю. Лебедева (Вологда)

О РОДИНЕ ДУМАЯ СВЯТО (ЗАМЕТКИ О МОЕЙ СЕМЬЕ)

Столетний юбилей Муромского историко-художественного музея — повод говорить не только о высоких и значимых результатах долгой кропотливой работы специалистов-профессионалов, посвятивших свою жизнь сохранению многовековой исторической памяти Мурома — старинного русского города на Оке, но и уникальная возможность ощутить себя частицей этого исторического и культурного городского пространства — моей малой родины. Жители Мурома всегда отличались гостеприимством и радушием, душевной щедростью и открытостью, мужественностью и отвагой, блестящей смекалкой и мудростью; слава этого города более одиннадцати веков слагалась из многих судеб его жителей — выдающихся и самых обычных, известных и малоприметных. Моя семья в круговороте городской истории Мурома — тому пример.

Несколько лет назад, благодаря проекту МИХМ, посвященному теме Великой Отечественной войны, в разделе «Персоналии» был помещен материал о моем деде — Федоре Ипполитовиче Борейко, проживавшем в Муроме с 1950 по 1976 гг., участнике гражданской войны, войн

с белофиннами и Великой Отечественной, летчике, награжденном тремя орденами Красного Знамени (одним из них — за боевой подвиг в 1929 году во время конфликта на КВЖД), орденом Ленина, двумя орденами Отечественной войны I-й степени, медалями за взятие Вены, Будапешта и многими другими наградами. Данная информация на сайте Муромского музея стала важным дополнением к статье военного исследователя, писателя Владимира Николаевича Конева, рассказывающей о летчике Ф. И. Борейко и вошедшей в книгу «Красные авиаторы в небе 1920-годов», над которой он в то время работал в соавторстве с Н. Н. Зиновьевым. Данное издание завершило трилогию о практике награждения первых красных (советских) авиаторов орденом Красного Знамени РСФСР — высшей на то время наградой за боевой подвиг.

Мои дедушка и бабушка — Федор Ипполитович и Наталья Ивановна Борейко проживали с 1950 года на улице Воровского рядом с детским парком им. Ю. А. Гагарина. Почти каждое лето мы с братом Андреем сюда приезжали, отдыхали

Ил. 1. Федор Ипполитович Борейко с внуками. 1962 г., г. Муром, ул. Воровского и ул. Куликова

Ил. 2. Наталья Ивановна Борейко. 1951 г., г. Муром

на берегу Оки, участвовали в самодеятельных концертах для населения, тесно общались с родными по линии мамы, Нины Григорьевны Борейко (до замужества Волковой), проживавшими на улице Советской в доме № 23. Семья Борейко была большой и дружной, здесь всегда царил порядок; нас, внуков, приучали к «серьезному» чтению, занятиям на музыкальных инструментах, рисованию, закаляли купанием в Оке. Бабушка была умелой гостеприимной хозяйкой, пекла печенье, которым угощала всех детей нашего двора, и мы этим очень гордились. Дед ездил на мотоцикле «Ява», несмотря на возраст, был в отличной спортивной форме, подтянут, моложав. Его жизнь оборвалась трагически: в 1976 году он на мотоцикле попал в дорожную аварию и погиб. Бабушки не стало через пять лет. Двор дома на улице Воровского всегда был и остается для нас родным; теплые воспоминания о родном Муроме мы пронесли через всю свою жизнь.

Трудно переоценить значение рукописных воспоминаний в форме дневниковых записей, которые оставила моя мама — Нина Григорьевна. Обращение к источникам личного происхождения как к способу изучения проблемы социальной истории было всегда актуально. Исследуя рукописи, письма и фотографии из архивов домашнего круга, мы имеем возможность посмотреть на судьбы людей, корнями связанных с муромской землей, не только с позиции составителей и наблюдателей родословного древа, но с позиции изучения социальной истории советского периода нашего государства в целом. Изученные материалы позволили получить достоверную информацию и помогли выявить социальный, культурный, экономический и патриотический аспекты обыденной жизни жителей Мурома в годы Великой Отечественной войны, в довоенный и послевоенный периоды. Особая ценность подобного исследования — в эмоциональной атмосфере, т. к. через изучение рукописных источников и фотографий прослеживаются отдельные личности, обладающие типичными на тот период качествами, присущими советскому человеку и все более утрачиваемыми в наше время. Способность жертвовать личным благом во имя общественного, бескорыстие, преданность высоким идеалам, терпение и трудолюбие членов этой большой семьи, как и многих других совет-

ских людей, были, особенно в послевоенный период, личностной основой грандиозных успехов нашей страны в развитии индустрии, образования, науки, культуры.

Дневниковые записи Нины Григорьевны Борейко (Волковой) проводились в период с 1992 года до 2013 года, когда Нины Григорьевны не стало. В силу специфики воспоминания имеют образный характер, что расширяет информационные возможности оценивать представленные бытовые зарисовки, проследить судьбу отдельных людей, увидеть их проблемы и способы преодоления трудностей. В процессе работы также изучено письмо Григория Васильевича Волкова (отца Нины Григорьевны, моего деда. — Н. Л.) от 24.04.1958 г. и фотографии из семейных альбомов с надписями на тыльной стороне, имеющими информативный характер.

Необходимо отметить, что данная работа создавалась как попытка фрагментарно изучить историю семьи и сформировать элементарное представление о ее социальной значимости в контексте развития общества.

Ил. 3. Григорий Васильевич Волков. 1941 г.

Особое место в воспоминаниях уделяется теме Великой Отечественной войны. «Военные сюжеты» проходят через весь дневник, и Нина Григорьевна постоянно как будто возвращается в те трагичные дни... Это естественно для человека, чье детство прошло в военные годы, и было просто невозможно оставаться равнодушным к происходящему, если отец воевал на фронте, а родные и близкие оплакивали своих сыновей и отцов у тебя на глазах... Очевидно, в силу этих обстоятельств, Нина Григорьевна и ее супруг Юрий Федорович Борейко (мой отец. — Н. Л.), военнослужащий запаса, создали в Вологде в 1985 году музей воинской славы на базе детского клуба «Алые паруса» при домоуправлении № 1 (ныне — структурное подразделение МУДО «Дворец творчества детей и молодежи»).

Нина Григорьевна пишет (орфография и стиль сохранены): «Работая над воспоминаниями о жизни своей и семьи, о родных и близких, в раздумьях между написанием этих строк в мое сознание приходят все новые и новые факты довоенного и военного времени, важного этапа в судьбе страны и людей. Я отношусь к поколению тех, кого сейчас именуют „дети войны“. Это поколение наряду со взрослыми познало все тяготы и лишения — голод, холод, нужду, утрату близких и выжило в тылу не только благодаря стараниям и заботе родных, но и благодаря заботе государства. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 4 года, Свете (сестре. — Н. Л.) — 6, Зое

(старшей из троих сестер. — Н. Л.) — 9 лет. Женщины военного времени ходили в серых платках, мужских кирзовых сапогах, ватных телогрейках и осенью, и зимой, и весной. Мама сильно болела, но продолжала ходить на работу и, как все, рыла окопы, носила тяжести, вместе с нами копала картошку осенью 1941-го. Участок для картофеля ей выделили как многодетной матери, он был далеко от дома; возвращались мы очень поздно, из еды с собой брали сырую картошку, пекли ее в золе, но ели еще не пропеченную, запивали водой из родника. Жили скудно, всегда хотелось есть. Помню, когда приходила похоронка, все родные, соседи и мы собирались у Коровушкиных (Прасковья Петровна Коровушкина — сестра Марии Петровны Волковой. — Н. Л.) и, по старинному обычаю, с причитаниями оплакивали погибших. Нельзя было без волнения и слез это слушать. Мы тогда плакали, но не совсем понимали той всеобщей беды, нависшей над нашей страной. Это был 1942 год. Уже погиб брат мамы, муж двоюродной сестры Елизаветы из деревни Тереховицы, сын бабушки Василисы; потеря близких на фронтах Великой Отечественной войны сплавивала семьи, людей разных национальностей, проживавших в Муроме, многие из которых были эвакуированы из оккупированных городов и сел СССР. Никто из них не жил на улице, не был бездомным, была одежда, работа; жители Мурома делились с ними последним куском хлеба. Когда наступало время сбора урожая, все вместе солили капусту, огурцы

в огромных деревянных бочках, сушили морковь, свеклу, и все это не только отправлялось на фронт, но и кормило городское население. В школах тоже собирали помощь фронту, вязали варежки, носки, рукавицы. Время от времени в нашем родном городе я слышала, как голос по радио вещал: „Граждане, воздушная тревога!“. Услышав это, мама собирала пожитки, нас троих, и мы спускались в бомбоубежище, которое и сейчас есть на улице Советской во дворе напротив наших окон, где было

Ил. 4. Света, Зоя и Нина Волковы. Фотография, которую пронес через войну Григорий Васильевич Волков. 1941, г. Муром

красильно-трикотажное предприятие, а под ним был подвал. Люди стояли плотно, с детьми, с вещами, вслушиваясь, когда же голос из репродуктора объявит отбой»¹.

Моя мама очень любила вспоминать о своем детстве и, несмотря на тяготы жизни и недетские эмоции, пережитые в военные годы, радостные яркие события «укоренились» в памяти на всю жизнь: «В то время мы со Светой ходили в детский сад, я как сейчас помню его: низ из кирпича, а верх деревянный, он стоял на углу Красноармейской и примыкавшей к ней Колхозной площади, которая была большим пространством для ярмарок, базаров, толкучек, где в годы войны шла бойкая торговля промтоварами: от приспособлений для чистки примусов до ковровых изделий, вещей новых и бывших в употреблении, — настоящая барахолка. Дом с детским садиком стоял на склоне начинающегося оврага, который тянулся до набережной реки Оки. При детском саде был огород, большое подсобное хозяйство, во дворе — качели, качалки, мостики, песочницы и др. Было много цветов и кустарников, в помещении всегда было чисто и уютно, была большая терраса, где мы спали летом. Директором детского сада была Антонина Павловна (фамилия в памяти не сохранилась), — высокая рыжеволосая женщина, очень добрая, приветливая и ласковая. Воспитатели учили нас как себя вести, водили на прогулки, приобщали к труду; мы поливали цветы, учили стихи, рисовали, вырезали из бумаги и клеили игрушки для елки. В садик нас водила Зоя или Саша Коровушкин (двоюродный брат, сын Пракскови Петровны. — Н. Л.); мама — реже, так как она по 15-17 часов работала в артели «Пищевик». Ходила она почти всегда в кирзовых сапогах, — и весной, и осенью, так как на площади была непролазная грязь, и мы, дети, с трудом пробирались мимо торговавших ларьков, мимо лошадей с телегами, корзин, ящиков... В детском саду сестра Света находилась до 1943 года, а я — до 1945-го. Помню, как в садике читали письма — треугольники с фронта, — воспитатели плакали, а мы были серьезными: все как будто бы понимали, о чем говорили взрослые. Я помню, как воспитатель и нянечка штопали наши чулочки и носочки, ведь пяточки были порваны, и поэтому у нянечек на отворотах халатов были воткнуты иголки с нит-

ками для шитья. Конечно, великим счастьем для нас было то, что мы находились в тылу, что война до нас так и не добралась благодаря сражениям, выигранным у фашистов нашими отцами. Правда, вражеские самолеты долетали до Муром, бомбили железную дорогу на станции Муром-1. Вставать в садик приходилось рано, идти надо было далеко, надо было успевать на завтрак. Одевались мы плохо, но тепло; мама кутала нас в старые платки, рукавицы часто терялись, руки мерзли, всегда были красными от холода. Рукавицы мама шила нам из ткани и кусочков старого меха, а вообще все на нас вязали и шили тетя Паша, мама и бабушка Василиса из деревни Тереховицы (Муромский р-н, Владимирская область. — Н. Л.)»².

В Муроме всегда почитали праздники церковного календаря, тщательно к ним готовились, и моя мама об этом написала: «Очень хорошо помню, как готовились к Пасхе: накануне Вербного воскресенья ходили за вербой за реку Оку, дома делали ремонт, оклеивали стены, мыли окна, белили печку, украшали комнату. Все было скромно, но уютно. Главным убранством были вышивки ручной работы. Вышивали взрослые и дети; худо-

Ил. 5. Нина Волкова (сидит) с одноклассницей, школа № 13, 8 класс. 1953, г. Муром

жественную вышивку и „ришелье” преподавали в школе, вышивали „гладью”, „крестом” и „стельчатый швом”. На Пасху собирались гости, родные и близкие, иногда с баяном или гармошкой, гуляли весело, задорно, плясали».

В 1951 году, когда Нине, младшей из сестер, было 14 лет, умерла ее мама Мария Петровна Волкова (Чиколодкова). Заботиться о детях стала семья Прасковьи Петровны Коровушкиной, которая жила в этом же доме, на улице Советской. Из дневника: «После смерти мамы все эти праздники померкли для нас, детей. Отец все чаще уходил, очень много работал, а мы уходили к тете Паше (она жила за стеной в одном доме с нами). Она жила тогда одна, ее сыновья учились и работали, а муж — дядя Миша работал на станции Нечаевка в пекарне. Дядя Миша был участником революционных событий в Петрограде в 1917 году, в Великую Отечественную войну его на фронт не взяли из-за ранений и оставили в тылу. Грамоты ему не хватало. Помню, когда он приезжал на побывку домой в выходные дни, просил меня заполнять разные бланки и табели по работе, говорил, мол, „пишу коряво”, но с деревянными счетами управлялся хорошо. С дядей Мишей у нас была большая дружба, особенно, когда мы, три сестры — Зоя, Света и я осиротели. Меня, как самую маленькую, он и тетя Паша жалели больше всех, и я им очень за это благодарна. У дяди Миши Коровушкина были два родных брата — Павел и Федор. Они были очень дружны, помогали друг другу, жили они в деревне Терехо-

Ил. 6. Нина Волкова — вожатая в Борисоглебском пионерском лагере. 1955 г.

вицы, где у Павла было большое крестьянское хозяйство, которое помогало выживать и всем нам».

Знакомясь с дневниковыми записями моей матери, я осознала, что в дневнике было описано то, что осталось нерассказанным при жизни. Что помешало этому? Стремительный бег времени, занятость или что-то другое... В любом случае — эти воспоминания — бесценный материал, имеющий значение не только для семьи, но и для изучения истории в целом; и вполне очевидно, что человек здесь раскрылся максимально полно (безусловно, надо отметить, что в данной статье цитируется лишь малая часть дневника, в котором описана вся ее дальнейшая судьба).

Григорий Васильевич Волков, мой дед, был мобилизован на фронт в 1939 году; после окончания военных действий с белофиннами, он, совсем недолго побывав в Муроме, снова ушел на фронт. Пройдя всю войну, будучи дважды раненым, он, как и многие защитники нашей Родины, не щадя своей жизни, с оружием в руках добывал дорогую Победу над гитлеровскими войсками. Григорий Васильевич был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу». В наградных листах электронной базы архива Министерства обороны РФ значится: «6 февраля 1945 года в бою на юго-западной окраине города Будапешта товарищ Волков первым со своим взводом заходом с фланга пошел на штурм высоты Шашхедь и, несмотря на яростное сопротивление противника, сумел со своим взводом стремительным натиском парализовать узлы сопротивления противника

в ожесточенном бою, овладел высотой с незначительными потерями, нанеся немцам потери только убитыми — 31 солдат и пленными — 41 солдатом, захватив при этом 9 ручных пулеметов и 53 винтовки. Представить к награде «Медаль „За отвагу”»; «11 февраля 1945 года в уличном бою на северо-западной окраине города Будапешта товарищ Волков, показывая пример храбрости, находясь в первых рядах взвода, повел его на штурм сильно укрепленного одного из кварталов города; благодаря его уме-

Ил. 7. Нина Волкова (Борейко) на съемках фильма «Невеста» в Муроме. 1956 г.

Ил. 8. Нина Волкова на съемках фильма «Невеста». 1956, Муром, Окский парк

лему руководству стремительным броском своего взвода он парализовал сопротивление немцев на их опорных пунктах и штурмом очистил квартал города, истребив при этом 29 немецких солдат, 2-х офицеров, и взял в плен 62 немецких солдат, задачу командования товарищ Волков выполнил, достоин Правительственной награды — ордена Красное Знамя»³.

Через всю войну Григорий Васильевич пронес в кармане гимнастерки небольшую фотографию. На ней изображены три маленькие девочки: Света, Зоя и Нина. Фотография сохранилась. Григорий Васильевич в 1961 году умер, сказала полученная во время войны контузия.

К сожалению, не сохранилась фотография еще одного из старших представителей семьи моей мамы — Николая Васильевича Чиколодкова, который являлся родным братом отца (дядей) моей бабушки Марии Петровны Чиколодковой (в замужестве — Волковой). С ним мы длительное время общались, хотя он и проживал в Москве; одной из ценных реликвий семьи являлся подписанный В. И. Лениным в 1918 году мандат на получение в г. Гомеле эшелона зерна для голодающей Москвы. Документ бережно хранится в семье его дочери — Валентины Ни-

колаевны Чиколодковой, проживающей в Москве и участвовавшей в проектировании Кремлевского дворца съездов, открывшегося в 1961 году⁴.

В 1955 году моя мама Нина Григорьевна окончила 10 классов в школе № 13, один год работала на радиозаводе, а летом — в пионерских лагерях в Борисоглебском районе Владимирской области; в 1956 году снималась в массовке в кинофильме «Невеста» по мотивам новеллы А. П. Чехова, а в октябре 1956 года вышла замуж за военнослужащего и всю себя посвятила трем детям, заботе о муже и работе по военно-патриотическому воспитанию детей и молодежи в городе Вологде, ни на минуту не забывая свой родной Муром, своих

Ил. 9. Понтонная переправа через р. Оку. 1962, г. Муром

родителей, родных и близких людей, подруг-одноклассниц и учителей. Муром — и моя малая родина, к которой я отношусь возвышенно и свято, в моем сердце всегда будут жить самые лучшие воспоминания о нем: улицы и дома, понтонный мост через Оку, изготовленный из фанеры огромный Илья Муромец в год 1100-летия Мурома,

детский парк имени Юрия Гагарина с его летней эстрадой и каменными белыми медведями, детскими игровыми площадками, где всем хватало качелей, каруселей и места в песочнице, и расставленными вдоль светлых аллей щитами с репродукциями по сюжетам русских народных сказок...

¹ Борейко Н. Г. Воспоминания. 1992-2013 // Личный архив автора.

² Там же.

³ ЦАМО. — Ф. 33. — Оп. 686196. — Ед. хр. 3520. //

[Электронный ресурс]. — Режим доступа. — <http://podvignaroda.ru/?#id=25542763&tab=navDetailDocument>.

⁴ Посохин М. В., Мндоянц А. А., Пекарева Н. А. Кремлевский дворец съездов. — М., 1974. — С. 24.

Научное издание

Уваровские чтения — XI
Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной столетнему юбилею
Муромского историко-художественного музея.
«Музей: книга отзывов»

Муром, 17-19 апреля 2019 г.

Под редакцией Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм
Обложка К. А. Ляпин

Бумага офсетная. Формат 29,7х21
Усл. печ. листов 34,5
Авт. листов 22
Тираж 55 экз.